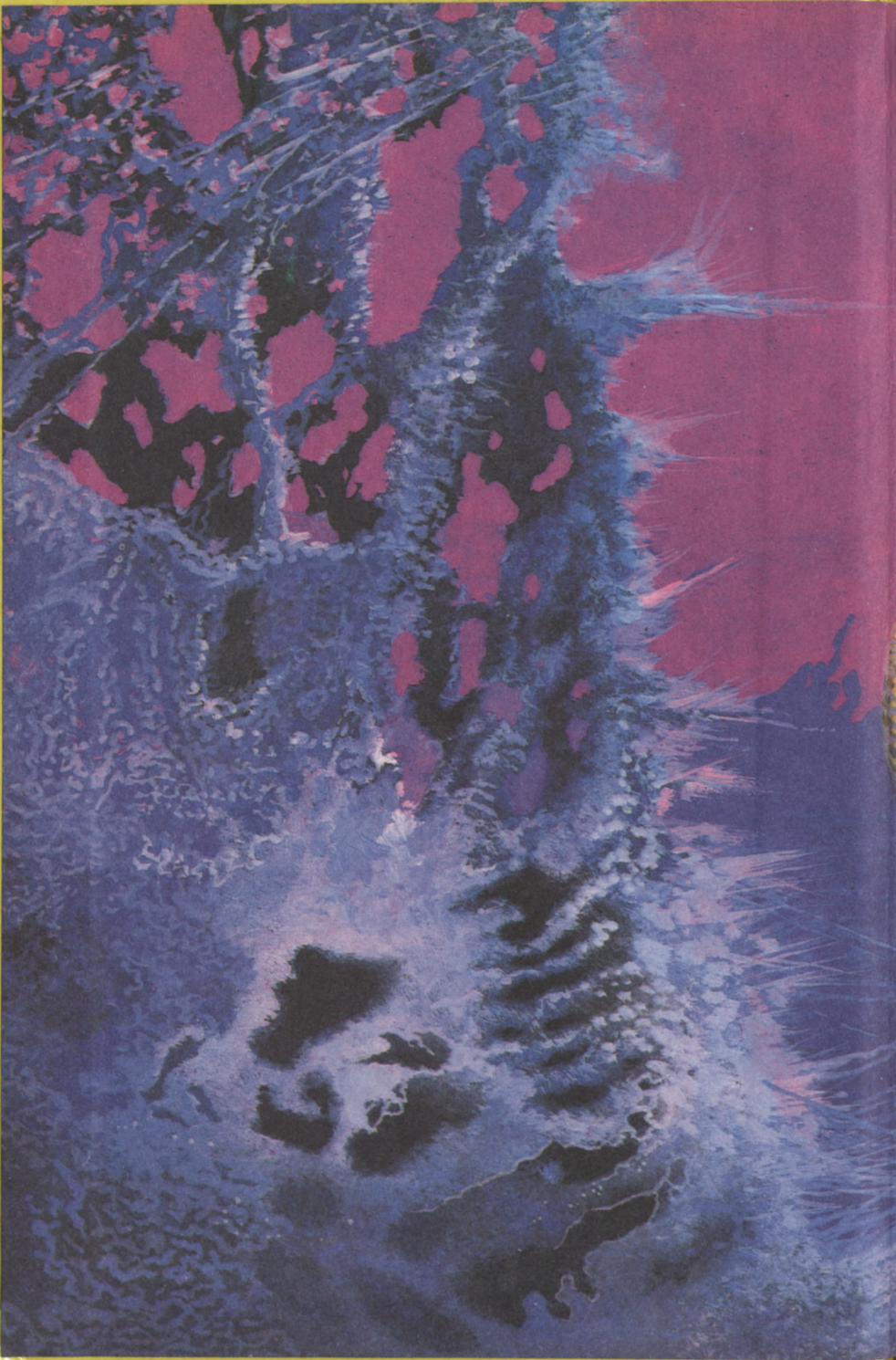

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

**WORLDS
OF CLIFFORD
D. SIMAK**

**EMPIRE
CITY**

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

ИМПЕРИЯ ГОРОД

Издательская фирма «Полярис»
1994

Empire

Copyright © 1951 by World Editions, Inc.

Copyright © 1979 by Clifford D. Simak

City

Copyright © 1952, 1980

by Clifford D. Simak

Город

© 1972 Л. Жданов, *перевод на русский язык*

© 1994 А. Кириллов, *иллюстрации*

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык, оформление, составление

© 1993 Издательская фирма «Полярис»,
название серии

Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-116-2

ИМПЕРИЯ

)

\

'

•

•

'

ПРЕДИСЛОВИЕ

К ИТАЛЬЯНСКОМУ ИЗДАНИЮ «ИМПЕРИИ» КЛИФФОРДА Д. САЙМАКА

Не будет преувеличением сказать, что «Империя» — самый забытый роман Клиффорда Саймака. Правда, в этом отчасти виноват сам автор, поскольку он категорически отказывался повторно опубликовать свою книгу. Так что перевод издательства «Персео Либри» — всего лишь второй выход в свет романа «Империя».

Но даже это издание состоялось исключительно благодаря настойчивости сотрудников «Персео Либри», приложивших немалые усилия, чтобы уговорить меня дать разрешение на публикацию. Крайне редко — и тем более приятно — приходится встретить издательскую компанию, столь глубоко убежденную в значительности какого-либо автора или его произведения.

Как я сказал уже выше, именно сам автор, Клиффорд Д. Саймак, долгое время отказывался переиздать роман. Причина его упорства кроется в необычной истории этой книги.

В основе «Империи» лежит рукопись, написанная Джоном У. Кэмпбеллом младшим, в то время подростком, а впоследствии легендарным редактором журнала «Эстаундинг» — первого журнала американской научной фантастики.

Хотя через пару лет произведения Кэмпбелла начали появляться в печати, история, написанная ранее, его не удовлетворяла, и он даже не пытался ее публиковать. Став в 1937 году редактором журнала «Эстаундинг сториз» (название вскоре изменилось на «Эстаундинг Саенс Фикшн»), Кэмпбелл бессменно занимал этот пост вплоть до своей смерти в 1971 году.

В качестве редактора журнала Кэмпбелл открыл восходящую звезду научной фантастики: человека чуть старше его самого, уроженца Среднего Запада Соединенных Штатов по имени Клиффорд Саймак. Когда в 1938 году Саймак представил в журнал рукопись своего первого романа, редактор пришел в восторг.

Роман назывался «Космические инженеры» и, по словам Кэмпбелла, был книгой, «исполненной силы и чувства». Кэмпбелл имел в виду, что в те времена в научной фантастике преобладали произведения, чаще всего сводившиеся к безыскусному приключенческому рассказу с примесью научных лекций. Авторы, увлеченные техническими чудесами, описывали все новые и все более эффективные способы, позволяющие быстро пересекать космические пространства и взрывать целые планеты.

Люди в таких рассказах, как правило, оставались безжизненными и безликими марионетками — они существовали лишь для того, чтобы позволить автору изобразить какое-то неведомое доселе чудо техники.

Кэмпбелл сразу понял, что Саймак своим произведением раздвигает рамки научной фантастики. Его герои обладали индивидуальностью, они были гораздо более живыми и человечными, нежели было принято по канонам жанра. Достоинства прозы Саймака заметил не один Кэмпбелл, но именно ему пришла в голову мысль использовать способности автора в полной мере. И не успели «Космические инженеры» выйти в свет, как редактор предложил написанную им когда-то рукопись Саймаку на переработку.

С годами истории о том, как Кэмпбелл дарил своим любимым авторам идеи будущих произведений, стали частью его легенды. Не исключено, что начало ей положило предложение, сделанное Саймаку.

Саймак, опасаясь задеть чувства своего издателя, согласился попробовать.

Роман «Космические инженеры» был напечатан с продолжением в трех номерах журнала, начиная с февраля 1939 года. К моменту выхода второго номера Саймак закончил переработку «Империи» и выслал ее Кэмпбеллу.

Для Саймака этот опыт оказался тяжким испытанием. Чрезвычайно гордый и независимый, писатель на дух не переносил собственническую манеру Кэмпбелла в отношениях с авторами. Клиффорд Саймак несколько лет проработал профессиональным газетным репортером и не желал писать свои романы по чьей-то указке.

Его никогда не привлекала идея соавторства: он хотел писать только то, что хотел он сам. Поэтому после переработки от истории Кэмпбелла не осталось практически ничего — Саймак создал совершенно новое произведение. Нельзя сказать, что он категорически отказывался вносить в него исправления, предложенные редактором, но что-то в самой манере, в которой эти предложения делались, отталкивало Саймака.

Так что, когда Кэмпбелл отверг новый вариант «Империи» и потребовал дополнительных изменений, Саймак отказался и от внесения поправок, и от самого проекта в целом и засунул рукопись в шкаф, где она пролежала более десяти лет.

В 1950 году Хорас Голд, основатель и редактор журнала «Гэлэкси Мэгэзин», в котором публиковалась львиная доля коротких рассказов Саймака, услышал эту историю из уст самого Кэмпбелла. Голд начал тогда издавать в журнальном формате серию романов под названием «Гэлэкси Саенс Фикшн Новелз» и загорелся желанием включить в нее «Империю».

Он уговорил Саймака дать согласие на публикацию. Саймак предлагал поместить на обложке также фамилию Кэмпбелла как своего соавтора, но Кэмпбелл воспротивился, заявив, что «Империя» давно уже стала произведением одного только Саймака. Роман был напечатан в 1951 году, и с тех пор Саймак ни разу не позволил его переиздать.

Клиффорд Саймак весьма неохотно согласился даже на первую публикацию. Все эти годы после написания романа он продолжал печататься в журнале у Кэмпбелла. Но неприязнь писателя к личности редактора и к его

методам не угасала, и в 1950 году Саймак принялся активно искать себе других издателей.

А кроме того, он считал, что «Империя» сильно устарева за прошедшие одиннадцать лет — ведь эти годы включали в себя вторую мировую войну, оказавшую сильное воздействие и на писателей, и на читателей.

Саймак вынес «Империи» приговор, ибо считал ее идеологический книгой. Писатель, как и многие другие фантасты, полагал, что технический прогресс сулит человечеству немыслимые блага. Но он видел также, что, если техника попадет не в те руки, она может стать источником неисчислимых бед.

В своем идеализме Саймак провозгласил, что люди жаждут свободы — даже если она требует борьбы и жертв. Он верил, что личность способна победить зло и подтолкнуть цивилизацию в верном направлении.

Саймак был привержен идее народовластия, каким бы шатким и малоэффективным оно порою ни казалось. Он отверг «эффективное» правление — в сущности, одну из форм фашизма, — предложенное его героем Спенсером Чемберсом.

Управление государством, утверждал Саймак, должно включать в себя известную долю эмоций и алогизма. Рациональное, логичное управление не годится для человечества и не может его удовлетворить — оно слишком бесчеловечно, чтобы люди могли при нем жить.

В то же время Саймак не был категорическим противником науки и разума: его Спенсер Чемберс отнюдь не законченный негодяй. Просто писатель считал, что наука должна занимать свое место в определенных сферах человеческой деятельности, таких, например, как исследование космоса, — но именно в определенных, а не во всех.

За время, прошедшее между написанием романа и его публикацией, взгляды Саймака коренным образом переменились, в основном под влиянием второй мировой войны.

Профессиональный журналист, обладавший историческим чутьем, Саймак прекрасно видел, какие события назревали в Европе в тридцатые годы. Не случайно он упоминает в романе и Гитлера, и Сталина. А краткое описание диктатуры, царящей в Центральной Европе бу-

дущего, показывает, что Саймак понимал, какого типа государство стремится создать и тот и другой лидер.

И все же, несмотря на глубокое понимание истории, несмотря на то что писатель знал (и продемонстрировал в своем романе), какой опасной силой может стать технический прогресс в руках у негодяев, вторая мировая война ошеломила Саймака. Потрясенный, он написал целый ряд рассказов, позднее объединенных в сборнике «Город», — рассказов, которые криком кричали о тех ужасах, какие техника позволяет людям сотворить с самими собой и своими ближними.

В этом смысле «Империя» предвосхитила «Город»: в романе также отвергался тоталитаризм и его влияние на общечеловеческие ценности. Но исторические события обнажили то, что Саймак считал своей неудачей: наивность романа и воспевание технических чудес. Книга была написана в оптимистическом ключе, а для Саймака после войны это стало неприемлемо.

Поэтому он невзлюбил «Империю» — и за то, что она напоминала ему о несложившихся отношениях с Кэмпбеллом, и за поверхностный оптимизм по поводу технического прогресса. И Саймак запретил переиздавать роман.

Как литературный агент Клиффорда Саймака, отвечающий за его литературную репутацию и за жизнь его книг, я долго и упорно думал, прежде чем дать согласие издательству «Персео Либри». Я с уважением отношусь к чувствам и желаниям своего друга. Но в то же время мне кажется, что теперь, когда Клиффа уже нет с нами, его «Империя» стала частью истории — и его собственной истории, и истории жанра научной фантастики, — а потому было бы несправедливо скрывать эту книгу от поклонников и исследователей творчества Саймака.

Итак — вот она, перед вами.

*Дэвид У. Уиксон
Миннеаполис, Миннесота
Август 1993*

Глава 1

Спенсер Чемберс нахмурился, взглянув на космограмму, лежавшую перед ним на столе. Джон Мур Меллори. Зачинщик массовых беспорядков на юпитерианских выборах. Смутьян, потребовавший расследования деятельности «Межпланетной энергии». Человек, обвинивший Спенсера Чемберса и «Межпланетную» в ведении экономической войны против народов Солнечной системы.

Чемберс улыбнулся. Длинными холеными пальцами пригладил серо-стальные усы.

Джон Мур Меллори прав, а потому опасен. Тюрьма — вот самое место для него, причем тюрьма за пределами Юпитерианской конфедерации. Может, упрятать его на один из тюремных кораблей, которые курсируют через всю Систему, до самой орбиты Плутона? Или лучше отправить на Меркурий?

Спенсер Чемберс откинулся на спинку стула, сложил кончики пальцев вместе, уставился на них и вновь нахмурился.

Меркурий — страшное место. Жизнь человеческая там гроша ломаного не стоит. Проработать на энергостанции под палящими лучами Солнца, когда радиация высасывает из тела всю энергию, можно полгода, от силы год — потом конец.

Чемберс покачал головой. Меркурий отпадает. В сущности, лично он ничего против Меллори не имеет. Чемберс ни разу не встречался с бунтовщиком, но в общем симпатизировал ему. Меллори сражается за принцип — точно так же, как и сам Чемберс.

Жаль, что придется упрятать смутьяна за решетку. Если бы этот упрямец прислушался к доводам разума, принял то, что ему предлагали, или просто исчез с глаз долой до окончания выборов на Юпитере... Ну, на худой конец, хоть обвинения бы свои поумерил. Но раз он уже пытается обнародовать сделанные ему предложения, называя их подкупом, пора принимать меры.

Принимать меры — это по части Людвиг Статсмена. Статсмен блестящий работник, хотя и самое подлое существо, когда-либо ходившее на двух конечностях. Человек абсолютно беспощадный и совершенно беспринципный. Но полезный человек: таких нужно держать при себе на случай грязной работы. А без нее порой не обойтись.

Чемберс взял космограмму и прочел ее еще раз. Ее прислал с Каллисто Статсмен, активно взявшийся за дело. Меньше года прошло с тех пор, как «Межпланетная» распространила свое владычество на Юпитерианскую конфедерацию, и конфедераты все еще бунтовали, недовольные тем, что вместо их свергнутого правительства им навязали чиновников из компании Чемберса. Там нужен железный кулак, и этим кулаком должен был стать Статсмен.

Так, значит, народы спутников Юпитера требуют освободить Джона Мура Меллори. «Они совсем распо-ясались», — говорилось в космограмме. Сажать Меллори в тюрьму на Каллисто было ошибкой; Статсмену следовало это предусмотреть.

Надо велеть ему, чтобы убрал Меллори с Каллисто: пусть засунет бунтовщика в тюремный корабль. И приказать капитану, чтобы обращался с узником по-человечески. Когда уляжется шумиха, поднятая конфедератами, можно будет даже выпустить Меллори. В конце концов, он никакой не преступник. Стыд и срам, что приходится держать его за решеткой, в то время как крысы-рэкетиры вроде Скорио свободно разгуливают по Нью-Йорку.

Вкрадчиво мурлыкнуло переговорное устройство. Чемберс нажал на кнопку.

— К вам доктор Крэйвен, — сказала секретарша. — Вы хотели его видеть, мистер Чемберс.

— Отлично, пусть войдет.

Чемберс еще раз нажал на кнопку, взял ручку, написал космограмму Статсмену и поставил свою подпись.

В дверях появился доктор Герберт Крэйвен. Черный костюм его был измят и испачкан, бесцветные жидкие волосы стояли торчком.

— Вы посылали за мной? — недовольно пробурчал он.

— Садитесь, доктор, — сказал Чемберс.

Крэйвен сел и воззрился на Чемберса через толстые линзы очков.

— У меня мало времени, — едко заявил он.

— Сигару? — предложил Чемберс.

— Не курю.

— Может, выпьете что-нибудь?

— Вы же знаете, что я не пью, — отрезал Крэйвен.

— Доктор, вы самый необщительный человек из всех моих знакомых. Есть что-нибудь на этом свете, что может доставить вам удовольствие?

— Работа. Мне она интересна.

— Верю. Интересна настолько, что вам даже жаль тратить время на разговоры со мной.

— Не стану отрицать. Чего вы хотите от меня на сей раз?

Чемберс наклонился и устремил на собеседника пристальный взгляд. Серые глаза финансиста глядели холодно, губы твердо сжались.

— Крэйвен, — сказал он, — я вам не доверяю. И никогда не доверял. Возможно, для вас это не новость.

— А вы никому не доверяете, — парировал Крэйвен. — Вы только и делаете, что всех подозреваете.

— Пять лет назад вы всучили мне совершенно бесполезное изобретение, — продолжал Чемберс. — Вы обвели меня вокруг пальца, но я не держу на вас зла. Больше того, я почти восхищаюсь вами. Потому-то я и заключил с вами контракт, который ни вы и ни один

крючоктвор в мире не сумеет расторгнуть: в один прекрасный день вы откроете что-нибудь стоящее, и я хочу иметь это открытие. Миллион в год — немалая плата за то, чтобы держать вас в узде, но овчинка стоит выделки. Если бы я так не считал, вы давно уже попали бы в лапы Статсмена. А Статсмен умеет обращаться с такими, как вы.

— Как я понимаю, до вас дошли слухи, будто я работаю над чем-то, а вам не докладываю?

— Вот именно.

— Я доложу, когда будет о чем. И не раньше.

— Хорошо, — сказал Чемберс, — я просто хотел предупредить.

Крэйвен медленно поднялся на ноги.

— Разговоры с вами всегда так освежающи, — заметил он.

— Значит, надо нам беседовать почаще, — ответил Чемберс.

Крэйвен вышел вон и хлопнул дверью.

Чемберс поглядел ему вслед. Подозрительный тип; самый выдающийся ученый современности, но не тот человек, на которого можно положиться.

Президент «Межпланетной энергии» встал из-за стола и подошел к окну. Внизу раскинулся грохочущий ад Нью-Йорка, величайшего города в Солнечной системе, — странного города, причудливая красота которого уживалась с приземленным прагматизмом, а фантастические супернебоскребы выполняли вполне утилитарную функцию, ибо это был город-порт множества планет.

Косые вечерние солнечные лучи мягко заискрились в стальной шевелюре президента. Плечи его загораживали почти все окно — плечи борца, причем борца в хорошей спортивной форме. Коротко подстриженные усики высокомерно топорщились над тонкогубым сжатым ртом.

Он смотрел на город, но не видел его. Перед мысленным взором президента проплывало видение мечты, уже становившейся явью. Мечты о тончайшей сети, накинутаой на планеты Солнечной системы, на их спутники, на каждую пядь земли, обживаемую человечеством: рудники Меркурия и фермы Венеры, увеселитель-

ные комплексы Марса и величественные купола городов на спутниках Юпитера и Сатурна, а также огромные ледяные лаборатории Плутона.

Энергия — вот ключ ко всему, энергия аккумуляторов, которыми владеет и сдает в аренду «Межпланетная энергия». Монополия на энергию. На Венере и Меркурии переизбыток энергии, и ее выбрасывают на рынок, предлагая всем нуждающимся планетам и спутникам. Энергия... это она движет в космосе исполинские корабли, крутит колеса промышленности, обогревает купола в холодных мирах. Без нее невозможна жизнь на враждебных планетах.

На громадных энергостанциях Меркурия и Венеры аккумуляторы заряжают, а затем развозят во все уголки Солнечной системы. Аккумуляторы отдают в аренду, но никогда не продают. А поскольку они испокон веков принадлежат «Межпланетной энергии», то компания буквально держит в своих руках судьбу каждой планеты.

Несколько мелких компаний производят аккумуляторы на продажу, но их мало, и цена у них высокая. За этим бдительно следит «Межпланетная». Если кто вздумает поднять вой по поводу монополии, «Межпланетная» тут же предъявит этих производителей как доказательство того, что никаких ограничений на торговлю не существует. Законных обвинений, таким образом, можно не опасаться, а стоимость производства аккумуляторов сама по себе служит защитой от какой-либо серьезной конкуренции.

Будет ли космическое путешествие удачным или нет — все зависит от надежности и эффективности устройств, снабжающих корабль энергией. А практически всеми этими устройствами безраздельно владеет «Межпланетная», и только она.

Так, год за годом, «Межпланетная» все туже сжимала в тисках Солнечную систему. Меркурий фактически уже принадлежал компании. Марс и Венера — не более чем марионеточные государства. А теперь и правительство Юпитерианской конфедерации попало в лапы людей, признававших своим хозяином Спенсера Чемберса. Агенты и лоббисты «Межпланетной» наводнили все земные столицы, в том числе и столицу Центральной Европейской федерации, народы которой жили при

абсолютной диктатуре. Потому что даже Центральной Европе нужны аккумуляторы.

«Экономическая диктатура, — проговорил Спенсер Чемберс. — Так назвал это Джон Мур Меллори». Что ж, почему бы и нет? Такая диктатура могла бы поставить во главе правительств лучшие деловые умы, она обеспечила бы рациональное управление Солнечной системой, избежав ошибок демократических правительств.

Демократии основаны на ложной предпосылке — на теории, что все люди способны управлять. Дураков она провозглашает мудрецами, бессильных и беспомощных — богатырями. Она наделяет одинаковыми политическими правами идиота и человека разумного, предоставляет одинаковые возможности ненормальному и трезвомыслящему гражданину, дает одинаковое право голоса слабаку и сильной личности. Эта форма правления зиждется на эмоциях, а не на разуме.

Лицо Спенсера Чемберса затвердело, от недавней мягкости не осталось и следа. Закатные солнечные блики заострили его черты, углубили впадины и складки, игрой светотени превратили в гранитную маску, венчающую массивную гранитную статую.

В динамичной, расширяющейся цивилизации нет места бредовым идеям Меллори. Убивать его нет смысла — даже бунтарь при определенных обстоятельствах может пригодиться, а настоящий хозяин ценностями не разбрасывается, — но его нужно убрать с дороги, засунуть подальше, туда, где его болливый язык не будет сбивать с толку толпу. Чертов придурок! Посмотрим, поможет ли ему этот идиотский идеализм на борту тюремного корабля!

Глава 2

Рассел Пейдж задумчиво прищурился, разглядывая свое творение — прозрачное облако, четко очерченное и видимое. Видимое, как виден кусок стекла или пузырь с водой. Вот оно, внутри аппарата — облако, которого не может быть.

— Кажется, что-то получилось, Гарри, — тихо сказал ученый.

Гарри Уилсон затянулся сигаретой, свисавшей с уголка губы, выпустил из ноздрей двойную струю дыма. Глазки его нервно забегали из стороны в сторону.

— Ага, — сказал он. — Антиэнтропия.

— Как минимум, — отозвался Рассел Пейдж. — А может, и нечто большее.

— Оно полностью прекращает энергетический обмен. Словно время остановилось и все застыло в этом поле без изменений.

— Больше того, оно консервирует не только энергию вообще, энергию целого, но и энергию составляющих частей. Облако абсолютно прозрачно, но тем не менее преломляет свет. Оно не может поглощать свет, ибо это означало бы изменение энергетического содержания. В этом поле все горячее останется горячим, а холодное никогда не нагреется.

Пейдж задумчиво провел ладонью по недельной щетине. Вытащил из кармана трубку и кожаный кисет, машинально набил трубку и раскурил ее.

Все началось с эксперимента в силовом поле 348 — с наблюдения за тем, как будет реагировать на нагревание помещенный туда проводник. Нагревать его электричеством было нельзя, поскольку ток мог возмутить поле, искривить его и превратить во что-то другое. Поэтому Пейдж использовал бунзеновскую горелку.

До сих пор, прикрыв глаза, он видел перед собой тонкую серебристую проволочку, накаляющуюся докрасна в голубом пламени горелки. Темно-красная вначале, проволока становилась все светлее и ярче, пока наконец не засияла ослепительным блеском. И непрерывное жужжание трансформатора, наращивавшего силовое поле. Жужжание трансформатора, приглушенное гудение горелки и слепящий жар раскаленной проволоки.

Что-то случилось потом... что-то непостижимое, сверхъестественное. Будто в силу вступил какой-то неведомый закон, пробудив к жизни колоссальную энергию. Ее ладони — невидимые, но ощутимые — сомкнулись вокруг проволоки и пламени. И сразу же гудение горелки изменило свой тон; из щели у основания запахло газом. Нечто перекрыло отверстие латунной трубки. Некая сила, нечто...

Пламя стало прозрачным облаком. Голубой огонь и раскаленная докрасна проволока в неуловимую долю секунды обратились в преломляющее свет, но прозрачное облако, которое висело там, внутри аппарата.

Проволока утратила красный оттенок, а пламя — голубой. Проволока сияла. Она не была серебристой, не была белой. У нее не осталось ни намека на цвет, и только слабое мерцание указывало на то, что проволока по-прежнему там. Бесцветное отражение. *А это значит — абсолютное отражение!* Самые совершенные рефлекторы отражают чуть больше 98 процентов падающего света, два же поглощенных процента окрашивают их в цвет меди, золота или хрома. Но проволока в этом силовом поле, которое мгновение назад было пламенем, отражала *весь свет*.

Пейдж обрезал проволоку ножницами, и она, ничуть не изменившись, осталась висеть в воздухе без всякой поддержки, внутри мерцания, не виданного до сих пор ни одним человеком.

— Туда невозможно внести энергию, — покусывая кончик трубки, сам себе сказал Пейдж. — И невозможно взять оттуда энергию. Проволока и сейчас такая же горячая, какой была в момент изменения. Но она не способна излучать свой жар. Она вообще не может излучать никакой энергии.

Ну да! Проволока тоже отражает весь свет, иначе она поглощала бы энергию и нарушала бы равновесие, установившееся на этом клочке пространства. Ведь здесь сохраняется не только энергия как таковая, но и каждый ее вид.

Но почему? Этот вопрос не давал Пейджу покоя. Почему? Чтобы продолжать исследования, он должен найти ответ.

Может, поменять поле на силовое поле 349? Не исключено, что секрет кроется где-то между этими двумя полями, где-то на почти несуществующей границе, что разделяет их.

Пейдж встал и вытряхнул из трубки пепел.

— Гарри, есть работенка, — сказал он.

Из ноздрей Уилсона выплыли струи дыма.

— Ага.

Пейдж еле подавил внезапное желание заорать и двинуть лаборанту в зубы. Этот вечный дым из ноздрей, эта вечная слюнявая сигарета, эти бегающие глазки и траур под ногтями действовали Пейджу на нервы.

Но Уилсон был гением механики. Несмотря на грязные ногти, руки у него были умные. Они умели настраивать микроскопические камеры и трехграммовые электроскопы или весы, способные измерить силу электронного удара. Как лаборанту ему не было равных. Если бы только он не отвечал на все вопросы своим несносным «ага»!

Пейдж остановился перед маленьким закутком, огороженным тяжелым стеклянным экраном. Там хранились ртутные выпрямители. Сине-зеленое свечение, исходившее от них, разлилось по лицу и плечам Пейджа зловещей мертвенной окраской. Стекло защищало ученого от чудовищного ультрафиолетового излучения, польхавшего над лужей мерцающего жидкого металла, от

этой безжалостной эманации, способной испепелить на человеке кожу буквально за пару секунд.

Ученый сощурился, но не отвел глаз. Зрелище завораживало Пейджа. Вот оно, воплощение энергии — невероятно интенсивный сгусток ослепительного пара, тонкая пленка сине-зеленого пламени, круговые колебания сверкающей лужи, яркие всполохи ионизации.

Энергия... дыхание современного человечества, сердцебиение прогресса.

В соседней комнате были аккумуляторы. Чтобы не арендовать их у «Межпланетной», Пейдж купил аккумуляторы у мелкого производителя, выпускавшего по десять-пятнадцать тысяч штук в год, — слишком мало, чтобы встревожить «Межпланетную».

Купить их Пейджу помог Грегори Маннинг. Благодаря Грегу многое стало возможным в этой маленькой лаборатории, спрятанной в самом сердце Сьерра-Невады, вдали от населенных пунктов.

Деду Грега, Джексону Маннингу, впервые удалось преодолеть гравитацию. Наследство, оставленное им внуку, приближалось к пяти миллиардам. Но это еще не все. От своего знаменитого предка Маннинг унаследовал острый, пронизательный ум ученого. А от деда по материнской линии, Энтони Баррета, — деловой нюх и хватку. Однако в отличие от деда Грег не ушел с головой в бизнес. Старик Баррет заправлял на Уолл-стрит в течение жизни целого поколения и стал легендой среди финансистов благодаря своему деловому чутью и поразительному умению манипулировать людьми и деньгами. Но его внук, Грегори Маннинг, приобрел мировую известность совсем в другом качестве. Ибо, унаследовав с одной стороны научные способности, а с другой — финансовые, от каких-то отдаленных и неведомых предков он получил в дар тягу к путешествиям, которая бросала его в самые укромные уголки Солнечной системы.

Именно Грегори Маннинг финансировал и возглавил спасательную экспедицию, вызволившую первых ис-

следователей из мрачной ледяной пустыни Плутона, когда их корабль потерпел крушение. А потом победил в юпитерианском дерби, пулей просвистев на своей ракете вокруг огромной планеты и установив рекорд Солнечной системы. И не кто иной, как Грегори Маннинг, нырнул в венерианские болота и живьем вытащил оттуда загадочную ящерицу, о которой ходило столько слухов. И он же доставил на Меркурий сыворотку, когда жизнь десятка тысяч людей зависела исключительно от скорости двигателей, мчавших блистающий корабль по направлению к Солнцу.

Рассел Пейдж знал его еще с колледжа. Они вместе ставили опыты в лаборатории, проводили бесконечные часы в дебатах о научных теориях. Оба любили одну и ту же девушку, оба потеряли ее, вместе скорбели об утрате... и утопили горе в трехдневной пьянке, вошедшей в историю университетского городка.

После выпуска Грегори Маннинг отправился навстречу мировой славе — исколесил все планеты, за исключением Юпитера и Сатурна, посетил каждый обитаемый спутник, взбирался на лунные кратеры, погружался в венерианские болота, пересекал марсианские пустыни, гонимый неумемной жаждой все повидать и испытать на собственном опыте. А Рассел Пейдж окунулся в безвестность и похоронил себя в научных исследованиях, шаг за шагом приближаясь к цели своих трудов — открытию нового источника энергии... дешевой энергии, способной предотвратить угрозу диктатуры «Межпланетной».

Пейдж отвернулся от закутка с выпрямителями.

— Возможно, скоро у меня будет что показать Грегу, — сказал он сам себе. — Может быть, после столько лет...

Грегори Маннинг примчался через сорок минут после звонка Пейджа в Чикаго. Ученый, поджидавший Грега на крошечной лужайке, что опоясывала дом, соединенный с лабораторией, увидел лишь мгновенный промельк самолета, который с пронзительным воем пронесся к небольшому взлетному полю и совершил идеальную посадку.

Торопясь навстречу Грегу, вылезавшему из самолета, Рассел отметил про себя, что его друг ничуть не изменился, хотя они уже год как не виделись. Что раздражало в Маннинге, так это его вечная молодость.

Грег был в бриджах, сапогах и старом твидовом пальто; вокруг шеи развевался ярко-голубой шарф. Он приветственно махнул рукой и устремился вперед по тропинке; до Расса донесся скрип гравия под его сапогами.

Лицо Грега было сурово, как обычно. Чистое, гладкое лицо, тяжелое, с непреклонным взглядом.

Его пожатие чуть не раздавило руку Расса, но тон был довольно резким:

— Ты говорил очень возбужденно, Расс.

— У меня есть на то причина. Кажется, наконец я что-то нашел.

— Атомную энергию? — спросил Маннинг. В голосе его не было ни намека на волнение, только чуть затвердели морщинки у глаз, а на щеках еле заметно обозначились желваки.

Расс помотал головой.

— Не атомную. Если это энергия, то скорее материальная — секрет энергии материи.

Они остановились перед двумя креслами на лужайке.

— Давай присядем, — предложил Расс. — Рассказать тебе об этом я могу и здесь, а покажу немного позже. Мне не часто приходится бывать на воздухе.

— Приятное местечко, — заметил Грег. — Соснами пахнет.

Лаборатория прилепилась на вершине скалы в 7000 футах над уровнем моря. Впереди скала круто обрывалась вниз, открывая вид на долину с серебрящимся в лучах полуденного солнца ручьем. Сзади по склонам карабкались сосны, вдали мерцали белоснежные шпили гор.

Расс выудил из кармана кожаного пиджака табак и трубку, щелкнул зажигалкой.

— Вот как это было, — начал он и, удобно развалившись в кресле, рассказал о первом эксперименте.

Маннинг внимательно слушал.

— А теперь самое интересное, — продолжал Расс. — У меня и до того были смутные надежды, но на верный след, пожалуй, я попал именно тогда. Я взял металличе-

ский прут — ну, знаешь, обычный присадочный прут — и ткнул им в сгустившееся силовое поле, если его можно так назвать... хотя это название ничего не отражает. Прут вошел. С трудом, правда, но вошел. И хотя поле выглядело совершенно прозрачным, прута не было видно, даже когда я просунул его так глубоко, что он уже должен был вылезти с обратной стороны. Такое впечатление, будто он даже не входил в шар. Будто я просто сложил прут, причем его плотность возрастала вместе с моими усилиями, словно я вталкивал прут внутрь его же самого. Хотя это, конечно, невозможно.

Расс умолк и пыхнул трубкой, не отрывая глаз от снежных вершин в пурпурной дали. Маннинг ждал.

— В конце концов прут вышел наружу, — снова заговорил Расс. — Заметь: вышел, хотя, если верить своим глазам, я мог бы поклясться, что он не входил в сферу. *Но вышел он под прямым углом по отношению к тому месту, куда я его совал!*

— Погоди секундочку! — сказал Маннинг. — Тут что-то не так. Ты повторял опыт?

— Я повторял его раз десять, и результат все время был один и тот же. Но слушай дальше. Когда я вытащил прут из шара — это было несложно, — он стал на пару дюймов короче. Я сам себе не поверил. Поверить в это было еще труднее, чем в то, что прут отклонился на девяносто градусов. Я замерил все пруты, убедился, что ошибка исключена, и тщательно записал данные. Каждый прут укорачивался примерно на два дюйма после того, как вылезал из шара. И все они меняли внутри сферы направление и выходили совсем не там, где должны были.

— У тебя есть какое-нибудь объяснение? — холодный голос Маннинга зазвенел от волнения.

— Скорее теории, чем объяснения. Видишь ли, прут, засунутый в шар, становится невидим, будто его там и нет. А может, его там и вправду нет. Сферу невозможно ничем потревожить, иначе в ней изменилось бы соотношение потенциальной и кинетической энергии. Похоже, это основное предназначение сферы — оставаться неизменной. Если бы прут коснулся проволоки внутри поля, он бы на нее надавил, прогнул, то есть

воздействовал бы на нее силой и уменьшил бы величину потенциальной энергии. Поэтому прут должен был как-то пройти, не задевая проволоки. Мне кажется, *он вошел в какую-то высшую плоскость существования и обогнул проводник*. При этом прут вынужден был сделать столько поворотов — четырехмерных поворотов, — что утратил часть своей длины. А может, у него просто увеличилась плотность, я не знаю. Возможно, этого никто никогда не узнает.

— Почему ты не рассказал мне раньше? — требовательно спросил Маннинг. — Я прилетел бы и помог. Помощник из меня не ахти какой, но все же я мог бы пригодиться.

— У тебя все еще впереди. Мы только начинаем. Я хотел убедиться, что нашел нечто стоящее, прежде чем дергать тебя. Я проводил с той первой сферой и другие опыты. Например, выяснил, что металл, всунутый в сферу, проводит электрический ток: это доказывает, что металл вовсе не находится внутри сферы. Через нее можно пропихнуть стекло целым и невредимым. Не гибкое стекло, а обычные хрупкие стеклянные палочки. Они не ломаются, но тоже укорачиваются. Можно затолкать в поле и трубку с водой, правда, с большими усилиями. Что все это значит — ума не приложу.

— Ты сказал, что проводил опыты с первой сферой. У тебя есть и другие?

Расс встал.

— Пошли, Грег, — сказал он и ухмыльнулся. — Чтобы это оценить, надо увидеть своими глазами.

Аппарат выглядел более громоздким и тяжелым, чем тот, в котором Расс получил первую сферу энергии. Пять энергоизлучателей, подключенные к аккумуляторной батарее, были нацелены в пространство между четырьмя большими медными блоками.

Расс включил рубильник, и вспыхнули лучи энергии. Вначале довольно тусклые, они становились все более интенсивными, почти слепящими. Глухое ворчание энергоустановки сменилось непрерывным воем.

Лучи изменили окраску — сделались голубоватыми, приобретя типичный цвет ионизированного воздуха. Это были просто лучи энергии, сходящиеся в общем центре,

но вели они себя как-то странно: вместо того чтобы идти дальше в пространство, они обрывались в точке пересечения. Доходили до центра и останавливались. Над ними поднималось ослепительное сияние, которое стало медленно вращаться, когда где-то тихонько зажужжал мотор, еле слышный сквозь бешеный рев, заполнивший лабораторию.

Свет стал вращаться быстрее — и образовал силовую сферу. Лучи опали вниз и заметно померкли. Сфера росла, заполняя пространство между медными блоками. Коснулась одного из них и легонько скрикошетила к другому. Еще немного разбухла — и вдруг, заглушив весь прежний шум, по ушам полоснул пронзительный жуткий визг: таким чудовищным было трение между силовым полем и металлом при соприкосновении сферы с медным блоком.

Казалось, содрогнулась вся лаборатория; лучи дернулись и погасли, визг прекратился, рев умолк. Автоматически сработало реле, и над комнатой нависла тяжелая тишина.

Сфера исчезла! Только слабая рефракция осталась на ее месте. И тонкая полоска меди, отражающая абсолютно весь свет... бесцветная полоска, но Маннинг знал, что это медь, потому что она была продолжением больших медных блоков.

Мысли его смешались, сумбурно замесались по кругу. Внутри этой сферы находилась вся энергия, которую почти целую минуту испускали пять гигантских излучателей, включенных на полную мощность. *Сжатая энергия!* Энергия, способная взорвать эти горы до основания, если выпустить ее всю разом. Энергия, пойманная в ловушку и удерживаемая каким-то особым свойством пограничного состояния между силовыми полями 348 и 349.

Расс прошел через комнату к маленькому вездеходу на резиновых гусеницах, который передвигался с помощью автономных аккумуляторных батарей. Ученый ловко отманеврировал вездеходик к противоположной стене, выбрал металлический стержень диаметром четыре дюйма и длиной пять футов и, удерживая его магнитным подъемником, закрепил в захватах рукопо-

добного манипулятора в передней части машины. А затем развернул вездеход к силовому полю.

Железная рука с размахом опустилась вниз, втыкая в сферу стальной стержень. Восемь дюймов его пропали в силовом поле, и тут манипулятор задрожал, издал громкий треск и остановился. Комната наполнилась вонью от сгоревшей изоляции, электромотор тархтел, резиновые гусеницы верещали, машина стонала от перенапряжения, но стержень не продвинулся больше ни на дюйм.

Расс выключил машину и отступил назад.

— Теперь ты имеешь представление, — торжественно проговорил он.

— Фокус в том, — отозвался Грег, — как это поле ликвидировать.

Расс молча включил рубильник. С внезапным яростным воем лучи накнулись на сферу... но на сей раз она не материализовалась. И вновь лаборатория содрогнулась, будто через нее прошла волна, искривляющая пространство и время.

Так же неожиданно, как появилась, волна исчезла. Но вслед за ней бесшумно пронеслось нечто гигантское, невообразимо мощное... и явственно осязаемое. Как будто беззвучный безвоздушный порыв ветра промчался в ночной тиши мимо них и сквозь них, сквозь всю лабораторию и замер вдали. Но когда исчезла сфера и унесся прочь порыв энергии, пропавшая часть стального стержня так и не появилась. Манипулятор застыл в гротескной позе над пустым пространством, сжимая в тисках стержень, восемь дюймов которого, вошедшие в сферу, пропали без следа. Срез был таким ровным, что конец стержня превратился в идеальное вогнутое зеркало.

— Где он? — спросил Маннинг. — В этом высшем измерении?

Расс покачал головой.

— Ты почувствовал ощущение порыва? Не исключено, что это энергия материи унеслась в какое-то другое пространство. Возможно, мы нашли ключ к энергии материи!

Грегори Маннинг уставился на стержень.

— Я остаюсь с тобой, Расс. Хочу разобраться, что к чему.

— Я в этом не сомневался, — сказал Расс.

В глазах у Маннинга вспыхнули победные искры.

— А когда мы закончим, мы сокрушим «Межпланетную». Освободим от ее мертвой хватки Солнечную систему. — Он умолк, взглянул на Пейджа и прошептал: — Господи, Расс, ты понимаешь, что у нас в руках?

— Думаю, да, Грег, — серьезно сказал ученый. — Генераторы энергии материи. Энергии настолько дешевой, что ее хоть даром раздавай — на всех хватит и перехватит!

Глава 3

Расс склонился над клавиатурой в рулевой рубке «Кометы» и уставился на клавиши. Формула введена. Осталось лишь нажать на кнопку — и станет ясно, причем ясно безоговорочно, удалось ли им проникнуть в самое сердце энергии материи и действительно ли у них в руках ключ к энергии, способной насытить всю Солнечную систему.

Ученый оторвал взгляд от клавиатуры и посмотрел в иллюминатор. В чернильной тьме космоса слабо светилась голубоватая нить — тоненькая линия, отходившая от корабля и пропадавшая во мраке.

За сто тысяч миль отсюда второй конец нити соприкасается с поверхностью стального шара... крошечной капли в необозримом океане пространства.

Расс задумчиво глядел на тонкий голубой луч. Немало энергии ушло на то, чтобы создать его, чтобы сохранить его прямым, тугим и ровным на протяжении всех ста тысяч миль. Но такая дистанция была необходима, а энергии у них хватало. Ее утробное урчание, исходившее из недр корабля, почти заглушало визгливое пение двигателей.

Ученый слышал, как нетерпеливо переминается с ноги на ногу у него за спиной Гарри Уилсон, чувствовал едкий запах его сигареты.

— Не тяни, Расс, жми на кнопку, — холодно проговорил Маннинг. — Рано или поздно мы должны это узнать.

Палец Расса замер над кнопкой. Если все сработает, как задумано, сейчас он в одно мгновение освободит энергию, заключенную в шаре — маленьком стальном шарике весом не больше унции. По тутому голубому лучу скользнет разрушительный импульс...

Палец надавил на кнопку.

Космос перед ними полыхнул огнем. На мгновение все пространство объела свирепая вспышка пламени, жадно лизнувшего холодными синими языками отдаленные планеты. Вспышка такая яркая, что ее увидят даже на спутниках Юпитера, за триста миллионов миль отсюда. Эта вспышка, озарившая ночную сторону земного шара, заставит астрономов броситься к телескопам, а метранпажей ночных газет — к кассам со шрифтами, чтобы набрать заголовки величиной во всю полосу.

Расс медленно повернулся к другу.

— Она у нас в руках, Грег. Никаких сомнений! Мы проверили формулы на практике и теперь знаем, на что она способна.

— Не совсем, — возразил Грег. — Мы знаем, что можем заставить ее работать, но у меня такое чувство, будто мы только начинаем постигать возможности этой энергии.

Расс, утонув в кресле, скользнул невидящим взглядом по рубке. Используя специальные токоприемники, можно генерировать переменный ток какой угодно частоты. И энергию материи они смогут высвобождать в любых количествах и на любой длине волны, в диапазоне от самых длинных радиоволн до самых жестких космических излучений. Для измерения количества электроэнергии сгодятся обычные вольтметры и амперметры. Но энергия материи — дело другое. Проникнув в глубь вещества, она просто расплавит любой прибор, которым ее попытаются измерить.

Зато теперь стало ясно, какую силу им удалось выпустить на волю. Разорвав за долю секунды энерги-

тические связи в крохотном кусочке стали, они освободили энергию, вспыхнувшую на миг ярче самого Солнца.

— Слушай, Грег, — сказал Расс, — а ведь не часто можно назвать какое-то событие началом новой эры. Но сейчас мы действительно стоим на пороге новой эры — эры неограниченной энергии. Меня это даже пугает.

Вплоть до последнего столетия основными источниками энергии для человечества служили уголь, нефть и кислород, но, поскольку запасы ископаемых истощались, людям пришлось искать другие ресурсы. И они вспомнили о своей давней мечте получать энергию непосредственно от Солнца. В 2048 году Паттерсон усовершенствовал фотоэлементы. А затем аккумуляторы Александерсона сделали возможной передачу жизнотворной энергии в самые отдаленные уголки Системы. И тогда на Марсе, Венере и даже на Земле, хотя и в меньшей степени, выросли как грибы огромные энергостанции, а «Межпланетная» под мудрым руководством Спенсера Чемберса захватила контроль над рынком.

Использование фотоэлементов и аккумуляторов подстегнуло развитие межпланетной торговли и колонизацию планет. Раньше, когда люди еще не умели аккумулировать солнечную энергию, космические корабли летали на ракетном топливе и колониям, не имевшим доступных источников энергии, приходилось вести жестокую борьбу за выживание.

Во внешних мирах было достаточно и угля, и нефти, недоставало лишь последнего компонента — кислорода. Уголь на Марсе, например, приходилось сжигать под искусственным давлением, как в допотопных карбюраторах. Процесс, прямо скажем, малоэффективный: угля сжигают тонны, а энергии — кот наплакал.

И даже фотоэлементы, когда их пытались заряжать на дальних планетах, не давали желаемого результата: расстояние от Солнца до Земли оказалось предельным для эффективности солнечной энергии.

Расс запустил руку в карман потрепанного кожаного пиджака, выудил трубку с кисетом и задумчиво набил табак.

— Три месяца, — сказал он. — Три месяца дьявольски напряженной работы.

— Ага, — вздохнул Уилсон. — Потрудились будь здоров.

Лицо у Гарри было изможденным, глаза покраснели от усталости. Он выпустил дым из ноздрей и спросил:

— Как насчет небольших каникул на Земле?

— Можешь отдохнуть, если хочешь, — улыбнулся

Расс. — Но мы с Греггом будем продолжать.

— Да, нельзя терять ни минуты, — подтвердил Маннинг. — Если Спенсер Чемберс пронюхает о нашем открытии, он ни перед чем не остановится, лишь бы нам помешать.

Уилсон выплюнул сигарету.

— Почему бы вам не запатентовать открытие? Патент — надежная защита.

Расс грустно усмехнулся.

— Бесполезно, — сказал Грег. — Чемберс собьет нас с ног за милю до финишной ленточки. С таким же успехом можно отдать открытие прямо ему в руки.

— Вы, ребята, можете вкальвать до потери пульса, — заявил Уилсон, — а я беру отпуск. Три месяца болтаться в космосе — это слишком долго.

— Мне так не показалось, — холодно отрезал Грег.

Да, подумал Расс, три месяца промчались как одно мгновение. Работали они как проклятые, спали и ели урывками, но Расс этого не замечал. А трудиться в космосе пришлось потому, что они не решились провести испытание на Земле, откровенно напуганные мощью вызванной к жизни энергии.

Расс взглянул на Маннинга.

Три прошедших месяца не оставили на нем никакого отпечатка, ни намека на усталость или перенапряжение. Теперь Расс понимал, как его другу удалось совершить свои знаменитые подвиги. Это ж стальной человек, для него не существует преград!

— Дел у нас неувпроворот, — сказал Маннинг.

Расс откинулся в кресле, пыхнул трубкой.

Да, сделать предстояло немало. Например, решить проблему передачи энергии. Чтобы передать на расстояние энергию такой мощи, какую они способны произвести, потребуются медные или серебряные стержни толщиной с человеческую ляжку, и даже в этом случае напряжение будет настолько сильным, что сможет пробить двухфутовый воздушный зазор.

Ясно, что их нынешний маломощный аппарат не годится. Сколько изоляции ни наматывай, при таком количестве энергии сама атмосфера станет проводником. А если попытаться передать энергию просто механическим вращением оси, то какая же потребуется ось, чтобы сделать процесс безопасным и управляемым?

— Ох, черт, — сказал вдруг Расс. — Пора возвращаться на Землю.

Гарри Уилсон наблюдал за парочкой, которая вылезла из аэротакси, поднялась по широким ступеням и скрылась за волшебным порталом Марсианского клуба. Гарри представил себе клубную обстановку, предупредительную службу, экзотическую атмосферу ресторана, превосходные прохладительные напитки в баре — изумительные коктейли, смешанные из сока плодов, собранных в джунглях Венеры и искусственно орошаемых садах Марса.

Уилсон втянул в себя сигаретный дым и побрел по воздушной магистрали. Вверх, вниз и по сторонам расплескался во всем своем гордом великолепии блистательный Нью-Йорк. В ушах не смолкала песнь городского прибоа.

Над головой на две тысячи футов к небу вздымались остроконечные стальные шпили, сияющие в лучах полуденного солнца, — архитектура, отмеченная печатью чужих миров.

Уилсон обернулся и вновь поглядел на Марсианский клуб. Нужно иметь тугой кошелек, чтобы войти в эту дверь, посмаковать коктейли, скользящие вдоль стойки бара, поглазеть на картинки на полу, послушать игру оркестра.

Гарри постоял, собираясь с мыслями, потом выплюнул сигарету, развернулся и решительно зашагал к автоматическому лифту.

Спустившись на третий уровень, он зашел в ресторан «Мехо», уселся за столик и заказал роботу-официанту обед, нажав на клавиши меню, отделанные слоновой костью.

Он лениво жевал, яростно втягивал в себя дым и думал. Взглянул на часы — уже почти два. Подошел к

кассе, сунул в щель металлический чек; касса, щелкнув, выдала ему взамен пропускной жетон на выход.

— Благодарю вас, приходите еще, — пропел робот-кассир.

— Не за что, — буркнул Уилсон.

Выйдя из ресторана, он живо устремился вперед и, прошагав десять кварталов, подошел к зданию, объединявшему под одной крышей четыре квадратных корпуса. Над массивными воротами в бериллиевую сталь была вмонтирована карта Солнечной системы, своего рода космические часы, которые показывали движение планет по орбитам вокруг Солнца. Карту венчала блестящая золотая надпись: «Межпланетная компания».

Именно отсюда Спенсер Чемберс управлял своей энергетической империей.

Уилсон вошел в здание.

Глава 4

Наконец новый аппарат был готов. Массивные стальные блоки, соединенные решетчатыми балками, загроздили почти всю лабораторию. Этой конструкции предстояло выдержать невообразимо мощный напор неизвестных доселе космических сил.

Рассел Пейдж, осторожно нажимая на клавиши, ввел в контрольное устройство уравнения. Потом, задумчиво посасывая трубку, принялся их проверять и перепроверять.

Гарри Уилсон, прищутив глазки, наблюдал за ним.

— И чего теперь будет? — спросил он.

— Поживем — увидим, — ответил Расс. — Мы представляем себе, что должно произойти, мы надеемся, что это произойдет, но полной уверенности у нас нет. Мы работаем в совершенно новых условиях.

Грегори Маннинг, глядя на исполинский аппарат из-за заваленного бумагами стола, тихо проговорил:

— Эта штука просто обязана стать космическим двигателем. У нее есть все данные для перемещения объектов в космосе. Неограниченная энергия при минимуме затрат топлива. Мгновенная эффективность. Абсолютная независимость от внешних условий, так как она создает свою собственную среду. — Он покачал головой. — Разгадка где-то совсем близко. Я нутром чувую, что мы вот-вот к ней подберемся.

Расс подошел к столу, порывшись в бумагах, выбрал несколько листочков и потряс ими в воздухе.

— Я думал, что нашел ответ, — сказал он. — Но, видно, где-то ошибся. Не включил в уравнения какой-то фактор.

— Придется тебе еще попотеть над ними, — заметил Грег.

— Но ведь все дело в силе отталкивания, — удрученно произнес Расс. — А ее у нас, видит Бог, хватает.

— Ее даже слишком много, — сказал Уилсон, выпустив очередную струйку дыма.

— Не слишком, — поправил его Грег. — Просто она неуправляема. Ты, Уилсон, чересчур спешишь с выводами.

— Но расчеты показывают, что процесс не должен быть прогрессирующим, — сказал Расс. — Если верить уравнениям, то сила отталкивания, то есть антигравитация, должна расти в течение часа, пока не вытолкнет корабль за пределы Солнечной системы. Со сверхсветовой скоростью — мы даже не знаем, во сколько раз быстрее скорости света.

— Забудь об этом, — посоветовал Грег. — На практике все равно ничего не получится. Сила отталкивания будет расти в геометрической прогрессии — у тебя же там квадратичный ряд с одной константой. Для космического полета это не годится. Представь, что будет твориться на борту: ты стартуешь с дикой перегрузкой и только начинаешь приходить в себя, как получаешь еще один толчок, который размажет тебя по стенке. Кораблю такого не выдержать, я уже не говорю о людях.

— Может, теперь выйдет? — с надеждой проговорил Маннинг.

— Не исключено, — откликнулся Расс. — Во всяком случае мы попробуем. Формула 578.

— Фокус должен получиться, — сказал Грег. — Это же новый подход к проблеме гравитации! Формула позволяет сместить гравитационные линии, искривить их, направить в другую сторону. А стоит только изменить направление гравитации — и в нашем распоряжении окажется превосходный космический двигатель. Не хуже антигравитационного. Даже лучше, поскольку он гораздо легче и точнее поддается управлению.

Расс положил на стол стопку исписанных листов, раскурил трубку и подошел к аппарату.

— С Богом! — сказал он и протянул руку к рычагу управления. Генератор энергии материи, встроенный в аппарат, с ревом ожил и послал мощный заряд в массивные провода. Грянул гром, лаборатория вздрогнула от удара.

Уилсон, пристально наблюдавший за аппаратом, сдавленно вскрикнул. Перед глазами все поплыло, закружилось вихрем. Стены, казалось, вот-вот рухнут на голову. Все предметы, в том числе и аппарат, исказились до неузнаваемости. За пультом управления сидел жутко перекоренный Расс, а посреди этого бедлама двигалась и жестикулировала карикатура на человека — странная, вывихнутая фигура Маннинга.

Уилсон попытался перебороть головокружение. Сделал шаг вперед — но пол вздыбился ему навстречу, ударил по ступне и сбил с ног. Сигарета вывалилась изо рта, покатилась по полу.

Расс что-то кричал, но слов было не разобрать. Звуки долетали искаженными: то слишком громкие, заглушающие рев аппарата, а то вдруг еле слышные. Смысла Уилсон не уловил.

А в ушах непрерывно звучал какой-то странный, ни на что не похожий свист, будто откуда-то издалека — тоненький, пронзительный, душераздирающий.

Преодолевая подступившую тошноту, Уилсон на карачках дополз до двери, распахнул ее и вывалился из лаборатории. Неверными шагами пересек лужайку и, задыхаясь, вцепился в столбик солнечных часов.

Потом оглянулся, посмотрел на здание — и обомлел. Деревья, окружавшие дом, наклонились к нему, словно согнутые шквальным порывом ветра. Каждая ветка, каждый трепещущий листочек изо всех сил тянулись к зданию — *но никакого ветра не было!*

И тут Уилсон заметил еще одну деталь. С какой бы стороны от дома ни росли деревья, все они клонились к лаборатории... к этой грохочущей, ревущей, стенающей машине.

А в лаборатории пустая склянка вдруг свалилась со стола и разлетелась на мелкие кусочки, серебристым звоном разбитого стекла протестуя против жуткого рева энергии, сотрясавшего стены.

Маннинг, с трудом удерживаясь на ногах, подошел к Рассу. Расс прокричал ему в самое ухо:

— Управляемая гравитация! Концентрация гравитационных линий!

Бумаги соскользнули со стола, затряслись на полу в безумной пляске. Жидкости в колбах, утратив покой, поползли вверх по стеклянным стенкам. Кресло, взбрыкнув, накренилось и как бешеное помчалось к двери.

Расс выключил аппарат. Рев тут же прекратился. Жидкости вернулись в нормальное состояние, кресло шлепнулось на бок, бумаги с тихим шелестом приземлились на пол.

Двое друзей переглянулись. Расс утер рукавом рубашки капельки пота со лба, хотел затынуться — но трубка давно потухла.

— Грег, у нас есть кое-что получше, чем антигравитация! — ликующе воскликнул он. — Можешь назвать это *позитивной* гравитацией, если угодно... и, главное, управляемой! Твой дед свел гравитацию к нулю. Мы его переплюнули.

— Ты создал центр притяжения. — Грег указал на аппарат. — А дальше что?

— Но это не просто центр притяжения, тут замешано четвертое измерение. Мы получили нечто вроде четырехмерной линзы, в фокусе которой сконцентрированы гравитационные линии. Из центра, находящегося в четвертом измерении, гравитация равномерно высвобождается в трехмерное пространство, — но это мыотрегулируем. Наши антиэнтропийные зеркала заставят ее действовать в нужном направлении.

Грег задумался.

— Движением корабля можно будет управлять с помощью системы линз, — наконец проговорил он. — Но самое главное — это поле концентрирует все силы тяготения, которые существуют в природе, а они существуют везде. Весь космос пронизан гравитационными линиями. И мы сможем направить их, куда захотим. Ведь в реальной жизни нас притягивает к себе какое-то определенное тело — источник гравитации, а не ее центр.

Расс кивнул:

— Получается, что можно создать поле непосредственно перед кораблем. Корабль будет постоянно притя-

гиваться к нему, а центр гравитации — перемещаться вперед. И чем больше будет напряжение, тем сильнее проявится тенденция к разрушению поля, а массивный корабль, да еще летящий с ускорением, будет стремиться расширить это поле, увеличить его. Но мы сможем удерживать его в заданных пределах: энергии у нас предостаточно... нам ее вовек не истратить. В общем, энергией мы корабль обеспечим, но не в этом суть. Главное, что небесное тело, обладающее притяжением, будет подтягивать к себе корабль, словно за веревочку.

— Этот принцип сработает и за пределами Солнечной системы, — сказал Грег. — Он сработает где угодно и одинаково успешно, ведь космос весь наполнен гравитационным напряжением. Движущей силой для корабля может стать любое космическое тело, удаленное от него на множество световых лет. — В глазах у Грега вспыхнули диковатые искорки. — Расс, мы наконец заставим работать на себя космические поля!

Он подошел к креслу, поставил его на ноги и уселся.

— Как только изучим механизм управления концентрацией гравитации, сразу приступим к сооружению корабля. Расс, мы построим самый большой, самый быстроходный и самый мощный корабль во всей Солнечной системе!

— Черт! — пробормотал Расс. — Опять эта дрянь открутилась. — Он бросил свирепый взгляд на нахальную гайку. — Придется приладить сюда пружинящую шайбу.

Уилсон шагнул к пульту управления. Со своего места над аппаратом Расс протестующе махнул рукой.

— Не трудись выключать поле, — сказал он. — Я и так справлюсь.

Уилсон скривился:

— Этот зуб меня доконает.

— Не проходит? — посочувствовал Расс.

— Всю ночь глаз не смыкал.

— Смотай-ка ты во Фриско и выдерни его. Не хватает только, чтобы ты сейчас слег.

— Ага, — сказал Уилсон. — Наверное, я так и сделаю. Работы у нас еще выше крыши.

Расс, проворно орудуя гаечным ключом, открутил гайку, надел пружинящую шайбу и затянул гайку потуже. Ключ заклинило.

Сжав в зубах мундштук трубки, Расс беззвучно выругался и яростно рванул к себе ключ. Тот выскользнул из рук, на мгновение завис на гайке и полетел в самую сердцевину нового силового поля.

Расс с замирающим сердцем уставился вниз. Сквозь сумбур в голове молнией мелькнула мысль: а ведь об этом поле они не знают практически ничего. Знают только, что любая материя, попадая в него, внезапно приобретает ускорение в том измерении, которое принято называть временем и нормальная константа длительности которого снижается там до нуля.

Когда этот ключ попадет в поле, он просто перестанет существовать! Но может произойти и что-нибудь еще, что-то совсем непредвиденное.

Ключ падал с высоты всего нескольких футов, но секунды для Расса, замороженного зрелищем, растянулись до бесконечности. Он увидел, как ключ пробил туманное мерцание, окаймлявшее поле, как он медленно поплыл дальше, словно увязнув в густом сиропе.

И вдруг туманное мерцание взорвалось ослепительной вспышкой! Расс нагнул голову, заслоняя глаза от невыносимого сияния. Громовой раскат эхом отдался... скорее в космическом пространстве, чем в воздухе... и поле вместе с ключом исчезло!

Прошла секунда, еще одна, а затем вновь послышался удар — тяжелый металлический стук. Но на сей раз не космический, а вполне обыкновенный, будто кто-то этажом выше уронил на пол инструмент.

Расс повернул голову и столкнулся взглядом с Уилсоном. Челюсть у лаборанта отвисла, на губе тлела прилипшая сигарета.

— Грег! — крикнул Расс, разорвав тишину, нависшую над лабораторией.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел Маннинг. В руках у него был блокнот с вычислениями и карандаш.

— В чем дело?

— Мы должны найти мой гаечный ключ!

— Твой ключ? — озадаченно переспросил Грег. — Ты что, не можешь взять другой?

— Я уронил его в поле, и теперь он во временном измерении равен нулю. Стал «моментальным ключом».

— Не вижу в этом ничего особенного, — невозмутимо промолвил Грег.

— Ну и зря, — возразил Расс. — Видишь ли, поле исчезло. Возможно, ключ оказался для него слишком массивным. А когда поле свернулось, ключ приобрел новые временные координаты. Я его слышал. Мы должны найти его!

Они все втроем поднялись по лестнице в комнату, откуда Рассу послышался стук. На полу ничего не было. Они обшарили все уголки, все остальные помещения. Ключ как в воду канул.

Через час Грег спустился в лабораторию и приволок оттуда переносной флюороскоп.

— Может, с этой штуковиной фокус получится, — устало пробормотал он.

И фокус получился. Они обнаружили ключ в *пространстве между стенами!*

Расс уставился на тень на пластинке флюороскопа. Это, без сомнения, была тень ключа.

— Четвертое измерение, — сказал Расс. — Он переместился во времени.

На щеках у Грега затвердели желваки, глаза возбужденно горели, но лицо его по-прежнему напоминало застывшую маску, почти устрашающую своим спокойствием, закаленную несметным числом испытанных прежде опасностей.

— Во времени и пространстве, — поправил он.

— Если бы мы умели управлять этим перемещением! — воскликнул Расс.

— Не волнуйся. Мы сумеем. И это станет величайшим открытием века.

Уилсон облизнул губы и вытащил из кармана сигарету.

— Если вы не против, — сказал он, — я все-таки смогаюсь сегодня вечером во Фриско. Мочи нет терпеть, как ноет зуб.

— Конечно, зачем мучиться-то, — рассеянно согласился Расс, мысли которого были заняты исключительно гаечным ключом.

— Могу я взять ваш самолет? — спросил Уилсон.

— Разумеется, — ответил Расс.

Они вернулись в лабораторию, заново создали поле, бросили туда несколько шарикоподшипников, и те незамедлительно исчезли. Их тут же нашли с помощью флюороскопа — в стенах, в столах, в полу. Некоторые из них, пребывая в новом временном измерении, зависли в воздухе — невидимые, неосязаемые, но от этого не менее реальные.

Часы проходили за часами, принося все новые открытия. Вычислительные машины щелкали, гудели и клацали. Уилсон отбыл в Сан-Франциско разбираться со своим зубом; двое друзей продолжали работать. Когда забрезжил рассвет, стало проясняться и решение проблемы. Хаос случайностей выстроился в строгую закономерность, в чеканные формулы и уравнения.

Весь следующий день они трудились не покладая рук, ставили все более сложные опыты и узнавали все больше и больше.

А потом из ближайшего космопорта, расположенного в сорока милях от лаборатории, пришла радиограмма. В ней сообщалось, что Уилсон задержится в городе на несколько дней. С зубом дела куда хуже, чем он предполагал, нужна операция на челюсти.

— Вот черт! — сказал Расс. — Надо же, как не вовремя!

Пришлось им собственноручно, без лаборанта, корпеть над контрольным устройством. Они долго монтировали его, ворча и ругаясь, но в конце концов одолели.

Растянувшись в креслах, измотанные до предела, друзья с гордостью осматривали свое творение.

— С этой штукой, — сказал Расс, — мы можем любой объект переместить куда угодно. Больше того — мы можем любой предмет доставить сюда, как бы далеко он ни находился.

— Мечта ленивого грабителя, — мрачно изрек Грег.

Совершенно обессиленные, они наскоро заглотнули горячий кофе с бутербродами и завалились спать.

Выездная лагерная служба была в разгаре. Проповедник превзошел самого себя. На скамье грешников не осталось ни одного свободного местечка. Проповедник сделал паузу, дабы закрепить в умах верующих важную мысль, — и вдруг зазвучала музыка. Прямо из

воздуха. А может, с неба. Нежная, небесная мелодия псалма, словно там в синеве запели ангельские хоры.

Проповедник как стоял, так и застыл на месте: с поднятой кверху рукой, с воздетым указующим перстом, готовым опуститься и припечатать очередное наставление. Грешники, преклонившие колени возле скамьи, оцепенели. Паства онемела от изумления.

А псалом, сопровождаемый глубокими раскатами небесного органа, звенел высокими чистыми голосами, похожими на колокольчики.

— Узрите! — взвизгнул проповедник. — Узрите чудо! Ангелы поют для нас... На колени! На колени — и молитесь!

Никто не устоял.

Эндрю Макинтайр опять нализался. Нетвердой походкой плелся он домой после бурной ночи, проведенной за покером в шорной лавке Стива Абрама, плелся под насмешливыми взглядами всей деревни, выставленный безжалостным рассветом на всеобщее обозрение.

На углу Третьей и Вязовой улиц он налетел на клен. Неуверенно отпрянул, намереваясь обогнуть препятствие, и вдруг клен заговорил:

— Алкоголь — это проклятие человечества. Он превращает людей в безмозглую скотину. Он иссушает мозги, сокращает жизнь...

Энди обомлел, не веря собственным ушам. Дерево — он был убежден в этом — обращалось лично к нему. А голос продолжал:

— ...отнимает последний кусок хлеба у жен и детей. Подрывает моральные устои нации...

— Замолчь! — завопил Энди. — Замолчь, говорю! Дерево умолкло. До Энди доносился лишь шепоток ветра в порыжелой осенней листве.

Энди припустил наутек, завернул за угол и помчался к дому.

— Ей-богу, — сказал он себе, — если уж деревья начинают разговаривать, значит, пора завязывать!

В городе, за пятьдесят миль от деревни, где клен увещевал Энди Макинтайра, в то же воскресное утро случилось еще одно чудо.

Очевидцев на сей раз было гораздо больше: многие слышали, как заговорила бронзовая статуя солдата во внутреннем дворе суда. Статуя не ожила — она стояла, как обычно, массивная, сияющая, тронутая прозенью. Но с губ ее слетали слова... Слова, обжигавшие души тех, кто их слышал. Слова, призывавшие людей защитить завоеванные с кровью идеалы, высоко поднять и не выпускать из рук факел свободы демократии.

С суровой горечью статуя провозгласила Спенсера Чемберса величайшей угрозой этой свободе. Потому что, сказала статуя, Спенсер Чемберс и «Межпланетная энергия» ведут экономическую войну, бескровную, но столь же реальную, как если бы они палили из пушек и бросали бомбы.

Целых пять минут вещала статуя, а толпа, прибывавшая с каждой минутой, слушала, остолбенев от шока.

А потом на дворик навалилась тишина. Статуя стояла, как прежде, не шелохнувшись, вперив в пространство безжизненные очи из-под уродливого шлема, сжимая в руке винтовку со штыком. Белоснежный голубь, мягко захлопав крылами, присел на винтовку, оглядел толпу и полетел к башне суда.

Сидевший в лаборатории Расс посмотрел на Грега.

— Этот фокус с радио навел меня на мысль, — сказал он. — Если можно запросто поместить радио в статую или дерево, почему бы не проделать то же самое с телевизором?

— Даже представить трудно, какие откроются возможности! — взволнованно отозвался Грег.

Через час полностью укомплектованная аппаратура для телесъемки была установлена в поле, а в лаборатории появился монитор.

Друзья придвинули кресла поближе к экрану. Расс до упора выжал рычаг управления. Экран осветился, замерцал, но остался пустым и серым.

— Камера перемещается слишком быстро, — заметил Грег. — Притормози ее немного.

Расс слегка отпустил рычаг.

— Когда эта махина включена на полную мощность, перемещение совершается мгновенно. Она перемещает объекты во времени, и любая скорость меньше мгновенной требует изменения силового поля.

На экране плыла панорама гор — миля за милей, сплошные снежные пики и равнины внизу, пылающие осенней листвой. Потом горы пропали из виду. Появилась пустыня, за ней город. Расс опустил камеру пониже, на улицу. Полчаса они сидели, уютно устроившись в креслах, и наблюдали за фланирующей толпой. Позабавились зрелищем собачьей драки, потом снова двинулись вдоль домов, заглядывая в окна и витрины магазинов.

— Одно плохо, — сказал Грег. — Видеть-то мы видим, но не слышим ни звука.

— Это дело поправимое, — отозвался Расс.

Он перебросил камеру с улицы обратно через пустыню и горы и вернул в лабораторию.

— Вот тебе уже две возможности практического применения, — заметил Грег. — Космический двигатель и телешпионаж. Я даже не знаю, что лучше. Ты хоть понимаешь, что теперь, благодаря этому телетрюку, мы способны увидеть все, что происходит на свете?

— Я понимаю, что эта машина способна доставить нас на Марс, или Меркурий, или в любое другое место. Похоже, ее возможности вообще безграничны. И она прекрасно управляема. На долю дюйма может переместить с таким же успехом, как и на сотню миль. К тому же быстро, почти мгновенно. Почти — потому что даже с нашим временным ускорением какой-то срок от старта до финиша все же проходит.

К вечеру телекамеру оборудовали аудиоаппаратурой, и с экрана полились звуки.

— Давай воспользуемся случаем, — предложил Грег. — В Нью-Йорке в Новом Марсианском театре сегодня представление, на которое мне хотелось сходить. Что нам мешает сделать перерыв и посмотреть спектакль?

— Отличная идея, — согласился Расс. — Спекулянты наживаются там себе на билетах целые состояния, а нам это не будет стоить ни цента!

Глава 5

В камине ярко пылали сосновые корни, шипя и вспыхивая искрами всякий раз, когда огненные языки касались смолы. Утонув в мягком кресле, Грег Маннинг вытянул к камину длинные ноги и поднял бокал, сощурился на пламя сквозь янтарную жидкость.

— Меня немного беспокоит одно обстоятельство, — сказал он. — Я не говорил тебе раньше, поскольку считал, что это не так уж важно. Впрочем, может оно и впрямь не важно, но странно как-то.

— Ты о чем? — спросил Расс.

— О бирже, — ответил Грег. — Там творится что-то дьявольски непонятное. За последние пару недель я потерял около миллиарда долларов.

— *Миллиарда?! —* ахнул Расс.

Грег взболнул виски в бокале.

— Не путайся, это чисто бумажные потери. Мои акции упали — некоторые наполовину, а некоторые еще ниже. К примеру, акция «Марсианской ирригации» стоит сейчас 75 долларов. А я платил за них по 185, хотя на самом деле они тянут на все 200.

— Ты хочешь сказать, что на рынке что-то неладно?

— Не на рынке. Цены всегда то растут, то падают, это в порядке вещей. Но если не считать легкой депрессии, две последние недели на бирже прошли совершен-

но спокойно. Такое впечатление, будто кто-то намеренно меня топит.

— Кто же? А главное — зачем?

— Хотел бы я знать, — вздохнул Грег. — Реальных денег я не потерял, конечно. И на таком низком уровне мои акции продержатся недолго. Просто я не могу сейчас продать их за ту же цену, за какую купил. Если я избавлюсь от них, то потеряю миллиард. Но, поскольку необходимости в их продаже нет, все убытки пока лишь на бумаге.

Он отхлебнул виски и вновь уставился на пламя.

— Если тебе не нужно их продавать, так что же тебя тревожит? — спросил Расс.

— Две вещи. Во-первых, под эти акции я взял наличные для сооружения звездолета. Однако при нынешней их стоимости потребуется более надежное обеспечение, а если цены будут продолжать падать, то значительная часть моего состояния окажется связанной строительством корабля. Не исключено, что придется даже продать часть акций, а это уже реальные потери.

Он наклонился к Рассу.

— А во-вторых, — продолжил он мрачно, — мне ненавистна сама мысль о том, что кто-то делает из меня мальчика для битья!

— Похоже, так оно и есть, — согласился Расс.

Грег вновь откинулся на спинку кресла и осушил свой бокал.

— Не похоже, а точно, — сказал он.

В окне возле камина на черном бархате неба сиял серебряный круглый щит Луны. Ветер печально стenal, раскачивая сосны, завывал под карнизами дома.

— На днях я получил сообщение из Бельгии, — сказал Грег. — Строительство корабля идет полным ходом. У нас будет самое большое судно во всей Системе.

— Самое большое и надежное, — добавил Расс. Грег молча кивнул.

Корабль собирали на знаменитой космической верфи в Бельгии, а заказы на оборудование — приборы, двигатели и прочие механизмы — были разбросаны по всему миру. И не случайно: если бы кто-то захотел узнать, какое судно получится в результате, ему при-

шлось бы попотеть, собирая информацию. «Кто-то» — это был Спенсер Чемберс, разумеется; именно против него принимались все защитные меры.

— Нам нужна более совершенная телеаппаратура, — сказал Расс. — Наша тоже ничего, но хотелось бы самую лучшую. Может, Уилсона попросить: пусть купит оборудование во Фриско и привезет с собой?

— Почему бы нет? — отозвался Грег. — Пошли ему радиogramму.

Расс позвонил в космопорт и оставил сообщение.

— Он обычно останавливается в «Большом Марсианском», — сказал Расс. — Там мы его и перехватим.

Через два часа раздался телефонный звонок. Звонили из космопорта.

— Мы не можем передать ваше сообщение мистеру Уилсону, — заявила телефонистка. — В «Большом Марсианском» его нет. Портье сказал, что вчера вечером мистер Уилсон уехал в Нью-Йорк.

— Он не оставил адреса для связи? — спросил Расс.

— Похоже, что нет.

Расс положил трубку, нахмурился:

— Уилсон в Нью-Йорке.

Грег оторвал глаза от листка с уравнениями.

— В Нью-Йорке, говоришь? — переспросил он и вновь углубился в расчеты. Но через пару секунд опять поднял голову: — За каким чертом его туда понесло?

— Боюсь... — начал Расс и покачал головой.

— Вот именно, — сказал Грег. Он задумчиво посмотрел в окно, на щеках заиграли желваки. — Расс, мы оба думаем об одном и том же.

— Но мне противно об этом думать, — спокойно проговорил Расс. — Терпеть не могу подозревать людей.

— Что ж, сейчас проверим.

Грег подошел к телевизионной панели, щелкнул выключателем. Расс придвинул кресло к монитору. На экране отплясывали дикий танец горы, затем их смени-

ли желтые и красные пятна пустыни. Потом экран заволокло темной пеленой, пока камера преодолевала изгиб поверхности земного шара, а когда пелена спала, перед ними возник сельский пейзаж — зелено-коричневые квадратные лоскутки, прочерченные белыми ниточками дорог.

Наконец на экране появился Нью-Йорк. Грег подрегулировал настройку, и город рванулся к ним, нацелив шпили небоскребов, словно копья. Камера нырнула в ущелье улицы в финансовом районе, сквозь шум городского транспорта послышалось деловитое гудение зданий-ульев.

Уверенной рукой Грег решительно вел свою странную машину по Нью-Йорку. Сквозь дома, сквозь мелькающие самолеты, сквозь пешеходов. Камера стрелой пронеслась до заданной точки, Грег двинул рычаг назад, и на экране возникло здание из четырех корпусов. Над входом блестела знаменитая карта Солнечной системы, увенчанная золотыми буквами: «Межпланетная компания».

— Сейчас проверим, — повторил Грег.

Он слышал напряженное дыхание друга, видел, как побелели костяшки пальцев, вцепившихся в подлокотники кресла.

Камера, пройдя сквозь камень и сталь, помчалась через коридоры и кабинеты, пронзая стальные перегородки, яркими световыми вспышками замелькавшие на экране, и остановилась у двери с табличкой: «Спенсер Чемберс, президент».

Грег легонько подкрутил настройку. Перед ними предстал кабинет Спенсера Чемберса.

В комнате было четверо человек: сам Чемберс, доктор Крэйвен, начальник рекламного отдела «Межпланетной» Арнольд Грант и *Гарри Уилсон*!

С экрана донесся голос Уилсона — дрожащий, заморающий от страха:

— Я рассказал вам все, что знаю. Я же не ученый, я просто механик. Я сообщил вам, что они делают, но как они это делают, я не знаю.

Арнольд Грант с перекошенной от гнева физиономией дернулся вперед:

— У них же есть записи! — заорал он. — Уравнения и формулы! Почему ты их не принес?

Спенсер Чемберс остановил его взмахом руки из-за стола.

— Человек рассказал нам все, что знает. Больше он ничем не может нам помочь, это же очевидно.

— Но вы ведь велели ему вернуться и постараться найти еще что-нибудь, разве не так? — не унимался Грант.

— Да, велел, — согласился Чемберс. — Но ему не удалось.

— Я старался! — в отчаянии взмолился Уилсон. Лоб его покрылся испариной, потухшая сигарета повисла на губе. — Но в лаборатории постоянно торчит не один, так другой, к бумагам просто невозможно подобраться! Я пытался задавать вопросы, но они чересчур заняты, чтобы отвечать. А слишком сильно приставать я не мог — они бы меня вмиг заподозрили.

— Ну конечно, заподозрили бы, — не скрывая насмешки, проговорил Крэйвен.

Расс ударил кулаком по подлокотнику.

— Этот крысенок нас продал!

Грег ничего не ответил, но лицо его окаменело, а глаза превратились в кристаллы.

Чемберс обратился к Уилсону:

— Как вы думаете, сможете вы найти что-нибудь стоящее, если вернетесь в лабораторию?

Уилсон съехался в кресле.

— Нет, я не хочу возвращаться, — почти захныкал он. — Я боюсь! Они наверняка меня уже подозревают. Мне даже подумать страшно, что они со мной сделают, если догадаются!

— Это совесть его заела, — прошептал Расс, не отрывая глаз от экрана. — У меня и в мыслях не было его подозревать.

— В одном он, несомненно, прав, — откликнулся Грег. — Возвращаться ему явно не стоит.

А Чемберс продолжал:

— Надеюсь, вы понимаете, что мало чем сумели нам помочь. Вы только предупредили, что разрабатывается энергетический источник нового типа. Мы будем настороже, разумеется, но больше никакой полезной информации мы от вас не получили.

Уилсон ошетинился, словно загнанный в угол трусливый зверек.

— Я сказал вам о том, что они делают. Теперь вас не застанут врасплох. Я не виноват, что не понимаю, как работают все эти хитроумные штуковины.

— Послушайте, — сказал Чемберс, — мы с вами заключили сделку, и я свои обязательства помню. Мы договорились, что я заплачу вам двадцать тысяч долларов за ваше первое сообщение. Я обещал, что заплачу за дополнительную информацию отдельно, а также возьму вас на работу в свою компанию.

Не отрывая глаз от финансиста, Уилсон облизнул пересохшие губы.

— Верно, — сказал он.

Чемберс придвинул к себе чековую книжку, потянулся к подставке за ручкой.

— Вот ваши двадцать тысяч за предупреждение. И ни цента больше, ибо никакой дополнительной информации мы от вас не дождались.

Уилсон вскочил на ноги, издав протестующий вопль.

— Сядьте, — холодно оборвал его Чемберс.

— Но работа! Вы обещали мне работу!

— Мне такие люди в компании не нужны, — покачал головой Чемберс. — Вы предали однажды — предадите и еще раз.

— Но... Но... — Уилсон, так ничего и не сказав, опустился в кресло. Лицо его исказила гримаса, весьма похожая на испуг.

Чемберс вырвал из книжки чек, помахал им в воздухе, чтобы высушить чернила, встал и протянул листочек Уилсону. Тот взял его трясущейся рукой.

— Засим, — промолвил Чемберс, — не смею вас больше задерживать, мистер Уилсон.

Уилсон замешкался на мгновение, намереваясь что-то сказать, потом молча повернулся и вышел из кабинета.

Расс с Грегом переглянулись.

— Двадцать тысяч, — сказал Грег. — Черт возьми, да наше открытие стоит миллионы!

— Оно стоит всего состояния Чемберса, — отозвался Расс. — Потому что наше открытие его уничтожит.

Друзья снова уставились на экран.

Чемберс, опершись ладонями о стол, обратился к оставшимся:

— Ну, господа, что будем делать?

Крэйвен пожал плечами. Глаза за толстыми стеклами очков глядели озадаченно.

— Исходных данных недостаточно. Уилсон же фактически ничего не рассказал. У него не хватило соображения даже на то, чтобы уловить основную идею открытия.

— Этот тип прекрасно разбирается в механике, но в остальном дурак дураком, — кивнул Чемберс.

— Я собрал аппарат, — продолжал Крэйвен, — и он получился до смешного простым. Слишком простым, чтобы проделывать такие фокусы, о которых рассказывал Уилсон. Он принес четкую схему, так что скопировать устройство не составляло никакого труда. Уилсон сам проверил машину и побожился, что она точно такая же, как у Пейджа с Маннингом. Но существует тысяча вариантов подключения ее к панели управления, тысячи вариантов настройки. Вариантов настолько много, что нет смысла проверять их в надежде случайно наткнуться на правильный ответ. Видите ли, результат может зависеть от какой-то мельчайшей регулировки, от одного из сотен параметров, но как мы узнаем, от какого именно? Нужны формулы, уравнения — без них мы не продвинемся ни на шаг.

— Он вроде бы запомнил парочку уравнений, — с надеждой сказал Грант. — Несколько правил и формул.

Крэйвен досадливо отмахнулся.

— Это хуже, чем ничего! Пейдж и Маннинг настолько ушли вперед в этой области, что нам за ними не угнаться. Они уже работают с космическими полями, а мы даже не приступали к подобным исследованиям. У нас нет ни малейшей зацепки.

— Значит, никаких шансов? — спросил Чемберс.

Крэйвен медленно помотал головой.

— Вы могли хотя бы попробовать! — запальчиво крикнул Грант.

— Погодите, — прервал его Чемберс. — Похоже, вы забываете, что мистер Крэйвен — одно из величайших научных светил. Я полагаюсь на его мнение.

Крэйвен улыбнулся.

— Я не могу воспроизвести открытие Пейджа и Маннинга, но могу попробовать сделать собственное открытие.

— Вы уж постарайтесь, ради Бога, — сказал Чемберс и повернулся к Гранту. — Как я понял, вы успешно проводите в жизнь наши планы. Акции «Марсианской ирригации» сегодня снова упали.

— Это было не трудно, — ухмыльнулся Грант. — Пара намеков там-сям нужным людишкам...

Чемберс глядел на свои ладони, медленно сжимающиеся в кулаки.

— Мы должны остановить его любым способом. Распускайте слухи. Мы не позволим Грегу Маннингу финансировать его открытие. Мы отберем у него все деньги, все до последнего доллара! — Он бросил на подчиненного свирепый взгляд. — Вы меня поняли?

— Да, сэр, — ответил Грант. — Прекрасно понял.

— Ну и хорошо. А ваша задача, Крэйвен, — либо повторить открытие Пейджа, либо создать что-нибудь конкурентоспособное.

— А что, если ваши идиотские слухи не повредят Маннингу? — раздраженно спросил Крэйвен. — Или если у меня ничего не выйдет?

— В таком случае мы испробуем другие способы.

— Другие способы?

Чемберс неожиданно улыбнулся:

— Я собираюсь вызвать Статсмена обратно на Землю.

— Да, похоже, у вас есть другие способы, — проговорил доктор, задумчиво барабанив пальцами по ручке кресла.

Грег резко дернул рычаг, экран внезапно опустел, а телекамера тут же вернулась в лабораторию.

— Это многое объясняет, — сказал Грег. — В том числе и неприятности с моими акциями.

Расс, потрясенный, неподвижно застыл в кресле.

— Подумать только, какое ничтожество! Трусливый подлый крысенок! Да он за новенькую хрустящую десятку собственную мать продаст не пожалеет!

— Зато теперь мы в курсе, — сказал Грег. — А Чемберсу и невдомек, что мы в курсе. Мы будем следить за каждым его движением, за каждой мыслью!

Шагая взад-вперед по комнате, Грег уже набрасывал план предстоящей кампании.

— Нужно еще поработать, — сказал он. — Не исключено, что мы упустили какие-то возможности.

— Но хватит ли у нас времени?

— Думаю, хватит. Чемберс спешить не будет. Слишком уж крупная ставка, тут торопиться опасно. А неприятности с законом ему ни к чему. Он не решится на открытую рукопашную схватку... по крайней мере пока не отзовет с Каллисто Статсмена.

Грег как вкопанный остановился посреди комнаты.

— Когда в игру вступит Статсмен, против нас ополчатся все силы ада. — Он сделал глубокий вдох. — Но мы их встретим во всеоружии!

Глава 6

— Если этот аппарат позволяет принимать телепередачи, — задумчиво сказал Грег, — что мешает ему их передавать? Может, попробуем?

Расс машинально чиркал карандашом по листку с вычислениями.

— Давай, — сказал он. — Пораскинем мозгами. То, что мы имеем дело с четырехмерной средой, конечно, несколько затрудняет задачу. Это тебе не трехмерное пространство. Хотя постой...

Он внезапно умолк и выронил карандаш. Медленно повернулся и встретился взглядом с Маннингом.

— Что с тобой? — спросил Грег.

— Слушай, — возбужденно заговорил Расс, — мы работаем в четырехмерном пространстве. Что получится, когда мы начнем передавать телеизображение?

Грег задумчиво нахмурил брови. И вдруг лицо его просветлело.

— Ты хочешь сказать, что мы сможем передавать изображение в *трех измерениях*, да?

— Так должно быть! — заявил Расс.

Развернувшись обратно к столу, он подобрал карандаш и стал быстро записывать уравнения. Потом поднял глаза и осипшим голосом прошептал:

— Объемное телевидение!

— То есть еще одно открытие, — заметил Грег.

— И какое!

Расс придвинул к себе калькулятор, проворно набрал уравнения, щелкнул тумблером. Машина крякнула, затахтела и выдала результат. Расс не дыша склонился над ответом.

— Похоже, все правильно.

— Да, но потребуется уйма оборудования, — сказал Грег. — А Уилсон смылся, черт бы его побрал! Кто же нам будет помогать?

— Сами сделаем, — ответил Расс. — Пока мы с тобой вдвоем, можно не опасаться утечки информации.

Просидев еще несколько часов за вычислительной машиной, Расс полностью уверился в своей правоте.

— А теперь за работу! — весело заявил он.

За неделю они смастерили стереотелевизор, усовершенствовав и упростив стандартную коммерческую конструкцию настолько, что их аппарат лишь ненамного превосходил размерами обычный телевизор, зато был куда мощнее и показывал гораздо более четко.

Работая, они не переставали вести наблюдение за кабинетом Спенсера Чемберса и за лабораторией, в которой по шестнадцать часов в сутки трудился доктор Крэйвен. Они стали незримыми, неслышными, но неотступными спутниками ничего не подозревающих противников: читали их почту, слушали их беседы, следили за их действиями. И в результате парочка, засевшая высоко в горах в уединенной лаборатории, хорошо изучила характеры своих противников.

— Оба абсолютно беспощадны, — подытожил Грег, — и совершенно уверены в том, что в мире торжествует право сильного. Странные люди, какие-то допотопные. Но к Чемберсу, например, невозможно не проникнуться симпатией. В глубине души он совсем не подлец и по-своему даже милосерден. Мне кажется, он искренне верит, что облагодетельствует человечество, установив над Солнечной системой свою диктатуру. Это честолюбивое устремление подчинило себе всю его жизнь. Оно ожесточило его и одновременно сделало сильнее. Он без малейших колебаний, не задумываясь,

сметет со своего пути любое препятствие. Вот почему нам надо готовиться к серьезной схватке.

Крэйвен, похоже, не слишком продвинулся в своих изысканиях. Другим оставалось лишь гадать, чего же он хочет достичь.

— Я думаю, — сказал Расс, — он пытается создать коллектор, способный аккумулировать энергию излучений. Неплохая задумка, если получится, конечно.

Немытый, нечесаный, Крэйвен часами сидел, утопая в мягком кресле, погружившись в размышления. Лицо его было спокойно, рот слегка приоткрыт, глаза отрешенно глядели вдаль. Но время от времени он вскакивал из кресла, хватал карандаш и записывал что-то на листочках бумаги, заваливших весь стол. Новые идеи, новые подходы.

Стереотелевизор был почти готов — за исключением одной детали.

— Не знаю, как быть со звуком, — вздохнул Расс. — Изображение мы можем передавать, но звук...

— Послушай, — сказал Грег, — а почему бы нам не попробовать звуковой конденсатор?

— Звуковой конденсатор?

— Ну конечно. Эту штуку изобрели еще в 1920 году. Насколько я знаю, ею долгое время никто не пользовался, но не исключено, что у нас получится.

Расс расплылся в улыбке.

— Черт, как же мне это в голову не пришло? Я все мозги себе сломал, пытаюсь изобрести чего-нибудь новенькое... А тут и изобретать-то нечего!

— Должно работать, — сказал Грег. — По принципу действия это устройство противоположно микрофону. Вместо того чтобы механически излучать звуковые волны, оно излучает переменное электрическое поле, которое непосредственно воспринимается ухом. И хотя, похоже, никто на свете не понимает, как работает этот конденсатор, но он работает — а это главное.

— Верно, — подхватил Расс, — и он действительно работает без звука. То есть он создает электрическое поле, заменяющее звук. Как раз то, что нам нужно: ведь его практически невозможно заглушить. Разве что металлическим экраном, но только жутко толстым.

Сборка заняла немало времени. Но вот наконец он был готов — массивный аппарат с мерцающим внутри силовым полем, приводимый в действие двумя мощными генераторами энергии материи. К контрольной панели присоединили привод с часовым механизмом, устроенным таким образом, чтобы при передаче на другие планеты автоматически сводить на нет помехи, создаваемые движением Земли.

Расс отступил назад и оглядел конструкцию.

— Встань перед экраном, Грег, — сказал он. — Мы испробуем его на тебе.

Маннинг шагнул к экрану. Аппарат заурчал — и вдруг в воздухе материализовалось изображение Грега. Зыбкое и расплывчатое вначале, оно быстро обрело четкие формы. Грег взмахнул рукой; изображение махнуло в ответ.

Расс оставил пульт управления и подошел, чтобы изучить изображение поближе. Как ни разглядывай, со всех сторон объемное. Расс прошел сквозь него и ничего не почувствовал. Пустота! Всего лишь трехмерное изображение — и только. Но даже с расстояния двух футов его невозможно было отличить от человека из крови и плоти.

— Привет, Расс, я рад тебя видеть, — прошептало изображение, протягивая руку.

Расс со смехом протянул свою. Ладонь сжала воздух, но со стороны казалось, будто двое людей обменялись рукопожатием.

В тот же вечер они испытали машину. Их изображения бродили над кронами деревьев, гигантская копия Грега громовым голосом вещала с вершины дальнего пика, а маленькие фигурки высотой не более двух дюймов полировали ножку стола.

Удовлетворенные результатом, они выключили аппарат.

— Вот и одна из упомянутых тобой возможностей, — сказал Расс.

Грег серьезно кивнул.

Осенний ливень барабанил в окно, в соснах завывал сырой свирепый ветер. Беспокойно металась огненные языки в камине.

Глубоко утонув в кресле, Расс глядел на пламя и дымил трубкой.

— С верфи требуют еще денег на корабль, — сказал Грег, сидевший напротив. — Пришлось заложить еще несколько акций под новый заем.

— Курс по-прежнему падает?

— Да не курс, а только мои акции. Сегодня все они опять упали.

Расс задумчиво затянулся.

— Я все ломаю голову над этой историей с акциями, Грег.

— Я тоже ломаю, но что толку?

— Слушай, — медленно проговорил Расс, — а на каких планетах есть биржи?

— На всех, кроме Меркурия. Юпитерианская биржа находится в Ранторе. И даже на Плутоне есть одна, но она специализируется на химической и горнодобывающей отраслях.

Расс не отреагировал. Он сидел, отрешенно глядя на пламя. Над трубкой клубился дым.

— Почему ты спрашиваешь? — не выдержал Грег.

— Да так, какая-то мысль вроде мелькнула. Интересно, где Чемберс проворачивает свои операции?

— Сейчас в Ранторе. А раньше в основном на Венере, там рынок шире. Но когда Чемберс прибрал к рукам Юпитерианскую конфедерацию, он перевел свой бизнес туда. Там ниже налоги на деловые операции, об этом он позаботился.

— На бирже Каллисто в обращении те же самые акции, что и в Нью-Йорке?

— Естественно, только список чуть меньше.

Расс уставился на облако дыма над трубкой.

— За сколько минут свет доходит от Каллисто до Земли?

— По-моему, минут за сорок пять. — Грег напряженно выпрямил спину. — Но какое отношение к этому имеет свет?

— Самое непосредственное, — сказал Расс. — Вся коммерция основывается на предположении, что свет перемещается мгновенно. Но это не так. Бизнес в Солнечной системе ведется по гринвичскому времени. Сигнал, посланный с Земли в полдень, принимают на Марсе тоже в полдень, но на самом деле его получают там только в четверть первого. А когда тот же сигнал

достигнет Каллисто, коммерческий хронометр опять-таки покажет полдень, хотя в действительности будет уже без четверти час. Такая система упрощает ведение дел, унифицируя время. И до сих пор она не давала сбоев, поскольку никому не удавалось превысить скорость света. Ни одно межпланетное сообщение, ни один сигнал невозможно было послать со сверхсветовой скоростью. И все шло как по маслу.

Грег, не усидев в кресле, вскочил на ноги; огненные блики рельефно вылепили его атлетическую фигуру. От маски наружного спокойствия не осталось и следа — Грег был откровенно взволнован.

— Я понял, к чему ты клонишь! У нас есть почти мгновенное средство перемещения!

— Почти, — отозвался Расс, — хотя и не совсем. Временной интервал все же существует. Но он незаметен, разве что на очень уж больших дистанциях.

— Получается, что мы сможем опередить обычные световые сигналы, посланные на Каллисто, почти на сорок пять минут!

— Почти, — согласился Расс. — Может, на долю секунды меньше.

Грег заметался возле камина, словно лев, запертый в клетке.

— Клянусь небесами, теперь мы припррем Чемберса к стенке! Зная заранее котировку акций в Нью-Йорке, мы будем играть на Каллисто с большой форой и вернем все мои потери, все до единого цента! И разделаем мистера Чемберса под орех!

— Точно! — усмехнулся Расс. — Мы будем в курсе событий на сорок пять минут раньше всех остальных. Пускай Чемберс попрыгает!

Глава 7

Бен Рейл расслабился. Вытянувшись в кресле, с удовольствием посасывая сигару, он слушал радиопередачу с Земли.

Из окна квартиры, расположенной на верхушке небоскреба, открывалась панорама купольного города Рантора. Слегка искривленный тяжелым экраном купола, на небосводе висел исполинский шар Юпитера — красный, с желто-оранжевым оттенком. Потрясающе яркий, чудовищно громадный, он занимал большую часть видимого неба. Это зрелище ежегодно привлекало на Юпитерианские спутники миллионы туристов, и даже заядлых старожилов оно не оставляло равнодушными.

Бен Рейл не сводил с Юпитера глаз, попыхивая сигарой и слушая радио. Вид за окном внушал благоговейный трепет — казалось, эта нависшая над головой планета вот-вот сорвется с небес и раздавит свой замерзший безвоздушный спутник.

Рейл был старожилом. Вот уже тридцать лет — земных лет — прошло с тех пор, как он обосновался на Каллисто. На его глазах заштатный шахтерский поселок вырос в большой многолюдный город.

Но теперь все переменялось. Спенсер Чемберс накинул уздечку на Юпитерианские миры, и теперь здесь распоряжаются его прихвостни. Избранные по всем правилам, конечно, но над выборами все время висела

невысказанная угроза, что «Межпланетная энергия» в любой момент может убраться отсюда и оставить спутники без тепла, воздуха и энергии. А жизнь на планетах Юпитерианской конфедерации, на всех без исключения, зависит от привозных аккумуляторов.

В воздухе, заключенном под куполом (когда-то совсем небольшим, а теперь уже вмещающим полумиллионное население), постоянно витали разговоры о бунте. Нынешний купол был четвертым по счету. Четыре раза, словно наutilus, город перерастал свою раковину, пока не превратился в самый большой купольный город в Солнечной системе. Подумать только — ведь не так давно в этом захудалом поселке жизнь человеческая не стоила ни гроша, сюда слетались отбросы общества со всей Системы! А ныне он стал гордым городом Рантором, столицей Юпитерианской конфедерации.

И он, Бен Рейл, приложил свою руку к созданию конфедерации. Был членом конституционной комиссии, участвовал в формировании правительства и более десяти лет помогал ему в законодательной деятельности.

А теперь... Бен Рейл со злостью сплюнул и сунул в рот сигару. Разговоры о бунте, конечно, не стихли, но без лидера они ни к чему не приведут. А Джона Мура Меллори упрятали на один из тюремных кораблей, что курсируют через всю Солнечную систему. Его тайно перевели туда с Каллисто несколько месяцев назад, но эта новость, передаваемая возмущенным шепотом из уст в уста, за неделю облетела все спутники. И тем не менее, если грянет кровавый бунт, толку от него не будет никакого. Ибо революция, даже успешная, не решит проблему. «Межпланетная энергия» просто уберется отсюда — и лишит купольные города жизненно важного обеспечения.

Бен Рейл нервно заерзал в кресле. Сигара догорела. Радио вопило, но Бен его не слышал, как не видел Юпитера, на который устремил отсутствующий взор.

— Черт! — выругался он.

Зачем портить себе вечер, размышляя над этой проклятой политической ситуацией? Да, он участвовал в создании конфедерации, но ведь он бизнесмен, а не политик. И все равно... Больно смотреть, как рушится

здание, которое помогал возводить, — пусть даже из истории известно, что на все богатые месторождения в конце концов накладывают лапу нахрапистые и могущественные дельцы. Это знание должно было помочь, смягчить боль, но не помогало. И сам Рейл, и другие пионеры Юпитера надеялись, что им удастся избежать подобной участи. Зря надеялись, конечно.

— Бен Рейл! — раздался за спиной знакомый голос.

Рейл вскочил как ужаленный и повернулся к окну спиной.

— Маннинг! — завопил он. Человек, стоявший посреди комнаты, невесело усмехнулся в ответ. — Но как ты вошел, что я даже не слышал? Ты давно здесь?

— Я не здесь, — сказал Грег. — Я на Земле.

— На Земле? — недоуменно переспросил Рейл. — Звучит довольно глупо, ты не находишь? Или ты позволил себе расслабиться и немножко похохмить?

— Я не шучу, — сказал Маннинг. — Это просто мое изображение. А сам я на Земле.

— Ты хочешь сказать, что ты помер? И сделался привидением?

Лицо Грега не утратило обычной суровости, но улыбка стала шире.

— Нет, Бен. Я такой же живой, как и ты. Позволь мне объяснить. Перед тобой сейчас телеизображение. Объемное телеизображение. Я могу в таком виде появиться где угодно.

Рейл опустился в кресло.

— Полагаю, нет смысла пытаться пожать тебе руку.

— Точно, — согласилось изображение Маннинга. — Тут нет никакой руки.

— И приглашать тебя присесть тоже не стоит?

Маннинг покачал головой.

— Ну и ладно, — сказал Рейл. — Я все равно чертовски рад, что вижу тебя — или думаю, что вижу. Не знаю, как правильнее выразиться. Надеюсь, ты можешь остаться и поболтать со мной немного?

— Безусловно, — ответил Маннинг. — Я за этим и явился. Хочь попросить тебя об одолжении.

— Слушай, Маннинг, ты не можешь быть на Земле, — заявил Рейл. — Я задаю вопрос — и ты сразу мне отвечаешь. Такого не может быть. Должно пройти три четверти часа, пока ты услышишь меня, и еще столько же, пока твой ответ дойдет досюда.

— Все верно, — согласилось изображение, — если ты непременно хочешь вести разговор со скоростью света. Но у нас есть кое-что получше.

— У нас?

— У Рассела Пейджа и у меня. У нас есть телевизионный передатчик, работающий практически мгновенно, во всяком случае на расстоянии от Земли до Калисто.

У Рейла отвисла челюсть.

— Черт меня побери! И что же вы, друзья-приятели, затеяли?

— Много чего, — лаконично ответил Маннинг. — Во-первых, мы намереваемся в пух и прах разгромить «Межпланетную энергию». Эй, Рейл, ты меня слышишь?

Рейл словно ошеломлен от изумления.

— Конечно, слышу. Просто не могу поверить собственным ушам.

— Хорошо, — мрачно промолвил Маннинг, — я представляю тебе доказательства. Как ты думаешь, Бен, что ты смог бы сделать, если бы мы тебе рассказали о котировке акций на Нью-Йоркской бирже... на сорок пять минут раньше, чем новости дойдут до Калисто?

— Что я смог бы сделать? — Рейл вскочил из кресла. — Да я бы всю биржу по миру пустил! Я делал бы по миллиарду за минуту! — Он замолчал, взглянул на изображение: — Но это не в твоих правилах, я знаю. Ты таких вещей не признаешь.

— Я не хочу, чтобы ты разорял кого-нибудь, кроме Чемберса. Ну, естественно, если кто-то станет мешать, туда ему и дорога. Но Чемберсу надо нанести сокрушительный удар. За тем я к тебе и явился.

— Видит Бог, я сделаю это, Грег! — воскликнул Рейл.

Он быстро шагнул вперед, протянул руку, чтобы скрепить договор, — и пожал пустой воздух.

Изображение Маннинга откинуло голову и рассмеялось.

— Вот тебе и доказательство, Бен. Достаточно убедительное?

— Да уж, — согласился Рейл, растерянно глядя на совершенно натуральную ладонь, сквозь которую он сжал свои пальцы.

День 6 ноября 2153 года надолго запомнился в финансовых кругах Солнечной системы. Начался он на Ранторской бирже довольно вяло. Чуть повысились некоторые акции. Немного упали горнорудные. По-прежнему необъяснимо низко котировались акции «Марсианской ирригации», а также «Химикатов Плутона» и «Разработки ископаемых на астероидах».

Действуя через двух брокеров, Бен Рейл сразу после открытия биржи купил 10 000 акций компании «Фермы Венеры, инкорпорейтед» по 83 с половиной доллара. Через несколько минут те же брокеры приобрели 10 000 акций фирмы «Скафандры, лимитед» по 106 долларов и 25 центов за штуку. Фермерские акции упали на один пункт, акции «Скафандров» на столько же поднялись. А потом неожиданно цена подскочила на те и на другие. Через час с небольшим акции Венеры повысились на пять пунктов и Рейл продал свои. Десять минут спустя они стали падать, а к концу дня стоили уже на два доллара меньше первоначальной цены. Вечером Рейл выбросил на рынок все свои 10 000 акций фирмы «Скафандры» и продал их по 110 долларов. К закрытию биржи они стоили всего на полдоллара дороже, чем утром.

И это были только две операции из множества подобных. Акции предприятия, занимающегося строительством космических кораблей, перед своим падением взлетели на три пункта — и Рейл на этом нажился. Металлургические акции Меркурия подскочили на два пункта, а потом с треском шлепнулись почти на доллар ниже, чем до подъема. Рейл продал их как раз перед падением. За один день игры на бирже он нажил полмиллиона.

Выиграв на другой день миллион, этот человек, имевший устойчивую репутацию осторожного бизнесмена, которого невозможно втянуть ни в какие авантюры, окончательно поверил в удачу и пустился во все тяжкие. Зрелище было просто потрясающее. Рейл совершенно точно знал, когда покупать, а когда продавать. Биржевики следили за ним, стараясь не отставать, но он сбивал их со следа, то и дело меняя брокеров.

Рынок лихорадило. Сам Рейл на бирже не появлялся. Звонки в его контору никакого результата не давали: «Очень сожалеем, но мистера Рейла нет на месте».

Его брокеры, получившие солидное вознаграждение, держали язык за зубами. Они продавали, они покупали — и все.

А Бен Рейл, запершись в конторе, внимательно глядел на два монитора. На одном из них было табло Нью-Йоркской биржи, на другом — изображение Грегга Маннинга, сгорбившегося в кресле в далекой горной лаборатории Пейджа. Перед Грегом тоже было два экрана: один, как и у Рейла, показывал табло биржи в Нью-Йорке, второй — контору Бена Рейла.

— По-моему, акции «Туриста» идут неплохо, — сказал Грег. — Почему бы тебе не купить пакет? Насколько я знаю, у Чемберса есть доля в этом предприятии. Пусть понервничает.

— Они выросли на два пункта, верно? — усмехнулся Бен Рейл. — Здесь их продают за 60. Через сорок пять минут курс поднимется до 62.

Он поднял телефонную трубку.

— Купите акции «Туриста» — чем больше, тем лучше. Прямо сейчас. Я сообщу, когда продать. А ровно в 10.30 избавьтесь от всех акций «Титана и меди».

— Лучше избавляйся от акций «Ранторского купола», — посоветовал Грег, — они начинают падать.

— Я за ними прослежу, — пообещал Бен. — Может, они еще поднимутся.

И оба погрузились в созерцание нью-йоркского табло.

— Знаешь, Грег, — сказал чуть погодя Бен Рейл, — а я ведь до конца поверил тебе, только когда кредитные сертификаты материализовались у меня на столе.

— Пустяки, — проворчал Грег. — Наша машина может переместить что угодно куда угодно. Стоит мне

только руку протянуть и схватить тебя — и ты мгновенно окажешься на Земле.

Бен тихонько присвистнул.

— Больше я уже ни в чем не сомневаюсь. Два дня назад ты прислал мне полмиллиарда. Сегодня они превратились в миллиард с хвостиком.

Он снова поднял телефонную трубку и приказал брокеру:

— Когда за «Ранторский купол» начнут давать по 79, выбрасывай акции на рынок.

Но настоящий фурор Рейл произвел на Ранторской бирже, когда скупил акции «Титана и меди». Он сразу приобрел несколько больших пакетов, и акции молниеносно взлетели вверх, вызвав ажиотаж на всех рынках Солнечной системы. А Рейл под шумок окончательно загнал в угол «Скафандры, лимитед». «Скафандры» лопнули.

Два дня подряд все центральные биржи четырех миров трясла жестокая лихорадка. Биржевики следили за тем, как поднимались в цене акции «Титана и меди». Представители «Межпланетной энергии» предлагали их на продажу, но желающих купить не находилось. Акции неуклонно ползли вверх.

А затем в течение одного часа все скупленные Рейлом на двух биржах акции были выброшены по демпинговым ценам на рынок. Агенты «Межпланетной», напуганные перспективой потери контроля над двумя важными отраслями, судорожно их скупали. Цена резко ухнула вниз.

В результате этой операции Спенсер Чемберс потерял три миллиарда, если не больше. А Бен Рейл превратился в мультимиллионера. Грег Маннинг тоже приумножил свое состояние.

— Все, хватит, — сказал Грег. — Чемберса мы проучили. Пора закрутяться.

— С удовольствием, — согласился Бен. — Так играть не интересно: слишком легко выигрывать.

— До встречи, Бен.

— Как-нибудь непременно выберусь на Землю. И ты тоже заходи вечером, когда будет свободная минутка. Посидим посумерничаем.

— Приглашение принято, — отозвался Грег. — С нашей трехмерной машиной это раз плюнуть.

Он протянул руку к пульту управления. Экраны в конторе Рейла погасли.

Рейл достал сигару, аккуратно поджег кончик и задрал ноги на стол.

— Ей-богу, — промолвил он довольно, — в жизни так не развлекался!

Глава 8

На экране громоздился гигантский цилиндрический корпус из первоклассной бериллиевой стали. Исполинский цилиндр прочно удерживали на месте массивные поперечные балки. Сверкая в ярком свете прожекторов, корабль уходил верхушкой в тень, где вокруг него копошились крошечные фигурки рабочих.

— Какой красавец! — сказал Расс, попыхивая трубкой.

— Они трудятся день и ночь, чтобы поскорее закончить его, — откликнулся Грег. — В один прекрасный момент нам может понадобится корабль, и понадобится срочно. Когда Чемберс действительно спустит на нас всех собак, нам придется скрываться в космосе. — Он коротко и невесело хохотнул. — Но долго мы играть в прятки не будем. Подготовимся к бою — и заставим Чемберса открыть карты. Пускай выкладывает все свои козыри!

Расс выключил телевизор, экран потускнел. В лаборатории тотчас сгустились причудливые тени. Ярче замерцали огоньки, фантастические машины выпятили круглые бока, словно их распирала скрытая внутри безбрежная энергия.

— Мы прошли долгий путь, Грег. Действительно долгий. У нас есть такая энергия, о которой можно только мечтать. У нас есть космический двигатель прак-

тически неограниченной мощности. У нас есть стереотелевидение.

— И мы разгромили Чемберса на бирже, — сухо добавил Грег.

Они замолчали. Запах дыма из трубки Расса смешивался в воздухе с запахом смазки и легким ароматом озона.

— Но мы не должны недооценивать Чемберса, — снова заговорил Грег. — Президент допустил всего одну ошибку: он недооценил нас. Нам его ошибку повторять нельзя. Чемберс опасен. Он не остановится ни перед чем, даже перед убийством.

— Он, однако, не торопится, — отозвался Расс. — Видно, надеется, что Крэйвен сумеет догнать нас или даже перегнать. Но доктору не везет. Он упорно вгрызается в теорию радиации, но особых успехов пока не достиг.

— А если бы и достиг, какое это имеет значение?

— Большое. Он смог бы заставить работать на себя все виды излучений, существующие в природе. Космические лучи, тепловые, световые — какие угодно. В мире уйма радиации.

— А все этот чертов Уилсон! — прорычал Грег. — Если бы не он, Чемберс спокойно жил бы, ничего не ведая, до тех пор пока мы сами не выступили бы с открытым забралом.

— Уилсон! — воскликнул Расс, всем телом подавшись вперед. — Я напрочь забыл про него! Давай-ка попробуем его разыскать.

Гарри Уилсон сидел за столиком в Марсианском клубе и смотрел, как полуобнаженные девушки исполняют экзотический танец. Над тлеющей сигаретой клубился ленивый дымок. Уилсон, прищурившись, разглядывал танцовщиц. Что-то в этом танце было такое, что пробирало его до мозга костей.

По залу раскатилось мощное крендендо, музыка стихла до еле слышного шепотка — и вдруг оборвалась. Девушки убежали со сцены. Раздались вежливые негромкие аплодисменты.

Уилсон вздохнул, раздавил в пепельнице окурок и глотнул из бокала вина. Рассеянным взглядом скользнул

по разгоряченным лицам ночной публики. Вот они — великие, почти великие и допущенные до лицемерия великих. Брокеры и бизнесмены, художники, писатели и артисты. Были тут и какие-то темные, никому не известные личности, и такие, о которых было известно даже слишком много — плейбои и леди, все с родословными и при деньгах. Мужчины в безупречных костюмах, женщины в изысканных дорогих нарядах...

И он, Гарри Уилсон. Официанты, обращаясь к нему, называли его «мистер Уилсон». Люди за соседними столиками шепотом пытались выяснить, кто он такой. Душа его таяла от блаженства и жаждала лишь одного — чтобы так продолжалось вечно: хорошая еда, хорошие напитки, пастельных расцветок стены, мягкий свет и странная экзотическая музыка. Холодное, но красочное совершенство.

Всего пару месяцев тому назад он стоял на улице — всем чужой в этом городе, механик из маленькой лаборатории, которому за мастерскую работу платили жалкие гроши. Он стоял и смотрел, как завсегдатаи поднимаются по ступенькам и скрываются за чудесной дверью. С горечью смотрел...

Зато теперь!

Оркестр заиграл новую мелодию. Блондинка за соседним столиком кивнула Уилсону. Он важно кивнул в ответ, ощущая, как шумит в голове выпитое вино, как греет оно в жилах кровь.

И тут кто-то окликнул его по имени. Уилсон оглянулся, но не поймал ни единого обращенного к нему взгляда. И вновь, перекрывая звуки музыки, гул застольных бесед и шум в его собственной голове, раздался голос, холодный и твердый как сталь:

— Гарри Уилсон!

Уилсон содрогнулся. Потянулся за вином, но рука, не успев дотронуться до ножки бокала, вдруг затряслась мелкой дрожью.

Прямо напротив него сгустилось туманное сероватое пятно, словно какое-то потустороннее мерцание. Из этого мерцания внезапно материализовался карандаш.

Уилсон ошалело уставился на него. Карандаш коснулся острием скатерти и принялся медленно выводить

черные буквы. Загипнотизированный зрелищем, Уилсон почти физически ощущал, как безумие запускает свои костлявые пальцы прямо к нему в мозги. Карандаш тем временем писал:

«Уилсон, ты продал меня!»

Несчастный попытался что-то сказать, хотя бы вскрикнуть, но в горле до того пересохло, что у него вырвалось лишь хриплое клокотание.

А карандаш безжалостно продолжал:

«Но ты за это заплатишь. Куда бы ты ни скрылся, я везде тебя достану. Тебе от меня не уйти».

Грифель плавно оторвался от стола — и карандаш исчез, будто его и не было. Уилсон вытаращил глаза, не в силах оторвать их от черных букв на скатерти:

«Уилсон, ты продал меня! Но ты за это заплатишь. Куда бы ты ни скрылся, я везде тебя достану. Тебе от меня не уйти».

Оркестр гремел, ему вторил аккомпанемент застольных разговоров, но Уилсон не слышал ни звука. Он весь без остатка был поглощен этими буквами и словами, наполнявшими душу смертельным страхом.

А потом словно что-то лопнуло у него внутри, и ужас захлестнул его ледяной волной. Уилсон, шатаясь, встал из-за стола, смахнул рукой бокал. Тот со звоном брызнул осколками.

— Они не имеют права! — раздался пронзительный крик.

В зале тотчас сгустилась тяжелая тишина. Осуждающие взгляды устремились к нарушителю спокойствия. Брови недоуменно поползли вверх.

Рядом с Уилсоном возник официант.

— Вам нехорошо, сэр?

Смертельно бледного клиента взяли под руки и вывели из зала. Снова загудели голоса, заиграла музыка.

Кто-то надел на Уилсона шляпу, подал пальто. В лицо ему ударил прохладный ночной ветерок, и дверь за спиной с тихим вздохом захлопнулась.

— Осторожнее на ступеньках, сэр, — напутствовал его швейцар.

Шофер аэротакси открыл дверцу машины и отсалютовал.

— Куда прикажете, сэр?

Уилсон ввалился в такси, заплетающимся языком проямлил адрес, и машина влилась в поток городского транспорта.

Потом, нашарив непослушными руками ключ, Уилсон несколько минут возился, отпирая двери своего номера. Наконец замок щелкнул, дверь распахнулась. Трясущийся палец нашел выключатель, и комнату залил яркий свет.

Уилсон вздохнул с облегчением. Здесь, в своем номере, он чувствовал себя в безопасности. Это его дом, его убежище...

За спиной раздался тихий, еле слышный смешок. Уилсон резко повернулся — и, ослепленный светом, сначала ничего не увидел. А затем заметил, как что-то шевельнулось у окна, что-то серое и смутное, словно клубящаяся туманная пелена.

Привалившись к стене, Уилсон смотрел, как сгущается эта пелена, принимая очертания человеческой фигуры. Наконец туман затвердел и образовал человеческое лицо — суровое лицо, без малейших признаков веселья, с горящими от гнева глазами.

— Маннинг! — вскрикнул Уилсон. — Маннинг!

Он метнулся к двери, но серая фигура неправдоподобно быстрым прыжком, будто сгусток пара, подхваченный ветром, загрозила ему догору.

— Куда ты так спешишь? — с издевкой спросил Маннинг. — Ты же меня не боишься, верно?

— Послушай, — простонал Уилсон, — я не думал, что все так обернется. Я просто устал от работы, Пейдж меня загонял. Мне надоели эти жалкие гроши, мне хотелось денег, много денег.

— И поэтому ты нас продал, — сказал Маннинг.

— Нет! — воскликнул Уилсон. — Я не хотел! Я даже не задумывался о последствиях!

— Так задумайся теперь, — сурово проговорил Маннинг. — И как следует задумайся. Где бы ты ни был, куда бы ни шел, что бы ни делал — знай, что я не спускаю с тебя глаз. Я не дам тебе покоя ни на секунду.

— Прошу тебя, — взмолился Уилсон, — пожалуйста, уйди, оставь меня! Я отдам тебе деньги... все, что осталось.

— Ты продал нас за двадцать тысяч. А мог, между прочим, потребовать двадцать миллионов. Чемберс за-

платил бы, поскольку твое сообщение на самом деле стоит двадцати миллиардов.

Уилсон, хрипя и задыхаясь, бросил на пол пальто, попятился и, наткнувшись на кресло, неуклюже свалился в него, не спуская глаз с серой туманной фигуры.

— Подумай об этом, Уилсон, — насмешливо продолжал Маннинг. — Ты мог стать миллионером, даже миллиардером. И все сокровища, которые дает богатство, лежали бы у твоих ног. А ты продался за жалкие двадцать тысяч.

— Что же мне теперь делать? — со стоном выдохнул Уилсон.

Туманное лицо скривилось в усмешке.

— Не думаю, чтобы ты смог сделать еще что-нибудь.

И прямо на глазах у Уилсона лицо начало таять: черты его размылись, растворились в струящейся дымке. Потом и она испарилась. В воздухе заискрилось слабое мерцание — и погасло.

Уилсон зашаркал к столу и схватил бутылку виски. Руки у него тряслись так сильно, что рядом с бокалом образовалась лужа. Он с трудом поднес бокал ко рту — и расплескал половину прямо на белую рубашку.

Глава 9

Людвиг Статсмен крепко сжал тонкие губы.

— Такой, значит, расклад, — сказал он.

Спенсер Чемберс, сидя за столом, изучал своего собеседника. Статсмен напоминал ему волка — поджарого, жестокого и коварного. И даже наружность у него какая-то волчья: длинное худое лицо, маленькие блестящие глазки, бескровные тонкие губы... Но этот хищник не дожидается инструкций, а действует по своему усмотрению. И действует безошибочно, хотя и беспощадно.

— К чрезвычайным мерам, столь вами излюбленным, прошу вас прибегнуть лишь в самом крайнем случае, — предупредил Чемберс. — Если придется, мы ни перед чем не остановимся. Но не сейчас. Я хочу решить этот вопрос по возможности без шума. Пейдж и Маннинг — не такие люди, чье исчезновение могло бы пройти незамеченным. Начнется расследование, забегают ищейки — в общем, будет куча неприятностей.

— Понимаю, — кивнул Статсмен. — Конечно, лучше бы их записи просто пропали и кто-то бы их нашел. Вы, например. Скажем, в один прекрасный день они оказались бы у вас на столе.

Собеседники смерили друг друга долгими взглядами, скорее как враги, нежели как союзники.

— Не у меня, — буркнул Чемберс, — а у Крэйвена. Чтобы Крэйвен открыл эту новую энергию. Все открытия Крэйвена принадлежат «Межпланетной».

Президент встал из-за стола, выглянул в окно. Потом вернулся и вновь уселся на стул. Откинулся на спинку, сложил вместе кончики пальцев. Под усами промелькнула белозубая усмешка.

— Я о ваших делах ничего не знаю, — сказал он. — Ни про какую энергию материи слыхом не слыхал. Пусть Крэйвен ею занимается, это его проблема. Вы будете работать самостоятельно, вы и Крэйвен. А я вас не знаю и знать не желаю.

— Я всю жизнь работаю самостоятельно, — отрезал Статсмен и захлопнул челюсти, словно стальной капкан.

— Кстати, как поживает Юпитерианская конфедерация? — не без ехидства осведомился Чемберс. — Надеюсь, там все в порядке?

— Не совсем, — ответил Статсмен. — Народ до сих пор возмущается, не может забыть про Меллори.

— Но Меллори сидит в тюремном корабле! Сейчас он должен быть где-то возле Меркурия, если я не ошибаюсь.

— Они его не забыли, — покачал головой Статсмен. — Похоже, не сегодня-завтра там начнутся беспорядки.

— Мне это совсем не нравится, — вкрадчиво заметил Чемберс. — Боюсь, меня это сильно расстроит. Я специально послал вас туда, чтобы вы привели их в чувство.

— Беспорядки в конфедерации — сущая мелочь по сравнению с угрозой, о которой вы мне рассказали, — парировал Статсмен.

— Обе эти задачи я возлагаю на вас, — сказал Чемберс. — Уверен, что вы справитесь.

— Я справлюсь, — заявил, вставая, Статсмен.

— Я в этом не сомневаюсь, — отозвался Чемберс.

Он стоял и глядел на дверь, которую Статсмен захлопнул за собой. Может быть, он допустил ошибку, вызвав Статсмена с Каллисто? Может, вообще не стоило прибегать к его услугам? Президента коробило от мысли о методах, которыми его подручный добивался цели. Бесчеловечных методах...

Чемберс медленно опустился на стул, лицо его ожесточилось. Он создал свою империю из множества миров, а такую империю без железного кулака не создашь. Он завоевывал дюйм за дюймом, подчинял себе планету за планетой, он силой устанавливал свою власть. А теперь его империи угрожают двое, открывшие более мощную силу. С этой угрозой должно быть покончено! И чем скорее, тем лучше.

Чемберс нажал на кнопку переговорного устройства.

— Да, мистер Чемберс? — откликнулась секретарша.

— Доктора Крэйвена ко мне, — приказал президент.

В кабинет, ссутулясь, вошел Крэйвен. Волосы, как всегда, всклокочены, глаза из-за толстых стекол настороженно буравят президента.

— Посылали за мной? — буркнул он, садясь в кресло.

— Посылал, — сказал Чемберс. — Выпьете что-нибудь?

— Нет. И курить не буду тоже.

Чемберс взял из ящичка длинную сигару, обрезал кончик и сунул ее в рот.

— Я человек занятой, — напомнил о себе Крэйвен.

Президент, не спуская с ученого насмешливо прищуренных глаз, зажег спичку.

— Похоже, вы и впрямь сильно заняты, доктор. Но мне бы хотелось услышать что-нибудь поконкретнее.

— Через несколько дней, может, и услышите! — огрызнулся ученый. — Если оставите меня в покое и дадите работать.

— Насколько я знаю, вы все еще работаете над коллектором излучений? И как успехи?

— Пока не очень. Открытия не делаются по заказу, это вам не конвейер. Я тружусь дни и ночи, и, если проблема в принципе разрешима, я ее решу.

Чемберс просиял.

— Продолжайте трудиться. Но я хотел поговорить с вами о другом. Полагаю, вы слышали о том, что я потерял на Ранторской бирже кучу денег?

— Кое-что слышал, — ехидно ухмыльнулся Крэйвен.

— Я в этом не сомневался. — Чемберс помрачнел. — Похоже, весь мир уже знает о том, как Бен Рейл посадил Чемберса в лужу.

— Значит, он вас действительно обставил? Я думал, что это слухи.

— Обставил, вы правы. Но меня сейчас волнует другое. Я хочу знать, как ему это удалось. Никто, даже самый искушенный знаток рынка, не в состоянии так точно предвидеть его колебания, как это делал Бен Рейл. А ведь он вовсе не такой уж знаток. Когда человек, всю жизнь играющий лишь наверняка, вдруг переворачивает рынок с ног на голову, это выглядит неестественно. Еще более неестественно то, что он ни разу не ошибся.

— От меня-то вы чего хотите? — спросил Крэйвен. — Я ученый, у меня никаких акций в жизни не бывало.

— Тут есть один аспект, который может вас заинтересовать, — сказал Чемберс, откинувшись на спинку стула и затягиваясь сигарой. — Рейл — близкий друг Маннинга. И у Рейла просто не хватило бы средств на такие операции. Кто-то снабдил его деньгами.

— Маннинг? — спросил Крэйвен.

— А вы сами как думаете?

— Если в этом замешан Маннинг, — язвительно заметил Крэйвен, — тут уж ничего не попишешь. Против вас объединились деньги и гений. Маннинг не Бог весть какой ученый, Пейдж куда талантливее. Но вместе они сила.

— Так, по-вашему, они способные ученые? — спросил Чемберс.

— Способные? Они открыли энергию материи, не так ли? — Ученый бросил на своего работодателя свирепый взгляд. — По-моему, это говорит само за себя.

— Да, конечно, — раздраженно согласился Чемберс. — Но вы мне можете сказать, как они провернули операцию на бирже?

— Я могу только догадываться. — Крэйвен скорчил гримасу. — Эти парни не просто открыли новую энергию: они ее запрягли и поехали дальше. Не исключено,

что в их распоряжении сейчас такие средства, о каких мы даже не подозреваем. Как вы, вероятно, помните, они наткнулись на энергию материи, изучая силовые поля, а об этих полях до сих пор известно очень мало. И люди, которые с ними экспериментируют, могут сделать любые открытия, самые что ни на есть неожиданные.

— К чему вы клоните?

— Я подозреваю, что они изобрели телевидение нового типа, работающее в четвертом измерении и использующее время как фактор. Для такого телевидения не существует преград. Оно может проникнуть куда угодно, причем со скоростью, значительно превышающей световую, то есть почти мгновенно.

Чемберс напряженно подался вперед.

— Вы уверены?

— Это только догадка, — покачал головой Крэйвен. — Я просто старался представить себе, что бы я сделал на месте Пейджа и Маннинга.

— И что бы вы сделали?

— Я снимал бы все, что происходит в этом кабинете, — мрачно усмехнулся Крэйвен. — Я бы не спускал глаз с нас обоих. Если мои предположения верны, то Маннинг сейчас наблюдает за нами и слышит каждое наше слово.

— Я не верю, что это возможно! — гневно выкрикнул Чемберс.

— Доктор Крэйвен прав, — ответил ему спокойный голос.

Чемберс резко повернулся и ахнул. Посреди комнаты, прямо напротив стола, стоял Грег Маннинг.

— Если вы не возражаете, — сказал Грег, — я хотел бы поговорить с вами.

Крэйвен вскочил из кресла, глаза его горели.

— Объемное! — выдохнул он. — Как вы это делаете?

— Вы сами только что упоминали о такой возможности, доктор. Но о принципе действия, если позволите, я пока умолчу, — улыбнулся Грег.

— В таком случае примите хотя бы мои поздравления! — сказал Крэйвен.

— Очень великодушно с вашей стороны. Честно говоря, я такого не ожидал.

— Но я поздравляю вас от души, черт бы меня побрал! — воскликнул Крэйвен.

Чемберс встал, протянул через стол руку. Грег медленно вытянул вперед свою.

— Простите, но настоящего рукопожатия не получится, — сказал он. — Меня здесь нет, вы же понимаете. Это только изображение.

Чемберс уронил руку на стол.

— Да, я, конечно, сглупил. Но вы выглядите так натурально... — Он снова опустился на стул, пригладил серые усы, усмехнулся: — Так вы за мной наблюдали?

— Время от времени.

— И какова причина вашего визита? Вы сохранили бы значительное преимущество, оставаясь невидимым. Я не совсем поверил Крэйвену, вы сами видели.

— Это не так уж важно. Я решил, что нам надо попробовать договориться.

— Значит, вы предлагаете деловой разговор?

— Не в том смысле, как вы это понимаете, — ответил Грег. — Я не собираюсь идти на уступки, но не вижу причин, почему мы с вами должны воевать друг с другом.

— Конечно, — сказал Чемберс. — Я тоже их не вижу. Я с удовольствием приобрету ваше открытие.

— Но я вам его не продам!

— Не продадите? Почему? Я готов заплатить.

— Вы заплатите, не сомневаюсь. Любую цену, какую бы я ни запросил... Даже если вам придется выложить все до последнего цента. А потом спишете эти деньги в графу убытков и забудете об энергии материи. И я даже скажу вам почему.

В комнате повисла тяжелая тишина. Двое соперников молча сверлили друг друга взглядами.

— Вы не будете ее использовать, — наконец заговорил Грег, — потому что она ослабит удавку, накинутую вами на Солнечную систему. Энергия станет слишком дешевой. Отпадет необходимость арендовать у вас аккумуляторы. Спутники Юпитера и Марс обретут независимость. Вы могли бы заработать миллиарды вполне законным образом, продавая генераторы новой энер-

гии... но вы не захотите. Вы жаждете быть диктатором Солнечной системы. И именно этому я собираюсь воспрепятствовать.

— Послушайте, Маннинг, вы же разумный человек. Давайте поговорим без эмоций. Каковы ваши планы?

— Я могу выбросить свои генераторы на рынок и тем самым разорить вас. Вам не удастся сдать в аренду ни единого аккумулятора, а акции «Межпланетной» будут стоить дешевле бумаги, на которой они напечатаны. Энергия материи оставит от вашей компании мокрое место.

— Вы забываете, что у меня на всех планетах торговые льготы, — предупредил Чемберс. — Я затаскаю вас по судам и буду таскать до тех пор, пока геенна огненная не покроется льдом.

— А я докажу преимущества, экономичность и удобства эксплуатации новой энергии. И любой суд на любой планете будет на моей стороне.

— Только не на Марсе и не на спутниках Юпитера, — покачал головой Чемберс. — Они получают приказ вынести решение в мою пользу, а все внеземные суды делают то, что я им приказываю.

Грег выпрямился и отвернулся.

— Я не люблю разорять людей. Вы трудились в поте лица, вы создали солидную компанию. Если вы согласитесь на капитуляцию, я подожду с объявлением об открытии энергии материи, чтобы дать вам время спасти то, что можно спасти.

Лицо Чемберса исказилось от ярости.

— Вы не сделаете ни единого генератора вне стен своей лаборатории! Можете не расстраиваться по поводу моего разорения. Я не позволю вам встать у меня на дороге! Надеюсь, вы меня поняли.

— Понял, и даже слишком хорошо. Да, вы подчинили себе Марс и Венеру, купили с потрохами Меркурий, вы диктуете свою волю Юпитерианской конфедерации — но для меня вы обычный человек, не более. Человек, который отстаивает неприемлемые с моей точки зрения принципы.

Грег сделал паузу. Глаза его мерцали ледяными кристаллами.

— Вы сегодня беседовали со Статсменом, — продолжал он. — На вашем месте я предостерег бы его от опрометчивых поступков. Мы с Рассом будем вынуждены обороняться.

— Я должен понять это как объявление войны, мистер Маннинг? — В голосе Чемберса звучала еле заметная ирония.

— Понимайте как хотите, — отрезал Грег. — Я пришел к вам с деловым предложением, а вы в ответ заявляете, что разделяетесь со мной. На прощание скажу вам, Чемберс, только одну вещь: прежде чем нападать на меня, запаситесь сначала глубокой темной норой, чтобы было куда укрыться. Потому что на любой ваш удар я отвечу двойным ударом.

Глава 10

— Кому-то из нас придется наблюдать за ними постоянно, — сказал Рассу Грег. — Расслабляться нельзя ни на минуту. Рано или поздно Статсмен нанесет удар, и он не должен застать нас врасплох.

Грег бросил взгляд в сторону радарного экрана, пополнившего этим утром ряд контрольных приборов. Теперь любой самолет в радиусе ста миль будет немедленно обнаружен и взят на прицел.

На панели тут же замигала сигнальная лампочка, а на экране радара появился большой пассажирский лайнер, шедший в направлении аэропорта, расположенного к югу от лаборатории.

— Аэропорт так близко, — посетовал Расс, — что сигналы будут непрерывно.

— Я велел бельгийцам ускорить строительство корабля, — отозвался Грег, — но им все равно понадобится еще две недели, не меньше. Нужно набраться терпения и ждать. Как только корабль будет готов, мы атакуем Чемберса, но пока нам остается лишь окопаться и занять круговую оборону.

Он вновь посмотрел на радарный экран. Лайнер сделал вираж и пошел на посадку. Грег окинул взглядом лабораторию, до предела забитую оборудованием.

— Не стоит обманываться насчет Чемберса, — сказал он. — Может быть, на Земле он и не так всемогущ,

как на других планетах, но власти у него и здесь достаточно. Судя по всему, теперь он настроен покончить с нами как можно скорее.

Расс потянулся к столу, стоявшему сбоку от контрольной панели, и взял в руки небольшой, но замысловатого вида приборчик. Спереди у него было девять циферблатов со стрелками, три из которых указывали на какие-то деления, а шесть неподвижно стояли на нуле.

— Что это? — спросил Грег.

— Механическая ищейка, — ответил Расс. — Что-то вроде механического шпика. Пока ты фокусничал на бирже, я смастерил несколько штук. Один для Уилсона, другой для Чемберса, третий для Крэйвена. — Он приподнял и вновь поставил на место четвертый индикатор. — А вот этот предназначен для Статсмена.

— Вроде шпика? Ты хочешь сказать, что эта штука может следить за Статсменом?

— Не только следить. Она отыщет его, где бы он ни был. Каждый человек носит на себе — или при себе — какую-нибудь вещь из железа или из другого металла, способного притягиваться к магниту. Внутри этого шпика микроскопическая частица дурацкой военной побрякушки, с которой Статсмен никогда не расстается. Стоит найти этот орден, и мы найдем Статсмена. В другом шпики частица пряжки Уилсона — помнишь, фирменная пряжка его колледжа, он ею еще так гордился? У Чемберса есть кольцо из метеоритного железа — тоже хорошая наживка для шпика. А в ищейке Крэйвена хранится кусочек оправы от очков. Достать эти реликвии было несложно. Наше силовое поле может стащить все, что угодно, от здорового станка до микроскопической частицы материи, ему без разницы.

Расс хихикнул и поставил приборчик обратно на стол.

— У этой машинки, как и у нашей телеустановки, есть свое маленькое поле, — пояснил он. — Только оно модифицировано и обладает магнетическими свойствами, а потому способно обнаружить любую металлическую субстанцию, если ее частица находится внутри поля.

— Хитрая штучка, — похвалил Грег.

Расс довольно пыхнул трубкой.

— А главное — необходимая.

На панели опять замигала сигнальная лампочка. Расс схватился за рычаг, другой рукой подкрутил настройку. Это оказался всего лишь очередной пассажирский самолет. Друзья слегка расслабились — но только слегка.

— Интересно, что у него на уме? — проговорил Расс.

Статсмен остановил машину в портовом районе Нью-Йорка. В сумерках утрюмыми призраками темнели выщербленные гнилые пирсы и полуразрушенные старые склады, заброшенные и опустевшие с тех пор, как последний корабль, побежденный воздушным транспортом, навеки стал на якорь.

Статсмен вышел из машины и сказал:

— Жди здесь.

— Да, сэр, — послышался голос шофера.

Статсмен зашагал вниз по темной улице. Телекамера следовала за ним. На экране он казался более густой тенью, движущейся на фоне теней этого старого, почти забытого района величайшего города Солнечной системы.

От серой стены дома отделилась еще одна тень, заковыляла навстречу Статсмену.

— Сэр, — заныла тень, — я не ел уже...

Все произошло мгновенно: молниеносный взмах трости, глухой звук удара по голове — и тень попрошайки рухнула на тротуар. Статсмен зашагал дальше.

— Он сегодня не в настроении, — присвистнул Грег.

Статсмен нырнул в аллею, где сумрак сгустился в почти непроглядную мглу. Расс осторожно подкрутил настройку, приблизив камеру вплотную к Статсмену, чтобы не потерять его. А тот внезапно свернул в подворотню и утонул в кромешной тьме. Друзья услышали резкий, нетерпеливый стук трости о дверь.

Подворотню залил яркий свет, но Статсмен, словно не замечая его, продолжал колотить по двери. Цвета на экране как-то странно исказились.

— Ультрафиолетовые лучи, — пробормотал Грег. — Хозяин квартиры не пускает к себе в гости кого попало.

Дверь со скрипом отворилась, на тротуар легла бледно-желтая полоска электрического света. Статсмен шагнул через порог. Человек, открывший дверь, мотнул головой:

— В заднюю комнату.

Камера, следуя за Статсменом, скользнула в освещенную переднюю. Пол и деревянные остатки обстановки устилал густой слой пыли и куски обвалившейся штукатурки. Неровными зигзагами пролегли широкие борозды — следы от мебели или тяжелых ящиков, которые тащили через комнату, нимало не заботясь о покрытии пола. Дешевые обои лохмотьями свисали со стен, залитых потоками воды из лопнувшей трубы.

Но задняя комната являла собой разительный контраст передней. Дорогая, удобная мебель, пол затянут стальной тканью, на стенах та же ткань украшена разноцветными росписями.

Под лампой сидел человек и читал газету. Он вскочил, словно внезапно разжатая пружина. Расс ахнул. Лицо вскочившего человека было знакомо всем обитателям Солнечной системы. Эта крысиная физиономия с печатью жестокости и коварства часто появлялась на страницах газет и телеэкранах, и отнюдь не по заказу ее обладателя.

— Скорио! — прошептал Расс.

Грег молча кивнул, крепко сжав челюсти.

— Статсмен! — удивленно воскликнул Скорио. — Кого-кого, а тебя я меньше всех ожидал здесь увидеть! Заходи, садись. Чувствуй себя как дома.

— Это не светский визит, — отрезал Статсмен.

— Я так и понял, — ответил гангстер. — Но все равно присядь.

Статсмен осторожно примостился на краешке стула. Скорио уселся обратно в кресло и замолчал.

— Есть дело, — без предисловий объявил Статсмен.

— Отлично. Ты не часто предлагаешь мне работенку. В последний раз это было три-четыре года назад, помнишь?

— За нами могут следить, — предупредил Статсмен.

Бандит привстал, обшаривая комнату взглядом.

— Если за нами следят, мы не сможем им помешать, — раздраженно буркнул Статсмен.

— Как то есть не сможем? — заорал гангстер. — Почему не сможем?

— Потому что наблюдатель находится на Западном побережье. Нам его не достать. И если он следит за

нами, то видит каждое наше движение и слышит каждое слово.

— Кто он такой?

— Грег Маннинг или Расс Пейдж, — ответил Статсмен. — Слышал о них?

— Конечно, слышал.

— Они изобрели телевидение нового типа. Эти парни могут теперь видеть и слышать все, что происходит на Земле, если не во всей Солнечной системе. Но я не думаю, что они наблюдают за нами сейчас. У Крэйвена есть детектор, который обнаруживает телеслежку — регистрирует особые эффекты их силового поля. Несколько минут назад, когда я уходил из лаборатории, слежки не было. Не исключено, что за это время они сели мне на хвост, но вряд ли.

— Значит, Крэйвен смастерил детектор, — спокойно произнес Грег. — Теперь он может засечь, когда мы за ними наблюдаем.

— Доктор далеко не дурак, — согласился Расс.

— Посмотри на этот детектор сейчас! — всполошился Скорио. — Проверь, следят ли они! Тебе не надо было сюда приходить. Послал бы мне весточку, мы бы встретились с тобой где-нибудь в другом месте. Об этом убежище никто не должен знать!

— Кончай ныть! — оборвал его Статсмен. — У меня нет с собой детектора. Он весит полтонны.

Скорио, явно встревоженный, поглубже устроился в кресле.

— Ты все-таки хочешь рискнуть и поговорить о деле?

— Естественно. За этим я и пришел. Вот мое предложение. Маннинг с Пейджем работают в лаборатории на Западном побережье, в горах. Точные координаты сообщу потом. У них есть бумаги, которые нам нужны. Мы не против, если с лабораторией что-нибудь случится — если она взорвется, например, — но в первую очередь надо достать бумаги.

Скорио ничего не ответил. Хитрое лицо его было непроницаемо.

— Достань мне бумаги, — продолжал Статсмен, — и я помогу тебе убраться на любую планету, куда пожелаешь. Ты получишь двести тысяч кредитных сертификатов «Межпланетной». А если представишь доказательства того, что лаборатория взлетела на воздух, или испарилась, или с ней приключилось еще что-нибудь, сумма увеличится до пятисот тысяч.

Ни один мускул не дрогнул на крысиной физиономии. Скорю бесстрастно спросил:

— А почему ты не пошлешь туда кого-нибудь из своих ребят?

— Потому что мне ни в коем случае нельзя быть замешанным в этом деле, — ответил Статсмен. — Если ты проколешься, я ничем не смогу тебе помочь. Поэтому тебе и платят такую кучу денег.

— Но если бумаги настолько ценные, зачем мне отдавать их тебе? — сощурился гангстер.

— Для тебя они не представляют никакой ценности.

— Почему это?

— Потому что ты не сможешь их прочесть, — сказал Статсмен.

— Я умею читать, — обиделся гангстер.

— Язык, на котором они написаны, доступен от силы двум дюжинам человек в Солнечной системе. И лишь половина из них поймет прочитанное, а осуществить это на практике сумеет разве что половина из половины. — Статсмен наклонился вперед и ткнул в гангстера пальцем. — И только двое человек в Системе способны написать такое.

— Что же это за язык, черт подери, если его понимают считанные единицы?

— Это не совсем язык. Это математика.

— А-а, арифметика!

— Нет. Математика. Вот видишь — ты даже не знаешь, какая между ними разница. Зачем тебе эти бумаги?

— Пожалуй, ты прав, — согласился Скорю.

Глава 11

Экспресс «Париж — Берлин» с ревом мчался в ночи — гигантский лайнер, забравшийся в самое поднебесье. Далеко внизу тускло мерцали огоньки Западной Европы.

Гарри Уилсон, прильнув лицом к стеклу, глядел на землю, но ничего, кроме крошечных огоньков, не видел. Отрезанные от мира, они одиноко мчались сквозь черную мглу.

Но Уилсон нутром чуял чье-то незримое присутствие. Кто-то был здесь еще, кроме пилота с его приборами, стюардессы и трех скучных попутчиков. Тело Уилсона дрожало мелкой дрожью, неизъяснимый ужас шевелил волосы на затылке.

— Стало быть, ты ударился в бега, Гарри Уилсон? — прошептал ему на ухо еле слышный голос.

Тихий, почти нереальный, он доносился откуда-то издалека и в то же время звучал совсем рядом. Этот голос, холодный, неумолимый, Уилсон узнал бы из миллиона других.

Он съежился на сиденье, застонал.

А голос продолжал:

— Разве я не предупреждал, что бежать бессмысленно? Что я найду тебя везде, куда бы ты ни скрылся?

— Сгинь! — прохрипел Уилсон. — Оставь меня! Тебе не надоело меня преследовать?

— Нет, — ответил голос. — Не надоело. Ты продал нас. Ты настучал Чемберсу, и теперь он подсылает к нам наемных убийц. Но у них ничего не выйдет, Уилсон.

— Ты меня не достанешь! — вызывающе заявил Уилсон. — Руки короткие! Ты только и можешь, что разговоры разговаривать. Хочешь довести меня, чтобы я спятил? Зря стараешься! Плевать я хотел на твои разговоры!

Голос хихикнул.

— Ты ничего не можешь! — совсем взъярился Уилсон. — Все это пустые угрозы. Ты вынудил меня уехать из Нью-Йорка, потом из Лондона, а теперь из Парижа. Но из Берлина ты меня не выпрешь! Я тебя в упор больше не слышу!

— Уилсон! — прошептал голос. — Загляни-ка в свой чемоданчик. В тот самый, где ты хранишь свои денежки, пачку кредитных сертификатов. Почти одиннадцать тысяч долларов — все, что осталось от двадцати тысяч, которые дал тебе Чемберс.

Издав дикий вопль, Уилсон схватился за чемодан, лихорадочно зашарил внутри.

Кредитные сертификаты исчезли!

— Ты украл мои деньги! — возопил Уилсон. — Все мои сбережения! У меня нет больше ничего, кроме пары долларов в кармане!

— Их у тебя тоже нет, Уилсон, — хихикнул голос.

Послышался треск разрываемой ткани, словно чья-то огромная ручища залезла в пальто Уилсона и с мясом выдрала внутренний карман. В воздухе мелькнул бумажник, пачка листов бумаги — и все они пропали.

К Уилсону подбежала встревоженная стюардесса.

— Что-нибудь случилось?

— Они забрали... — начал Уилсон и осекся.

Что он мог ей сказать? Что его ограбил человек, который находится сейчас в другом полушарии?

Трое пассажиров глядели на него во все глаза.

— Извините, мисс, — запинаясь, пробормотал Уилсон. — Простите, пожалуйста. Мне просто что-то при-
снилось.

Потрясенный, дрожащий, он забился в угол кресла. Ощупал пальцами выданный карман... Они ограбили его — здесь, далеко от земли, на полпути между Парижем и Берлином... Ограбили и бросили без денег, без паспорта, оставив ему только одежду и пару безделушек в чемодане.

Он попытался взять себя в руки, взвесить ситуацию. Самолет пересек границу Центральной Европейской федерации, а это, вне всякого сомнения, не такое место, где можно разгуливать без паспорта и без гроша в кармане. В голове мелькали кошмарные картины, одна другой хуже. Его могут принять за шпиона. Или арестовать за нелегальный въезд. Или напустить на него тайную полицию.

Смертельный ужас, навалясь ему на плечи, путал мысли, не давал сосредоточиться. Уилсон передернулся, еще глубже вжался в угол сиденья, сцепил трясущиеся пальцы на коленях.

Он телеграфирует друзьям в Америку. Они подтвердят его личность и поручатся за него. Он займет у них денег на обратный билет. Но кому послать телеграмму? И вдруг с мучительной горечью Уилсон осознал ту страшную истину, что во всем мире, во всей Солнечной системе нет ни одного человека, которого он мог бы назвать своим другом. Неоткуда ждать ему помощи.

Он уронил голову и зарыдал, судорожно вздрагивая всем телом.

Пассажиры недоуменно уставились на него. Стюардесса беспомощно застыла рядом. Уилсон знал, что выглядит глупо, словно напуганный младенец, но ему было все равно.

Он действительно был напуган.

Грегори Маннинг просмотрел кучку предметов, лежавших перед ним на столе. Пачка кредитных сертификатов, бумажник, паспорт, другие документы.

— На этом наш маленький инцидент исчерпан, — сурово заявил он. — Отныне предоставим Уилсона его собственной судьбе.

— А ты не слишком круто с ним обошелся, Грег? — спросил Рассел Пейдж.

Маннинг покачал головой.

— Он предатель, самая низкая тварь на свете. Он предал наше доверие. Он продал то, что ему не принадлежало. Продал ради денег — поэтому я у него их забрал.

Грег оттолкнул от себя пачку сертификатов.

— Не знаю только, что делать со всем этим барахлом. Тут ему не место.

— Может, пошлем подарочек Чемберсу? — предложил Расс. — Пускай обнаружит паспорт и деньги с утра пораньше у себя на столе. Глядишь, и призадумается.

Глава 12

Скорио злобно орал стоявшей перед ним четверке:

— Все должно быть сработано чисто! Чтобы никаких проколов! Вы меня поняли?

Здоровенный амбал с плоским лицом и шрамом во всю щеку тоскливо переминался с ноги на ногу.

— Мы все усвоили, шеф. Десять раз обговорили все до мелочей. Мы знаем, чего делать.

Амбал улыбнулся шефу кривой улыбкой, больше походившей на издевательскую усмешку. Как-то раз он не успел вовремя отскочить в сторону и огненный луч прочертил на его правой щеке аккуратную красную полоску, отхватив заодно кончик мочки.

— Ладно, Пит. — Скорио смерил бандита грозным взглядом. — Самая тяжелая часть работы приходится на тебя, так что не расслабляйся. Значит, ты берешь с собой две пушки и набор инструментов.

— Да, железки у меня что надо. Ими вскрыть любую дверь — раз плюнуть, — криво усмехнулся Пит.

— Сегодня тебе придется попотеть! — рыкнул Скорио. — Две двери и сейф. Ты уверен, что справишься?

— Положитесь на меня, — пробасил Пит.

— Ты, Чиззи, поведешь самолет, — продолжал Скорио. — Координаты знаешь?

— Конечно, — ответил Чиззи. — Назубок вызубрил. Могу лететь с закрытыми глазами.

— Лучше держи их открытыми. Дело слишком серьезное, ошибок быть не должно. Подойдешь на предельной скорости и сядешь на крышу. Из кабины ни шагу, и чтоб одну руку держал на гашетке огнемета. Пит, Макс и Рег пойдут к двери. Рег останется там с баззером и полным боекомплектom. — Он повернулся к Регу: — Оружие в порядке?

Рег энергично кивнул.

— Четыре барабана. Один в баззере, другой запасной и два с разрывными пулями.

— В каждом барабане тысяча патронов, — сказал Скорио. — Но барабана хватает всего на минуту, так что стреляй очередями.

— Знаю, шеф, не первый раз в руках баззер держу!

— Там всего двое человек, — продолжал Скорио, — и они наверняка будут дрыхнуть. Сядете с выключенным мотором. Крыша над лабораторией крепкая, проснуться они не должны. Но бдительности не терять! Пит с Максом зайдут в лабораторию и вскрыют сейф. Сунете все бумаги в сумки и бегом к самолету. Когда взлетите, откроете огонь. Эта лаборатория со всем ее содержимым должна испариться. Чтобы ни единой пуговицы там не осталось! Поняли?

— Конечно, шеф, — сказал Пит, потирая ладони.

— Тогда за дело. Убирайтесь!

Четверка вышла из комнаты через дверь, ведущую в полуразрушенный склад, где их поджидал самолет обтекаемой формы. Бандиты быстро забрались в него, и самолет, плавно задрав кверху нос, устремился сквозь разбитую крышу в небо, все дальше и дальше оставляя под собой сияющие шпили Нью-Йорка.

В комнате с занавешенными стальной тканью стенами остался один Скорио. Он довольно хмыкнул, достал сигарету и чиркнул спичкой.

— У них нет ни единого шанса! — сказал он вслух.

— У кого? — спросил его писклявый голосок.

— У Маннинга с Пейджем, конечно... — начал Скорио и осекся. Спичка догорела, обожгла ему пальцы. Он выронил спичку и взревел: — Кто здесь?!

— Это я, — безмятежно ответил голосок.

Скорио взглянул на стол. Верхом на спичечном коробке сидел трехдюймовый человечек!

— Кто ты такой? — взвизгнул гангстер.

— Я Маннинг. Тот самый, кого ты собираешься убить. Ты что, забыл уже?

— Пошел к черту!

Скорио выхватил из ящика стола огнеметный пистолет и нажал на спуск. Поставленный на минимальный диаметр, пистолет бил без промаха. Из дула вырвалась упругая струя шириной с карандаш и впилась в поверхность стола, обжвав пламенем крохотную фигурку. Спичечный коробок взорвался красной вспышкой, тусклой на фоне ослепительного голубого огня.

А человечек, стоя в огненном потоке, помахал Скорио ручкой и пропищал:

— Может, мне еще немного уменьшиться? Попасть будет труднее, зато спортивного азарта больше.

Скорио отпустил спусковой крючок. Пламя погасло. Из дымящейся канавки, прожженной в дубовой столешнице, ловко выбрался Грег Маннинг ростом уже не более дюйма.

Гангстер положил пистолет на стол, осторожно нагнулся и с размаху прихлопнул тяжелой дланью нахальную фигурку.

— Ага, попался!

Но фигурка, просочившись сквозь пальцы, спокойно шагнула в сторону и увеличилась до шести дюймов.

— Кто ты? — выдохнул бандит.

— Я же тебе сказал, — ответило изображение. — Я Грегори Маннинг. Человек, которого ты велел убить. Я следил за каждым твоим движением и в курсе всех твоих планов.

— Но этого не может быть. Ты сейчас на Западном побережье. Это просто какой-то фокус. У меня, наверно, галлюцинации.

— Какие к черту галлюцинации! Я здесь, в твоей комнате. Стоит мне только захотеть, и я прикончу тебя одним пальцем... и правильно сделаю.

Скорио отпрянул от стола.

— Но я не стану тебя убивать, — продолжал Маннинг. — У меня насчет тебя другие планы, поинтереснее.

— Ты ничего не можешь со мной сделать!

— Гляди! — сурово произнес Маннинг и нацелил палец на кресло.

Оно внезапно затуманилось, за клубилось дымом — и исчезло. Гангстер попятился, не в силах оторвать глаз от пустого места, где только что стояло кресло.

— Гляди сюда! — пропищал голосок.

Скорио резко обернулся.

Маннинг держал кресло в руках. Крошечное, но без сомнения то же самое, что пропало из комнаты мгновение назад.

— Берегись! — предупредил Маннинг и швырнул кресло в воздух.

Оно вспарило, словно пушинка, потом внезапно обрело прежние габариты и зависло над головой у гангстера.

Скорио сдавленно вскрикнул и выбросил вверх обе руки. Кресло рухнуло вниз и увлекло бандита за собой.

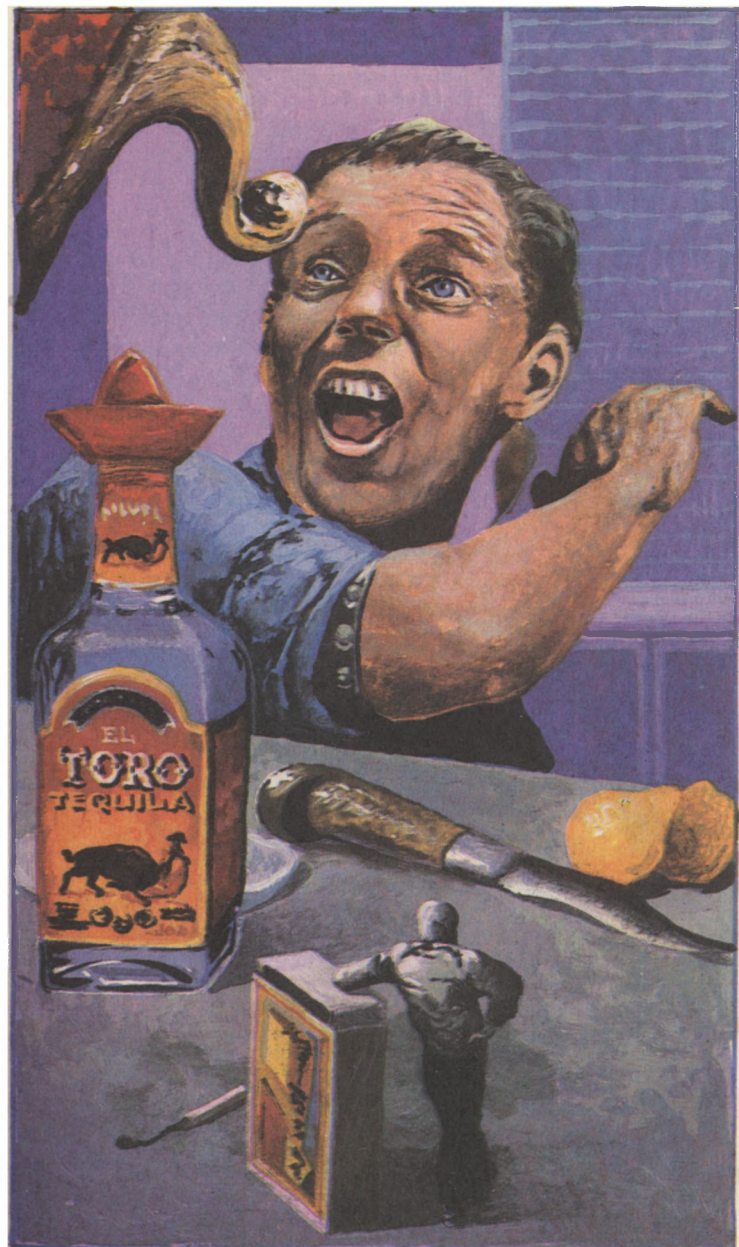
— Теперь ты мне веришь? — грозно спросил Маннинг.

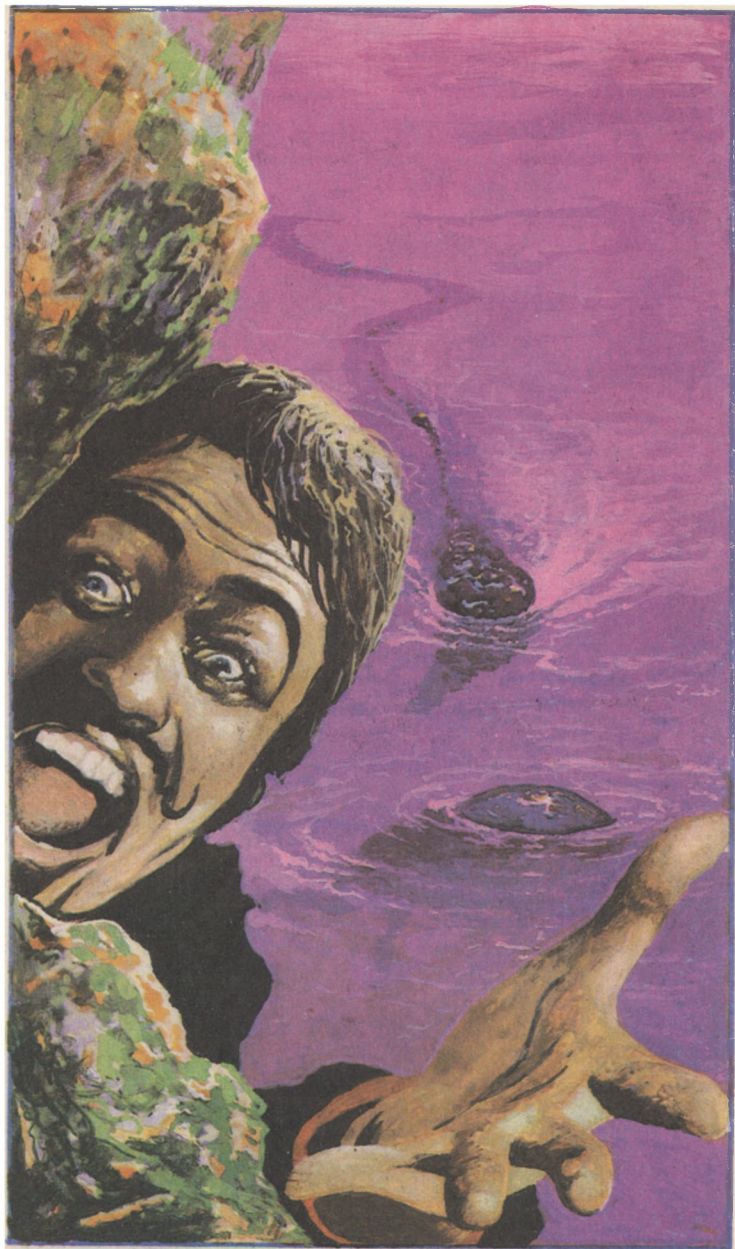
Скорио что-то невнятно промывчал, глядя, как увеличивается в размерах шестидюймовый человек. Он достиг нормального человеческого роста и продолжал расти, пока не уперся головой в потолок. Громадные ладони потянулись к гангстеру.

Скорио пополз от них на четвереньках, испуская истошные вопли.

Исполинские ладони подхватили его и подняли вверх. Комната исчезла. Земля исчезла тоже. Не осталось ничего — ни света, ни тепла, ни силы тяжести. Какую-то неуловимую долю секунды он пребывал в этом странном подвешенном состоянии, а затем резкий пинок вышвырнул его в незнакомое помещение.

Скорио проморгался, поглядел вокруг. Насыщенный озоном воздух в лаборатории тихонько гудел от скрытой в громоздких аппаратах чудовищной энергии.

Перед Скорио стояли два человека. Он отшатнулся, выдохнув:

— Маннинг!

Маннинг свирепо ухмыльнулся.

— Присаживайся, Скорио. Долго ждать не придется. Твои дружки придут с минуты на минуту.

Чиззи, склонившись над приборной панелью, вглядывался в навигационную карту. Тишину в кабине нарушал лишь свист рассекаемого воздуха. Высокий, пронзительный свист — и размеренные, смачные шлепки карт, которыми Рег с Максом сосредоточенно играли в двойной солитер.

Самолет поднялся почти к самой стратосфере, удалившись от наезженных воздушных путей. Он летел, не зажигая огней, только в кабине горели тщательно занавешенные лампы.

Пит сидел рядом с Чиззи в кресле второго пилота, глядя прямо перед собой пустыми застывшими глазами.

— Не нравится мне все это, — пожаловался он.

— Почему? — спросил Чиззи.

— Пейдж и Маннинг не какие-нибудь лопухи, с ними опасно шутки шутить. Как бы нам не влипнуть.

Чиззи презрительно сплюнул и вновь склонился к приборам.

Тоненький серп луны посеребрил скалистые горы внизу, словно прошелся размашистой кистью по свеженатянному холсту. Пит поежился. Что-то зловещее было в этом призрачном лунном сиянии, в расплывчатых очертаниях горных хребтов...

— Странно тут как-то, — сказал он.

— Заткнись! — рявкнул Чиззи. — У тебя уже мозги размягчились от старости!

В наступившей тишине снова слышались карточные шлепки.

— Не дрейфь, — сказал Питу Чиззи. — Наше корыто самое надежное в мире, у него моторы в десять раз мощнее обычных. В воздухе за ним никому не угнаться. А корпус такой, что ему не страшны ни пули, ни лучи и ни бомбы. Пробить его невозможно.

Но Пит не слушал его.

— В этом лунном свете вечно мерещится какая-то чертовщина...

— Да ты просто рехнулся! — опять разозлился Чиззи.

Пит вскочил с сиденья. В горле у него клокотало. Дрожащий палец указывал куда-то во тьму.

— Смотри! — крикнул он. — Смотри!

Чиззи приподнялся — и обмер.

Прямо перед ними, на фоне усеянного звездами неба, словно чеканка из лунного серебра, сверкало грозное лицо — огромное и твердое как скала.

Глава 13

В кабине стало совсем тихо. Смолкли даже карточные шлепки. Рег и Макс встревоженно вскочили, услышав вопли своих компаньонов.

— Это Маннинг! — визжал Пит. — Он следит за нами!

Чиззи молниеносным змеиным движением схватился за рычаги управления. И вдруг лицо его покрыла мертвенная бледность. Рычаги были заблокированы! Он дергал их изо всех сил, но они не поддавались. Самолет стремительно мчал навстречу жуткому лицу, повисшему над землей.

— Сделай же что-нибудь! — заорал Макс. — Ты, идиот проклятый, сделай же что-нибудь!

— Не могу, — простонал Чиззи. — Самолет неуправляем.

Такого просто не могло быть! Быстрое, маневренное судно имело в запасе гораздо больше энергии, чем когда-либо могло истратить. А управлять этим чудом техники было легко до изумления. Последнее слово в самолетостроении, мечта любого пилота... И тем не менее какая-то могучая сила держала его в плену.

— Маннинг нас поймал! — снова заверещал Пит. — Мы хотели угробить его, а он схватил нас за шкуру!

Самолет разгонялся. Свист рассекаемого воздуха становился все тоньше и выше. Они почти физически

ощущали, как засасывает их неведомая сила, как влечет она их к себе сквозь разреженную атмосферу.

Лица на небе уже не было. Только луна осталась — луна и размытые склоны гор далеко внизу.

Самолет неожиданно замедлил ход и начал плавно снижаться прямо в оскаленные зубья горных пиков.

— Мы падаем! — завопил Макс.

Чиззи злобно оборвал его.

Но они не падали. Самолет выровнялся и завис над зданием, прилепившимся к вершине горы.

— Это лаборатория Маннинга! — севшим от страха голосом выдавил Пит.

Рычаги внезапно ослабли. Чиззи отключил счетчик энергии и врубил аккумуляторные батареи на полную мощность, послав в двигатели весь свой аварийный запас. Самолет накренился, но не двинулся с места. Двигатели выли и стонали, словно под пыткой. Кабину заполнили клубы дыма и жаркая удушливая вонь паленой резины. Тяжелый корпус трещал под напором отчаянно рвущихся вперед моторов... но самолет застыл как вкопанный над горной лабораторией.

Чиззи, отпустив рычаги, побелел еще больше и повернулся к приборам спиной. Рука его нащупала гашетку огнемета — и вдруг бессильно упала... Потому что в кабине, кроме него, было только два человека — Рег и Макс. Пит исчез!

— Он просто испарился, — заикаясь, сказал Макс. — Стоял вот тут, прямо перед нами, а потом растаял, как облако пара. Раз — и нету!

Что-то сгустилось вокруг Пита. Он не слышал звуков, не видел света, не чувствовал тепла. И собственно-го тела тоже не чувствовал. Будто его мозг внезапно вынули из телесной оболочки.

Слух, зрение и сознание вернулись к нему разом, как если бы кто-то щелкнул выключателем в темной комнате. Из полной тьмы и неподвижности его пинком выдворили в мир, полный звуков и красок.

Этот мир гудел от переполнявшей его энергии, мерцал огнями — лаборатория была битком набита сложной аппаратурой и освещалась большими матовыми

шарами, которые светили, не давая тени, как светит солнце сквозь дымку облаков.

Перед Питом стояли два человека: один с легкой усмешкой на губах, другой с искаженным от страха лицом. Первый, улыбающийся, был Маннинг, а второй, испуганный, — Скорио!

Пит вздрогнул и выхватил из кобуры пистолет. Поймал Маннинга в перекрестье прицела, нажал на спуск. Но жгучая струя, вырвавшаяся из дула, не достигла цели. Пролетев не больше фута, она наткнулась на какое-то невидимое препятствие и взорвалась ослепительным фейерверком, вонзая пылающие искры в тело гангстера.

Пистолет безвольно повис в ослабевшей руке. Ничем не защищенные лицо и ладони Пита покрылись ожогами. Он застонал от мучительной боли и стал неуклюже сбивать язычки пламени, лизавшие одежду.

Маннинг по-прежнему улыбался.

— Ты меня не убьешь, Пит. Только сам поранишься. Тебя окружает силовое поле, через которое не может проникнуть материя.

— Сейчас я спущу сюда Чиззи, — раздался голос откуда-то из угла комнаты.

Пит обернулся и впервые увидел Рассела Пейджа. Ученый сидел за большим пультом, проворно нажимая пальцами на кнопки, и наблюдал за экраном, который наклонно нависал над приборной панелью.

Взглянув на экран, Пит почувствовал приступ головокружения. Он увидел кабину самолета, откуда его только что похитили, увидел трех своих компаньонов, возбужденно обсуждающих его исчезновение...

Пит оторвал глаза от экрана, посмотрел сквозь слуховое окно наверх. На небе четко вырисовывался силуэт самолета. С двух сторон, около кормы и носа, металлический корпус клещами сжимали две голубоватые лучистые полусферы, не давая самолету сдвинуться с места.

Пит снова уставился на экран — и как раз в это мгновение из кабины исчез Чиззи. Впечатление было такое, будто кто-то взял и походя стер губкой нарисованного мелом на доске человечка.

Пальцы Рассы порхали над клавиатурой. Большой палец двинул вперед рычаг, в воздухе что-то загудело.

И рядом с Питом появился Чиззи.

Чиззи не стал хвататься за пистолет. Он застонал и съежился внутри невидимой силовой оболочки.

— Трус несчастный! — рывкнул на него Пит, но Чиззи лишь закрыл лицо руками.

Пит обратился к Скорио:

— Послушайте, босс, какого черта вы тут делаете? Мы же оставили вас в Нью-Йорке!

Скорио ничего не ответил, только сверкнул на него глазами. Пит замолчал, выжидая.

Маннинг, покачиваясь с носков на пятки, разглядывал пленников.

— Неплохой улов за одну ночь! — сказал он Рассу.

Расс усмехнулся и сунул в рот трубку. Маннинг повернулся к главарю бандитов.

— Как ты думаешь, Скорио, что нам делать с этими парнями? Долго их держать в силовых оболочках нельзя, они там задохнутся. Но если я их выпущу, они же сразу откроют пальбу!

— Послушайте, Маннинг, — просипел Скорио, — назовите свою цену. Выпустите нас отсюда. Мы сделаем все, что вы прикажете.

Маннинг перестал улыбаться.

— А на кой вы мне сдались? Вы мне и даром не нужны.

— Что, черт побери, вы собираетесь с нами сделать? — голос гангстера дрожал от страха.

— Знаешь, — сказал Маннинг, — в каком-то смысле я, наверное, немного старомоден. Да, вот именно. Старомоден. Мне не нравится, когда люди за деньги убивают своих ближних. Мне не нравится, когда люди крадут то, что другие создавали в поте лица своего. Мне не нравится, когда воры, убийцы и рэкетеры подкупами развращают городскую власть и взимают дань с каждого мужчины, с каждой женщины и с каждого ребенка.

— Но, Маннинг, — взмолился Скорио, — вы только дайте нам шанс! Вот увидите: мы станем примерными гражданами!

Грег помрачнел еще больше.

— Ты послал сюда этих людей, чтобы убить нас сегодня ночью, не так ли?

— Нет, не совсем так. Статсмен, конечно, хотел, чтобы вас убили, но я велел своим парням только обчистить сейф, а вас не трогать. Я сказал им, что вы славные ребята и что я не желаю причинять вам зла, понимаете?

— Понимаю, — сказал Маннинг и повернулся к Скорио спиной.

Главарь банды дернулся, намереваясь вскочить из кресла, но Расс, заметив его движение, нажал пальцем на кнопку. Скорио с криком замолотил кулаками по силовому полю, окружившему его стеной. Одно-единственное прикосновение к маленькой кнопке захлопнуло капкан, в мгновение ока активизировало оболочку, предусмотрительно созданную вокруг гангстера.

Маннинг даже не обернулся на вопли Скорио. Он прошелся размеренным шагом вдоль строя бандитов и остановился напротив Пита.

— Пит, у тебя за плечами немало побегов, верно?

— В Системе нет такой тюрьмы, которая могла бы меня удержать! — похвастался Пит. — Что верно, то верно.

— Думаю, одна все же найдется, — возразил ему Грег. — Оттуда еще никому не удавалось бежать и вряд ли удастся.

— О чем это вы?

— О флотилии «Вулкан».

Пит, заглянув в глаза стоящего перед ним человека, прочел в них твердую решимость.

— Не посылайте меня туда! Куда угодно, только не туда!

Грег обернулся к Рассу, кивнул. Расс отбарабанил приговор на клавиатуре. Большой палец нажал на рычаг. Пять генераторов энергии материи с громким урчанием пробудились к жизни.

И Пит исчез.

Генераторы извергли из своих глоток оглушительный рев, затопивший лабораторию почти осязаемыми волнами звука. Вокруг напряженно дрожащих корпусов искривилось пространство, причудливо исказив их очертания.

Уже несколько месяцев назад Расс с Грегом придумали новый способ передачи энергии, отказавшись от использования металлических стержней или направлен-

ных лучей, ибо лучи такой интенсивности просто расщепили бы атомы на протоны и электроны. Сквозь боковое окошечко ближайшего генератора Грегу был виден железный брусок, который выполнял роль горючего и уменьшался в размерах, поглощаемый высвобождающейся энергией.

Наконец рев утих, сменившись приглушенным гулом.

— Ну вот, он уже на борту, и оттуда ему не выбраться, — спокойно проговорил Маннинг. — Представляю, как удивятся стражники, обнаружив его в гражданской одежде и с пистолетом. Запрут его, голубчика, в фото-клетку и продержат там до конца расследования. А когда узнают, что за птичка к ним залетела, то уже никогда не выпустят. Недосиженных сроков у него наберется лет на сто, если не двести.

Пит попал на один из кораблей флотилии «Вулкан», самой адской флотилии тюремного флота. Там держали только отпетых рецидивистов. Питу предстояло вкалывать до седьмого пота под безжалостными плетями солнечной радиации, от которой не спасали никакие скафандры. Каторжники носили на себе броню из фотоэлементов, превращавших смертоносное излучение в электроэнергию, поскольку от электричества избавиться легче, чем от тепла.

Скорчившись в силовом коконе, Скорιο с ужасом наблюдал, как исчезают его подручные, как отрывает их от пола и швыряет через космическую бездну волшебное прикосновение к клавиатуре. Расширенными от страха глазами следил он за Рассом: вот ученый набирает команду, вот он дергает за рычаг — и очередной бандит пропадает из лаборатории под громовые раскаты генераторов.

Чиззи услали в «Аванпост», суровую тюрьму на спутнике Нептуна. Рег пересек Солнечную систему и угодил в печально известную колонию на Титане, спутнике Сатурна, где узники работали в лютую стужу на рудниках. Макс очутился за решеткой на Весте — этот тюремный астероид давно уже являлся объектом нападок реформаторов, уверявших, что пятьдесят процентов заключенных умирают там от скуки и страха.

Макс исчез последним. Скорιο остался один.

— Во всем виноват Статсмен, это он нас втянул, — занял гангстер. — Вам нужен Статсмен, а не я и не мои ребята.

— Статсмен свое получит, это я тебе обещаю, — отозвался Грег.

— И Чемберс тоже, — не унимался Скорио. — Но Чемберса вы не тронете, духу не хватит!

— Не волнуйся за Чемберса, — отрезал Грег. — Это не твоя забота. Лучше о себе подумай.

Скорио съежился.

— Я расскажу тебе об одном местечке на Венере, — продолжал Грег. — Есть там такое огромное болото, оно тянется на сотни миль во все стороны. А в центре из него выступает что-то вроде горы. Трясина кругом кишмя кишит кровожадными хищными тварями. Но на гору они не лезут, там тебе ничто не грозит. И пропитание есть: корни, ягоды всякие, фрукты, даже маленькие зверьки, которых можно изловить на обед. В общем, с голоду не помрешь.

Но ты будешь там совсем один. Никто никогда не приближается к этой горе. Я первый человек, побывавший там, и, наверное, последний. По ночам тебя будут тревожить завывания и вопли болотных тварей, но ты не обращай на них внимания.

Глаза у Скорио чуть не вылезли из орбит.

— Вы же не отправите меня *туда*?!

— Ты найдешь там следы от моих бивачных костров, — продолжал Маннинг, — если только их не смыло дождем. Видишь ли, там постоянно льет. Льет беспробудно, беспросветно, — льет так, что в один прекрасный день ты почувствуешь непреодолимое желание спуститься в болото и позволить чудовищам прикончить тебя.

Скорио застыл, словно в трансе, и только ужас полыхал в его глазах.

Грег махнул Рассу. Расс, зажав в зубах трубку, пробежался пальцами по клавиатуре. Заурчали генераторы.

Маннинг не торопясь подошел к телевизору, уселся в кресло и щелкнул выключателем. С экрана на него смотрел человек со смесью злобы и страха во взгляде.

— Вы все видели, Статсмен? — спросил Грег.

— Я видел, — кивнул Статсмен. — Но вам это даром не пройдет, Маннинг. Вы не имеете права подменять собою закон.

— Вы с Чемберсом успешно занимаетесь этим много лет подряд, — сказал Маннинг. — А я сегодня просто очистил Землю от нескольких подонков. У каждого из них на совести не одно убийство.

— Ну и чего вы этим добились?

Грег невесело усмехнулся.

— Я доказал вам, Статсмен, что убить нас не так-то просто. Думаю, к следующей попытке вы подготовитесь более основательно. Желаю удачи.

Он выключил телевизор и повернулся к Рассу.

Расс указал большим пальцем на слуховое окно.

— Думаю, пора кончать с самолетом.

Грег кивнул.

Через секунду над горными вершинами на многие мили вокруг разлилось ослепительное голубоватое сияние — и почти тотчас рассыпалось мириадами блестящих, но неопасных искр, которые утасли, не успев долететь до земли. Гангстерский самолет бесследно исчез, дезинтегрировался. Металл и стекло, из которых он был сделан, просто перестали существовать.

Расс оторвал глаза от слухового окна, взглянул на Грега.

— Статсмен теперь в лепешку разобьется, лишь бы до нас добраться. Завтра утром «Межпланетная» запустит свою машину на полный ход. С одной лишь целью — раздавить нас.

— Верно, — согласился Грег. — Но мы уже готовы к схватке. Несколько часов назад наш корабль покинул бельгийскую верфь. «Комета» отбуксировала его в космос и вскоре вернется за нами.

— Значит, космическая война, — задумчиво проговорил Расс.

— Чемберс и его банда церемониться не станут, они пойдут напролом. Таких дурацких покушений, как сегодня, больше не будет. Теперь нам нужно пристанище, которое они не смогут обнаружить.

— Корабль, — сказал Расс.

Глава 14

«Непобедимый» висел в космосе — самый большой в мире, но пока еще безжизненный корпус. Пару часов назад к нему из разных космопортов, разбросанных по всей Земле, слетелись чартерные ракеты, загрузили в зияющее отверстие люка упакованное оборудование и отчалили.

А потом небольшая, но крепкая космическая яхта «Комета» отбуксировала огромное судно в космические просторы, за 500 000 миль от лунной орбиты, потихоньку отводя корабль все дальше и дальше, туда, где его никто не сможет найти.

Как только «Комета» потащила за собой корпус «Непобедимого», на нем сразу начались монтажные работы. Оставив на яхте необходимый минимум людей, члены тщательно отобранной команды приступили к установке механизмов, которые должны были превратить корпус в невероятно мощное и скоростное судно.

На «Непобедимом» задраили люки, из резервуаров пустили воздух. «Комета» летела с небольшим ускорением, создавая искусственную силу тяжести для облегчения работы, впрочем достаточно слабую, чтобы монтажники могли спокойно передвигать тяжелые части аппаратуры. От маленькой яхты к кораблю протянули электрический кабель, и «Непобедимый» сделал первый вдох.

Работа продвигалась быстро, поскольку члены команды были не просто инженерами или космолетчиками. Экипаж составляли избранные люди — те, что сделали имя Грегори Маннинга знаменитым во всей Солнечной системе.

В первую очередь установили двигатели, затем два ряда массивных генераторов, по пять штук в каждом, и одну энергоустановку поменьше — для обеспечения судна светом, воздухом и теплом.

Аккумуляторы «Кометы» мгновенно сели от перенапряжения. Заработал запасной генератор и тут же включил остальные энергоустановки, пока еще сонные и бездействующие, но готовые в любой момент выдать такую энергию, о покорении которой люди не смели и мечтать.

Снабженная небывалыми орудиями труда — силой космических полей — команда быстро закончила работу. Монтажные платы установили на место и приварили короткой яростной вспышкой, добела накалившей и тут же остудившей металл. Потом его вновь нагревали и остужали, пока бериллиевая сталь не обрела крепчайшей закалки. Люди, ползая в скафандрах по обшивке корпуса, подвергли упрямый металл необычной, невиданной доселе термообработке.

То же силовое поле, что поймало в ловушку и удерживало в тисках гангстерский самолет, теперь заряжало атомы бериллиевой стали. Обработанную таким образом сталь не могла пробить никакая материя. Самый большой метеорит, столкнувшись с ней, рассыплется в пыль, не оставив на обшивке ни единой царапины, даже если он будет мчаться со скоростью, недостижимой для пули, выпущенной из ружья.

Приводимый в движение собственной энергией и концентрацией гравитационных линий, неуязвимый ни для какого современного оружия, таящий в своем чреве бесчисленные необычайные механизмы, «Непобедимый» кружился в космосе.

Рассел Пейдж откинулся в кресле перед ручной панелью управления телетранспортиацией. Безмятежно попыхивая трубкой, ученый смотрел в иллюминатор на черную пустоту с мерцающими звездами, на мягкое сияние далекого Юпитера.

Грег Маннинг склонился над навигационными приборами, цепким взглядом охватывая космическую панораму.

Расс посмотрел на него и улыбнулся. На лице Грега тоже блуждала улыбка, но глаза оставались напряженно-сосредоточенными. Никто не мог бы органичнее вписаться за пульт «Непобедимого», чем Грегори Маннинг. Он был на своем месте — человек, ни разу в жизни не спасовавший перед опасностью... человек, чья душа жадно рвалась в необозримые просторы космоса.

Расс разлегся в кресле, пуская дым к высокому сводчатому потолку рулевой рубки.

Они сожгли за собой все мосты. Разрушили горную лабораторию. Ее накрыли силовым полем, защищая от попытки нападения, телетранспортировали на корабль необходимое оборудование, а затем превратили в лужу расплавленного металла. На вершине горы образовалось небольшое озерцо, по склонам потекли сверкающие извилистые полосы, глянцевыми полотнищами водопадов срываясь с крутых утесов. Конечно, легче было дезинтегрировать лабораторию одним мощным взрывом, но тогда вся горная гряда взлетела бы на воздух и погребла бы под собой города в радиусе сотен миль. Шар земной содрогнулся бы от такого удара.

Оставшаяся на «Комете» команда отвела яхту на Землю и посадила во владениях Грега. Телетранспортиция, протянув свои длинные пальцы, подхватила людей, вышедших из яхты, и моментально перенесла через миллионы миль и сквозь саму обшивку корабля на борт «Непобедимого». Только что они были на Земле — и вот, секунду спустя, они уже стоят в рубке, улыбаются, здороваются с Грегом Маннингом и расходятся по местам в машинное отделение.

Расс глядел в пространство, дымил трубкой и размышлял. Тысячу лет назад люди проводили так называемые турниры. Закованные в доспехи рыцари выезжали на арену и скрещивали друг с другом копья, стараясь доказать свое превосходство над противником.

Им тоже предстоит своего рода турнир. Корабль — вот их доспехи, а перчатка брошена Спенсеру Чембер-

су и «Межпланетной энергии». Ареной же будет служить весь космос.

Значит, война. Война без фанфар, без парадных мундиров. Жестокая схватка, от исхода которой зависит будущее Солнечной системы. Пора наконец разорвать стальные тиски «Межпланетной», взявшей за глотку все человечество. Пора развеять в прах мечту Чемберса о тоталитарной империи. Пора сразиться за право отдать людям новую энергию, которая навеки разобьет их оковы.

Тогда, тысячу лет назад, на Земле была форма правления, названная историками феодальной. Кучка людей — лордов, баронов и прочих титулованных особ — полновластно распоряжалась жизнью и смертью своих подданных.

Именно такой порядок Спенсер Чемберс пытается сейчас навязать Солнечной системе... И он в этом преуспеет, если его не остановить.

Расс остервенело грыз мундштук своей трубки.

Нельзя допустить, чтобы на Земле, во всей Системе вновь воцарилась эта древняя форма правления. Гордые люди, покорившие материнскую планету и заселившие другие миры, не должны смиренно гнуть шею перед господином.

В ушах у Расса не умолкало утробное урчание энергии, запертой в машинном отделении, — энергии, способной раз и навсегда покончить с угрозой диктатуры. Энергии, которая освободит человечество, поможет ему выпрямиться и стать достойным своего великого предназначения.

Подумать только — и эта энергия обязана своим появлением тому, что он случайно, из чистого любопытства, решил нагреть тонкую проволочку в силовом поле 348. А еще тому, что его выслушал другой человек и предоставил средства для продолжения исследований. Слепая удача и любопытство... возможно, граничащее с безумием... вот из чего родился великолепный корабль, неисчерпаемая энергия, бесчисленные механизмы, способные творить такие чудеса, о каких еще год назад невозможно было и помыслить.

Грег Маннинг крутанул свое кресло.

— Что ж, Расс, пора. Начнем с Рейла.

Расс молча кивнул, погруженный в свои думы. Машинально выбил пепел из трубки, сунул ее в карман и повернулся к телеэкрану. Пальцы отстучали привычный набор команд. Из глубины экрана вынырнула Каллисто, стремительно понеслась вперед, повернулась — и на поверхности маленькой замерзшей планетки появился купол.

Телекамера скользнула сквозь него и помчалась через весь город к апартаментам пентхауса.

Бен Рейл сидел, безвольно развалившись в кресле. На полу валялась скомканная газета, потухшая сигара скатилась на колени.

— Грег! — крикнул Расс. — Грег, что с ним?

Маннинг, одним прыжком оказавшись у экрана, издал яростный сдавленный рык.

На лбу у Рейла краснела аккуратная дырочка с единственной набухшей каплей крови.

— Убит! — воскликнул Расс.

— Да, убит, — неожиданно спокойно отозвался Грег.

Расс схватился за ручку настройки. Внизу показались улицы Рантора, непривычно тихие и пустые. Кое-где виднелись распростертые тела и разбитые витрины. Единственное живое существо — собака, воровато озираясь, перебежала через дорогу и скрылась в тенистой аллее.

Камера стремглав неслась вдоль домов. И вдруг на экран с лязгом ворвался отряд полицейских в форме, гнавших перед собой шестерых пленников. Руки их были связаны за спиной, но головы гордо подняты...

— Революция! — выдохнул Расс.

— Нет, не революция. Чистка. Статсмен очищает город от всех потенциально опасных для него элементов. То же самое сейчас происходит на всех планетах, которые контролирует Чемберс.

Расс лихорадочно крутил ручку настройки. Со лба, заливая глаза, текли струйки пота.

— Статсмен нанес опережающий удар. — Голос Грега звучал спокойно... даже слишком спокойно. — Он укрепляет свои позиции, очевидно, под предлогом раскрытия заговора.

Несколько зданий было разрушено взрывами. У подножия стальной стены лежали в ряд обугленные остан-

ки людей, согнанных сюда и сметенных шквальной очередью из огнемета.

— Давай посмотрим на Венеру и Марс, — сказал Расс, продолжая крутить настройку.

Та же картина предстала перед ними и в Сандбаре на Марсе, и в Нью-Чикаго, столице Венеры. Статсмен успел везде. Кровавая чистка сметала всех, кто мог выступить против марионеточных правительств, подчинявшихся Чемберсу. Насилие вышло на марш, железной пятой попирая права свободных людей Солнечной системы и укрепляя владычество «Межпланетной».

— Я знаю, кто нам нужен, — сказал Грег. — Если только он еще жив.

— Кто? — спросил Расс.

— Джон Мур Меллори.

— А где он?

— Я не в курсе. Его посадили за решетку в Ранторе, но Статсмен перевел его куда-то. Возможно, на один из тюремных кораблей.

— Посмотреть бы списки тюрьмы на Каллисто! — сказал Расс. — Тогда бы мы точно узнали.

— Списки...

— Мы их достанем!

Расс быстро склонился над клавиатурой. Через мгновение на экране появился административный корпус тюрьмы. Двое друзей пристально вгляделись в изображение.

— Списки, скорее всего, здесь, в сейфе, — сказал Расс. — Но сейф заперт.

— Не копайся с замком, — отрывисто бросил Грег. — Тащи сюда этот проклятый сейф со всем его содержимым.

Расс хмуро кивнул, нажал на рычаг телетранспортиции. В машинном зале громко заурчали генераторы. А в Ранторской тюрьме силовое поле спеленало сейф тутим коконом. Генераторы пронзительно взвыли — и сейф легко, словно пуговица от рубашки, оторвался от массивной стальной стены.

Глава 15

Джон Мур Меллори сидел на единственном металлическом стуле в камере, прильнув лицом к крохотному иллюминатору. Так он сидел часами, вглядываясь в безбрежную черноту космоса.

Душу его терзало отчаяние, бесплодное и мучительное. В Ранторской тюрьме оставалась хоть какая-то надежда на побег. Но здесь, на борту тюремного корабля, надежды не было. Здесь не было ничего, кроме дразнящих космических просторов, насмешливо подмигивающих звезд и оглушительно гогочущих моторов.

Порой ему казалось, что это монотонное, бессмысленное существование сведет его с ума. Работа, сон... работа, сон... и так до бесконечности, до полного отупения. Все они погребены здесь заживо.

— Джон Мур Меллори, — раздался голос за спиной.

Меллори услышал его, но не шелохнулся. Ему стало страшно. Значит, он уже начинает слышать голоса!

— Джон Меллори, — повторил голос.

Меллори нехотя обернулся и чуть не свалился со стула.

В камере стоял человек! Незнакомый человек, вошедший так бесшумно, что Меллори не слышал даже привычного лязга запоров.

— Вы Джон Мур Меллори, я не ошибся? — спросил человек.

— Да, я Меллори. А вы кто такой?

— Грегори Маннинг.

— Грегори Маннинг? — изумился узник. — Я слышал о вас, вы спасли экспедицию на Плутоне. Но зачем вы здесь? И как вы вошли?

— Я пришел, чтобы забрать вас с собой, — ответил Грег. — На Каллисто. Или в любое другое место, куда захотите.

Меллори прислонился к переборке, побледнел, недоверчиво глядя на гостя.

— Но я на тюремном корабле. Я не могу идти туда, куда захочу.

— Теперь можете, — усмехнулся Грег. — Теперь вам даже стены тюремного корабля не помеха.

— Вы безумец, — прошептал Меллори. — А может, это я не в своем уме. Вы мне снитесь. Сейчас я проснусь и вы исчезнете.

Маннинг молча разглядывал узника. Тюрьма уже наложила свою печать на это лицо — оно было иссохшим, изможденным, глаза глядели затравленно.

— Слушайте меня внимательно, Меллори, — мягко проговорил Грег. — Вы в своем уме, точно так же, как и я. Я не привидение и не галлюцинация. Все это происходит на самом деле.

Меллори не реагировал.

— У меня есть то, что вам необходимо, — продолжал Грег. — Энергия материи, практически неисчерпаемая и почти бесплатная. Она может сокрушить «Межпланетную» и освободить Солнечную систему от Спенсера Чемберса. Но я не могу обнародовать это открытие, пока не уверюсь в том, что Чемберс не в состоянии его прикарманить. И потому мне нужна ваша помощь.

Меллори наконец вышел из ступора, лицо его прояснилось. Но голос звучал хрипло и безнадежно.

— Вы пришли слишком поздно. Я ничем не могу вам помочь. Вы забываете о том, что с тюремного корабля еще никому не удавалось бежать. Вам придется самому сделать все, что в ваших силах... Вы обязаны это сделать. Но без меня.

Маннинг шагнул вперед.

— Вы не поняли. Я сказал, что освобожу вас отсюда, и слово свое сдержу. Я мог бы переместить весь этот корабль в любую точку пространства. Но он мне не нужен. Мне нужны вы.

Меллори непонимающе уставился на него.

— Главное — ничего не бойтесь, — продолжал Грег. — Приготовьтесь, сейчас вы почувствуете нечто необычное.

По стальной палубе коридора громыкнули шаги.

— Эй ты, утомонись! — послышался окрик стражника. — Разговаривать в это время запрещено! Ложись спать.

— Надзиратель! — с отчаянием прошептал Меллори. — Он нас не выпустит!

— Выпустит как миленький! — свирепо ухмыльнулся Грег.

За решетчатой дверью камеры появилась фигура стражника.

— Стало быть, ты, Меллори... — начал он и изумленно осекся. Потом заорал, глядя на Грега: — А ты кто такой? Как ты пробрался в эту камеру?

Грег приветственно махнул ему рукой.

— Приятный вечерок, не правда ли?

Стражник схватился за решетку — вернее, хотел схватиться, ибо в шести дюймах от прутьев его руки наткнулись на непреодолимое препятствие. Совершенно невидимое, даже неосязаемое: ладони с силой уперлись в пустоту, а она не пускала их к двери.

— Мы с Меллори уходим, — сказал ему Грег. — Нам тут не нравится. Слишком уж душно.

Стражник дунул в свисток. В коридоре загревели сапоги. Где-то в камере улюлюкнул арестант, другой засвистел — и тут же поднялся невообразимый гвалт. Все узники вопили что есть мочи и трясли дверные решетки.

— Пора, — сказал Грег. — Держитесь, Меллори.

И Джона Мура Меллори поглотила тьма. Потом он почувствовал странный толчок — и оказался в рулевой рубке корабля. На него с улыбкой смотрел Грегори Маннинг и какой-то незнакомец. Из белых шаров на потолке струился ровный свет, где-то в корабельном

чреве сыто урчали двигатели. Только теперь, вдохнув свежий чистый воздух, Меллори понял, насколько затхлой была атмосфера в тюремной камере.

Грег протянул ему руку.

— Добро пожаловать к нам на судно!

Меллори, щурясь от света, ответил крепким рукопожатием.

— Где я?

— Вы на борту «Непобедимого», в пяти миллионах милях от Каллисто.

— Вы действительно были у меня в камере? — спросил Меллори. — Мне это не привиделось?

— Я был там, — заверил его Грег. — Я мог бы послать свое изображение, но решил отправиться за вами сам. Расс Пейдж перебросил меня на тюремный корабль, а когда я подал сигнал, забрал нас оттуда.

— Я рад, что вы теперь с нами, — сказал Расс. — Может, выпьете чашечку кофе? Или хотите перекусить?

— Не откажусь, — растерянно пробормотал Меллори и вдруг рассмеялся. — В тюрьме нас едой не баловали!

Они усадились в кресла, Расс позвонил на кухню и попросил принести кофе с бутербродами. Грег вкратце набросал Меллори ситуацию.

— Мы хотели как можно быстрее наладить производство генераторов, — пояснил он, — но я не решился их запатентовать. Стоило мне только подать заявку на Земле, и Чемберс тут же подкупил бы чиновников, задержал бы мои документы на несколько дней и послал бы в патентное бюро копии, но уже под своим именем. А завладев патентными правами, спокойно сунул бы их под сукно и продолжил свой обычный бизнес. Я мог, конечно, попробовать получить патент где-нибудь на другой планете, но практически все правительства пляшут под дудку Чемберса. Он попросту заставил бы суд вынести решение против производства генераторов на том основании, что они, мол, опасны в эксплуатации.

— Я вижу только один выход, — сурово сказал Меллори. — И, учитывая нынешнюю ситуацию на планетах, а также ту чистку, о которой вы мне рассказали, действовать надо быстро. Каждая минута промедления на руку Статсмену.

— И что же это за выход? — спросил Расс.

— Революция, — ответил Меллори. — Одновременное восстание в Юпитерианской конфедерации, на Марсе и на Венере. Сбросив с себя оковы, люди больше никому не позволят себя закабалить, если у них будут генераторы энергии материи. Спенсер Чемберс вместе с его идеей диктатуры будет списан в архив.

Грег напряженно морщил лоб, обдумывая план действий.

— В первую очередь необходимо собрать надежных людей, — сказал он. — Всех, на кого мы можем положиться. Нам понадобится дополнительное оборудование — телеаппаратура, машины телетранспортировки, чтобы установить их на Марсе, Венере и спутниках Юпитера. Придется доставить людей сюда и научить их работать. На это уйдет несколько дней. Нужно немедленно начать монтаж установок.

Он привстал с кресла, и тут принесли кофе и бутерброды.

— Ладно, сначала подкрепимся, — улыбнулся Грег.

Меллори отчаянно старался не показывать, насколько он голоден, и не набрасываться на еду. Двое друзей делали вид, что не замечают, каких усилий ему это стоит.

А потом потянулись долгие часы упорных поисков. На двух планетах и четырех спутниках они искали людей, которых Меллори считал способными рискнуть своей жизнью ради освобождения от ига «Межпланетной».

Найти их было нелегко. Многие пали жертвами чистки, другие затаились в подполье, оборвав все концы.

И все же постепенно, по одному, их вылавливали, вводили в курс дела и телетранспортировали на борт «Непобедимого».

Там они часами трудились, голые по пояс, в адском сиянии силовых полей, собирая телеаппаратуру. Как только очередная установка была готова, ее тут же включали в сеть.

Работа продвигалась быстрее, чем можно было ожидать, и все-таки безумно медленно. Ибо с каждым часом Статсмен все крепче сжимал свой железный кулак. Концлагеря были забиты до отказа. Пылали взорванные здания. Убийства и расстрелы стали обычным явлением.

И вдруг возникло еще одно неожиданное осложнение.

— Крэйвен все-таки что-то изобрел, Грег! — крикнул Расс. — Я не вижу его!

Грег, наблюдавший за монтажом очередной телеустановки, обернулся.

— В чем дело?

— Крэйвен! Я не могу его найти! Он блокирует телесъемку.

Грег попытался помочь с настройкой, но телекамера была не в силах проникнуть в нью-йоркский офис «Межпланетной». Примыкавшие к нему дома тоже не просматривались. Здание «Межпланетной энергии» стало единственным местом в Солнечной системе, если не считать самого Солнца, куда друзья не могли пробраться.

Крэйвен создал силовое поле, которое отталкивало поле Пейджа. Телекамера отскакивала от здания, словно капля ртути. С телесъемкой за Крэйвеном и Чемберсом было покончено.

Расс нахмурился, покусывая мундштук погасшей трубки.

— Свет через него проходит, — сказал он. — Материя проходит и электричество тоже — все что угодно, кроме нашего поля. Очевидно, у Крэйвена там нечто вроде зеркального отражения. Такое же поле, как у нас, но противоположной природы. Оно отталкивает телекамеру, но больше ни на что не действует. Значит, Крэйвену удалось изучить наши силовые поля. И все благодаря нашему другу Уилсону.

— Остается надеяться, что Крэйвен по-прежнему не способен генерировать энергию материи, — мрачно кивнул Грег. — Но наблюдать за ним мы теперь не в состоянии. А судя по этому силовому полю, у доктора появился какой-то мощный источник энергии.

— Мы не в состоянии наблюдать за ним, но следить можем, как и раньше, — уточнил Расс. — От нашего «хвоста» ему не избавиться. Механический шпик с кусочком оправы Крэйвена в полном порядке, а с

очками доктор никогда не расстанется, будьте уверены. Без них он слеп как крот. Что же до Чемберса, то нам поможет его железное колечко.

— Все правильно, — согласился Грег, — но нам нужно поторопиться. Крэйвен напал на верный след. Создав это поле, он не успокоится. И вполне может изобрести что-нибудь действительно опасное для нас. Доктор умен, ничего не скажешь... дьявольски умен.

Глава 16

Чудо случилось в Ранторе: человек, которого никто уже не чаял увидеть в живых, вдруг появился на улицах города. Правда, появился не совсем в земном обличье, ибо не было в нем телесности, свойственной человеческой плоти. Бледный, словно призрак, и прозрачный, он тем не менее сохранил вполне узнаваемые черты и повадки.

И трепетный, благоговейный пополз слушок: дух Джона Мура Меллори вернулся в город. Он вчетверо выше любого нормального человека и просвечивает насквозь. Откуда он явился и зачем — это никому не известно.

Но когда он подошел к ступеням здания конгресса конфедерации и прошел сквозь строй солдат, пытавшихся преградить ему дорогу, когда он повернулся на ступенях и обратился к толпе, ни у кого не осталось сомнений: вот оно, долгожданное знамение. Значит, пришла пора отомстить за чистку. Отомстить за кровь, лившуюся ручьями, за хриплое, довольное фырчание огнеметов, пожиравших свои жертвы у широкой стальной стены.

Стоя на ступеньках, прозрачный, но отчетливо видимый, Джон Мур Меллори взывал к толпе на площади, и голос его гремел, как прежде. Как прежде, он ерошил свою густую черную гриву, как прежде, яростно взды-

мал к небу сжатый кулак, будоражил людей вдохновенными речами.

Словно тревожный набат, разносились его речи по городу, ударялись о купол и долетали до всех, кто попрятался в убежища. Из укромных закоулков, глубоких подвалов и темных аллей устремлялся на площадь людской поток, бился волнами о ступени здания конгресса, переполнял близлежащие улицы и криками изливал давно копившуюся ненависть и ярость.

— Энергия! — гремела могучая тень на ступеньках. — Энергия — это жизнь! Теперь ее хватит на всех! Будет тепло у вас под куполом, будут работать ваши шахты, будут летать в космосе корабли!

— Энергия! — вторила эхом толпа.

— Энергия! — это звучало, как боевой клич.

— Долой аккумуляторы! — гудел башнеподобный призрак. — Больше вам не придется кланяться в ножки Спенсеру Чемберсу! Каллисто ваша! Рантор ваш!

Черная толпа хлынула вперед, потекла по ступеням. Дикие, ликующие вопли рвались из глоток, победное безумие горело в глазах. Вверх по лестнице шли они — мужчины с голыми кулаками вместо оружия, женщины с разинутыми в крике ртами, дети с оглушительным свистом.

Офицеры отдавали отрывистые команды солдатам, стоявшим на лестнице в ряд, но те при виде озверелой, прущей на них толпы побросали оружие и кинулись к дверям. Одержимая жаждой крови и мщения людская масса устремилась за ними.

Из красно-желтой девственной пустыни Марса в Сандбар явился человек. Его давно уже считали погибшим. Так, по крайней мере, во всеуслышание объявляли правительственные чиновники. Но он не погиб — шесть долгих лет он скрывался в пустыне.

Седая борода отросла у отшельника по пояс, глаза затуманились от перенесенных невзгод, белые волосы свисали до плеч, тело прикрывали лохмотья, бывшие когда-то кожаным мундиром летчика.

Но люди узнали его.

Том Браун возглавлял последнее восстание против марсианского правительства, неудачное восстание, которое захлебнулось, не успев начаться. Солдаты пото-

пили его в крови, поливая улицы все сметающими потоками огня.

Когда Том Браун залез на пьедестал статуи в Тихопарке и обратился к собравшейся толпе, полиция велела ему спуститься, но он не подчинился. Полицейские вскарабкались на пьедестал, и руки их прошли сквозь оратора.

Том Браун стоял перед народом, у всех на виду, он говорил, но его там не было!

И другие чудеса происходили в этот день в Сандбаре. Голос вдруг зазвучал из воздуха — и объявил людям, что господству «Межпланетной» пришел конец. Он рассказал о новом источнике мощной энергии. Почти бесплатной энергии, которая превратит аккумуляторы в никому не нужный, устаревший хлам... Голос сказал, что народам больше не придется гнуть шею под игом Спенсера Чемберса.

Никто не видел оратора, произносившего крамольные речи. А голос продолжал говорить, и люди собирались, слушали его и ликовали. Полиция тщетно пыталась их разогнать. За дело принялись войска, но толпа оттеснила солдат и внимала речам до тех пор, пока голос не призвал собравшихся мирно разойтись по домам.

Весь Марс взбудоражил невидимый оратор. В Сандбаре он говорил на разных улицах и площадях. Его слышали и в других городах — и в Малаконе, и в Алексоне, и в Адеброне.

А Том Браун, окончив свою речь, растаял в воздухе и через несколько минут появился в Адеброне. Полиция, предупрежденная коллегами из Сандбара, открыла огонь, как только увидела его на скамейке в парке. Но струи пламени летели сквозь него, не причиняя никакого вреда. С разметающейся на груди белой бородой, сверкая жгучими очами, Том Браун стоял посреди свирепого огня, изрыгаемого дулами огнеметов, и спокойно говорил.

Шеф полиции Нью-Чикаго, венерианской столицы, складывал комиссару полиции.

— В парке, прямо через дорогу, какой-то тип подстрекает толпу к государственному перевороту. Он призывает свергнуть правительство!

Лицо комиссара полиции на экране побагровело.

— Арестовать! За решетку его, немедленно! Вы что, собираетесь звонить мне всякий раз, когда какой-то псих начнет мутить воду? Схватить его!

— Я не могу, — сказал шеф полиции.

Комиссар, казалось, вот-вот лопнет от гнева.

— Не можете?! Но почему, черт побери?

— Вы помните холм посреди парка? Мемориальный холм?

— При чем тут холм? — взревел комиссар.

— На холме сидит этот тип. Росту в нем тысяча футов. Он упирается головой в небо и орет оттуда громовым голосом. Как, по-вашему, я могу его арестовать?

Пожар восстания охватил всю Солнечную систему. Новые гимны гремели раскатами, эхом отдаваясь в межпланетном пространстве, — гневные, грозные гимны. Оружие извлекалось из тайников и начищалось до блеска. Новые стяги взвивались над растущей волной протеста против угнетения.

Свобода опять вышла на марш. За право человека самому определять свою судьбу. За новую декларацию независимости. За Великую Солнечную хартию вольностей.

Рождались новые вожди, и старые вожди вели их за собой. Вели призраки, шагавшие по облакам. Вели голоса, звучащие из ниоткуда. Вели знамения и символы. Увлекала возрожденная отвага и крепнущая уверенность в победе правого дела.

Спенсер Чемберс злобно взглянул на Статсмена.

— На сей раз вы зашли слишком далеко!

— Мне не пришлось бы этого делать, развяжи вы мне руки пораньше, — возразил Статсмен. — Но вы миндальничали, колебались, не давали мне пресечь бунт в зародыше. И позволили созреть целой сети заговоров с новыми вожаками во главе.

Они сидели за столом друг напротив друга — вкрадчивый смуглый лев и огрызающийся волк.

— Вы вызвали к себе всеобщую ненависть, Статсмен. Вас ненавидят все народы Солнечной системы. И из-за вас они ненавидят меня тоже. Вы не оправдали

моих ожиданий! Мне нужен был железный кулак — но только в рамках закона. А вы преступили все границы. Вам следовало усмирить людей, а вы принялись их убивать!

— Все та же старая мечта о добреньком диктаторе. — Статсмен не скрывал насмешки. — Вы по-прежнему воображаете себя маленьким бронзовым божком, стоящим в каждом доме. Но так не бывает. Вы должны показать им, кто здесь хозяин.

Чемберс взял себя в руки.

— Что толку спорить теперь? Время уже упущено, восстали все планеты. Необходимо что-то предпринять.

Он взглянул на Крэйвена, притулившегося в кресле сбоку от стола.

— Вы можете помочь нам, доктор?

Крэйвен пожал плечами.

— Не знаю, — язвительно ответил он. — Если бы мне дали спокойно работать и не таскали на всякие идиотские совещания, вероятно, я смог бы что-то сделать.

— Но вы уже сделали что-то, верно?

— Очень немного. Мне удалось создать защиту против телеслежки Маннинга и Пейджа, вот и все.

— Вы знаете, где сейчас эти двое?

— Откуда мне знать? Где-то в космосе, должно быть.

— Это они во всем виноваты! — прорычал Статсмен. — Они и их дьявольские пропагандистские фокусы.

— Тоже мне новость! — фыркнул Крэйвен. — Ясное дело, они, кто же еще. Иначе, несмотря на все ваши промахи, никто и не пикнул бы. Но что толку зря сотрясать воздух? Здание «Межпланетной» теперь недоступно для слежки — больше я ничем не могу вам помочь.

— Вчера они транслировали на всю Юпитерианскую конфедерацию тайное совещание чрезвычайного совета, проходившее в Сателлит-Сити на Ганимеде, — сказал Чемберс. — Целых десять минут все жители спутников сидели и слушали наши секретные военные планы, пока совет не спохватился наконец. Можем мы с помощью вашего защитного поля предотвратить подобные накладки?

— А еще лучше, — вмешался Статсмен, — накрыть полем все спутники целиком. Без призрачных лидеров Маннинга восстание захлебнется.

— Чтобы экранировать одно только здание, мне потребовалось пятьдесят тонн аккумуляторов, а чтобы поддерживать экран, каждый день нужна еще тонна, — покачал головой Крэйвен. — Так что о целой планете или нескольких спутниках не может быть и речи.

— А как дела с коллектором излучений? — спросил Чемберс. — Есть сдвиги?

— Вроде бы есть, — отвистил Крэйвен. — Через день-другой будет ясно.

— И тогда мы сможем одолеть Пейджа с Маннингом?

— Да, пожалуй. Если мне удастся смастерить коллектор, мы заставим работать на себя все виды излучений, начиная от тепловых и кончая космическими. В пределах Солнечной системы у нас будет практически неограниченный запас энергии. Ваши теперешние аккумуляторы накапливают единственный вид энергии — тепловую. Мой же коллектор будет собирать все волны, существующие в природе.

— То есть вы сможете запрячь в работу даже космические лучи? — переспросил Чемберс.

— Если вообще что-нибудь получится, смогу.

— Каким образом? — заинтересовался Статсмен.

— Расщеплением, дурья твоя башка! Разобью короткие жесткие волны на множество длинных и менее интенсивных. — Крэйвен повернулся к Чемберсу: — Но вы на мой коллектор особенно не рассчитывайте. Он еще не готов.

— Он должен быть готов! — заявил Чемберс.

Крэйвен вскочил из кресла, злобно сверкая голубыми глазами из-за толстых линз.

— Сколько раз я могу повторять, что научные исследования не выносят спешки? Я должен сделать тысячу попыток, подбирать один ключик за другим. Я должен быть терпеливым, я должен надеяться. И ни в коем случае не спешить!

Он вылетел из комнаты и громко хлопнул дверью.

Чемберс медленно повернулся к Статсмену. Серые глаза президента впились в волчье лицо.

— А теперь извольте рассказать мне, зачем вы устроили эту бойню!

— По-вашему, мне нужно было позволить бунтовщикам объединиться? У меня был только один выход — вырвать их с корнем, уничтожить их! Я так и сделал.

— Вы неправильно выбрали время, — мягко проговорил Чемберс. — Зачем было развязывать резню именно тогда, когда Маннинг рыщет где-то в космосе и в любой момент, стоит ему только захотеть, может стереть нас в порошок?

— Но потому-то я и нанес удар! — возразил Статсмен. — Я боялся, что Маннинг ударит первым, и решил опередить его. Я хотел посеять страх, чтобы люди не осмелились поддержать Маннинга, когда он выступит против нас.

— Вы не очень-то высокого мнения о человеческой природе, верно? — спросил Чемберс. — Вы полагаете, что втоптать людей в грязь, нагнать на них страху — плевое дело?

Он встал и треснул кулаком по столу.

— Но вы ошибаетесь, Статсмен! Все это уже было, все это старо как мир. Вы можете разрушить их дома, поубивать их детей. Вы можете поджаривать их на кострах или на электрических стульях, вешать их, выбрасывать в космический вакуум, душить в газовых камерах. Вы можете стадами загонять их в концлагеря и вздергивать на дыбу, вы не можете лишь одного — сломить их!

Потому что народ выживает всегда. Его отвага выше отваги отдельного человека или группы людей. Так или иначе, народ в конце концов добирается до своего мучителя и скидывает его с трона — скидывает довольно-таки бесцеремонно, кстати сказать. В конечном итоге всегда побеждает народ.

Чемберс нагнулся над столом и схватил Статсмена за ворот рубашки. Ткань натянулась, больно впилась Статсмену в шею. Финансист вплотную приблизил лицо к вольтеру оскалу.

— Нам с тобой уготована именно такая участь. Мы войдем в историю как пара недоделанных кретинов, возомнивших, что они способны править мирами. И все

благодаря тебе и твоему ослиному упрямству! И твоим кровавым чисткам!

Щеки Статсмена пошли красными пятнами, глаза метал молнии, губы побелели. Но в тихом голосе была слышна лишь горькая насмешка:

— По-вашему, нужно было ублажать их и лелеять? Чтобы они чувствовали себя жутко счастливыми оттого, что их поимела старушка «Межпланетная», да? И чтобы в каждом доме стояла ваша бронзовая статуэтка — символ солнечного божества!

— Да, я уверен, что так было бы лучше. — Чемберс резко оттолкнул от себя Статсмена. Тот отлетел, чуть не упав, почти до самой двери. — Пошел с глаз долой!

Статсмен поправил рубашку и вышел из кабинета.

Президент грузно опустился на стул, скрестил руки на могучей груди, с силой впиваясь пальцами в бицепсы, и уставился через окно на небо, озаренное закатными лучами солнца.

Барабанная дробь билась у него в мозгу... барабанная дробь восстания, охватившего все миры... похоронившего возлюбленную мечту президента. Да, он мечтал об экономической диктатуре — но не о той бездушной и беспощадной диктатуре, воплощением которой является Статсмен. Он, Спенсер Чемберс, принес бы народам Солнечной системы мир, процветание и счастье.

Чемберс закрыл глаза, задумался. Честолюбивые порывы, надежды... но барабанная дробь и вопли толпы в воспаленном мозгу заглушали все мысли.

Людам глубоко плевать на рациональное управление, им не нужны ни процветание, ни мир, ни счастье. Им подавай свободу, право на самоуправление, право на риск сломать себе шею... Человека тянет забраться на вершину горы, пересечь пустыню, погрузиться в болото... нацелиться жадным глазом на далекие звезды, бросить безрассудный вызов космической бездне, залезть неуклюжими пальцами в самую душу природы и заставить ее раскрыть свои тайны... Вот что нужно человеку. Вот за что сражаются повстанцы на Марсе, на Венере и на спутниках Юпитера. Не против Спенсера Чемберса, или Людвиг Статсмена, или «Межпланетной энергии», а за тот огонь, что влечет человека к неизведанному и превращает его в путеводный маяк для

всего человечества. За тот дар, который осознал в себе первобытный человек, — осознал и громким рыком с порога своей пещеры бросил вызов всему миру: попробуй, отними!

Чемберс с закрытыми глазами раскачивался на стуле взад-вперед.

Да, схватка была что надо, славная схватка. Она увлекала и захватывала дух. Но теперь он выдохся — сколько лет прошло! У кого еще была такая великая мечта? Александр, Наполеон, Гитлер, Сталин — все они в подметки не годятся ему, Спенсеру Чемберсу. Они мечтали завоевать всего лишь земной шар, тогда как он замахнулся на все миры Солнечной системы. И видит Бог, ему почти это удалось!

Дверь резко распахнулась.

— Чемберс! — окликнул его взволнованный голос.

Президент прекратил раскачиваться, ножки стула с треском хлопнулись об пол. Чемберс выпрямился, глядя на фигуру в дверном проеме.

Это был Крэйвен, дрожащий от возбуждения. Очки у доктора сползли на кончик носа, волосы встали дыбом, галстук съехал набок.

— Готов! — завопил ученый. — Он наконец готов!

Проблеск надежды был настолько неожиданным, что Чемберс, боясь спугнуть ее, прохрипел еле слышным шепотом:

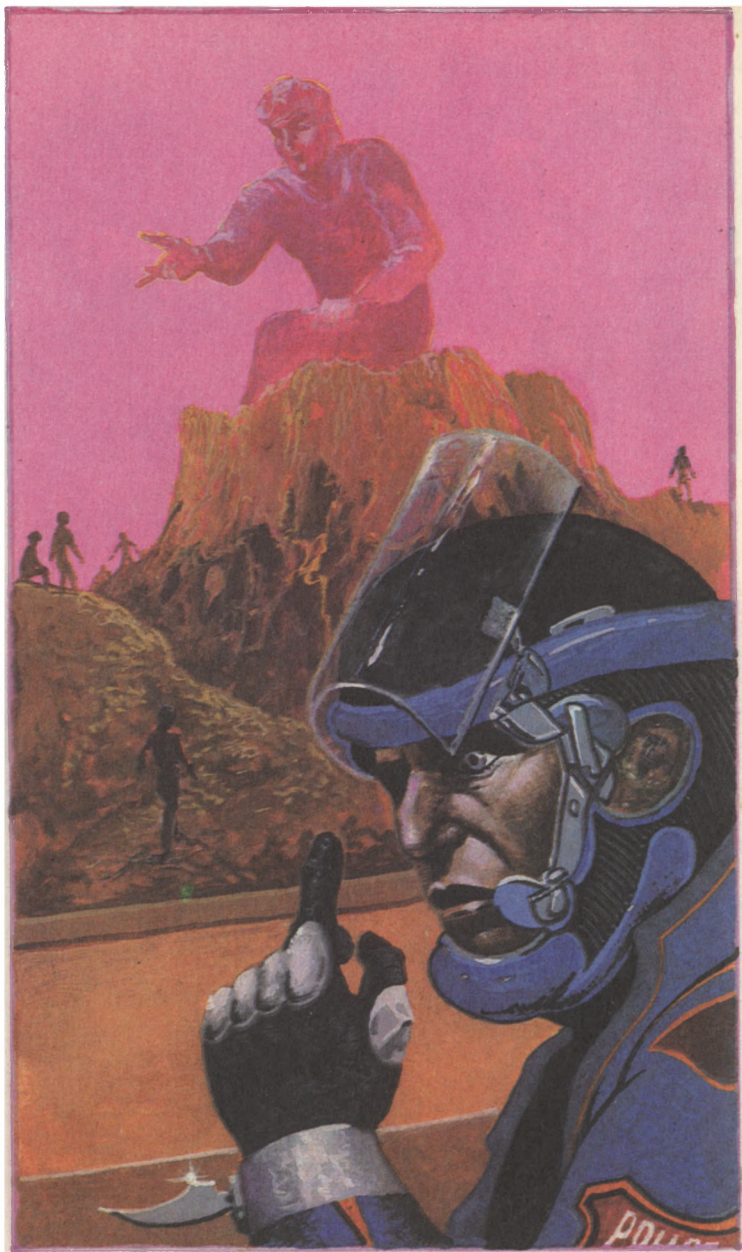
— Кто готов?

— Коллектор излучений! Решение было у меня под носом все время, но я его не замечал!

Чемберс вскочил со стула, зашагал по кабинету. В голове, под черепом, гудели колокола.

Выдохся? Черта с два, еще не вечер! Он им покажет, как бунтовать! Он загонит Маннинга с Пейджем на самый краешек Вселенной — и столкнет их оттуда!

Глава 17

Странная это была революция. Всего несколько сражений, почти бескровных. Никаких тайных заговоров, никаких подпольных лидеров, паролей и прочих обязательных для прежних восстаний ритуалов.

Революция проходила совершенно открыто. Тайная полиция была бессильна, поскольку не существовало никаких тайн. Регулярная полиция и солдаты были бессильны, потому что они не могли арестовать вместо людей их тени, возникавшие то там, то тут... огромные и объемные тени, но тени... Как их ухватишь, как посадишь за решетку?

Любой секретный план, разрабатываемый правительственными кругами, тотчас становился известен призрачным вождям, наводнившим все планеты. Полицейские отряды с ордерами на арест отправлялись за повстанцами, чье участие в крамольных акциях давало право взять их под стражу, — и вламывались в пустые квартиры. Кто-то загодя предупреждал об облавах. Войска спешно перебрасывались туда, где разгорался очередной бунт, — и не находили ни одной живой души, только молчаливые следы недавней битвы. Бунтовщики, получив предупреждение, благополучно смывались.

И везде восстания вспыхивали в самый благоприятный момент, когда правительство теряло либо почву под ногами, либо бдительность.

В первый же день, когда распаленная речами призрака Джона Мура Меллори толпа ворвалась в здание конгресса, пал Рантор. Правительство бежало на Ганимед, в Сателлит-Сити, побросав все бумаги и документы.

На Марсе восставшие захватили за неделю три города, однако столица пока держалась. На Венере через двадцать четыре часа после того, как призыв к восстанию облетел все миры, был взят Радий-Сити, но осажденный Нью-Чикаго, резиденция правительства, оставался еще в руках властей.

Правительственные пропагандисты распространяли слухи о том, что генераторы энергии материи небезопасны. По радио передавали: известно, мол, по крайней мере два несчастных случая, когда генераторы взорвались и поубивали находившихся при них людей.

Но пропаганда не имела успеха, ибо в городах, захваченных повстанцами, инженеры сразу приступали к монтажу энергоустановок. Их демонстрировали всем желающим, и люди воочию убеждались, какая грандиозная сила находится отныне в их распоряжении.

Расс Пейдж обескураженно уставился на телеэкран. Изображение дергалось и расплывалось. Вот на экране искаженная панорама Сателлит-Сити — а в следующую секунду уже ледяная пустыня где-то вдали от города.

— Грег, взгляни-ка сюда! Что за чертовщина?

Маннинг оторвался от калькулятора, посмотрел на экран.

— Давно он барахлит?

— Только что начал.

Грег встал, взглянул вниз на ряды мониторов. Некоторые из них были выключены, но на других картинка дергалась точно так же, как на экране у Расса. Операторы тщетно крутили ручки, пытаясь сфокусировать изображение.

— Ничего не выходит, сэр, — сказал один из операторов. — Я слежу за заправочной станцией на Ио, но экран словно взбесился.

— А у меня все в порядке, — отозвался другой. — Последние пару часов я наблюдаю за Сандбаром, и никаких помех.

Быстрая проверка остальных мониторов показала, что они начинали барахлить только тогда, когда съемки проводились на спутниках Юпитера. Стоило направить телекамеру в любую другую точку пространства, как изображение тут же восстанавливалось.

Расс набил трубку, выключил свой телевизор и развернул крутящееся кресло.

— Кто-то создает помехи вокруг Юпитера, — спокойно сказал он.

— Я так и знал, — откликнулся Грег. — Я боялся этого с тех самых пор, как Крэйвен перекрыл нам доступ в здание «Межпланетной».

— Да, на сей раз доктор разошелся не на шутку, — сказал Расс. — Надо же — блокировал всю Юпитерианскую систему! Спутники окружает какое-то слабое поле с переменной интенсивностью. Мы можем пробиться через него, но колебания мешают получить устойчивое изображение. Защита получается не менее эффективная, чем если бы мы вообще не могли проникнуть за барьер.

Грег беззвучно присвистнул сквозь зубы.

— А энергии-то сколько нужно! — сказал он. — И сдается мне, что у Крэйвена она есть. В избытке.

— Коллектор излучений?

— Поле, которое поглощает лучистую энергию, — кивнул Грег. — Этой энергии вокруг навалом — бери, сколько влезет. Коллектор, похоже, накапливает не только солнечную радиацию, а все виды космических излучений.

Расс, утонув в кресле, курил и задумчиво морщил лоб.

— Если ему это удалось, — сказал он наконец, — хлопот теперь не оберешься. Крэйвен сможет аккумулировать любые волны, любые космические колебания. А потом расщеплять их, синтезировать вновь и направлять, куда захочет. По сути дела, у него в руках волновой генератор — самое меткое и легко управляемое оружие, когда-либо существовавшее на свете.

Грег внезапно повернулся и подошел к стенному шкафу. Вытащил оттуда ящик, открыл его и извлек миниатюрный приборчик.

— Механический шпик, — усмехнулся он. — Эта машинка подскажет нам, где искать Крэйвена, по крайней мере пока доктор не снимет свои очки.

— Он никогда их не снимет, — заявил Расс. — Без них он слеп как крот.

Грег поставил машинку на стол.

— Когда мы отыщем Крейвена, мы найдем и ту хитроумную штуковину, которая окружает защитным полем Юпитер со спутниками.

Стрелка задрожала, побежала по шкале. Расс быстро записал показания индикатора на бумагу, ввел их в калькулятор, щелкнул тумблером. Машина поворчала, погудела и закудаhtала.

Расс схватил распечатку с результатами.

— Крэйвен недалеко от Юпитера, — объявил он. — Примерно в 75 000 милях от его поверхности, в плоскости, перпендикулярной падению солнечных лучей.

— Корабль, — сказал Грег.

— Это единственный возможный ответ, — кивнул Расс.

Друзья переглянулись.

— Ну что ж, посмотрим, кто кого, — проговорил Грег.

Он подошел к пульту, опустился в пилотское кресло, взялся за рукоять рычага.

«Непобедимый» пришел в движение.

В машинном отсеке взвыла гигантская энергоустановка, наращивая и поддерживая гравитационный центр, внезапно образовавшийся перед кораблем.

Расс стоял рядом с Грегом и с восторгом вглядывался в космос. Они мчались с умопомрачительным ускорением, фактически не имея на борту реальной движущей силы. Возможность концентрации гравитационных линий упразднила старый способ передвижения в пространстве. Корабль просто падал в зияющую пасть искусственного гравитационного поля, причем падал с бешеной скоростью.

Желто-алый шар Юпитера, казалось, прыгнул навстречу звездолету и заполнил собой пол-иллюминатора.

«Непобедимый» начал тормозить и тормозил до тех пор, пока его скорость не стала совсем черепашьей по сравнению с недавним стремительным бегом.

Судно не спеша огибало громадный шар Юпитера. Друзья не отводили глаз от иллюминатора, высматривая корабль Крэйвена. «Непобедимый» приближался к точке, указанной маленьким механическим шпиком.

— Вот он! — задохнувшись от волнения, прошептал Расс.

На фоне исполинского шара ползла крохотная мерцающая пылинка. «Непобедимый» осторожно подкрался поближе. Пылинка превратилась в серебристый звездолет, не уступающий размерами «Непобедимому».

— Прекрасно, — сказал Грег. — Значит, здесь они укрылись за барьером и устроили свистопляску у нас на мониторах. Давай-ка пощупаем их немножко, испытаем барьер на прочность.

Он встал и пошел к другому пульту. Расс остался у иллюминатора.

Из машинного отсека донесся пронзительный визг. «Непобедимый» пошатнулся. Густой синий луч пронзил пространство и уткнулся в неприятельский корабль.

Космос на тысячу миль вокруг озарился великолепной вспышкой цвета индиго. Корабль в иллюминаторе вздрогнул от удара и закачался на волнах мощной энергии, посылаемой лучом.

— Что там? — перекрывая рев генераторов, крикнул Грег.

Расс пожал плечами.

— Он отлетел на несколько сотен миль. Но никакого вреда, похоже, ты ему не причинил.

— Я вжарил лучом мощностью в пять миллиардов лошадиных сил! И всего лишь столкнул его с места?

— Их космическая линза, очевидно, фокусирует излучения, а потом направляет в приемник, что-то вроде огромного фотоэлемента. Такую замкнутую цепь ничем не прошибешь.

Грег озадаченно нахмурился:

— Крэйвен, похоже, создал какое-то особое поле, снижающее длину волны и интенсивность. Оно постоянно улавливает естественные космические лучи и обрабатывает их.

— Сам по себе фокус не хитрый, — сказал Расс. — Но поймать и обработать пять миллиардов лошадиных сил — это уже кое-что!

— Сейчас я врежу по нему длинным тепловым лучом, — злобно усмехнулся Грег. — Если поле Крэй-

вена его укоротит, он превратится в радиолуч и взорвет все фотоэлементы к чертовой бабушке!

Маннинг яростно забарабанил по клавиатуре, генераторы взревели. В корпус вражеского судна вонзилось красное копьё, и космос снова озарился вспышкой, на сей раз ярко-алой.

— А ему хоть бы хны, — покачал головой Расс.

— Странное дело, — сказал Грег, усаживаясь в кресло рядом с другом. — Они спокойно позволяют нам бомбить свой корабль и даже не пытаются нанести ответный удар.

— Может, им нечем его нанести? — предположил Расс. — Хотя вряд ли. Крэйвен не вышел бы в космос с одним лишь оборонительным оружием. Он прекрасно знал, что мы его найдем и заставим вступить в сражение.

Трубка у Расса потухла. Он щелкнул зажигалкой, поднес огонек к потемневшему табаку. Потом неторопливо подошел к стенному шкафу, достал из него ящичек, поставил на стол и вытащил двух механических шпиков. Включил их, нагнулся к циферблатам, глядя на задрожавшие стрелки.

— Чемберс со Статсменом тоже на корабле! Слышишь, Грег? — прошептал он. — Гляди: показания приборов в точности совпадают с данными шпика, выследившего Крэйвена.

— Я так и думал, — не удивился Грег. — Значит, они там в полном сборе. Эх, подбить бы их сейчас — и мы бы выиграли войну одним ударом.

— Это шанс, Грег! Может быть, единственный. Теперь остается только выяснить, кто сильнее.

Грег, стоя перед пультом, сосредоточенно нажимал на кнопки. Снова взвыли генераторы. Грег передвинул рычаг, и вой превратился в пронзительный резкий визг.

И вновь «Непобедимый» выстрелил, еще и еще. В космосе один за другим вспыхивали яркие лучи, вылетающие из громадного звездолета.

Лучи быстро проходили всю шкалу интенсивности: от длинных радиоволн к коротким, от инфракрасного света к видимому и ультрафиолетовому, от рентгеновских лучей к гамма-лучам и, наконец, к космическим,

образуя чудовищный поток мощностью в миллиарды лошадиных сил.

Корабль Крэйвена накренился, зашатался под ударами — и все. Грег повернул к Рассу еще более суровое, чем обычно, лицо.

— Я ударил изо всех сил, — сказал Маннинг. — Но их защитный барьер уцелел. Нам его не пробить.

Расс поежился. Казалось, в рубке неожиданно сгустился леденящий душу холод.

— У них на борту фотоэлементы и тысячи тонн аккумуляторов, почти опустошенных. Крэйвен может несколько часов заряжать их твоими лучами, и у него еще останется запасная емкость.

Грег устало кивнул.

— Похоже, все, что я сделал, так это накормил его.

Генераторы басовито урчали посаженной на цепь энергией. И вдруг взвизгнули, словно электропила, вгрызающаяся в твердый как сталь ствол белого дуба, и с диким, агонизирующим воплем окружили «Непобедимый» стеной защитного поля.

По рубке разлилось голубоватое сияние, в воздухе остро запахло озоном.

А снаружи корпус корабля объяло ослепительное бело-голубое зарево. За стеклом иллюминатора бушевали молнии, огненными ручьями стекали вдоль обшивки.

Расс с криком отпрянул, прикрывая ладонью глаза. Вспышка была такой сильной, как будто прямо перед ними рождалась новая звезда.

Мгновение спустя визг прекратился, чудовищные всполохи погасли. Осталось лишь быстро тускнеющее сияние.

— Что это было? — преодолевая головокружение, пробормотал Расс. — Что стряслось? Все десять генераторов, каждый мощностью больше пяти миллиардов лошадиных сил, визжали, словно на последнем издыхании!

— Крэйвен выдал залп из всех орудий, — угрюмо сказал Грег. — Опустошил свои аккумуляторы и швыр-

нул нам в лицо всю накопленную энергию. Но теперь он пуст. Это был его единственный выстрел. Ему понадобится время, чтобы зарядить аккумуляторы. Хотя еще немного — и мы бы не выдержали.

— Стало быть, пат, — сказал Расс. — Ни он нас подбить не может, ни мы его.

— Черта с два! — взъярился Грег. — У меня есть еще в запасе парочка фокусов!

Он их испытал. Бешеный рев десяти генераторов заставил корабль содрогнуться: «Непобедимый» выпустил луч огня и света мощностью в пятьдесят миллиардов лошадиных сил.

Достигнув корабля противника, луч взорвался фейерверком. Защитный барьер слой за слоем начал рассыпаться сверкающими искрами. Но Крэйвен резко усилил его и остановил напор бьющей энергии. Огненный луч потускнел и погас.

Грег, обливаясь потом, рассчитывал на калькуляторе формулу создания магнитного поля. А затем выбросил вперед поле такой невероятной интенсивности, что оно должно было расплющить в лепешку любой предмет из бериллиевой стали в радиусе мили. Даже «Непобедимый», за сотни миль от поля, дрогнул от напряжения. Но корабль Крэйвена, исступленно дернувшись разок, больше не шелохнулся. От него отошло какое-то странное мягкое сияние — оно резко изогнулось и пропало в магнитном поле.

Грег тихо выругался.

— Он разрушает поле с той же скоростью, с какой я его генерирую, и не подпускает меня к кораблю.

Неприятельское судно выдало еще один ослепительный залп, и вновь генераторы «Непобедимого» дружно взревели, посылая энергию в тройной защитный экран. Первый слой отражал материальные предметы, второй — лучи, направляя их в четвертое измерение. Третий слой представлял собой антиэнтропийное поле, поглощающее любой вид материи... И тем не менее все десять генераторов были как сумасшедшие, отбивая атаку Крэйвена, одним ударом выпустившего все пятьдесят миллиардов лошадиных сил, которыми Грег пытался сразить его чуть раньше.

Маннинг с искаженным страшной яростью лицом потряс в воздухе кулаками, глядя на судно, сияющее вдали, возле Юпитера.

— Ничего! У меня остался еще один фокус! — прокричал он, словно ожидая, что Крэйвен услышит его. — Посмотрим, черт побери, как ты с ним справишься!

Он выбил на клавиатуре дробь команд, дернул за рычаг. Десять генераторов взвыли и смолкли. Четыре раза они начинали реветь и стихали до еле слышного жужжания.

— Следи за навигационными приборами! — крикнул Грег. — Приготовься дать «полный вперед»!

Он прыжком бросился к пилотскому креслу, схватился за рычаг ускорения.

— Ну, держись, Крэйвен! Сейчас я тебя достану! — прорычал он и, скрипнув зубами, рванул к себе рычаг.

Пространство вокруг содрогнулось от чудовищного тошнотворного толчка, потрясшего, казалось, самые основы Вселенной.

Глава 18

Юпитер со спутниками внезапно отпрыгнули назад, позеленели, затем посинели и пропали в фиолетовом мареве. Солнце завертелось, как юла, и отлетело во тьму крошечной рубиновой звездочкой.

Гигантские генераторы «Непобедимого» ревели во всю мощь своих глоток, от их стального рева дрожала каждая пластина обшивки, каждая переборка, каждый кусочек металла.

Корабль, вспарывая пространство, словно убегаящая звезда, мчался за пределы Солнечной системы. За ним волоком тащилось захваченное полем-ловушкой судно Крэйвена.

Компенсатор ускорения сработал как положено и смягчил перегрузку, когда корабль рванул со старта почти со световой скоростью. Но на такой стремительный рывок компенсатор все же рассчитан не был, и Грег с Рассом в первый момент придавила к креслам жуткая сила тяжести. Впрочем, компенсатор тут же принял удар на себя, и ощущение давления исчезло.

Грег помотал головой, стряхивая с ресниц капельки пота.

— Надеюсь, их компенсатор сработал не хуже нашего, — пробормотал он.

— В противном случае мы тащим за собой корабль с трупами, — сказал Расс и взглянул на индикатор скорости: она по-прежнему была близка к световой. — Пока что они даже не попытались нас затормозить.

— Мы выбили их из равновесия. Движение их корабля сильно зависит от массы какой-нибудь планеты, от которой он мог бы оттолкнуться. Юпитер идеально подходил для такой цели, но Юпитер остался далеко позади. Крэйвену срочно нужно что-то придумать, не то будет поздно.

— У них и с энергией сейчас туговато, — заметил Расс. — Мы удаляемся от их главных источников — Солнца и Юпитера, да к тому же на почти световой скорости, так что энергию им брать неоткуда. Крэйвену приходится использовать то, что осталось в аккумуляторах, а после его последнего залпа там осталось немного.

Стрелка на индикаторе скорости вдруг качнулась и поползла вниз. Расс затаил дыхание. Стрелка медленно сползала: корабль терял скорость.

— Крэйвен все-таки пустил в ход остатки своей энергии, — сказал Расс. — Они там живы-здоровы. Доктор пытается зацепиться за Юпитер и заставить работать на себя его притяжение.

«Непобедимый» уже явственно ощущал сопротивление своего пленника. Крэйвен включил двигатели, стараясь оборвать невидимый канат, освободиться от могучего захватчика, который с путающей скоростью тащил его судно прямо в открытый космос.

На «Непобедимом» трещали все переборки, генераторы стонали и захлебывались. Стрелка по-прежнему ползла по шкале вниз, нехотя, сопротивляясь торможению. Крэйвен упорно продолжал снижать скорость. И чем меньше становилась скорость, тем больше энергии накапливал его коллектор. Правда, против него работали и инерция движения, и непрерывно слабеющее притяжение Солнца и Юпитера. Гравитационное поле Солнца слабело медленно, Юпитера — очень быстро.

А стрелка все ползла вниз.

— Интересно, сумеет он добиться равновесия? — спросил Грег.

Расс покачал головой.

— Трудно сказать. Крэйвен может нас затормозить... даже остановить или оторваться, хотя я в этом сомне-

ваюсь. С каждой минутой он все дальше уходит от основного источника энергии — излучений Солнечной системы. Конечно, он может накапливать энергию где угодно, в том числе и в открытом космосе, но отнюдь не так эффективно, как вблизи от больших небесных тел.

Расс, склонившись над шкалой индикатора, чертыхался всякий раз, когда стрелка, дрожа, отступала назад.

Это был их последний, решающий шанс. Если удастся вытащить корабль Крэйвена за пределы Солнечной системы и замуровать его в пустоте, вдали от всех источников радиации, можно считать, что сражение выиграно. Тогда они вернутся домой и завершат разгром «Межпланетной».

Но если победит Крэйвен — если он остановит их стремительный бег или вырвется из плена, больше шансов у них не будет. Доктор изучит природу поля, которое поймало его в ловушку, и в следующий раз будет наготове. А может, даже сам генерирует такое поле и использует его против «Непобедимого». Если Крэйвен сумеет вернуться к Солнцу, он будет сильнее их. Революция захлебнется, и все миры будут вынуждены покорно склонить головы перед «Межпланетной» и Спенсером Чемберсом.

Расс не отводил глаз от индикатора. Скорость упала уже до десяти миль в секунду и продолжала быстро снижаться. Ученый сторбился, посасывая потухшую трубку и прислушиваясь к гудению генераторов.

— Был бы у нас хоть какой-то резерв! — простонал Расс. — Хоть несколько лошадиных сил! Но мы на пределе. Генераторы выдают все, на что способны.

Грег легонько хлопнул его по плечу. Расс обернулся и посмотрел другу в лицо. Оно было сурово, как обычно, но в уголках глаз затаилась улыбка.

— А почему бы нам не взять в союзники Юпитер? — сказал Грег. — Пускай он нам поможет.

Расс непонимающе уставился на него. Потом с радостным всхлипом схватился за рукоять рычага. Антиэнтропийные зеркала повернулись, заняли другое положение, и «Непобедимый» изменил курс. Теперь он убегал

от Солнца не по прямой, а под углом, наискосок пересекая Солнечную систему.

— Ну вот, сейчас мы летим позади Юпитера, — улыбнулся Грег. — Вернее, он уходит от нас, двигаясь по орбите вокруг Солнца. Наша скорость таким образом увеличивается на несколько миль в секунду, хотя приборы этого и не показывают.

Космическое перетягивание каната упорно продолжалось: два корабля из всех сил тянули его к себе. Один пытался освободиться, другой — увлечь противника в разинутый враждебно зев пространства.

Скорость упала до пяти миль в секунду, потом еще на одну десятую. Стрелка дрожала так, что невозможно было понять, стоит она на месте или отклоняется. А в машинном отделении надсадно были десять мощных генераторов, стараясь из всех сил заставить стрелку подняться вверх по шкале.

Расс раскурил трубку, не отрывая глаз от индикатора. И снова стрелка поползла вниз. Три мили в секунду.

Расс задумчиво выпустил облако дыма. Сатурн, к счастью, на пути не стоит, он ушел вперед на четверть орбиты. Между кораблем и открытым космосом остался лишь Нептун. Плутон тоже далеко, но даже будь он близко, это не имело бы значения: у такой маленькой планеты и притяжение пустяковое.

Скоро Ганимед и Каллисто окажутся по ту сторону Юпитера, и это тоже хорошо. Сейчас каждая мелочь может оказаться решающей.

Стрелка показывала две мили в секунду; на этом делении она зависла и больше не двигалась. Расс наблюдал за ней, прищулив глаза. Крэйвен наверняка уже расстался с надеждой на помощь Юпитера. Если старина Юпитер не помог ему раньше, то теперь и подавно рассчитывать не на что. А через часок-другой Земля заслонит Солнце и его излучение станет менее интенсивным. Но пока что доктор заряжает свои аккумуляторы и фотозлементы, готовясь к последнему отчаянному рывку, к последней попытке оторваться от «Непобедимого».

Расс ждал этой попытки. Предотвратить ее они не в силах. Генераторы выдают все до последнего ватта, больше из них не выжмешь. Если Крэйвен сумеет оторваться, значит, он оторвется... тут уж ничего не поделаешь.

Через час стрелка сдвинулась с места и проползла на одну десятую вверх. Расс сосредоточенно до головокружения наблюдал за шкалой.

И вдруг «Непобедимый» вздрогнул и зашатался, будто кто-то ударил его под дых. Стрелка стремительно понеслась вниз, скорость упала до одной мили в секунду, потом до полумили.

Расс сидел, напряженно выпрямив спину, затаив дыхание, зубы его мертвой хваткой сжимали мундштук трубки.

Крэйвен выложился до последнего. В этот удар он вложил всю энергию, накопленную аккумуляторами, всю до капельки...

Расс выпрыгнул из кресла, подбежал к перископу и, нагнувшись, взгляделся в зеркало. Далеко в космосе серебряным кулончиком висел корабль Крэйвена, раскачиваясь во тьме взад-вперед, будто космический маятник. Расс перевел дыхание. Поле-ловушка по-прежнему держало противника в тисках!

— Грег, мы его сделали! — крикнул ученый.

Он бросился обратно к контрольной панели, посмотрел на индикатор. Стрелка уверенно двигалась вперед и уже добралась до единицы. Через пятнадцать минут она одолела еще пять десятых. «Непобедимый» начал побеждать!

Генераторы выли, как и прежде, резким, визгливым воем бросая вызов неприятелю.

Через час скорость достигла четырех миль в секунду. Через два — десяти и продолжала увеличиваться на глазах, по мере того как Юпитер все дальше пропадал во мраке, а Солнце превращалось в тлеющий уголек.

Расс включил боковое ускорение, и оба корабля резко отклонились от Нептуна. Мимо этой массивной планеты они пройдут на безопасном расстоянии в сто миллионов миль.

— Крэйвен, наверное, даже не будет пытаться пристать к Нептуну, — сказал Грег. — Он знает, что выдохся.

— Может, он старается сейчас накопить еще немного энергии, — предположил Расс.

— Пускай старается, — заявил Грег. — Посмотри на стрелку! Еще несколько часов — и мы достигнем световой скорости, а после этого доктор спокойно может вырубать свою линзу. Ей уже нечего будет накапливать.

Крэйвен действительно не пытался ухватиться за Нептун, поскольку его орбиту корабли пересекли вдали от планеты. Вокруг сгустилась непроглядная тьма: они неслись со скоростью втрое выше световой, и все еще с ускорением!

Час за часом, день за днем «Непобедимый» упорно уводил пленника в открытый космос — в безбрежные межзвездные просторы, где звезды казались всего лишь пятнышками света, близоруко моргавшими где-то далеко-далеко.

Расс разлегся в пилотском кресле, бездумно глядя в иллюминатор. Смотреть было не на что, делать — абсолютно нечего. И так продолжалось уже несколько дней. Приборы, управляющие кораблем, были установлены на максимум, генераторы победно пели песнь силы и скорости. За стеклом иллюминатора простирался океан пустоты, который до сих пор, наверное, не пересекало ни одно разумное существо — люди, во всяком случае, точно.

Они неслись вперед, в загадочные просторы межзвездного пространства. Только просторы эти вовсе не выглядели загадочными. Они были простыми и будничными, почти скучными. Расс сжал в зубах трубку, хихикнул.

Когда-то ученые утверждали, что превысить скорость света невозможно. И они же уверяли, что раскрыть секрет энергии материи не удастся никому. А «Непобедимый» — вот он, летит себе быстрее света, а в генераторах его ревет энергия материи. И мчат они вперед, прокладывая путь в нехоженой пустыне космоса, оставив далеко позади все последние рубежи.

В рубке послышались шаги Грега.

— Мы здорово разогнались, Расс. Может, пора немного притормозить?

— Пожалуй, — согласился Расс и склонился над пультом. — Начинаю торможение.

На корабль обрушилась внезапная тишина. В ушах, привыкших за много дней к непрерывному реву генераторов, мучительно зазвенело безмолвие.

Долгие минуты тишины... а затем послышались новые звуки — тихое мурлыканье единственного генератора, который снабжал энергией корабельные приборы и поддерживал защитный экран.

— Как только скорость станет ниже световой, — сказал Грег, — нужно будет перебросить на корабль Крэйвена телекамеру и изучить его коллектор как следует. Сейчас не стоит и пытаться: все равно мы не сможем им воспользоваться, в условиях сверхсветового пространства он не будет работать.

— Да, сейчас мы только и можем, что лететь, — усмехнулся Расс. — Никакая энергия не в состоянии пробиться в это пространство. Мы в нем замурованы.

Грег уселся в кресло, пристально посмотрел на Расса.

— Какой была наша максимальная скорость? — спросил он.

— В десять раз больше скорости света, — улыбнулся Расс.

— Далековато же мы оторвались от дома! — беззвучно присвистнул Грег.

Вдали крохотными точками сияли звезды, будто кристаллики, горящие отраженным светом. И искрилось серебряное кружево звездной пыли, призрачное и невесомое на вид, хотя на самом деле это были миллионы огромных небесных тел.

— Приехали! — выдохнул Грег.

— Знать бы еще — куда, — отозвался Расс.

Здесь не было ни одного знакомого созвездия, ни единой привычной звезды. Все небесные маяки как рукой смело.

— Ярких звезд тут нет, — сказал Расс. — Вообще нет. Мы, наверное, угодили в какую-то космическую дыру, почти беззвездную.

— Слава Богу, у нас с собой механические шпики. Без них мы не нашли бы обратной дороги. Но они нас выведут.

В иллюминаторе виднелся корабль Крэйвена. Освобожденный из поля-ловушки, он тихо плыл, подчиняясь

инерции бешеного движения, развитого «Непобедимым» Вот он подплыл уже так близко, что стали отчетливо видны буквы у него на носу.

— Стало быть, они назвали его «Межпланетным», — сказал Расс.

— Думаю, пора с ними поговорить, — откликнулся Грег. — Они там небось уже переволновались.

— Вы имеете хоть какое-нибудь представление о том, где мы находимся? — приставал к доктору Людвиг Статсмен.

— Не больше вашего, — покачал головой Крэйвен. — Маннинг уволок нас за миллиарды миль от Солнечной системы, в открытое межзвездное пространство. Взгляните на звезды — и вы в этом убедитесь.

Спенсер Чемберс, пригладив серые усы, невозмутимо спросил:

— Как вы полагаете, какие у нас шансы вернуться домой?

— Это мы выясним немного позже, — ответил Крэйвен. — Похоже, шансы не блестящие, но меня сейчас волнует другое. Интересно было бы знать, что на уме у Маннинга с Пейджем.

— Я предполагал, что вас это заинтересует, — раздался голос из воздуха.

Все трое воззрились на место, откуда он, по-видимому, исходил. Там не было ничего, кроме слабой рефракции. Потом внезапно появилась человеческая фигура. Перед ними стоял Маннинг — стоял и улыбался.

— Привет, Маннинг, — сказал Крэйвен. — Я так и думал, что вы нанесете нам визит.

— Слушай, ты!.. — рявкнул Статсмен, но, почувствовав на плече сильную ладонь Чемберса, тут же умолк.

— Как у вас с воздухом? — спросил Грег.

— С воздухом? Нормально. Вентиляционная система функционирует прекрасно, — ответил Крэйвен.

— Вот и ладно. А как насчет воды и пищи? Есть запасы?

— Полно.

— Послушайте, Маннинг, — не выдержал Чемберс, — к чему все эти вопросы? Что вы задумали?

— Я просто хотел удостовериться, — сказал Грег. — Не хочу, чтобы по моей вине люди голодали или умирали от жажды. Будет обидно найти здесь одни только трупы, когда я вернусь за вами.

— Вернетесь? — изумленно переспросил Чемберс. — Боюсь, я не понял юмора. Это шутка?

— Мне не до шуток. — Грег больше не улыбался. — Я думал, вы уже поняли. Я собираюсь оставить вас здесь.

— Оставить нас здесь? — проревел Статсмен.

— Держите себя в руках! — отрезал Грег. — Я оставляю вас ненадолго, пока мы не завершим в Солнечной системе одно маленькое дельце. А потом вернусь и заберу вас.

— Я так и думал, — Крэйвен скорчил гримасу и подмигнул Маннингу сквозь толстые линзы. — Вы никогда не проигрываете, верно?

— Стараюсь, — рассмеялся Грег.

Небольшая пауза повисла между тремя сообщниками и изображением Маннинга. Грег нарушил ее.

— Как ваш коллектор? — обратился он к Крэйвену. — Сможет он поддержать жизнь на корабле? Здесь есть космические лучи, но больше, боюсь, никаких источников энергии нет.

— Вы правы, — сухо усмехнулся Крэйвен. — Но мы сможем продержаться. Хотя аккумуляторы почти пусты и рассчитывать на подзарядку не приходится. Вы не могли бы все же перекачать нам немного энергии? Чуть-чуть, только на крайний случай. — Он с опаской глянул через плечо. — Знаете, всякое может случиться. Тут ведь еще никто не бывал.

— Я дам вам энергию, — согласился Грег.

— Премного благодарен, — с иронией ответил Крэйвен. — Не сомневаюсь, что вы в восторге от собственной находчивости, Маннинг. Как же — вы ведь загнали нас в угол и стреножили. Вы прекрасно знаете, что нашей энергии едва хватит на поддержание жизни.

— Именно этого я и добивался, — заявил Грег и исчез.

Глава 19

Крэйвен смотрел, как «Непобедимый» набирает скорость и стремительно уходит во мрак, как он уменьшается в размерах и наконец совсем пропадает из виду, то ли поглощенный расстоянием, то ли скрывшийся в особом суперпространстве, которое возникало при сверхсветовой скорости.

Доктор отвернулся от иллюминатора, хихикнул.

— Не понимаю, что тут смешного! — прорычал Статсмен.

Крэйвен бросил на волчью физиономию испепеляющий взгляд и, ничего не ответив, подошел к столу. Уселся, взял карандаш и блокнот.

Чемберс подошел к нему.

— Вы что-то придумали, доктор, — сказал он спокойно.

— Я много чего придумал, — хмыкнул Крэйвен. — Маннинг считает, что может нас держать здесь на привязи, но он ошибается. Мы будем дома максимум через неделю после него.

Чемберс подавил изумленный вздох и постарался сохранить спокойный тон:

— Вы это серьезно?

— Конечно. Я не привык тратить время на всякие дурацкие шуточки.

— Вы открыли секрет энергии материи?

— Нет! — отрезал ученый. — Но я разгадал не менее важный секрет: секрет двигателей Маннинга. Теперь я знаю, как он умудряется лететь со скоростью, превышающей световую... в десять тысяч раз... и Бог знает во сколько еще, стоит лишь ему захотеть.

— Обычный двигатель на такое не способен, — сказал Чемберс. — Чтобы развить такую скорость, нужно нечто большее, чем энергия.

— Ясное дело, нужно! И у Маннинга это есть. Он использует космическое поле. Я думаю, что смогу его скопировать.

— И сколько времени на это уйдет?

— Около недели, — сказал Крэйвен. — Может, чуть больше, может, чуть меньше. Но когда мы тронемся с места, то разовьем скорость не ниже, чем у Маннинга. Правда, энергии у нас маловато, но у меня есть кое-какие задумки.

Чемберс сел в кресло рядом с ученым.

— Но мы же не знаем обратной дороги!

— Отыщем, — заявил Крэйвен.

— Да, но все созвездия здесь абсолютно незнакомые, — возразил Чемберс. — Маннинг затащил нас в такую даль, что ни одной звезды не узнать.

— Я сказал, что найду Солнечную систему, — нетерпеливо ответил Крэйвен, — и я ее найду. Маннинг направился туда, верно? Я заметил направление. Наше Солнце относится к классу G, а стало быть, все, что мне нужно, это найти такую звезду.

— А вдруг она не одна такая?

— Не исключено. Но есть и другие способы найти и опознать Солнце.

Больше информацией он делиться не пожелал и склонился с карандашом над блокнотом. Чемберс устал поднялся из кресла.

— Когда что-нибудь прояснится, дайте мне знать, — сказал он.

— Непременно, — буркнул Крэйвен.

Наконец пришло время и доктор объявил:

— Вот оно, Солнце! Видите вон ту тусклую звездочку между двух ярких?

— Вы уверены? — спросил Статсмен.

— Конечно. Таких грубых ошибок я не допускаю.

— Это единственная звезда класса G в той стороне, да? — с надеждой спросил Чемберс.

— Нет, не единственная. Там их несколько. Я изучил все звезды класса G в том направлении и определил, какая нам нужна.

— И как вы это определили? — продолжал допытываться Статсмен.

— Спектроскопическим анализом. Наш коллектор собирает энергию по типу зажигательного стекла. Вам приходилось когда-нибудь видеть зажигательное стекло? — Крэйвен уставился на Статсмена, обращая свой вопрос именно к нему.

Статсмен сконфуженно переминался с ноги на ногу.

— Ну так вот, — продолжал Крэйвен. — Я использовал его как телескоп. Собрал излучения солнц и проанализировал их. Коллектор, конечно, не настоящий телескоп, изображения в нем не увидишь, но для спектроскопии этого и не нужно.

Спутники доктора молча ждали объяснений. В конце концов он снизошел:

— Я исследовал все звезды класса G и обнаружил, у одной из них были некоторые характерные особенности. Во-первых, через спектры кислорода, водорода, водных паров и углекислого газа проходят линии отраженного света. Это чисто планетный эффект, у звезд такого не бывает. К тому же определенный процент света поляризован. А во-вторых — не забывайте, что я изучал эту звезду достаточно долго и имел возможность убедиться в своей правоте, — свет периодически и нерегулярно варьировался. Я не проводил точного хронометража, так что почасовой график вам представить не смогу. Но я обнаружил, что некоторые изменения в интенсивности и характере света воспроизводятся регулярно, что доказывает присутствие планет, вращающихся вокруг звезды. Это единственное объяснение флюктуаций, поскольку звезды класса G обычно стабильны. Они не пульсируют, в отличие от цефеид или звезд типа Миры.

— И это доказывает, что вы нашли наше Солнце? — спросил Чемберс.

— На мой взгляд, довольно-таки убедительно доказывает, — кивнул Крэйвен.

— Мы от него далеко? — поинтересовался Статсмен.

Крэйвен презрительно хмыкнул.

— Я так и знал, что вы спросите что-нибудь в этом роде.

— Но есть же способы определить расстояние до звезды! — не унимался Статсмен. — По ее размерам, например.

— О'кей, — согласился Крэйвен. — Найдите мне какое-нибудь небесное тело в измеримых пределах, скажем, на расстоянии двухсот миллионов миль, и я отвечу на ваш вопрос. Наш корабль не вращается на орбите и не стоит в какой-то определенной точке пространства. Я не могу одновременно и точно измерить и расстояния, и углы, тем более такие маленькие углы.

Статсмен и доктор сверлили друг друга взглядами.

— Как бы там ни было, путь предстоит неблизкий, — вмешался Чемберс. — Если мы хотим добраться до дома, стартовать нужно как можно быстрее. Когда отправимся в дорогу, доктор?

— Очень скоро. Гравитационный центр я создал, а Маннинг подкормил нас энергией для хорошего старта. — Крэйвен хихикнул, снял очки, протер их и вновь водрузил на нос. — Знал бы он, на что пойдет его энергия!

— Но что мы будем делать, когда израсходуем ее? — спросил Чемберс. — Ваш коллектор не сможет обеспечить нам столько энергии, сколько нужно для перелета.

— Вы правы, — признал Крэйвен. — Но выход есть. Мы разовьем предельную скорость, а потом вырубим двигатели и будем лететь по инерции, давая возможность коллектору подкопить энергию. Мы же будем приближаться к источникам излучений, а не удаляться от них, как раньше. И в каждом месте, где есть хоть какое-то гравитационное напряжение, где сталкиваются линии гравитации, мы сможем увеличить свое силовое поле, распространить его на тысячи миль. К тому же нам помогут новые фотоэлементы.

— Кстати, как они, готовы? — поинтересовался Чемберс.

— Через несколько часов у нас будет целая батарея, а остальные будем заменять по мере готовности. Над ними трудится практически весь экипаж. Когда Маннинг перебрасывал нам энергию — оттуда, из Солнечной системы, — он обнаружил у нас запас фотоэлементов и сжег их. Я бы не поверил, что такое возможно, если бы не видел собственными глазами. Да, Маннинг с Пейджем толковые ребята, таким палец в рот не клади!

На вид новые фотоэлементы почти не отличались от старых. Разве что в незаряженном состоянии новые выглядели молочно-белыми, а старые — серебристыми. А выглядели они так оттого, что поверхность новых фотоэлементов была гранулированной и каждую минуту покрывалась мельчайшими металлическими шестигранными пирамидками и призмами.

— Просто небольшое изменение сплава, — пояснил Крэйвен, — то есть кристаллической решетки, формирующей эти мелкие призмы с пирамидами. А в результате поверхность фотоэлемента становится в тысячи раз больше и поглощает каждую капельку энергии.

«Межпланетный» стрелой мчался к звездам, приводимый в движение колоссальной инерцией, а коллектор тем временем поглощал внешние излучения и заряжал аккумуляторные батареи. Звезда класса G, к которой они направлялись, была по-прежнему бледной, зато две звезды по бокам сверкали на черном фоне, как бриллианты.

— Вы говорили, что мы вернемся домой через неделю после Маннинга, — сказал Чемберс.

Крэйвен прищурил глаза за толстыми линзами, посмотрел на финансиста и, поджав губы, вновь повернулся к пульту управления.

— Может, немного позже, — процедил он наконец. — Часть пути мы вынуждены лететь по инерции, чтобы собрать энергию. Но чем ближе мы будем к звездам, тем быстрее сможем двигаться.

Чемберс задумался, машинально барабанил по ручке кресла.

— Надеюсь, мы все же успеем, — сказал он скорее самому себе, чем Крэйвену. — Надеюсь, мы все же успеем остановить Маннинга и революцию. У нас еще есть шанс вернуть себе власть.

Крэйвен молчал, наблюдая за индикаторами.

— Не исключено, что Маннинг проскочит мимо, когда вернется за нами, — продолжал Чемберс. — Он ведь думает, что мы сидим на месте, ему и в голову не придет искать нас здесь.

Крэйвен взглянул на него с насмешливым любопытством.

— Не разделяю вашей уверенности. Маннинг крепко держит нас на крючке. Он всегда находил нас, где бы мы ни были. У меня такое предчувствие, что он и на сей раз не промахнется.

Чемберс пожал плечами.

— В сущности, это не имеет значения. Когда мы приблизимся к Солнцу, аккумуляторы у нас будут заряжены до упора. Так что Маннингу не останется ничего иного, кроме как поднять кверху лапки.

Финансист замолчал, разглядывая звезды в иллюминаторе. Они еще далеко, конечно, но уже гораздо ближе, чем были.

Чемберса вновь захватила ожившая мечта — заветная мечта об империи, покорной его воле, об энергии, сжимающей в тисках всю Солнечную систему...

Крэйвен прервал его грезы.

— Куда, интересно, подевался наш друг Статсмен? Что-то я давно его не вижу.

— Он дуется, — благодушно усмехнулся Чемберс. — Он, по-моему, решил, что нам не нравится его компания, и ошивается где-то в машинном отделении вместе со всей командой.

— Вы обо мне говорите? — раздался вкрадчивый голос.

Они вскочили, обернулись к двери. В проеме стоял Статсмен. Лицо его ощерилось волчьим оскалом, правая рука сжимала огнемётный пистолет.

— Что это значит? — Голос Чемберса был подобен резкому удару гонга.

— Это значит бунт на корабле. Я беру власть в свои руки! — Статсмен осклабился еще больше. — Звать на помощь бессмысленно, команда на моей стороне.

— Черт тебя подери! — заорал Чемберс и шагнул вперед. Статсмен поднял дуло пистолета. Чемберс остановился.

— Не рыпайся, Чемберс. Ты теперь просто пешка. Хуже чем пешка, — ты никто. Ну какой из тебя диктатор? Ты же натуральный слизняк! Теперь моя очередь отдавать приказы. И чтобы никаких вопросов и возражений! Будешь слушаться беспрекословно — может, я и сохраню тебе жизнь.

— Ты просто спятил, Статсмен! — крикнул финансист. — Ничего у тебя не выйдет!

— Кто же мне помешает, интересно? — отрывисто хохотнул Статсмен.

— Народ! Народ тебе не позволит! Когда ты вернешься в Солнечную систему...

Статсмен оборвал его, шагнув вперед с нацеленным пистолетом.

— Народ будет молчать в тряпочку. Я буду править Системой так, как мне захочется. Никто и пикнуть не посмеет. Ты мечтал об империи, да? О диктатуре над Солнечной системой? Так посмотри на меня! Я сколочу настоящую империю! Только во главе ее буду я, а не ты!

Крэйвен уселся обратно в кресло, положил ногу на ногу.

— И каковы ваши дальнейшие планы, диктатор Статсмен?

Невинный тон доктора привел Статсмена в такое бешенство, что на губах у него выступила пена.

— Сперва я покончу с Маннингом! Сотру его в порошок! Наш корабль в состоянии это сделать, вы сами говорили. У нас в десять раз больше энергии, чем у него. А потом...

Крэйвен взмахом руки прервал его:

— Значит, вы намереваетесь вернуться в Солнечную систему? Хотите встретиться с Маннингом и уничтожить его звездолет? Хороший план.

— Чем он вам не нравится? — с вызовом спросил Статсмен.

— Он всем хорош, — невозмутимо ответил Крэйвен. — Если не считать одной детали: видите ли, не исключено, что мы *никогда не достигнем Солнечной системы!*

Статсмен обмяк на глазах. Волчий оскал исчез, глаза недоуменно округлились. Он с трудом взял себя в руки.

— Что вы такое несете? Почему не достигнем? — он махнул рукой в сторону иллюминатора, где между двумя яркими звездами желтела тусклая маленькая звездочка.

Чемберс метнулся к Крэйвену, схватил его за грудки, вытащил из кресла:

— Бросьте свои шуточки, доктор! Это наше Солнце!

Крэйвен, освободившись, спокойно продолжил:

— Я никогда не шучу. Просто я ошибся, вот и все. Мне пока не хотелось вам говорить. Я думал подойти к этой звезде поближе, зарядиться как следует, а потом еще раз попробовать определить местоположение Солнца. Но боюсь, это безнадежная задача.

— Безнадежная?! — взвизгнул Статсмен. — Ты просто хочешь надуть меня! Вы оба сговорились. Это наше Солнце, я знаю!

— Нет, не наше, — возразил Крэйвен. — Маннинг нас одурачил. Мы решили, что он направился к Солнечной системе, а он сделал крюк и умчался неведь куда.

Ученый бросил хладнокровный взгляд на побелевшие костяшки пальцев, сжимавших пистолет.

— Мы заблудились. — Он посмотрел Статсмену прямо в глаза. — Может быть, мы вообще никогда не найдем наше Солнце!

Глава 20

Революция завершилась. Чиновники «Межпланетной» и армейские генералы бежали на Землю. С «Межпланетной» было покончено... покончено навсегда, ибо на каждой планете, включая и Землю, гудели генераторы энергии материи. Энергии у людей теперь было вдоволь, причем настолько дешевой, что как товар она не стоила ничего, хотя была бесценна как средство достижения новой ступени развития жизни — жизни более полнокровной и достойной человечества.

Акции «Межпланетной» обесценились. Огромные энергостанции на Венере и Меркурии бездействовали. Единственным осязаемым имуществом, оставшимся у компании, были флотилии кораблей, которые еще неполный месяц назад оживленно курсировали между планетами, доставляя во внешние миры аккумуляторы и привозя их обратно к Солнцу для подзарядки.

Маннинг и Пейдж получили патенты, подтверждавшие их права на генераторы энергии материи, практически в каждом государстве Солнечной системы. На обломках поверженных правительств возникали новые. Джон Мур Меллори уже вступил в должность президента Юпитерианской конфедерации. В течение следующей недели должны были состояться выборы на Марсе и Венере.

Меркурий, после того как отпала необходимость в аккумуляторах, обезлюдел. Его поверхности больше не

касалась нога человека. Его огромные купола пустовали. Как и миллиарды лет назад, он кружился на своей орбите — никому не нужный, заброшенный, слегка истощенный людьми шарик. На короткий миг познал он завоевательную поступь человечества, сыграл свою роль в развитии межпланетной торговли и вот опять вернулся в первозданное состояние... Одиноким околосолнечный бродяга, пария среди других планет.

Рассел Пейдж посмотрел через стол на Грегори Маннинга. Вдохнул, вытащил из кармана пиджака трубку.

— Вот и все, Грег, — сказал он.

Грег хмуро кивнул, наблюдая, как Расс набивает трубку табаком и подносит к нему горящую спичку.

Не считая немногочисленной команды, они были одни на борту «Непобедимого». Джон Мур Меллори и иже с ним отправились в свои миры формировать новые правительства, которые будут проводить в жизнь волю народа. Отправились напрямик в историю Солнечной системы.

«Непобедимый» висел в космосе возле Калисто. Расс взглянул на спутник, на его скованную льдом поверхность, на крохотное серебристое пятнышко — купол Рантора.

— Все, да не все, — сказал Грег. — Кое-что еще нужно сделать.

— Слетать за Чемберсом и компанией. — Расс пыхнул трубкой.

— Мы можем отчалить прямо сейчас, — кивнул Грег.

Расс встал, медленными шагами подошел к стенному шкафу, вытащил ящик с механическим шпиком, внутри которого слабое поле окружало металлическую пылинку — путеводную ниточку к «Межпланетному». Ученый осторожно извлек индикатор из ящика, поставил на стол и склонился над шкалой.

И вдруг изумленно присвистнул.

— Грег, они движутся! Они совсем не там, где мы их оставили!

Грег бросился к столу, уставился на стрелку.

— Они уходят еще дальше в открытый космос. Куда их несет, хотел бы я знать!

Расс выпрямился и усмешливо затянулся дымом:

— Наверное, они нашли какую-то звезду класса G и дунули к ней. Решили, что это родное солнышко.

— Похоже, ты прав. Мы ведь покружились там, попетляли, чтобы сбить Крэйвена со следа. Немудрено, что он потерял ориентацию.

— Но он явно где-то разжился энергией, — сказал Расс. — Мы ведь его стреножили, там и радиации-то почти нет! А он несется себе вперед, как ни в чем не бывало.

— Доктор разгадал наш трюк с концентрацией гравитации, — отозвался Грег. — И выманил у нас немного энергии, чтобы создать гравитационное поле.

Двое друзей молча глядели друг на друга.

— Что ж, — сказал в конце концов Расс, — значит, Крэйвен, Чемберс и Статсмен — трое злодеев — затерялись в пространстве. Они направляются совсем не в ту сторону. Заблудились, одним словом. И обратной дороги им, скорее всего, не найти.

Он умолк и подпалил потухший табак. В рубке воцарилось напряженное молчание.

— Романтическое торжество справедливости, — изрек Расс. — Прощайте и не поминайте лихом!

Грег с сомнением постукивал кулаком по столу.

— Нет, Расс, я так не могу. Мы затащили их туда, мы их там бросили. Мы должны вернуть их домой, иначе я не смогу спать по ночам.

Расс тихонько рассмеялся, глядя на суровое лицо друга.

— Я знал, что ты это скажешь.

Он выбил из трубки пепел, задавил каблуком упавшую на пол искорку. Потом сунул трубку в карман, сел в пилотское кресло и взялся за рычаг. Генераторы запели все громче и громче. «Непобедимый» устремился в космос.

— Все равно уже слишком поздно, — проговорил Чемберс. — Пока мы доберемся до этой звезды, пока зарядим аккумуляторы, Маннинг с Пейджем наведут в Системе свой порядок. Даже если мы и найдем наше Солнце, нам уже не успеть.

— Какая жалость! — Крэйвен, словно нахохлившийся филин, покачал головой. — Подумать только,

какая жалость! Диктатор Статсмен так и не взойдет торжественно на трон!

Статсмен хотел было ответить, но сдержался, только поглубже уселся в кресле. На поясе в кобуре у него висел огнеметный пистолет.

Чемберс взглянул на него с неприкрытым отвращением.

— Пора прекратить эту игру в солдатики. Мы не собираемся подавлять ваш мятеж. Пока что я не почувствовал особой разницы оттого, что вы захватили власть на корабле... Какой смысл нам бороться с вами?

— Да уж, — отозвался Крэйвен. — Кто бы тут ни верховодил, а ожидает нас теперь лишь одно из двух: либо мы окончательно заплутаем и проведем остаток дней своих, блуждая от звезды к звезде, либо Маннинг прилетит за нами, возьмет за ушко и вытянет к солнышку.

Чемберс насторожился, подался вперед и вперил в лицо ученого свои стальные очи.

— Вы действительно считаете, что Маннинг сможет нас найти?

— Ничуть не сомневаюсь, — ответил Крэйвен. — Не знаю, как он это проделывает, но отыскать нас он может в любую минуту. Другой вопрос — захочет ли? Сейчас для него самый подходящий момент избавиться от нас безо всяких усилий.

— Нет! — возразил Чемберс. — Вы ошибаетесь, Маннинг так не поступит. Он придет за нами.

— Не понимаю, с какой стати, — огрызнулся Крэйвен.

— Такой уж он человек, — заявил Чемберс.

— И что вы собираетесь делать, когда он здесь объявится? — не выдержал Статсмен. — Упадете к нему на грудь и облобызаете?

Чемберс усмехнулся, пригладил усы.

— Ну зачем же? Я думаю, мы сразимся. Мы ему выдадим по первое число, и он ответит нам тем же. Это вполне естественно.

— Да, тут вы правы, черт подери! — прорычал Статсмен. — Потому что парадом теперь командую я! Похоже, вы оба забыли об этом. Как только мы зарядим аккумуляторы, я сотру Маннинга в порошок!

— Прекрасно, — с издевкой проронил Крэйвен. — Просто замечательно. Позвольте мне напомнить только об одном: не забудьте, что Маннинг — единственный

человек, способный доставить нас в Солнечную систему.

— Ну и черт с ним! — взбеленился Статсмен. — Мне без разницы! Я сам найду дорогу домой.

— Да вы просто боитесь Маннинга, — поддел его Чемберс.

Статсмен схватился за рукоять пистолета. Глаза его пылали, лицо дышало откровенной ненавистью.

— Не пойму, какого дьявола я до сих пор не пристрелил тебя! Крэйвен мне нужен, я не могу его прикончить. Но ты мне совершенно без надобности. Ты теперь вообще пустое место!

Чемберс не отвел взгляда. Статсмен отпустил рукоять пистолета, безвольно уронил руку. Потом встал и вышел из рубки.

Бойся Маннинга! Из груди его вырвался хриплый смешок. Это он-то боится Маннинга!

Но он боялся.

В памяти беспрестанно всплывала одна короткая фраза. Фраза, произнесенная Маннингом в ту ночь, когда он не без издевки пригласил Статсмена полюбоваться по телевизору на покушение. Слова эти бились в мозг, лишали покоя, заставляли душу сжиматься от страха. Маннинг сказал их тогда, обращаясь к Скорио, — сказал между прочим, но вполне серьезно: *«Статсмен свое получит, это я тебе обещаю!»*

В ту ночь Маннинг схватил Скорио и его гангстеров за шкуру и разбросал одного за другим по дальним уголкам Системы. Одного — на жуткую флотилию «Вулкан», другого — в «Аванпост», третьего — в колонию на Титане, четвертого — на Богом забытую Весту, а самого Скорио — на кочку посреди венерианского болота. Он не оставил им ни единого шанса. Поймал их в силовые ловушки и швырнул за миллионы миль... Без суда и следствия, неумолимой карающей десницей.

«Статсмен свое получит, это я тебе обещаю!»

— До «Межпланетного» осталось всего несколько миллиардов миль, — сказал Грегори Маннинг. — Еще немного — и мы его догоним. Энергии у Крэйвена пока еще мало, но он быстро пополняет запасы. С

каждой минутой он приближается к планетной системе и на лету хватает все ее излучения. И благодаря сверхсветовой скорости заряжает свои аккумуляторы куда быстрее, чем раньше.

Расс, сидевший перед пультом с зажатой в зубах трубкой, хмуро кивнул.

— Я боюсь только одного, — сказал он. — Я боюсь, что мы догоним его, когда он будет слишком близко от этой звезды. Если Крэйвен успеет к ней подобраться, то выдаст нам такой залп — не дай Бог! Выстрелить он сможет только раз, потому что энергию излучений, в отличие от нашей, приходится накапливать, а на это уходит время. Но, зарядившись как следует, он вполне может нас раздолбать. Не хотелось бы мне на собственной шкуре испытать, на что способны его аккумуляторы.

— Мне тоже, — поежился Грег.

«Непобедимый» летел гораздо быстрее света и был окутан непроницаемой мглой, характерной для сверхсветовой скорости. В иллюминаторе ничего не было видно. Но маленький механический шпик, занявший почетное место на пульте, безошибочно вел друзей к «Межпланетному».

Грег развалился в кресле, взглянул на Расса:

— Надеюсь, до этого не дойдет. Крэйвен вряд ли решится опустошить аккумуляторы до доньшка. Он вынужден будет оставить себе какой-то запас, чтобы отразить наши ответные удары. Он ведь прекрасно знает, что мы в долгу не останемся. И свой неприкосновенный запас доктор будет беречь как зеницу ока, поскольку поглощающий экран служит ему одновременно защитным экраном. К тому же какую-то долю энергии ему придется выделить на заслон от нашей телекамеры.

— Да, нелегкая у него задача, — усмехнулся Расс.

В рубке ни на мгновение не умолкал рев работающих генераторов. Друзья притерпелись к нему настолько, что почти уже не замечали. Десять мощных генераторов мчали «Непобедимый» со скоростью, недостижимой для других кораблей, за исключением разве что «Межпланетного». Впрочем, Крэйвен с его ограниченными запасами энергии не рисковал развить такое же ускорение: если бы его аккумуляторы сели, ему некогда было бы их заряжать.

— А может, Крэйвен и не думает драться? — предположил Расс. — Если он уже понял, что его занесло не в ту степь, может, он будет только рад нашему появлению? И спокойно последует за нами домой?

— Не надейся. Крэйвен с Чемберсом не упустят возможности сразиться с нами. Они обязательно выдадут нам парочку залпов, хотя бы ради приличия.

— Мы понемножку догоняем их, — сказал Расс. — Нам бы заловить «Межпланетный» на расстоянии четырех-пяти миллиардов миль от звезды, тогда с ним не так уж трудно будет справиться. Крэйвен, конечно, успеет накопить энергию, но не так много, как ему бы хотелось.

— Скоро ему придется затормозить, — заметил Грег. — Не то он врежется в планетную систему на полном ходу. Тратить энергию на резкое торможение доктор не станет: он уже наверняка понял, что мы у него на хвосте, а значит, решит побережь силы для схватки.

Час за часом «Непобедимый» потихоньку подползал к неприятелю — и вдруг словно прыгнул к нему, когда «Межпланетный» начал торможение.

— Гони, не сбавляй темпа! — воскликнул Грег. — У нас для резкого торможения энергии хватит! Мы можем его обогнать и остановиться в одну и ту же секунду.

Расс сосредоточенно кивнул. Стрелка на механическом шпике, указывавшая расстояние, быстро скользнула вперед. Грег вскочил из кресла и замер над машинкой.

— Все, пора тормозить! — сказал он. — Иначе мы окажемся в планетной системе.

— Крэйвен далеко? — спросил Расс.

— К сожалению, слишком близко, — расстроено ответил Грег. — От него до звезды не больше трех миллиардов миль, а звезда горячая. Класса G, но гораздо моложе нашего Солнца.

— А ну-ка, известим их о нашем прибытии, — усмехнулся Грег.

Острый луч мощностью в полмиллиарда лошадиных сил пронзил пространство. «Межпланетный» пошатнулся, но устоял.

— Теперь они знают, — сказал Расс, стоя у иллюминатора. — Мы немножко трягнули их.

Время шло, но ничего больше не происходило.

— А может, ты был прав? — Грег почесал в затылке. — Может, они вовсе не настроены драться?

Друзья вместе наблюдали за «Межпланетным». Корабль по-прежнему, как ни в чем не бывало, уплывал к далекому солнцу.

— Посмотрим! — сказал Грег.

Он вернулся к пультам и выбросил вперед гигантское поле-ловушку. Неприятельский корабль попал в силки и заметно снизил скорость.

И вдруг космос изрыгнул огненную струю. Она мгновенно обвила «Непобедимый» живым пламенеющим серпантинном. Генераторы стонали, напрягаясь из последних сил, чтобы поддержать защитный экран. Терпкий запах озона проник даже в рубку. Весь корабль ходил ходуном и скрежетал, угрожая развалиться на части.

— Не настроены драться, говоришь? — прокричал Расс.

Грег скрипнул зубами.

— Они прорвали поле-ловушку.

— Да, энергии у них там немало, — заметил Расс.

— Чересчур много! — отозвался Грег. — Гораздо больше, чем им положено!

Он схватился за рычаг. Луч, сопровождаемый наглым воплем генераторов, помчал свои миллиарды лошадиных сил к вражескому кораблю.

Грег протянул руку к наборному диску. Генераторы взвыли еще громче.

— Я увеличиваю масштаб радиации, — сказал Грег.

«Межпланетный» шатался под чудовищными ударами, но его экран поглощал каждую унцию энергии, посылаемой Грегом.

— Не могут их фотоэлементы все это переварить! — закричал Расс. — Никакие фотоэлементы не в состоянии проглотить такую уйму энергии! Разве что...

— Ну же, не тяни!

— Разве что Крэйвен их усовершенствовал.

— Мы должны это выяснить. Давай-ка к телевизору.

Расс бросился к телеустановке.

Чуть погодя он поднял измученное лицо.

— Не могу пробиться. Крэйвен остановил наши лучи, а теперь блокирует телесъемку.

— Этого следовало ожидать, — кивнул Грег. — Раз уж он умудрился закрыть от нас все юпитерианские спутники, ясно, что он может заблокировать свой корабль.

Грег выжал рычаг до упора и послал луч предельной мощности. Генераторы взревели как сумасшедшие, надрывно подвывая и повизгивая. И в то же мгновение огромное полотнище огня запыхало вокруг «Непобедимого», словно корабль провалился в раскаленный ад с беснующимися пламенными языками.

Энергия, переполнившая аккумуляторы «Межпланетного», хлынула потоком в автоматические разрядные устройства — и дюжина колоссальных лучей, по несколько миллиардов лошадиных сил каждый, вонзилась в «Непобедимый».

Экран «Непобедимого» горел, но защищал корпус; десять мощных генераторов выли, как в агонии. А из «Межпланетного» вылетали все новые и новые лучи.

Температура в рубке «Непобедимого» начала повышаться. От едкого запаха озона слезились глаза и горели ноздри. За стеклом иллюминатора ползали и извивались нетерпеливые огненные щупальца.

Расс рванул воротник рубашки, вытер рукавом лицо.

— Попробуй магнитное поле!

Грег с непроницаемым и суровым, словно высеченным из камня лицом что-то одобрительно буркнул. Пальцы забегали по клавиатуре.

Далекие звезды внезапно закружились и, будто взбесившись, принялись отплясывать буйную джигу: одни беспорядочно прыгали вверх-вниз, а другие, казалось, аплодировали представлению, разыгравшемуся перед их немигающим взором.

Магнитное поле сгущалось, искривляло свет этих далеких звезд и вновь выпрямляло его. «Межпланетный» качался как пьяный. Огромные электрические дуги вспыхивали причудливыми петлями и вонзались в самое сердце магнитного поля.

И вновь зашлись в безумной пляске далекие звезды, когда аккумуляторы «Межпланетного» выпустили мощный залп, чтобы подавить энергию поля.

Поле занялось неярким светом и исчезло.

— Они отбивают все наши атаки, — простонал Расс. — Надо что-то придумать!

Он посмотрел на Грегa. Грег невесело усмехнулся, потирая щеку.

— Я знаю, что мы можем сделать, — вдруг сказал Расс. — Давно пора было сообразить!

Он подошел к столу, придвинул к себе калькулятор.

— Отвлеки их, — отрывисто бросил он Грегу. — Мне нужно кое-что посчитать.

Из машинного зала послышалось рычание, «Непобедимый» задрожал: Грег бомбардировал противника, выпуская один луч за другим.

Крэйвен нанес ответный удар на радиочастотах. Вокруг «Непобедимого» опять запылал свирепый костер. А «Межпланетный» тут же, благодаря приливу энергии, зарядившей его аккумуляторы, резво прыгнул вперед, к вожденной звезде, до которой оставалось не больше трех миллиардов миль.

Грег отчаянно ругался про себя. Он снял первый защитный экран, боровшийся с радиочастотными лучами на равных — энергия против энергии, — и позволил лучам ударить во второй экран, инверсионное поле которого отводило большую часть энергии, поворачивая ее на девяносто градусов и направляя в другое измерение.

Генераторы тихонько застонали и успокоились. Теперь, когда отпала необходимость поддерживать первый защитный слой, они уже не выли, а размеренно урчали. Но вскоре вновь издали пронзительный вопль: Грег еще раз выбросил вперед поле-ловушку. Оно схватило «Межпланетный» и заставило его остановиться. Однако корабль Крэйвена успел пролететь уже несколько миллионов миль, и такая близость к источнику энергии давала ему существенное преимущество в битве.

— Расс! — выдохнул Грег. — Если ты не поторопишься с расчетами, нам несдобровать. Они отбили все удары и прорвались ближе к солнцу. Еще один такой прыжок — и все будет кончено.

Расс поднял глаза, собираясь ответить, но так ничего и не сказал, только изумленно разинул рот. Прямо в глаза ему ударил нестерпимо яркий сноп белого света, исходивший от «Межпланетного». В этом ослепительном потоке кишмя кишели маленькие зеленые пятныш-

ки, что-то вроде корчащихся амеб. Они жадно протягивали вперед бледно-зеленые ложноножки, вцеплялись ими в инверсионный барьер... и *прогрызали его насквозь!*

Везде, где они прикасались к защитному полю, оставляли дырки. Амебы запросто проплыли сквозь инверсионную защиту и начали вгрызаться во внутренний антиэнтропийный экран. *В антиэнтропийный!* В то состояние материи, которое, как считали Расс с Грегом, *не допускает внутри себя никаких изменений!*

Несколько секунд оба друга стояли как замороженные, не в силах поверить собственным глазам. Скопление амев становилось все гуще и гуще, они смачно присасывались к антиэнтропийному полю, разъедали его слой за слоем и пробивались вперед.

Когда они сожрут этот экран, то прорвут стальную обшивку, словно бумагу!

А сколько их, Господи! Конца и края не видать!

Поперхнувшись от изумления, Грег ударил лучом в самую гущу амев. Они набросились на луч и пропали в его сиянии, как светлячки пропадают в потоке солнечного света. Но на смену им ринулись новые, облепили луч со всех сторон и, сглодав его, вновь принялись за экран.

Амебы прогрызли и стены силовых полей, и металлические стены, и вот уже потоки шипящего воздуха начали воспламеняться, превращаясь в ионы в этом чудовищном противоборстве энергий у самого корпуса «Непобедимого».

Расс сгорбился над контрольной телевизионной панелью. Воздух со свистом вырывался у него из горла, с пальцев капала кровь.

— Мне нужна энергия, Грег. Много энергии.

— Бери хоть всю. Я все равно ни на что больше не способен.

Расс уперся в рычаг большим пальцем. Генераторы завизжали как резаные.

Что-то творилось на телеэкране... что-то невообразимое. Корабль Крэйвена, казалось, удалился вдруг на миллионы миль... и так же внезапно на экране появился «Непобедимый». Мелькнул — и тут же его заволокло серой пеленой. А потом бесконечно долгие секунды ничего не было видно, и двое друзей, затаив дыхание, нетерпеливо ждали.

Но вот серая пелена исчезла — и они увидели перед собой рулевую рубку «Межпланетного». Крэйвен, согнувшись в кресле, сосредоточенно наблюдал за показаниями приборов. За ним сбоку стоял Статсмен с огнеметным пистолетом в руке и торжествующей ухмылкой на губах. Чемберса не было видно.

— Кретин безмозглый, — злобно проворчал Крэйвен. — Ты же лишил нас единственного шанса на возвращение домой!

— Заткнись! — рявкнул Статсмен, нервно дернув пистолетом. — Ты врубил свой аппарат на полную мощность?

— Он работает на полную мощность уже несколько минут, — ответил Крэйвен. — Должно быть, сейчас уже прогрызает корабль Маннинга насквозь.

— Продолжай в том же духе. Хотя, по правде говоря, ты мне больше не нужен. Я внимательно наблюдал за тобой и изучил все твои трюки. Я вполне могу сам закончить бой!

Крэйвен ничего не ответил, просто согнулся еще ниже к пульту управления и уставился на блестящие циферблаты.

Грег толкнул Расса под локоть.

— Смотри, вон та штука в углу. Видишь — треугольный аппарат? Похоже, какой-то конденсатор. Зеленые твари, которых Крэйвен на нас напустил, это, по-видимому, сверхнасыщенные силовые поля, а конденсатор их генерирует.

— Сейчас поглядим, — ответил Расс.

Он бегло прошелся пальцами по клавиатуре и послал в пространство телетранспортирующий луч. Силовое поле спеленало треугольный аппарат и яростно рвануло его с места. На экране это выглядело так, будто аппарат просто улетучился. Он лежал уже на полу в рубке «Непобедимого», доставленный туда силой телетранспортиации.

Поток слепящего света, исходившего от «Межпланетного», тут же иссяк, маленькие зеленые амебы пропали. Отверстия, прогрызенные в защитных полях, затянулись, экраны загерметизировали корабль, и резкий

свист выходящего наружу воздуха прекратился, несмотря на дырки в металлической обшивке.

А на телеэкране Крэйвен, выпрыгнув из кресла, изумленно таращился вместе со Статсменом на пустой угол, где только что стоял конденсатор. Прибор был содран прямо со стальной подставки, к которой был приварен, и покореженный металл поблескивал неровной поверхностью в ярком свете рубки. Кругом валялись оборванные кабели и помятые шины.

— Что за черт! — взвизгнул Статсмен.

Крэйвена позабавил неприкрытый ужас, прозвучавший в этом восклицании.

— Да просто Маннинг зашел к нам на минутку и уволок аппарат с собой.

— Но он не мог! А как же экран? Он не мог проникнуть сквозь защитный экран!

— Не знаю, мог или не мог, а только результат налицо. Не исключено, что Маннинг может унести отсюда все до винтика, если захочет.

— Идея хорошая, — рассудительно заметил Расс.

И принялся методично выдирать из креплений батареи фотоэлементов. Затем изуродовал панель, управлявшую силовыми полями, оборвал кабели у двигателей и оставил корабль без всего — без энергии, без средств передвижения, нападения и защиты.

Расс блаженно откинулся в кресле и с удовлетворением осматрел результаты своей работы.

— Теперь они хоть ненадолго, но утомонятся!

Выудив из кармана трубку, он набил ее табаком из мятого кожаного кисета.

Грег с любопытством разглядывал друга.

— Ты послал телекамеру назад во времени. Закинул ее на борт «Межпланетного» до того, как Крэйвен включил экран, а потом перебросил в настоящее время.

— Угадал, — откликнулся Расс, уминая пальцем табак. — Нам давно надо было до этого додуматься. Задействовать временной фактор. Ведь на самом-то деле все вращается вокруг времени. Сколько раз мы пользовались телекамерой и телетранспортиацией — и при этом всегда сообщали любому предмету, который хотели переместить, временное ускорение.

— Значит, получается, что мы можем по-настоящему побывать в прошлом... или даже в будущем? — Грег наморщил лоб. — Просто сесть перед телевизором и смотреть на все, что происходило и что еще произойдет...

— Не знаю, Грег. — Расс покачал головой. — Ты же помнишь: когда камера нырнула в прошлое, на экране ничего не было видно. Изображение появилось лишь тогда, когда она прошла временной отрезок и достигла настоящего момента. Похоже, что экран и телекамера функционируют, только если совпадают во времени. Можно, конечно, попробовать модифицировать экран или всю телеустановку, чтобы путешествия во времени стали реальностью, но придется изрядно попотеть и пошевелить извилинами. К тому же энергии потребуется — жуть!

— Энергия у нас есть, — сказал Грег.

Расс сосредоточенно водил огоньком зажигалки над табаком, подпаливая его со всех сторон. Над головой свивались клубы голубого дыма.

— Ну ладно, — сказал он. — А теперь мы лучше посмотрим, как там Крэйвен и остальные наши друзья. Что-то Статсмен уж больно грозно разговаривал и пушкой размахивал почему-то. А Чемберс вообще как в воду канул. Не нравится мне все это.

— Что же мы теперь будем делать? — требовательно спросил Статсмен.

Крэйвен усмехнулся.

— Тебе решать. Кто у нас теперь главный? Ты взял бразды правления в свои руки и заявил, что будешь отдавать приказы. — Крэйвен небрежно махнул рукой в сторону разбитых приборов. — Валяй, распоряжайся!

— Но ты должен мне помочь! — взмолился Статсмен. Лицо его скривилось так, словно он испытывал невыносимую физическую боль. — Ты знаешь, что делать, а я — нет.

— Нет смысла что-либо начинать, — покачал головой Крэйвен. — Маннинг будет здесь с минуты на минуту. Подождем, слушаем, что он скажет.

— Маннинг! — завопил Статсмен, яростно размахивая пистолетом. — Вечно Маннинг! Можно подумать, ты работаешь на Маннинга!

— Как ни крути, а сейчас он важная шишка в этом уголке Вселенной, — заявил Крэйвен.

Статсмен осторожно отступил назад, поднял дуло пистолета и оценивающим взглядом окинул ученого, выбирая себе мишень.

— Брось оружие! — раздался голос.

Между Статсменом и Крэйвеном стоял Грегори Маннинг. На сей раз его появлению не предшествовало никакое мерцание, он материализовался прямо из воздуха.

Статсмен вытаращил глаза, но пистолет из рук не выпустил.

— Берегитесь, Крэйвен! — предупредил Грег. — Он собирается стрелять. Огонь пройдет сквозь меня и поразит вас!

Послышался глухой стук падающего тела: Крэйвен рывком вывалился из кресла, упал на пол и откатился в сторону. Пистолет изрыгнул огненную струю. Она прошла сквозь изображение Грега и уперлась в спинку кресла, где только что сидел Крэйвен. Спинка оплавилась и обвалилась.

— Расс, — невозмутимо сказал Грег, — разоружика этого парня, пока он никого не поранил.

Неведомая сила вырвала у Статсмена пистолет и швырнула в угол. И тут же руки нападавшего оказались за спиной, связанные невидимыми ремнями.

Статсмен заорал, задергался, но не смог двинуться с места, зажатый, словно клещами, чьими-то исполинскими ладонями.

— Спасибо, Маннинг, — сказал Крэйвен, вставая с пола. — На сей раз этот дурак все-таки выстрелил. Он уже несколько дней мне угрожает. Прогрессирующая мания убийства.

— Он вас больше не тронет, — заявил Грег, обернувшись к доктору. — Где Чемберс?

— Статсмен запер его в каюте. Ключ, по-моему, у него в кармане. Чемберс хотел отнять у этого подонка оружие, но Статсмен уложил его ударом по голове. А

потом запер и запретил кому бы то ни было приближаться к каюте. Вот уже три дня, как он морит Чемберса голодом, не дает ни еды, ни питья.

— Возьмите у него ключ, — приказал Грег, — и посмотрите, как там Чемберс.

Оставшись наедине со Статсменом, Грег посмотрел ему прямо в глаза.

— За тобой должок, Статсмен. Я хотел было простить его, но теперь передумал.

— Ты меня не тронешь! — взорвался Статсмен. — Не посмеешь!

— С чего ты так решил?

— Все это блеф! Конечно, фокусы ты показывать умеешь, но только не такие, в которые пытаешься заставить меня поверить. Чемберсу с Крэйвеном ты запудрил мозги, но со мной этот номер не пройдет.

— Ну что ж, я представлю тебе доказательства.

Через порог, шатаясь, переступил Чемберс. Костюм его был измят, голова небрежно обмотана бинтом. Он выглядел изможденным, глаза воспалились и покраснели.

— Привет, Маннинг, — сказал он. — Я так понимаю, что вы победили. Солнечная система теперь у вас под контролем, надо полагать.

Он поднял руку к усам, пригладил их, не слишком убедительно пытаясь войти в привычную роль, которую играл вот уже столько лет.

— Мы победили, — спокойно ответил Грег. — Но насчет контроля вы ошибаетесь. Правительства контролирует народ, как и положено.

Чемберс кивнул.

— Ясно, — пробормотал он. — Разные люди — разные идеи. — Взгляд его остановился на Статсмене, и Грег вдруг увидел, как усталое серое лицо исказил бешеный приступ ярости. — Значит, вы схватили этого мерзавца? Что вы собираетесь с ним делать? Что вы собираетесь делать с нами со всеми?

— Я об этом еще не думал, — признался Грег. — Сейчас я как раз размышляю насчет Статсмена.

— Он мятежник! — хрипло выкрикнул Чемберс. — Он поднял бунт на корабле, восстановил против меня всю команду!

— И наказание за это — смерть, — спокойно продолжил Грег. — Прогулка в вакууме.

Статсмен забился в тугих объятиях силового поля. Лицо его скривила жуткая гримаса.

— Нет, черт возьми! Вы не сделаете этого! Только не со мной! Вы не можете!

— Заткнись! — рыкнул Чемберс, и Статсмен умолк.

— Я все время думаю о том, — сказал Грег, — что по его приказу в Солнечной системе были безжалостно расстреляны тысячи людей. Поставлены к стенке и расстреляны. А других, словно диких зверей, убивали на улицах. Тысячами.

Он медленно шагнул к Статсмену. Тот съежился.

— Ты мясник, Статсмен, — сказал Грег. — Ты смрадная вонь в ноздрах человечества. Ты не имеешь права жить.

— Полностью с вами согласен, — отозвался Крэйвен.

— Вы меня ненавидите! — завизжал Статсмен. — Вы все, все меня ненавидите! И поэтому хотите избавиться от меня!

— Да, Статсмен, тебя ненавидят все, — согласился Грег. — Каждое живое существо во Вселенной. Над тобой сгустилось целое облако ненависти, огромное и черное, как космос.

Статсмен закрыл глаза, по-прежнему тщетно пытаясь освободиться.

— Принесите скафандр! — резко бросил Грег, не отрывая взгляда от пленника.

Крэйвен принес скафандр и бросил его Статсмену под ноги.

— Ну-ка, Расс, развяжи его, — велел Грег.

Статсмен пошатнулся и чуть не упал, когда невидимые путы силового поля внезапно отпустили его.

— Что вы хотите со мной сделать? — захныкал он. — Вы же не отправите меня назад на Землю? Не заставите предстать перед судом?

— Нет! — мрачно отрезал Грег. — Мы не пошлем тебя на Землю. А перед судом ты стоишь прямо сейчас.

В холодных глазах, устремленных на него, Статсмен прочел свою судьбу. Не помня себя от страха, он кинулся на Грега, пролетел сквозь него и, врезавшись в переборку, рухнул на пол.

Невидимые руки подняли его и, крепко сжимая, поставили на ноги. Грег подошел к нему и остановился напротив.

— У тебя запас воздуха на четыре часа, Статсмен, — сказал он. — Четыре часа на размышления, чтобы ты мог умереть с миром.

Он повернулся к остальным. Чемберс угрюмо кивнул головой. Крэйвен не проронил ни слова.

— А теперь, — сказал Крэйвену Грег, — будьте добры, закрепите на нем шлем.

Шлем с лязгом защелкнулся и оборвал все мольбы и угрозы, что рвались из глотки Статсмена.

Безжалостные, сверкающие глаза далеких звезд уставились на Статсмена. Кругом простиралась черная пустыня.

Онемев от ужаса, он понял, где находится. Маннинг зашвырнул его далеко в космос... На сотни световых лет вокруг здесь нет ничего, кроме бескрайней пустоты.

Он почувствовал себя пылинкой, затерявшейся в беспредельности. Не разберешь, где верх, где низ: никаких точек отсчета.

Одиночество и страх сомкнулись вокруг него, захлестнули волной паники. Через четыре часа воздух кончится, и тогда он умрет! Его тело будет носиться в водоворотах космического океана, и его никогда не найдут. Оно останется здесь, забальзамированное лютой космической стужей, на веки вечные.

Выход был единственный. И простой. Рука сама потянулась к соединительной трубке между шлемом и кислородным баллоном. Один поворот — и он умрет быстро, почти сразу... и смерть не будет подкрадываться в темноте неслышно четыре часа подряд.

Статсмен вздрогнул, рука безвольно упала. Он не хочет торопить смерть, он жаждет ее задержать. Он боится смерти... ужасно боится!

Звезды насмешливо мигали, и ему показалось, будто откуда-то издали донесся оглушительный хохот. Странно, но хохот был похож на его собственный...

— Я облегчу вам задачу, Маннинг, — проговорил Чемберс. — Я знаю, что мы виновны. Виновны в глазах

людей и закона. Виновны в ваших глазах. Если бы мы победили, то не понесли бы наказания. Победителей не судят.

— Наказания... — повторил Грег с полуусмешкой в глазах. — Будет вам наказание: я возьму вас с собой на борт «Непобедимого» и заставлю отдохнуть и немного поесть.

— Вы хотите сказать, что мы не пленники?

— Конечно, нет. Я вернулся за вами, чтобы доставить вас обратно на Землю. Это же я приволок вас сюда, и по моей милости вы попали в передрагу. Я просто обязан был вытащить вас. И Статсмена я тоже вытащил бы, но...

Он запнулся и посмотрел на Чемберса.

Чемберс, глядя ему в глаза, медленно кивнул.

— Да, Маннинг. Я думаю, что понимаю вас.

Глава 21

Чемберс поджег кончик сигары, откинулся на спинку кресла.

— Постарайтесь взглянуть на это с моей точки зрения, Маннинг. Для меня нет больше места на Земле и в Солнечной системе. Я сделал попытку и проиграл. Там я навсегда останусь бывшим. — Он тихонько рассмеялся. — И потом, я не в состоянии представить себя в роли побежденного племенного вождя, прикованного цепями к вашей колеснице!

— Вы не правы, — возразил Грег. — Да, ваша компания действительно обанкротилась, ваши акции обесценились, но не все еще потеряно. У вас остался целый флот. А корабли Солнечной системе сейчас нужны позарез, с нашей-то энергией! Нужна уйма кораблей! Торговые пути оживились как никогда. Вы вернетесь в новый мир, в новую Систему, преображенную практически бесплатной энергией.

— Да, да, я знаю, — отозвался Чемберс. — Но я взобрался слишком высоко и слишком многое держал в руках. Я не могу теперь вернуться, поджавши хвост, как неудачник.

— У вас есть то, что нам необходимо, — сказал Грег. — Например, экран, блокирующий телевидение и телетранспортиацию. Он нужен нам как защита от наших собственных изобретений. Только представьте

себе, какой находкой может стать телетранспортиция для воров! Никакие заборы, никакие провода под током им отныне не помеха. Бери что хочешь! Тюрьмы потеряют всякий смысл: преступники будут выдергивать оттуда своих дружков, как ни усиливай охрану. Камеры опустеют, а банки и национальные сокровища будут разграблены за один день.

— К тому же у вас есть сверхнасыщенные космические поля, — задумчиво добавил Расс. — Они нас чуть было не прикончили. Не приди мне в голову переместить телекамеру во времени, мы бы сели в глубокую лужу.

— Ничего подобного! — перебил его Крэйвен. — Вы могли разделаться с нами одним махом. Вы же умеете дезинтегрировать материю, превращать ее в облако дыма. Вам надо было всего лишь разорвать связи между электронами и пустить их кружиться на воле...

— Конечно, мы могли это сделать, Крэйвен, — сказал Грег. — Но не хотели.

Чемберс тихо рассмеялся.

— Мы недостаточно сильно разозлили вас, да?

— Можно сказать и так, — глянул на него Грег.

— А мне все-таки хочется узнать побольше про зеленые силовые поля, — не унимался Расс.

— Это просто, — сказал Крэйвен. — Они перенасыщены энергией: там энергии больше, чем может вместить пространство, больше, чем оно способно удерживать. Перенасыщенный раствор кристаллизуется почти мгновенно, стоит лишь опустить в него крошечный кристаллик. Точно так же работают и зеленые поля: при соприкосновении с любым видом энергии, будь то фотоны радиации или какие-то другие силовые поля, амебы тут же кристаллизуются в гиперпространство. Ваша антиэнтропия тут бессильна. Когда они кристаллизуются, то забирают с собой частицу поля — небольшую частицу, но все вместе они сумели-таки прогрызть дыру в вашем экране.

— Это изобретение имеет немалую коммерческую ценность, — сказал Грег. — Его можно использовать на войне, например. Сейчас, когда человечество вышло в космос и начинает его освоение, нужно быть готовыми ко всему. Не исключено, что в Галактике существу-

ют и другие формы жизни. В один прекрасный день они непременно пожалуют к нам, а нет — так мы к ним. И тогда нам пригодится любое оружие.

Чемберс стряхнул с сигары пепел, глядя в иллюминатор на далекую звезду, к которой так стремился «Межпланетный».

— Что до меня, — сказал он медленно, взвешивая каждое слово, — то все эти открытия в вашем распоряжении. Мы отдаем их вам, и я не сомневаюсь, что вы распорядитесь ими наилучшим образом. Крэйвен объяснит, как они работают, — если захочет, конечно. Это ведь его открытия.

— Разумеется, объясню, — отозвался Крэйвен. — Может, кто и помянет когда-нибудь добрым словом.

— Но вы же вернетесь с нами? — спросил Грег.

— Нет, я остаюсь с Чемберсом, — покачал головой Крэйвен. — Не знаю, что он задумал, но я разделю его судьбу. Мы слишком долго были вместе, мне будет скучно без моего вечного оппонента.

Чемберс по-прежнему не отрывал глаз от иллюминатора. Он заговорил, но больше с самим собой, чем с окружающими.

— Была у меня заветная мечта. Я видел, как страдают люди из-за глупости и некомпетентности демократических правительств. Я видел, как к власти то и дело приходят никчемные вожаки, как они ведут за собой народы, увлекая их в пропасть. Я изучал историю и знаю, что так было всегда, с тех самых пор, как обезьяна превратилась в человека. А я хотел управлять по-деловому... дать народам рациональное правительство. Чтобы оно работало, как удачливый бизнесмен, возглавляющий свою компанию. Но люди оскорбились бы, если бы я заявил во всеуслышание, что они не умеют устроить свои дела. Мне оставался единственный способ: захватить власть и силой заставить их проглотить эту истину.

Чемберс больше не был похож на поверженного и обессиленного страдальца с забинтованной головой. Он вновь стал финансистом, сидящим за столом в офисе «Межпланетной», отдающим приказы... приказы, которым повинуются люди за миллионы миль от Земли.

Финансист пожал плечами.

— Но они не захотели. Человеку не нужно разумное руководство. Он не желает, чтобы его защищали от его собственных заблуждений. Он хочет так называемой свободы. Он хочет поступать по-своему, даже если делает глупость за глупостью. Ему нужно покорять самые высокие горные пики и такие же глубокие впадины. Такова человеческая природа, а я хотел эту природу изменить. Но изменить ее невозможно.

Он замолчал, и наступила тишина. Расс, обхватив ладонью трубку, смотрел на Чемберса. Тот откинулся назад и затянулся сигарой. Грег просто сидел с непроницаемым лицом.

Наконец Крэйвен прервал молчание.

— Что вы задумали?

Чемберс протянул руку к далекому солнцу, сиявшему в иллюминаторе.

— Там неизвестная солнечная система. Новые миры, новое солнце. Эту систему открыли мы с вами — вот и застолбим свое открытие.

— Но там, возможно, ничего нету! — возразил Грег. — Это солнце моложе нашего. Планеты наверняка еще не остыли, там может не оказаться никакой жизни.

— В таком случае мы найдем другую планетную систему, — сказал Чемберс. — Такую, где есть жизнь.

У Расса перехватило дыхание. Какая-то новая, необычайно важная традиция рождалась у него на глазах. Первые разведчики человечества устремлялись на поиски новых миров. Люди, впервые повернувшись спиной к своей Солнечной системе, уходили к неведомым солнцам, где, может быть, есть другая жизнь.

— Пусть будет так, как вы решили, — сказал Грег. — Я надеялся, что вы вернетесь с нами домой. Но мы поможем вам починить корабль и отдадим все свои запасы, какие сможем.

— За это не грех и выпить, — произнес, вставая, Расс.

Он открыл дверцу шкафа и вытащил бутылки с бокалами.

— Хватит трех бокалов, — сказал Чемберс. — Крэйвен не пьет.

— Налейте мне тоже, Расс, — вмешался Крэйвен.

Чемберс удивленно уставился на него.

— Впервые в жизни слышу от вас такое!

— Так ведь случай-то особый! — сморщился в улыбке Крэйвен.

«Непобедимый» приближался к Марсу. Земля казалась зеленоватым шаром, примостившимся где-то сбоку от пылающего Солнца.

Расс задумчиво разглядывал зеленый шарик.

Земля — это дом. Во всяком случае, для него лично она всегда будет родным домом. Но времена меняются. Скоро, через несколько поколений, для миллионов людей Земля перестанет быть родиной.

Благодаря генераторам энергии материи жизнь на любой планете станет не только возможной, но даже легкой. Стоимость промышленного производства, добычи полезных ископаемых, межпланетного транспорта будет ничтожной по сравнению с той, которую человечество платило раньше, когда поневоле зависело от громоздкой и дорогостоящей системы аккумуляторного энергообеспечения.

Отныне на Марсе будет своя собственная энергия. Да что на Марсе — даже на Плутоне! А энергия — это... Энергия есть энергия. Это и жизнь, и работа, и развитие торговли, и возможность изменить силу тяжести на каждой планете по земному или любому другому образцу. Это сила, способная изменить какие угодно природные условия, приспособить их к нуждам людей.

Земные мужчины и женщины хлынут потоком на еще не обжитые планеты — на фермы Венеры, на заводы Марса, растущие сейчас как грибы, на шахты юпитерианских спутников, в огромные исследовательские комплексы, которые появятся на Титане, Плутоне и в других холодных мирах.

Миграция человечества — древняя традиция. Еще в каменном веке кроманьонцы, появившиеся неведь откуда, вытеснили неандертальцев. А столетия спустя непоседливые северные варвары наводнили Римскую империю и стерли ее с лица земли. Прошли еще века — и началась миграция европейцев через океан, в Америку, где они пробивали себе дорогу с востока на запад, завоеывая континент.

И вот теперь — новая волна миграции. Люди покидают Землю и устремляются в космос. Покидают свою колыбель, планету, что вырастила их и воспитала. И разлетаются все дальше и дальше. Сперва к планетам Солнечной системы, а затем — к далеким звездам!

Долгие годы после того, как Америка стала самостоятельным государством со своими собственными традициями, миллионы американцев продолжали считать своей родиной Европу. Но время шло, и пуповина наконец оборвалась. Обе Америки зажили своей независимой от Европы жизнью.

Так же будет и с Землей. Еще на века, если не тысячелетия, Земля останется отчизной для миллионов первопроходцев, мужчин и женщин, рискнувших бросить вызов космическому океану и уплыть к неведомым мирам. Люди будут возвращаться на Землю из сентиментальных побуждений... повидать места, где родились и жили их предки, поглазеть на памятник, увековечивший стартовую площадку первого полета на Луну, посетить древние музеи, погулять по старым городам, подышать воздухом, который тысячи лет вдыхали мужчины и женщины, пока не открыли силу, способную умчать их на край света.

В конце концов ресурсы Земли истощатся. Уже сейчас запас ее минералов почти исчерпан, нефтяные колодцы высохли, уголь иссяк; ее промышленность достигла пика развития и законсервировалась; торговля образовала замкнутый круг с жесточайшей конкуренцией внутри. Этот мир перенасыщен: в нем слишком много вещей, слишком много идей, слишком много людей. Ему не нужны больше мужчины и женщины. Даже гений здесь уже не способен себя реализовать.

И поэтому человечество покидает Землю. Из-за конкуренции, из-за переполненности рынка и промышленности, из-за того, что приходится локтями распахивать своих же сограждан, завоевывая себе место под солнцем. Но не только из-за этого. Что-то толкает их еще... Неистребимая жажда приключений и острых ощущений, стремление шагнуть за рубежи, рискнуть — и либо остаться в дураках, либо превзойти все величайшие достижения истории.

Но Земля никогда не умрет, ибо каждый человек, устремляясь в космос, понесет с собой частицу родной планеты — ее отвагу, ее идеалы, ее мечтания. Привычки, добродетели и пороки, взращенные на Земле, не умрут никогда. Старушка Земля будет жить вечно, даже когда она рассыплется в прах, а Солнце превратится в мертвый холодный камень. Она будет жить в дерзновенных мечтах, которые к тому времени распространятся до самых дальних уголков Галактики.

Расс выудил из кармана трубку, оглянувшись в поисках кисета и обнаружил его на столе у себя за спиной. Кисет был пуст.

— Вот черт! Табак кончился.

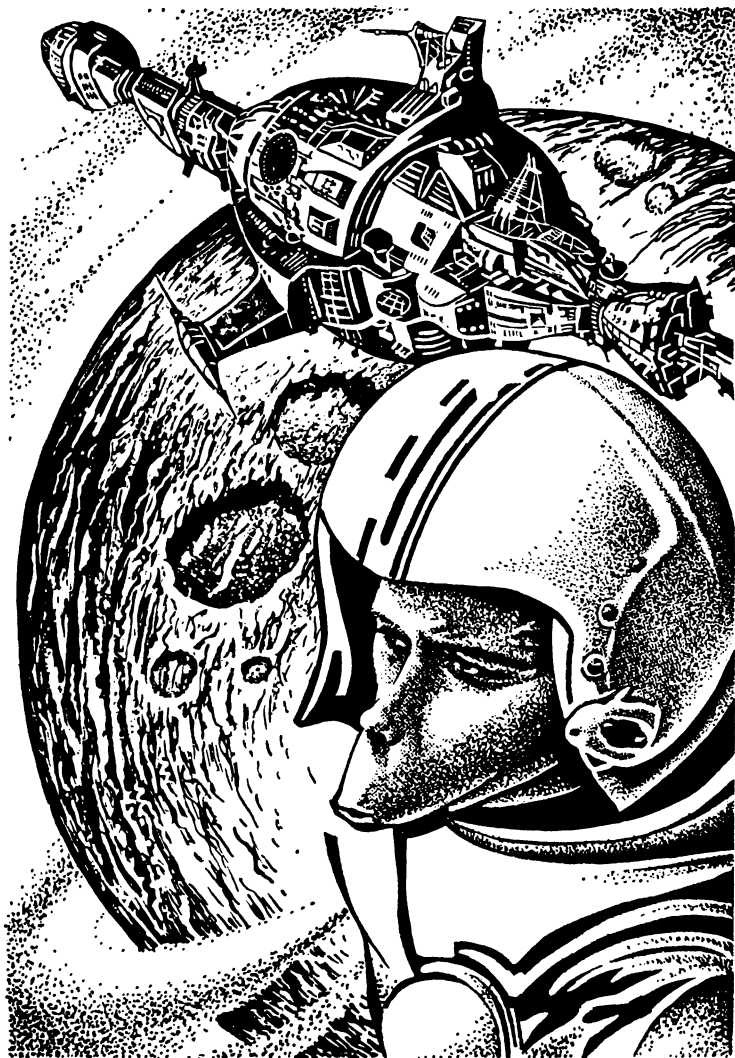
— Долго страдать тебе не придется, — усмехнулся Грег. — Через несколько часов будем дома.

Расс крепко сжал в зубах черенок трубки.

— Да уж, надеюсь. А пока придется подымитъ всухую.

Земля уже увеличилась в размерах, Марс пропал за кормой.

И вдруг на темной стороне земного шара замигал космический маяк. Он сигнализировал... сигнализировал... он указывал дорогу в будущее — такое грандиозное будущее, какое не снилось ни одному пророку человечества.

ГОРОД

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

«Город» был написан в результате крушения иллюзий. Возможно, людей, подобно мне утративших иллюзии, не так уж много, но они должны быть. Человечество прошло через войну, не только унесшую миллионы жизней и исковеркавшую миллионы других жизней, но и породившую новое оружие, способное уничтожить уже не армии, а целые народы.

Мало кто из нас ныне задумывается об угрозе ядерного оружия. Мы жили с ней так долго, что она стала одним из факторов нашего существования. Мы свыклись с ней и если подчас вспоминаем об этой угрозе, то лишь как об инструменте международной политики, а не как о реальной опасности. Даже в те дни, когда первые ядерные взрывы расцвели над Японией, основная масса людей не увидела в них ничего, кроме более мощных бомб. Но некоторые, в том числе писатели-фантасты, сразу поняли значение свершившегося. Я убежден, что эти писатели и их произведения, предрекающие миру гибель, служат орудием предостережения для общества — предостережения о том, чем чревато ядерное вооружение.

Меня лично потрясла не столько разрушительная сила нового оружия, сколько очевидный факт, что человек в своей безумной жажде власти не остановится ни перед чем. Похоже, нет предела жестокости, кото-

рую люди готовы обрушить на головы своих ближних. Какой бы страшной ни была вторая мировая война, у меня все же теплилась робкая надежда, что люди сумеют как-то договориться друг с другом и сделать мирную жизнь возможной. Но теперь, осознав безмерность человеческой жестокости, я потерял и эту небольшую надежду.

Сейчас я уже не в силах восстановить в памяти строгую хронологическую последовательность написания рассказов, вошедших в сборник. Какие-то из них были созданы до начала атомной эры, другие — на ее заре. Впрочем, хронология не имеет особого значения. Крушение иллюзий было вызвано войной; Хиросима и Нагасаки лишь довершили и углубили его.

«Город» не был задуман как протест (что толку от протестов?), это был поиск фантастического мира, способного противостоять миру реальному. Возможно, в глубине души мне хотелось создать такой мир, где я сам и другие разуверившиеся люди могли бы хоть ненадолго укрыться от жизни, в которой мы вынуждены жить. Кто-то назвал этот сборник «обвинительным актом человечеству»; такое определение не приходило мне в голову, когда я писал рассказы, но я с ним согласен — и считаю, что у меня были и есть причины предъявить человечеству обвинительный акт. А в то время я думал и не раз говорил друзьям, что населил свою Землю псами и роботами оттого, что потерял веру в человечество и в его способность жить в мире. Приговор, конечно, суровый, и, казалось бы, теперь, по прошествии стольких лет, я мог бы его смягчить, но, честно говоря, не вижу оснований. Наша собственная страна успела за это время ввязаться в две крупные войны, так что будущим историкам придется долго и упорно трудиться, если они захотят найти во второй половине нашего столетия более или менее устойчивый мирный период. Я, конечно, понимаю, что уже тридцать лет страны планеты стараются притерпеться друг к другу (хотя бы из боязни) и тем самым держат на поводке ядерные силы. Но это не такой уж многообещающий признак, как может показаться. Вот если ядерное оружие не будет спущено с поводка еще лет тридцать, тогда можно будет говорить о каких-то надеждах.

В сборнике «Город» я писал об увлечении людей механической цивилизацией. Другие писатели, да и сам

я тоже, не оставляют этой темы и по сей день, только называют иначе — технологическим обществом. Нет ничего дурного в технике как таковой, дурно лишь наше бездумное увлечение ею. Мы обожаем машины; в каком-то смысле мы продали им свои души. Уже в те годы, когда создавались рассказы «Города», я чувствовал, что существуют другие, высшие ценности, помимо тех, что несет с собой технический прогресс. Я и поныне в этом уверен. Есть люди, которые ненавидят машины за то, что они поглощают невозполнимые земные ресурсы. Но на мой взгляд, опасность гораздо шире. Меня больше всего беспокоит то, что под влиянием техники наше общество и мировосприятие теряют человечность.

Действие в преданиях, составляющих сборник (в первых из них), разворачивается на фоне упадка и исчезновения городов. Я был убежден тогда и еще сильнее убежден теперь, что города — анахронизм, от которого нам пора избавляться. В последние годы кризис городов стал еще очевиднее. Типичный современный город — это блестящий центр, окруженный разрастающимися кольцами гетто. Когда-то давно, когда средства связи и транспорт были примитивны и медлительны, в существовании городов был свой смысл. Поначалу люди сбивались в них ради безопасности, позже — чтобы удобнее было вести дела. Теперь города утратили функцию защитного сооружения; большей частью за городом жить даже безопаснее, чем в его стенах. А современные средства связи упразднили необходимость жить по соседству со своим деловым партнером. Для деловых операций совершенно неважно, где находится ваш партнер — на соседней улице или за несколько тысяч миль. Город пережил свое предназначение; поддерживать в нем жизнь накладно, жить неуютно, а дышать нечем.

В этом смысле мои взгляды не изменились за тридцать лет, прошедших после написания сборника. Годы могли смягчить мое представление о будущем, но не изменили его.

Правда, хотя мои представления и составили философскую основу рассказов, я вовсе не уверен в том, что все они сбудутся. Я был бы разочарован, если бы они сбылись, поскольку как тогда, так и теперь полагаю себя отнюдь не предводителем на белом коне, но сочи-

нителем развлекательных историй. Если слишком многое из того, что я насочинял, начнет сбываться в реальности, то я буду считать, что не состоялся как писатель — а, уверяю вас, моим единственным желанием, ради которого я трудился искренне и настойчиво, было стать настоящим рассказчиком.

Как ни странно, из всех моих произведений именно «Город» завоевал самое продолжительное и широкое признание. Если какой-то из моих книг и суждена достаточно долгая жизнь, так это несомненно «Городу». Порой я не в силах сдержатъ раздражения, ибо уверен, что у меня есть книги и получше, но, похоже, никто этой уверенности со мной не разделяет. А ссориться с читающей публикой мне не к лицу, поскольку ни один писатель не может быть компетентным критиком своих творений. Слишком близко он к ним стоит, чтобы претендовать на объективность.

Одно время я говорил себе, что успех «Города» — всего лишь результат счастливого попадания в яблочко: что сборник просто вышел в нужный момент и отразил веяния своего времени. Но, к моему непреодолимому изумлению, оказалось, что я ошибся. Последующие поколения читателей проявляли такую же преданную приверженность сборнику, как и первые его читатели. Студент колледжа сообщает мне в письме, что пишет работу по «Городу», и задает кучу вопросов, на которые я затрудняюсь ответить. Какой-то читатель присылает письмо с выражением благодарности за доставленное удовольствие. Стало быть, книга по-прежнему живет и питает умы. Как бы ни был я удивлен, я, конечно же, рад. Сознание того, что твоя работа, законченная так много лет назад, до сих пор служит людям, согревает душу.

Я посвятил свою сагу «Памяти Вихря (он же Нэтэниел)». Читатели по сей день спрашивают меня, кто такой Вихрь. Объясняю: Вихрь — это шотландский терьер, проживший с нами пятнадцать лет. Хотя я неправильно выразился: ни единой минуты он не считал, что живет с нами. Скорее, мы жили с ним. Он был хорошим другом и преданным товарищем. Мне нравится думать, что в какой-то собачьей Валгалле он по-прежнему гоняется за кроликами (и никак не может их поймать), яростно роет землю, охотясь за сусликами (которые сидят на безопасном расстоянии и посмеиваются над ним), а

затем, утомившись от трудов, посапывает на коврике возле пылающего камина.

Писать о своих собственных произведениях — задача и деликатная, и утомительная. Отзываться о своей работе небрежно и непочтительно — значит поставить под сомнение свою писательскую искренность. А любая неловкая фраза может быть воспринята как бахвальство, что не только неприлично, но и не имеет под собою никаких оснований. Все, чего может желать писатель, — это спокойного удовлетворения, знакомого любому работяге, который выполнил свою работу на совесть и не стыдится показать ее людям.

Перечитывая «Город», я не стыжусь своей работы. Какой-то абзац кольнет порою глаз — сейчас я написал бы его совсем иначе. Но это быстро проходит, ведь я понимаю, что сегодня вообще не написал бы такую книгу. Потому что для ее создания необходимо было особое сочетание условий, и пусть даже причины, побудившие меня к созданию этих историй, живы и поныне, а взгляды мои по существу не изменились, но непосредственный творческий импульс канул в прошлое.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Перед вами предания, которые рассказывают Псы, когда ярко пылает огонь в очагах и дует северный ветер. Семьи собираются в кружок, и щенки тихо сидят и слушают, а потом рассказчика засыпают вопросами.

— А что такое Человек? — спрашивают они.

Или же:

— Что такое город?

Или:

— Что такое война?

Ни на один из этих вопросов нельзя дать удовлетворительный ответ. Есть предположения, гипотезы, есть много остроумных догадок, но положительных ответов нет.

Сколько сказителей вынуждены были прибегнуть к избитому объяснению: дескать, это все вымысел, на самом деле ни Человека, ни города никогда не существовало. И кто же ищет истины в обыкновенной сказке? Сказка должна быть увлекательной, и все тут.

Возможно, для щенков достаточно такого ответа, но мы не можем им довольствоваться. Потому что и в обыкновенных сказках сокрыто зерно истины.

Предлагаемый цикл из восьми преданий известен в устной передаче уже много столетий. Соотнести его начало с какими-либо исторически известными событиями не представляется возможным, и даже самое тщательное исследование не позволяет выявить те или

иные стадии в его развитии. Не подлежит сомнению, что многократный пересказ должен был повлечь за собой стилизацию, однако проследить направление этой стилизации мы не можем.

О древности преданий и о том, что они, как утверждают некоторые авторы, не обязательно складывались Псами, говорит обилие темных мест — слов и выражений (и, что хуже всего, — идей), в которых нет, а возможно, никогда и не было никакого смысла. От тысячекратного повторения эти слова и выражения стали привычными, им даже приписывают некий смысл в контексте. Но мы не располагаем средствами, чтобы определить, приближаются ли эти предположительные трактовки хоть в какой-то мере к подлинному значению толкуемых слов.

Настоящее издание цикла не следует понимать как попытку включиться в многочисленные специальные дискуссии о том, существовал ли Человек на самом деле, о загадочном понятии «город», о различных толкованиях слова «война» и обо всех прочих вопросах, которые неизбежно будут сверлить мозг исследователя, вознамерившегося привязать предания к каким-либо историческим явлениям или фундаментальным истинам.

Единственная цель этого издания — представить полный и неискаженный текст преданий в их нынешнем виде. Комментарий к каждой главе призван только познакомить с основными гипотетическими положениями без попытки подвести читателя к тому или иному выводу. Тем, кто хочет более основательно разобраться в преданиях или высказанных по этому предмету точках зрения, мы рекомендуем обратиться к развернутым исследованиям, вышедшим из-под пера куда более компетентных Псов, чем составитель данного сборника.

Обнаруженные недавно фрагменты объемистого, судя по всему, литературного произведения дали пищу для новых попыток приписать авторство хотя бы части преданий не Псам, а мифическому Человеку. Однако пока не доказан сам факт существования Человека, вряд ли есть смысл связывать с ним упомянутую находку.

Особенно знаменательно — или странно, в зависимости от точки зрения, — то, что название (?) найденного произведения совпадает с названием одного из преданий представленного здесь цикла. Разумеется, само это слово лишено какого-либо смысла.

Естественно, все упирается в вопрос: жило ли вообще на свете такое существо — Человек? Поскольку на сегодняшний день нет положительных данных, будет разумнее исходить из того, что такого существа не было, что действующий в преданиях Человек — плод вымысла, фольклорный персонаж. Вполне возможно, что на заре культуры Псов возник образ Человека как родового божества, к которому Псы обращались за помощью и утешением.

В противовес такому трезвому взгляду кое-кто склонен видеть в Человеке настоящего бога, пришельца из некой таинственной страны или из другого измерения, который явился в наш мир, чтобы помогать нам, а затем вернулся туда, откуда пришел.

И, наконец, есть мнение, что Человек и Пес вместе вышли из животного царства, сотрудничали и дополняли друг друга в становлении единой культуры, но потом, в незапамятные времена, их пути разошлись.

Многое в преданиях вызывает недоумение, но больше всего озадачивает благоговейное отношение к Человеку. Обыкновенному читателю трудно поверить, чтобы речь шла всего лишь о сказительском приеме. Перед нами нечто гораздо большее, нежели зыбкое почтение к родовому божеству; чутье подсказывает, что это благоговение коренится в ныне забытом веровании или ритуалах доисторической поры.

Конечно, теперь трудно рассчитывать на то, что удастся решить хоть один из множества связанных с преданиями спорных вопросов.

Итак, предания перед вами, можете читать их для развлечения, или как исторические свидетельства, или в поисках скрытого смысла. Но широкому читателю настоятельно советуем не принимать их слишком всерьез, иначе вам грозит полное замешательство, если не помешательство.

КОММЕНТАРИЙ К ПЕРВОМУ ПРЕДАНИЮ

Из всего цикла первое предание, несомненно, самое трудное для неуклющего читателя. И не только из-за непривычной лексики: поначалу и ход мыслей, и сами мысли представляются совершенно чуждыми. Возможно, причина та, что ни в этом, ни в следующем предании Псы не участвуют и даже не упоминаются. С первой же страницы на голову читателя обрушивается чрезвычайно странная проблема, и не менее странная персонажи занимаются ее решением. Зато, когда одолеешь это предание, все остальные покажутся куда проще.

Через все предание проходит понятие «город». Что такое город и зачем он был нужен, до конца не выяснено, однако преобладает взгляд, что речь шла о небольшом участке земли, на котором обитало и кормилось значительное количество жителей. В тексте можно найти некие доводы, призванные обосновать существование города, однако Разгон, посвятивший всю жизнь изучению цикла, убежден, что мы тут имеем дело просто-напросто с искусной импровизацией древнего сказителя, попыткой сделать немислимое правдоподобным. Большинство исследователей согласно с Разгоном, что приводимые в тексте доводы не соотносятся с логикой, а кое-кто, в частности Борзый, допускает,

что перед нами древняя сатира, смысл которой теперь уже не восстановишь.

Большинство авторитетов в области экономики и социологии полагает организацию типа города невыполнимой не только с экономической, но и с социологической, и психологической точек зрения. Никакое существо с высокоразвитой нервной системой, необходимой для создания культуры, подчеркивают они, не могло бы выжить в столь тесных рамках. По мнению упомянутых авторитетов, такой опыт привел бы к массовым неврозам, которые в короткий срок погубили бы построившую город цивилизацию.

Борзый считает, что первое предание по сути является самым настоящим мифом, следовательно, ни одну ситуацию, ни одно утверждение нельзя понимать буквально, все предание насыщено символикой, ключ к которой давно утрачен. Но тут озадачивает такой факт: если перед нами и впрямь сутубо мифическая концепция, то почему же она не выражена посредством характерных для мифа символических образов. Обычному читателю трудно усмотреть в сюжете какие-либо признаки, по которым мы узнаем именно миф. Пожалуй, из всего цикла первое предание самое нескладное, неуклюжее, несуразное, в нем нет и намека на утонченные чувства и возвышенные идеалы, которые украшают изящными штрихами другие части цикла.

Весьма озадачивает язык предания. Обороты вроде классического «пропади он пропадом» не одно столетие ставят в тупик семантиков, и в толковании многих слов и оборотов мы по сей день не продвинулись ни на шаг дальше тех исследователей, которые впервые серьезно занялись публикуемым циклом.

Правда, терминология, связанная непосредственно с Человеком, в общих чертах расшифрована. Множественное число от слова «Человек» — люди; собирательное обозначение для всего этого мифического племени — род людской; она — женщина, или жена (возможно, некогда эти термины различались по смысловым оттенкам, но теперь их можно считать синонимически); он — мужчина, или муж; щенки — дети, девочки и мальчики.

Кроме понятия «город», встречаются еще понятия, совершенно несовместимые с нашим укладом, противные самой нашей сути, — мы говорим о войне и убий-

стве. Убийство — процесс, обычно сопряженный с насилием, путем которого одно живое существо пресекает жизнь другого существа. Война, как явствует из контекста, представляла собой массовое убийство в масштабах, превосходящих всякое воображение.

Борзый в своем труде о настоящем цикле утверждает, что вошедшие в него предания намного древнее, чем принято считать. Он убежден, что такие понятия, как война и убийство, никак не соотносятся с нашей нынешней культурой, что они сопряжены с эпохой дикости, о которой нет письменных свидетельств.

Резон — один из немногих, кто полагает, что предания основаны на подлинных исторических фактах и что род людской действительно существовал, когда Псы еще находились на первобытной стадии, — утверждает, будто первое предание повествует о крахе культуры Человека. По его мнению, дошедший до нас вариант — всего лишь след более обширного сказания, величественного эпоса, который по объему был равен всему нынешнему циклу, а то и превосходил его. Трудно допустить, пишет он, чтобы такое грандиозное событие, как гибель могущественной машинной цивилизации, могло быть втиснуто сказителями той поры в столь тесные рамки. На самом деле, говорит Резон, перед нами лишь одно из многих преданий, посвященных этому предмету, и похоже, что до нас дошло далеко не самое значительное.

I

ГОРОД

Грэмп Стивенс сидел в шезлонге и смотрел на работающую косилку, чувствуя, как ласковое солнце прогревает его кости. Косилка дошла до края лужайки, поквохтала, словно довольная курица, аккуратно развернулась и покатила в обратную сторону. Мешок для скошенной травы заметно набух.

Внезапно косилка стала и возбужденно защелкала. Тотчас откинулась крышка сбоку, и высунулась крановидная рука. Кривые стальные пальцы пошарили в траве, торжествующе подняли камень, бросили его в маленький ящик и вернулись под крышку. Косилка лязгнула, потом тихо загудела и пошла дальше окашивать ряд.

Грэмп проводил ее недовольным ворчанием.

В один прекрасный день, сказал он себе, эта штука-вина, пропади она пропадом, возьмет да свихнется из-за какой-нибудь промашки.

Он откинулся на спину и перевел взгляд на выбеленное солнцем небо. В далекой выси мчался куда-то вертолет. В эту минуту в доме ожило радио, и над лужайкой раскатилась дикая какофония. Грэмп вздрогнул и сжался в комок.

У юного Чарли, пропади он пропадом, очередной сеанс твича...

Косилка погудела рядом с шезлонгом, и Грэмп метнул в нее злобный взгляд.

— Автоматика, — сообщил он небу. — Кругом одна сплошная автоматика. Скоро дойдет до того, что подзовешь машину, пошепчешь ей на ухо, и она помчит-ся выполнять приказание.

Сквозь какофонию из окна пробился нарочито звон-кий голос его дочери:

— Папа!

Грэмп поежился.

— Да, Бетти.

— Папа, ты уж, будь любезен, отодвинься, когда косилка дойдет до тебя. Не пытайся ее переупрямить. Это ведь всего-навсего машина. Прошлый раз ты сидел как вкопанный, она то с одной, то с другой стороны заходила, а ты хоть бы пошевелинулся.

Он промолчал и несколько раз клюнул носом — пусть подумает, что он задремал, и оставит его в покое.

— Папа, — повторил пронзительный голос. — Ты меня слышишь?

Не помогла уловка...

— Слышу, слышу. Я как раз хотел отодвинуться.

Грэмп медленно поднялся, тяжело опираясь на трость. Пусть видит, какой он старый и дряхлый, может, совестно станет. Да только надо меру соблюдать. Если она пой-мет, что он вполне может обходиться без трости, ему сразу найдется работенка. Если же он переиграет, она опять напустит на него этого дурацкого врача.

Ворча себе под нос, он передвинул шезлонг на выко-шенный участок. Косилка поравнялась с ним и злорадно фыркнула.

— Ты у меня когда-нибудь дождешься, — ска-зал ей Грэмп. — Врежу так, что все шестеренки полетят.

Косилка погудела в ответ и невозмутимо покатила дальше.

Только он хотел сесть, как в дальнем конце зарос-шей улицы что-то заскрежетало и закричало.

Грэмп поспешил выпрямиться и прислушался

Опять... На этот раз более явственно — гулкое чи-хание норовистого мотора, лязг разболтанных металли-ческих частей.

— Автомобиль! — завопил Грэм. — Автомобиль, чтоб мне было пусто!

Он сорвался с места, но тут же вспомнил о своей немогущности и сбавил ход.

— Небось Уле Джонсон, — говорил он себе, ковыляя к воротам. — Только у этого психа и остался еще автомобиль. Не желает с ним расставаться, чертов упрямец.

Это был Уле.

Грэм подоспел к воротам как раз в ту минуту, когда из-за угла, подпрыгивая на ухабах, выехал древний, весь в ржавчине, разбитый рыдван. Из перегревшегося радиатора со свистом вырывался пар, а выхлопная труба, потерявшая глушитель лет пять или больше тому назад, извергала клубы синего дыма.

Уле важно восседал за рулем. Весь внимание, он старался обойти самые глубокие выбоины, но не так-то просто было высмотреть их сквозь завладевший улицей густой бурьян.

Грэм помахал тростью.

— Привет, Уле!

Поравнявшись с ним, Уле дернул ручной тормоз, машина поперхнулась, лязгнула всеми частями, кашлянула и замолкла, издав напоследок сиплый вздох.

— Чем заправляешь? — спросил Грэм.

— Всего помаленьку, — ответил Уле. — Керосин, спирт, солярка — нашел остатки в старой бочке.

Грэм восхищенно смотрел на брентную конструкцию.

— Да... было время, сам держал машину, сто миль в час развивала.

— И эта бегаёт, — отозвался Уле. — Было бы только горючее да запасные части. Года три-четыре назад я еще бензин доставал, теперь-то его давно уже не видно. Кончили производить небось. Дескать, для чего бензин, когда есть атомная энергия.

— Во-во, — подхватил Грэм. — И ничего не возразишь. Да только атомная, она ведь ничем не пахнет, а для меня нет на свете ничего слаще, чем запах бензина. Со всеми этими вертолетами и прочими премудростями путешествия совсем романтики лишились.

Он покосился на громоздящиеся на заднем сиденье корзины и ящики.

— Овощишками нагрузился?

— Ага, — подтвердил Уле. — Молочная кукуруза, молодая картошечка, три-четыре корзины помидоров. На продажу везу.

Грэмп покачал головой:

— Пустая затея, Уле. Никто не возьмет. Теперь все вбили себе в голову, что для стола одна только гидропоника годится. Гигиенично, мол, и вкус потоньше.

— А я так гроша ломаного не дал бы за ту дрянь, что они в своих банках выращивают, — воинственно объявил Уле. — В рот взять противно! Я Марте всегда так говорю: чтобы в еде настоящее свойство было, ее надо в земле выращивать.

Он опустил руку и повернул ключ зажигания.

— Не знаю даже, стоит ли пытаться ехать в город, — продолжал он. — Вон ведь как дороги запустели, то есть никакого глазу нет. Вспомни нашу автостраду двадцать лет назад: гладкая, ровная, чуть что — новый бетон клали, зимой непрестанно снег счищали. Ничего не жалели, большие деньги тратили, чтобы только движение не прерывалось. А теперь начисто о ней забыли. Бетон весь потрескался, местами и вовсе повывкрошился. Куманика растет. Сегодня на пути сюда пришлось выходить из машины и распиливать дерево, прямо поперек шоссе лежало.

— Да уж чего хорошего, — кивнул Грэмп.

Мотор вдруг ожил, прокашлялся, закричал, откуда-то снизу вырвалось густое облако синего дыма, затем машина рывком стронулась с места и запрыгала по ухабам.

Грэмп проковылял обратно к шезлонгу и обнаружил, что полотно насквозь мокрое. Автоматическая косилка кончила подстригать газон и теперь, размотав шланг, поливала лужайку.

Бормоча ругательства, Грэмп зашел за дом и опустился на скамейку около заднего крыльца. Он не любил здесь сидеть, но ведь больше нигде нет спасения от этой механической уродины... Взять хоть этот вид: сплошь пустые, заброшенные дома, все палисадники бурьяном поросли.

Правда, одно преимущество есть: можно внушить себе, что ты тут на уху, и забыть о каскадах твича, изрыгаемых приемником.

Из-за дома донесся чей-то голос:

— Билл! Билл, ты где?

Грэмп повернул голову:

— Здесь я, Марк, здесь. Прячусь от этой чертовой косилки.

Из-за угла появился Марк Бейли, он пыхтел сигаретой, которая грозила подпалить его косматые баки.

— Что-то ты рано сегодня, — заметил Грэмп.

— Сегодня не придется нам сыграть, — ответил Марк. Он доковылял до скамейки, сел рядом с Грэмпом и добавил: — Уезжаем...

Грэмп стремительно обернулся:

— Уезжаете?

— Ага. Перебираемся за город. Люсинда наконец уломала Герба. Всю голову ему продолбила, дескать, там такие чудесные участки, и все переезжают, зачем же нам от людей отставать.

Грэмп судорожно глотнул.

— А в какое место?

— Не знаю точно, — ответил Марк. — Еще не бывал там. Где-то на севере. На каком-то озере, что ли. Десять акров отмерили. Люсинда на сотню замахнулась, но тут Герб уперся, мол, хватит и десяти. И то, столько лет городским палисадником обходились.

— Бетти тоже на Джонни насаждает, — сообщил Грэмп. — Но он стоит насмерть. Не могу, говорит, и все тут. Дескать, на что это будет похоже, если он, секретарь Торговой палаты, и вдруг бросит город.

— И что это на людей нашло, — продолжал Марк. — Прямо помешательство какое-то.

— Уж это точно, — подтвердил Грэмп. — Помешались на деревне все как один. Вон, посмотри...

Он взмахнул рукой, показывая на ряды заброшенных домов.

— Давно ли тут все цвело, что ни дом — загляденье. И какие славные соседи были. Хозяйки бегали друг к другу за кулинарными рецептами. А мужчины выйдут траву подстригать — глядишь, косилки уже забыты, а они стоят все вместе, языки чешут. Дружно жили, чего там. А теперь — сам видишь...

Марк заторопился.

— Ну, мне пора, Билл. Я ведь только для того и заглянул, чтобы сказать тебе, что мы снимаемся. Люсинда велела мне вещи укладывать. Заметит, что меня нет, сразу надуется.

Грэмп тяжело поднялся и протянул ему руку.

— Забежишь еще? Сыграем разок напоследок?

Марк покачал головой:

— Нет, Билл, боюсь, уже не смогу забежать.

Они неловко обменялись рукопожатием.

— Да-а, там уж я не поиграю, — уныло произнес Марк.

— А я? — сказал Грэмп. — Мне без тебя тоже не с кем...

— Ну всего, Билл.

— Всего, — отозвался Грэмп.

Марк, прихрамывая, скрылся за углом, и Грэмп, проводив друга взглядом, почувствовал, как безжалостная рука одиночества коснулась его ледяными пальцами. Страшное одиночество... Одиночество старости, отжившей свой век. Да-да, так оно и есть — пора на свалку. Его место в другой эпохе, он превысил свой срок, зажил на свете.

С туманом в глазах он нащупал прислоненную к скамейке трость и поплелся к покосившейся калитке, за которой простиралась безлюдная улица.

Годы текли слишком быстро. Годы, которые принесли с собой семейные самолеты и вертолеты, предоставив забытым автомашинам ржаветь, дорогам — приходить в негодность. Годы, которые с развитием гидропоники положили конец земледелию. Годы, которые свели на нет хозяйственное значение ферм и сделали землю дешевой. Годы, которые изгнали горожан в сельскую местность, где добрая усадьба стоила меньше жалкого городского участка. Годы, которые внесли переворот в строительство, так что семьи преспокойно бросали старое жилье и переходили в новые, по индивидуальным проектам дома стоимостью вдвое меньше довоенных, а не понравилось что-нибудь или тесно показалось — за небольшую плату переделают, перекроют по своему вкусу.

Грэмп фыркнул. Дома, которые можно перестраивать каждый год, словно мебель переставил... Что это за жизнь?

Он медленно брел по пыльной тропинке. Всего несколько лет назад тут была оживленная улица, а те-

перь? Улица призраков, сказал он себе, маленьких, неуловимых призраков, шелестящих в ночи. Призраки резвящихся детей, призраки опрокинутых тележек и трехколесных велосипедов. Призраки судачащих домохозяек. Призраки приветственных возгласов. Призраки пылающих каминов и коптящих в зимнюю ночь дымоходов...

Облачка пыли вились вокруг его башмаков и белили отвороты брюк.

Вот и дом старины Адамса, на той стороне. Как Адамс им гордился! Широченные окна, облицовка из серого дикого камня... Теперь камень зеленый от ползучего мха, разбитые окна — словно ощеренные пасты. Бурьян заполонил лужайку, забрался на крыльцо; высокий вяз уперся ветвями во фронтон. Грэмп еще помнил тот день, когда Адамс посадил его.

Он остановился посреди заросшей улицы — ноги по щиколотку в пыли, руки сжимают трость, глаза плотно закрыты...

Через дымку лет донеслись до него крики играющих детей, твяканье ворчливой дворняжки с соседнего двора, где жили Конрады. А вот и Адамс, голый по пояс, орудует лопатой — яму готовит, и рядом лежит на траве деревце, корни мешковиной обернуты.

Май 1946 года. Сорок четыре года назад. Они с Адамсом только что вернулись домой с войны...

Звук шагов, приглушенных пылью, заставил Грэмпа испуганно открыть глаза.

Перед ним стоял молодой мужчина лет тридцати или около того.

— Доброе утро, — поздоровался Грэмп.

— Надеюсь, я вас не напугал? — сказал незнакомец.

— Вы видели, как я стою тут болван болваном, с закрытыми глазами?

Молодой человек кивнул.

— Я вспоминал, — объяснил Грэмп.

— Вы тут живете?

— Да, на этой самой улице. Последний здешний обитатель, можно сказать.

— Тогда вы, может быть, поможете мне.

— Постараюсь, — ответил Грэмп.

Молодой человек замялся.

— Понимаете... Дело в том... Ну, в общем, я совершаю, как бы это сказать, что-то вроде сентиментального паломничества...

— Понятно, — сказал Грэм. — Я тоже.

— Моя фамилия Адамс, — продолжал незнакомец. — Мой дед жил где-то здесь. Может быть...

— Вот этот дом, — показал Грэм.

Они постояли молча.

— Славный уголок был, — заговорил наконец Грэм. — Вон то дерево ваш дедушка посадил сразу после того, как с войны приехал. Мы с ним всю войну вместе прошли и вместе вернулись. И погуляли же мы в тот день...

— Жаль, — произнес молодой Адамс. — Жаль...

Но Грэм словно и не слышал его реплики.

— Так вы говорите, ваш дед! Я что-то потерял его из виду.

— Умер, — ответил молодой Адамс. — Уже много лет назад.

— Помнится, он влез в атомные дела, — сказал Грэм.

— Совершенно верно, — с гордостью подтвердил Адамс. — Сразу подключился, как только началось промышленное применение. После Московского соглашения.

— Это когда они порешили, что воевать больше невозможно.

— Вот именно.

— В самом деле, — продолжал Грэм, — как воевать, когда не во что целиться.

— Вы подразумеваете города? — сказал Адамс.

— Ну да. И ведь как все чудно вышло... Сколько ни пугали атомными бомбами — хоть бы что, все равно за город все держались. А стоило предложить им дешевую землю и семейные вертолеты, так и кинулись врассыпную, чисто кролики, чтоб им...

Джон Дж. Вебстер решительно поднимался по широким ступеням ратуши, когда его догнал и остановил оборванец с ружьем под мышкой.

— Привет, мистер Вебстер.

Несколько секунд Вебстер озадаченно рассматривал ходячее огородное пугало, потом лицо его расплылось в улыбке.

— А, это ты, Леви. Ну, как дела?

Леви Льюис осклабился, обнажив щербатые зубы.

— Ничего, так себе. Сады все гуще, молодые кролики нагуливают вес.

— Ты случайно не причастен к этой заварухе с брошенными домами? — спросил Вебстер.

— Никак нет, ваша честь, — отчеканил Леви. — Мы, скваттеры, ни в чем дурном не замешаны. Мы все люди богобоязненные, законопослушные. А дома эти занимаем только потому, что нам ведь больше негде жить. И кому вред от того, что мы селимся там, где все равно никто не живет. Полиция знает, что мы не можем за себя постоять, вот и валит на нас все кражи и прочие безобразия. Делает из нас козлов отпущения.

— Ну, тогда ладно, — ответил Вебстер. — А то ведь начальник полиции хочет сжечь заброшенные дома.

— Пусть попробует, — сказал Леви. — Только как бы сам не обжегся. Развели огороды в банках, заставили нас фермы бросить, но уж дальше мы ни на шаг не отступим.

Сплюнув на ступеньку, он продолжал:

— Случайно у вас нет при себе какой-нибудь мелочи? У меня совсем патронов не осталось, а тут эти кролики...

Вебстер сунул два пальца в жилетный карман и выудил полдоллара.

Леви ухмыльнулся:

— Вы сама щедрость, мистер Вебстер. Доживем до осени, я вас белками завалю.

Скваттер козырнул на прощание и зашагал вниз по ступенькам; ствол ружья поблескивал на солнце. Вебстер повернулся и вошел в здание.

Заседание муниципального совета было в полном разгаре.

Начальник полиции Джим Максвелл стоял около стола, мэр Пол Картер говорил, обращаясь к нему:

— Тебе не кажется, Джим, что с твоей стороны несколько опрометчиво настаивать на таких мерах?

— Нет, не кажется, — ответил начальник полиции. — Изо всех домов только два или три десятка заняты законными владельцами, точнее первоначальны-

ми хозяевами, ведь на самом деле дома эти давно уже принадлежат муниципалитету. И никакого толку от них, одни только неприятности. Хоть бы ценность какую-то представляли, не как жилье — как утиль, но ведь и того нет. Строительный лес? Мы больше не употребляем дерева, пластики лучше. Камень? Его заменила сталь. Короче говоря, ничего такого, что можно было бы реализовать. А между тем они становятся пристанищем мелких преступников и нежелательных элементов. Да там теперь такие заросли образовались, лучшего укрытия для всевозможных правонарушителей и не придумаешь. Как что-нибудь натворил — прямым ходом туда, в заброшенные кварталы, там преступнику ничего не грозит: я могу хоть тысячу человек послать, все равно он от них ускользнет. Сносить — слишком дорого обойдется. И оставлять нельзя: они как бельмо на глазу. В общем, надо от них избавляться, и самый простой и дешевый способ — огонь. Все необходимые меры предосторожности будут приняты.

— А как с юридической стороной? — спросил мэр.

— Я выяснил: всякий человек вправе уничтожить свое имущество удобным для него способом, если при этом не подвергается угрозе имущество других лиц. Очевидно, это правило применимо и к имуществу муниципалитета.

Олдермен Томас Гриффин вскочил на ноги.

— Вы только ожесточите людей! — воскликнул он. — Там ведь много таких домов, которые переходили из рода в род, а люди еще не освободились от сентиментальности...

— Если они так дорожат своими домами, — перебил его начальник полиции, — почему не платили налог, почему не следили за ними? Почему бежали за город, а дома бросили на произвол судьбы? Спросите-ка Вебстера, он расскажет вам, как пытался пробудить в них любовь к отчужденному дому и что из этого вышло.

— Вы говорите про этот фарс под названием «Неделя отчего дома»? — спросил Гриффин. — Да, он провалился. И не мог не провалиться. Вебстер так пересластил свою стряпню, что она людям поперек горла стала. А чего еще ждать, когда за дело берется Торговая палата.

— При чем тут Торговая палата, Гриффин? — сердито вмешался олдермен Форрест Кинг. — Если вам в делах не везет, это еще не повод...

Но Гриффин его не слушал:

— Время нахального натиска прошло, джентльмены, прошло раз и навсегда. Приемы ярмарочного зазывалы безнадежно устарели, их место на кладбище. «Дни высокой кукурузы», «Дни доллара», всякие там липовые праздники с пестрыми флажками на площадях и прочие трюки, назначение которых собрать толпу и заставить ее раскошелиться, — все это быльем поросло. И только вы, други мои, этого, похоже, не заметили. Отчего такие фокусы удавались? Да оттого, что они спекулировали на психологии толпы и гражданских чувствах. Но откуда взяться гражданским чувствам, когда город на глазах умирает? И как спекулировать на психологии толпы, когда толпы нет, у каждого, или почти у каждого, свое царство величиной в сорок акров?

— Джентльмены, — взывал мэр, — джентльмены, прошу придерживаться регламента!

Кинг рывком встал и грохнул кулаком по столу:

— Нет уж, давайте начистоту! Вот и Вебстер тут, может быть, он поделится с нами своими мыслями?

Вебстер поежился.

— Боюсь, — ответил он, — мне нечего сказать.

— Ладно, хватит об этом, — резко подытожил Гриффин и сел.

Но Кинг продолжал стоять, лицо его налилось краской, губы дрожали от ярости.

— Вебстер! — крикнул он.

Вебстер покачал головой.

— Вы пришли сюда по поводу вашей очередной великой идеи! — не унимался Кинг. — Собирались представить ее на рассмотрение муниципалитета. Так чего сидите? Давайте выкладывайте!

Вебстер поднялся с хмурым видом.

— Не знаю, может, тупость помешает вам уразуметь, — обратился он к Кингу, — почему меня возмущает ваша деятельность.

Кинг на секунду опешил, потом взорвался:

— Тупость? И это вы говорите мне! Мы работали вместе, я вам помогал. Вы никогда не позволяли себе... никогда не...

— Да, я никогда не позволял себе говорить ничего подобного, — бесстрастно произнес Вебстер. — Еще бы. Мне не хотелось вылететь со службы.

— Так вот, вы уже вылетели! — рявкнул Кинг. — Уволены! С этой самой секунды!

— Заткнитесь, — сказал Вебстер.

Кинг ошалело уставился на него, словно получил пощечину.

— И сядьте. — Голос Вебстера кинжалом прорезал напряженную тишину.

У Кинга подкосились ноги, и он шлепнулся на стул. Все молчали.

— Я хочу сказать вам кое-что, — продолжал Вебстер, — о том, что давно уже пора сказать вслух. О том, что всем вам давно следовало бы знать. Странно только, что именно мне приходится говорить вам об этом. А может быть, ничего тут странного и нет, кому, как не мне, сказать правду, все-таки почти пятнадцать лет служу интересам города. Олдермен Гриффин сказал, что город умирает на глазах. Верно сказал, с одной только небольшой поправкой: он выразился слишком мягко. Город — этот город, любой город — уже умер. Город стал анахронизмом. Он изжил себя. Гидропоника и вертолеты предопределили его кончину. Первоначально город был попросту пристанищем того или иного племени, которое собиралось вместе, чтобы обороняться от врагов. Со временем его обнесли стеной, чтобы усилить оборону. Потом стена исчезла, а город остался как центр торговли и ремесла. И просуществовал до нашего времени, потому что люди были привязаны к месту работы, которое находилось в городе. Теперь условия изменились. В наше время, при семейном вертолете, сто миль — меньше, чем пять миль в тридцатых годах. Утром вылетел на работу, отмахал несколько сот миль, а вечером — домой. Теперь нет больше необходимости жаться в городе. Начало положил автомобиль, а семейный вертолет довершил дело. Уже в первой четверти столетия люди потянулись за город, подальше от духоты, от всяких налогов, на свой, отдельный участок в предместье. Конечно, многие оставались: не был налажен загородный транспорт, денег не хватало. Но теперь, когда все выращивают на искусственной среде и цены на землю упали, большой загородный участок стоит меньше, чем клочок земли в городе сорок

лет назад. И транспорт перестал быть проблемой, после того как самолеты перешли на атомную энергию.

Он остановился. Тишина. Мэр был явно потрясен. Кинг беззвучно шевелил губами. Гриффин улыбался.

— К чему мы пришли в итоге? — спросил Вебстер. — Сейчас я скажу к чему. Кварталы, целые улицы пустых, заброшенных домов. Люди взяли да уехали. А зачем им оставаться? Что мог дать им город? Предыдущим поколениям он что-то давал, а вот нынешнему — ничего, потому что прогресс свел на нет все плюсы города. Конечно, что-то они потеряли, ведь какие-то деньги были вложены в старое жилье. Но все это с лихвой возмещалось, поскольку они могли купить дом, который был вдвое лучше и вдвое дешевле; могли жить так, как им хотелось, обзавестись, так сказать, семейной усадьбой вроде тех, которые всего несколько десятилетий тому назад были привилегией богатей. Что же нам осталось? Несколько кварталов под конторами фирм и компаний. Несколько акров под промышленными предприятиями. Муниципалитет, назначение которого заботиться о миллионе горожан, да только горожан-то больше нет. Бюджет с такими высокими налогами, что скоро и фирмы из города уберутся, чтобы не платить столько. Конфискованный жилой фонд, которому грош цена. Вот что нам осталось... Только болван может думать, что ответ дадут Торговые палаты, шумные кампании да идиотские проекты. Потому что на все наши вопросы есть один-единственный простой ответ: город, как таковой, мертв, он может кое-как протянуть еще несколько лет, но не больше.

— Мистер Вебстер... — начал мэр.

Но Вебстер даже ухом не повел.

— Если бы не сегодняшний случай, — говорил он, — я продолжал бы вместе с вами играть в кукольные домики. Делать вид, будто город еще действующее предприятие. Продолжал бы морочить голову себе и вам. Но все дело в том, господа, что на свете есть нечто, именуемое человеческим достоинством.

Ледяную тишину раздробило шуршание бумаг, чье-то озадаченное покашливание.

Однако Вебстер еще не кончил.

— Город приказал долго жить. И слава Богу! Чем сидеть здесь и лить слезы над его останками, лучше встали бы и прокричали «спасибо». Ведь если бы этот

город, как и все города на свете, не изжил себя, если бы люди не бросили городов, они были бы разрушены. Разразилась бы война, господа, атомная война. Вы забыли пятидесятые, шестидесятые годы? Забыли, как просыпались ночью и слушали, не летит ли бомба, хотя знали, что все равно не услышите, когда она прилетит, вообще больше ничего и никогда не услышите? Но люди покинули города, промышленность рассредоточилась, и обошлось без войны. Многие из вас, господа, живы сегодня только потому, что люди ушли из вашего города. Да, живы потому, что город мертв! Так пусть же, черт побери, он остается мертвым. Вам надо радоваться, что он умер. Это самое счастливое событие во всей истории человечества.

Джон Дж. Вебстер круто повернулся и вышел из зала.

На широкой наружной лестнице он остановился и посмотрел на безоблачное небо. Над шпилями и башенками ратуши кружили голуби.

Джон Вебстер мысленно встряхнулся, словно пес, который выскочил из пруда на берег.

Глупо он поступил, чего там. Теперь надо искать новое место, и когда еще найдешь, ведь возраст уже не тот.

Но тут в душе его сама собой родилась какая-то песенка, потеснила мрачные мысли, он сложил губы трубочкой и, беззвучно насвистывая, бодро зашагал прочь от ратуши.

Не надо больше лицемерить. Не надо больше ночи напролет думать над тем, как жить дальше, зная, что город мертв, что ты занимаешься никчемным делом, презирая себя за то, что даром ешь хлеб, борясь с тягостным чувством, преследующим труженика, который понимает, что трудится вхолостую.

Он направлялся к стоянке, где ждал его вертолет.

Может быть, теперь и они уедут из города, исполнится желание Бетти. И будет он вечерами бродить по собственной земле. Свой участок с речушкой! Непременно с речушкой, чтобы можно было развести форель.

Кстати, надо будет сходить на чердак и проверить удочки.

Марта Джонсон стояла и ждала у въезда на скотный двор, когда древняя колымага пропыхла по дорожке

и Уле неуклюже выбрался из кабины, посеревший от усталости.

— Ну как, что-нибудь продал? — спросила Марта.

Он покачал головой:

— Гиблое дело. Деревенского не берут. Еще и смеются. Показывают мне кукурузу: початки вдвое больше моих, ровнехонькие и такие же сладкие. На дынях кожуры почитай что и нет. И повкуснее наших будут, коли не врут.

Он поддал ногой ком земли, так что пыль полетела.

— Да что там говорить, разорили нас эти искусственные среды.

— Может, нам лучше уж продать ферму? — сказала Марта.

Уле промолчал.

— Наймешься в гидропонное хозяйство. Вон Гарри поступил. И как еще доволен.

Уле мотнул головой.

— Или в садовники наймись. У тебя очень даже хорошо получится. Всем этим барам с большими усадьбами только садовника подавай, машин не признают, не тот шик.

Уле снова мотнул головой.

— Душа не лежит с цветочками возиться, — объяснил он. — Как-никак, двадцать лет с лишком кукурузе отдал.

— А может, и нам вертолет завести, какой поменьше? — сказала Марта. — И провести воду в дом? И ванну поставить, чем в старом корыте на кухне мыться?

— Не справлюсь я с вертолетом, — возразил Уле.

— Еще как справишься. Невелика хитрость. Вон погляди на андерсоновских ребятишек: от горшка два вершка, а уже летают почем зря. Правда, один из них тут затеял дурачиться и вывалился из кабины, но...

— Ладно, я подумаю, — перебил Уле с отчаянием в голосе. — Подумаю.

Он повернулся, перемахнул через ограду и зашагал в поле. Марта стояла у машины и глядела ему вслед. По припорошенной пылью щеке скатилась слеза.

— Мистер Тэйлор ждет вас, — сказала девушка. Джон Дж. Вебстер опешил.

— Но ведь я у вас еще не бывал. И не договаривался с ним о встрече.

— Мистер Тэйлор ждет вас, — настойчиво повторила она и указала кивком на дверь с надписью:

ОТДЕЛ ПЕРЕСТРОЙКИ

— Но я пришел сюда узнать насчет работы, — возразил Вебстер. — А не затем, чтобы меня перестраивали. Здесь ведь бюро найма Всемирного комитета, или я ошибся?

— Нет, не ошиблись, — ответила девушка. — Так доложить о вас мистеру Тэйлору?

— Если вы так настаиваете...

Девушка нажала рычажок и сказала в микрофон:

— Мистер Вебстер здесь, сэр.

— Пусть войдет, — ответил мужской голос.

Вебстер вошел в кабинет, держа шляпу в руке.

Седой мужчина с молодым лицом жестом предложил ему сесть.

— Вы хотите устроиться на работу?

— Да, — подтвердил Вебстер, — но я...

— Да вы садитесь, — продолжал Тэйлор. — Если вас смущала надпись на двери, забудьте о ней. Мы отнюдь не собираемся вас перестраивать.

— Я никак не могу найти себе место, — объяснил Вебстер. — Которую неделю хожу, и всюду отказ. Вот и пришел сюда к вам.

— Не хотелось к нам обращаться?

— Откровенно говоря, не хотелось. Бюро найма... В этом есть что-то... В общем, что-то неприятное.

Тэйлор улыбнулся:

— Возможно, название не совсем удачное. Вы думали, это нечто вроде бывшей биржи труда, куда обращались отчаявшиеся люди. Государственное учреждение, которое старается определить людей на работу, чтобы они не были в тягость обществу...

— Ну что ж, я тоже отчаялся, — признался Вебстер. — Но гордость еще сохранил, оттого и трудно было заставить себя прийти к вам. Но что поделаешь, другого выхода нет. Понимаете, я оказался изменником...

— Другими словами, — перебил его Тэйлор, — вы предпочитали говорить правду. Хотя бы это стоило вам

места. Деловые круги, и не только здесь, во всем мире, еще не доросли до вашей правды. Бизнесмен еще цепляется за миф о городе, миф о коммерческой хватке. Придет время, и он поймет, что можно обойтись без города, что честное служение обществу даст ему куда больше, чем всякие коммерческие штучки. А скажите, Вебстер, что вас все-таки заставило поступить так, как вы поступили?

— Мне стало тошно, — ответил Вебстер. — Тошно глядеть, как люди тычутся туда-сюда с зажмуренными глазами. Тошно глядеть, как лелеют старую традицию, которой давно место на свалке. Мне опротивел Кинг с его пустопорожним энтузиазмом.

Тэйлор кивнул:

— А как вы думаете, не смогли бы вы помочь нам с перестройкой людей?

Вебстер вытаращил глаза.

— Нет, я серьезно, — продолжал Тэйлор. — Всемирный комитет уже который год этим занимается ненавязчиво, незаметно. Многие из тех, кто прошел перестройку, даже сами об этом не подозревают. С того времени, как на смену Объединенным нациям пришел Всемирный комитет, на свете многое изменилось, и далеко не все сумели приспособиться к этим изменениям. Когда начали широко применять атомную энергию, сотни тысяч остались без места. Их надо было переучивать и направлять на другую работу. Одних на атомные предприятия, других куда-нибудь еще. Гидропоника ударила по фермерам. Пожалуй, с ними нам пришлось особенно трудно, ведь они ничего не умели, только выращивать хлеб и смотреть за скотом. И большинство из них вовсе не стремилось ни к чему другому. Они возмущались, что их лишили источника существования, унаследованного от предков. Индивидуалисты по самой своей природе, они оказались для нас, так сказать, самым твердым психологическим орешком.

— Многие из них, — вмешался Вебстер, — до сих пор не устроены. Больше сотни вселились без разрешения в заброшенные дома, живут впроголодь, там кролика подстрелят, там белку, рыбу ловят, растят овощи, собирают дикie плоды. Иногда приворовывают, иногда собирают подаяние в жилых кварталах...

— Вы знаете этих людей? — спросил Тэйлор.

— Знаю кое-кого. Один из них, случается, приносит мне белок или кроликов. Когда ему нужны деньги на патроны.

— По-вашему, они будут противиться перестройке?

— Еще как, — ответил Вебстер.

— Вам незнаком фермер по имени Уле Джонсон? Который все держится за свою ферму и ничего менять не хочет?

Вебстер кивнул.

— Если бы вы занялись им?

— Он меня тут же выставит за дверь.

— Такие люди, как Уле и эти скваттеры, — объяснил Тэйлор, — нас сейчас особенно заботят. Большинство благополучно приспособились к новым условиям, вошли, так сказать, в современную колею. Правда, кое-кто еще оплакивает старину, но это больше для вида. Их теперь силой не заставишь жить по-старому. Когда много лет назад всерьез начали развивать атомную энергетику, Всемирный комитет столкнулся с нелегкой проблемой. Перемены, прогресс нужны, но как их вводить — постепенно, чтобы люди исподволь принарабливались, или полным ходом и принять все меры, чтобы люди перестраивались поскорее? И решили — может быть, верно, может быть, нет — дать полный ход, а люди пусть поспевают как могут. В общем, это решение оправдалось. Конечно, мы понимали, что не всегда можно будет проводить перестройку в открытую. В некоторых случаях затруднений не было — скажем, когда какие-то категории промышленных рабочих целиком переводили на новое производство. Но в некоторых случаях, как, например, с нашим другом Уле, нужен особый подход. Этим людям надо помочь найти свое место в новом мире, но так, чтобы они не чувствовали, что им помогают. Иначе можно подорвать их веру в свои силы, чувство человеческого достоинства, а ведь это чувство — краеугольный камень всякой цивилизации.

— Насчет перестройки в промышленности я, конечно, знал, — сказал Вебстер. — А вот про индивидуальные случаи впервые слышу.

— Мы не можем трубить об этом, — ответил Тэйлор. — Дело, можно сказать, секретное.

— Зачем же вы тогда мне рассказали?

— Потому что мы хотим, чтобы вы у нас работали. Помогите для начала Уле. А потом подумайте, что можно сделать для скваттеров.

— Не знаю даже... — начал Вебстер.

— Мы ведь ждали вас, — продолжал Тэйлор. — Знали, что в конце концов вы придете к нам. Кинг позаботился о том, чтобы вас нигде не приняли. Всюду дал знать, так что теперь все Торговые палаты, все муниципальные органы занесли вас в черный список.

— Судя по всему, у меня нет выбора.

— Не хотелось бы, чтобы вы так это воспринимали, — сказал Тэйлор. — Лучше не спешите, обдумайте все и приходите еще раз. Не согласитесь на мое предложение, найдем вам другую работу наперекор Кингу.

Выйдя из бюро, Вебстер увидел знакомого оборванца с ружьем под мышкой. Но сегодня Леви Льюис не улыбался.

— Ребята сказали мне, что вы сюда зашли, — объяснил он. — Вот я и жду.

— Беда какая-нибудь? — спросил Вебстер, глядя на озабоченное лицо Леви.

— Да полиция... — ответил Леви и презрительно сплюнул в сторону.

— Полиция... — У Вебстера замерло сердце, он сразу понял, какая беда стряслась.

— Ага. Хотят нас выкурить.

— Так, значит, муниципалитет все-таки поддался.

— Я сейчас был в полицейском управлении, — продолжал Леви. — Сказал им, чтобы не очень-то петушились. Предупредил, что мы им кишки выпустим, если сунутся. Я расставил своих ребят и велел стрелять только наверняка.

— Но ведь так же нельзя, Леви, — строго произнес Вебстер.

— Нельзя? — воскликнул Леви. — Можно, и уже сделано. Нас согнали с земли, заставили продать ее, потому что она нас уже не кормит. Но больше мы не отступим, хватит. Будем насмерть стоять, до последнего, но выкурить себя не дадим.

Леви поддернул брюки и снова плюнул.

— И не только мы, скваттеры, так думаем, — добавил он, — Грэмп с нами заодно.

— Грэмп?

— Он самый. Ваш старик. Он у нас как бы за генерала. Говорит, еще не совсем забыл военное дело, полиция только ахнет. Послал ребят, и они увели пушечку из мемориала. Говорит, в музее для нее и снаряды найдутся. Оборудуем, говорит, огневую точку, а потом объявим, мол, если полиция сунётся, мы откроем огонь по деловому центру.

— Послушай, Леви, ты можешь сделать для меня одну вещь?

— Натурально могу, мистер Вебстер.

— Зайди в эту контору и спроси там мистера Тэйлора, хорошо? Добейся, чтобы он тебя принял, и скажи ему, что я уже приступил к работе.

— Натурально, а вы сейчас куда?

— Я пойду в ратушу.

— Не хотите, чтоб я с вами пошел?

— Нет, — ответил Вебстер. — Я один справлюсь. И еще, Леви...

— Да...

— Попроси Грэмп, чтобы попридержал свою артиллерию. Пусть не стреляет без крайней надобности. Ну, а уж если придется стрелять, так чтобы не мазал.

— Мэр занят, — сказал секретарь Реймонд Браун.

— А вот мы сейчас посмотрим, — ответил Вебстер, направляясь к двери в кабинет.

— Вам туда нельзя, Вебстер! — завопил Браун.

Он вскочил на ноги и обогнул стол, бросаясь наперехват. Вебстер развернулся и толкнул его локтем в грудь прямо на стол. Стол поехал. Браун взмахнул руками, потерял равновесие и сел на пол. Вебстер рванул дверь кабинета.

Мэр сдернул ноги со стола.

— Я же сказал Брауну... — начал он.

Вебстер кивнул:

— А Браун сказал мне. В чем дело, Картер? Боитесь, Кинг узнает, что я у вас был? Боитесь развращающего действия порядочных идей?

— Что вам надо? — рявкнул Картер.

— Мне стало известно, что полиция собирается сжечь заброшенные дома.

— Точно, — подтвердил мэр. — Эти дома представляют опасность для общины.

— Для какой общины?

— Послушайте, Вебстер...

— Вы отлично знаете, что никакой общины нет. Есть несколько вшивых политиканов, которые нужны только затем, чтобы вы могли претендовать на свой престол, могли каждый год избираться и загребать свой оклад. Вам скоро никаких других дел не останется, кроме как голосовать друг за друга. Ни служащие, ни рабочие даже самой низкой квалификации — никто из них не живет в черте города. А бизнесмены давно уже разъехались кто куда. Дела свои здесь вершат, но живут-то в других местах.

— Все равно город есть город, — заявил мэр.

— Я пришел не для того, чтобы попытаться убедить вас, что нельзя сжигать эти дома. Вы должны понять, заброшенные дома — пристанище людей, которые остались без своего угла. Людей, которых поиски убежища привели в наш город, и они нашли у нас кров. В каком-то смысле мы за них отвечаем.

— Ничего подобного, мы за них не отвечаем, — прорычал мэр. — И что бы с ними ни случилось, пусть пеняют на себя. Мы их не звали. Они нам не нужны. Общине от них никакого проку. Скажете, что они неудачники. Ну а я тут при чем? Скажете, у них нет работы. А я отвечу: нашли бы, если бы поискали. Работа есть, работа всегда есть. А то наслушались о новом мире и вбили себе в голову, что кто-то другой должен о них позаботиться, найти работу, которая их устроит.

— Вы рассуждаете, как закоренелый индивидуалист, — усмехнулся Вебстер.

— Вам это кажется забавным? — огрызнулся мэр.

— Забавно, — сказал Вебстер. — Забавно и печально, что в наши дни человек способен так рассуждать.

— Хорошая доза закоренелого индивидуализма ничуть не повредила бы нашему миру. Возьмите тех, кто преуспел в жизни...

— Это вы о себе? — спросил Вебстер.

— А хоть бы и о себе. Я трудился как вол, не упускал благоприятных возможностей, заглядывал вперед. Я...

— Вы хотите сказать, что знали, чьи пятки лизать и чьи кости топтать, — перебил Вебстер. — Так вот, вы

блестящий образчик человека, ненужного сегодняшнему миру. От вас плесенью несет, до того обветшали ваши идеи. Если я был последним из секретарей Торговых палат, то вы, Картер, последний из политиканов. Только вы этого еще не уразумели. А я уразумел. И вышел из игры. Мне это даром не далось, но я вышел из игры, чтобы не потерять к себе уважение. Деятели вашей породы отжили свое. Отжили, потому что раньше любой хлыщ с луженой глоткой и нахальной рожей мог играть на психологии толпы и пробиться к власти. А теперь психологии толпы больше не существует. Откуда ей взяться, если ваша система рухнула под собственной тяжестью и народу плевать на ее труп.

— Вон отсюда! — заорал Картер. — Вон, пока я не позвал полицейских и не велел вас вышвырнуть.

— Вы забываете, — возразил Вебстер, — что я пришел поговорить о заброшенных домах.

— Пустая затея, — отрезал Картер. — Можете разглагольствовать хоть до судебного дня, все равно эти дома будут сожжены. Это вопрос решенный.

— Вам хочется увидеть развалины на месте делового центра? — спросил Вебстер.

— О чем вы толкуете? — вытаращился мэр. — При чем тут центр?

— А при том, что в ту самую секунду, когда первый факел коснется домов, ратушу поразит первый снаряд. А второй ударит по вокзалу. И так далее, сперва все крупные мишени.

У Картера отвалилась челюсть. Потом лицо его залила краска ярости.

— Бросьте, Вебстер, — прохрипел он. — Меня не проведешь. С этими вашими баснями...

— Это не басня, — возразил Вебстер. — У них там есть пушки. Около мемориала взяли и в музеях. И есть люди, которые умеют с ними обращаться. Да тут и не нужен большой знаток. Прямая наводка, все равно что в упор по сараю стрелять.

Картер потянулся к передатчику, но Вебстер жестом остановил его.

— Подумайте, подумайте хорошенько, Картер, прежде чем в петлю лезть. Стоит вам дать ход вашему плану, и начнется сражение. Допустим, вам удастся сжечь заброшенные дома, но ведь и от центра ничего не останется. Бизнесмены снимут с вас скальп за это.

Картер убрал руку с тумблера.

Издалека донесся резкий звук ружейного выстрела.

— Лучше отзовите их, — посоветовал Вебстер.

На лице Картера отразилось смятение.

Снова выстрел... второй, третий.

— Еще немного, — сказал Вебстер, — и будет поздно, вы уже ничего не сможете сделать.

Глухой взрыв потряс оконные стекла. Картер вскочил на ноги.

Вебстер вдруг ощутил противную слабость, однако виду не показал.

Картер с каменным лицом смотрел в окно.

— Похоже, что уже поздно, — произнес Вебстер, стараясь придать голосу твердость.

Радио на столе требовательно запищало, мигая красным огоньком.

Картер дрожащей рукой нажал тумблер.

— Картер, — звал чей-то голос. — Картер, Картер!

Вебстер узнал луженую глотку начальника полиции Джима Максвелла.

— Что там случилось? — спросил Картер.

— Они выкатили пушку, — доложил Максвелл. — Взорвалась при первом же выстреле. Должно быть, снаряд с дефектом.

— Пушка? Только одна пушка?

— Других пока не видно.

— Я слышал ружейные выстрелы, — сказал Картер.

— Так точно, они нас обстреляли. Двоих-троих ранили. Но теперь отошли. Прячутся в зарослях. Больше не стреляют.

— Ясно, — сказал Картер. — Валяйте, начинайте поджигать.

Вебстер бросился к нему.

— Спросите его... Спросите...

Но Картер уже щелкнул тумблером, и радио смолкло.

— Что вы хотели его спросить?

— Нет, ничего, — ответил Вебстер. — Ничего существенного.

Он не мог сказать Картеру, что один только Грэмп знал, как стреляют из пушки, что Грэмп был там, где произошел взрыв.

Уйти отсюда — и туда, к пушке, возможно скорее!

— Недурно было задумано, Вебстер, — сказал Картер. — Недурно, да только сорвался ваш блеф.

Он снова подошел к окну.

— Все, кончилась стрельба. Быстро сдались.

— Скажите спасибо, если из ваших полицейских хотя бы шестеро живьем вернутся, — огрызнулся Вебстер. — Там, в зарослях, засели люди, которые за сто шагов бьют белку в глаз.

В коридоре послышался топот, две пары ног стремительно приблизились к двери.

Мэр отпрянул от окна. Вебстер повернулся на каблучках.

— Грэм! — крикнул он.

— Привет, Джонни, — выдохнул ворвавшийся в кабинет Грэм.

За его спиной стоял молодой человек, он размахивал в воздухе чем-то шелестящим, какими-то бумагами.

— Что вам угодно? — спросил мэр.

— Нам много чего угодно, — ответил Грэм, помолчал, переводя дух, и добавил: — Познакомьтесь: мой друг Генри Адамс.

— Адамс? — переспросил мэр.

— Вот именно, Адамс, — подтвердил Грэм. — Его дед когда-то жил здесь. На Двадцать седьмой улице.

— А-а... — У мэра был такой вид, словно его стукнули кирпичом. — А-а... Вы говорите про Ф. Дж. Адамса?

— Во-во, он самый, — сказал Грэм. — Мы с ним вместе воевали. Он мне целыми ночами рассказывал про сына, который дома остался.

Картер взял себя в руки и коротко поклонился Генри Адамсу.

— Разрешите мне, — важно начал он, — как мэру этого города, приветствовать...

— Горячее приветствие, ничего не скажешь, — перебил его Адамс. — Я слышал, вы сжигаете мою собственность.

— Вашу собственность?

Мэр осекся, озадаченно глядя на бумаги в руке Адамса.

— Вот именно, его собственность! — отчеканил Грэм. — Он только что купил этот участок. Мы сюда прямиком из казначейства. Задолженность по налогам покрыта, пени уплачены — словом, конец всем уверт-

кам, которыми вы, легальные жулики, хотели оправдать свое наступление на заброшенные дома

— Но... но... — Мэр никак не мог подобрать нужные слова. — Но ведь не все же, надо думать, а только дом старика Адамса.

— Все, все как есть, — торжествовал Грэмп.

— И я был бы вам очень обязан, — сказал молодой Адамс, — если бы вы попросили ваших людей прекратить уничтожение моей собственности.

Картер наклонился над столом и взялся непослушными руками за радио.

— Максвелл! — крикнул он. — Максвелл! Максвелл!

— В чем дело? — рявкнул в ответ Максвелл.

— Сейчас же прекратите поджигать дома! Тушите пожары! Вызовите пожарников! Делайте что хотите, только потушите пожары!

— Вот те на! — воскликнул Максвелл. — Вы уж решите что-нибудь одно.

— Делайте, что вам говорят! — орал мэр. — Тушите пожары!

— Ладно, — ответил Максвелл. — Хорошо, не кипятитесь. Только ребята вам спасибо не скажут. Они тут головы под пули подставляют, а вы то одно, то другое.

Картер выпрямился.

— Позвольте заверить вас, мистер Адамс, произошла ошибка, прискорбная ошибка.

— Вот именно, — сурово подтвердил Адамс. — Весьма прискорбная ошибка. Самая прискорбная ошибка в вашей жизни.

С минуту они молча мерили взглядом друг друга.

— Завтра же, — продолжал Адамс, — я подаю заявление в суд, ходатайствую об упразднении городской администрации. Если не ошибаюсь, как владелец большей части земель, подведомственных муниципалитету, я имею на это полное право.

Мэр глотнул воздух, потом выдавил из себя:

— На каком основании?..

— А на таком, — ответил Адамс, — что я больше не нуждаюсь в услугах муниципалитета. Думаю, суд не станет особенно противиться.

— Но... но... ведь это означает...

— Во-во, — подхватил Грэм. — Вы отлично разумеете, что это означает. Вы получили нокаут, вот что это означает.

— Заповедник. — Грэм взмахнул рукой, указывая на заросли на месте жилых кварталов. — Заповедник, чтобы люди не забывали, как жили их предки.

Они стояли втроем на холме среди торчащих из густой травы массивных стальных опор старой ржавой водокачки.

— Не совсем заповедник, — поправил его Генри Адамс, — а скорее мемориал. Памятник городской эре, которая лет через сто будет всеми забыта. Этаким музей под открытым небом для всякого рода диковинных построек, которые отвечали определенным условиям среды и личным вкусам хозяев. Подчиненных не каким-то единым архитектурным принципам, а стремлению жить удобно и уютно. Через сто лет люди будут входить в эти дома там, внизу, с таким же благоговейным чувством, с каким входят в нынешние музеи. Для них это будет что-то первобытное, так сказать, одна из ступеней на пути к лучшей, более полной жизни. Художники будут посвящать свое творчество этим старым домам, переносить их на свои полотна. Авторы исторических романов будут приходить сюда, чтобы подышать подлинной атмосферой прошлого...

— Но вы говорили, что хотите восстановить все постройки, расчистить сады и лужайки, чтобы все было, как прежде, — сказал Вебстер. — На это нужно целое состояние. И еще столько же на уход.

— А у меня чересчур много денег, — ответил Адамс. — Честное слово, куры не клюют. Не забудьте, дед и отец включились в атомный бизнес, когда он только зарождался.

— Дед ваш лихо в кости играл, — сообщил Грэм. — Бывало, как получка, непременно меня обчистит.

— В старое время, — продолжал Адамс, — когда у человека было чересчур много денег, он мог найти им другое употребление. Скажем, вносил в благотворительные фонды, или на медицинские исследования, или еще на что-нибудь. Теперь нет благотворительных фондов. Некому их поддерживать. И с тех пор, как Всемир-

ный комитет вошел в силу, хватает денег на все исследования, медицинские и прочие. У меня ведь не было никаких планов, когда я решил побывать на родине деда. Просто захотелось поглядеть на его дом, больше ничего. Он мне столько про него рассказывал. Как сажал дерево на лужайке... Какие розы развел за домом... И вот я увидел этот дом. И он был словно манящий призрак прошлого. Вот он брошен, брошен навсегда, а ведь был кому-то очень дорог... Мы стояли с Грэмпом и смотрели, и вдруг я подумал, что могу сделать большое дело, если сохранию для потомства как бы срез прошлого, чтобы могли видеть, как жили их предки.

Над деревьями внизу взвился столбик голубого дыма.

— А как же с ними? — спросил Вебстер, показывая на дым.

— Пусть остаются, если хотят, — ответил Адамс. — Для них найдется работа. И жилье найдется. Меня только одно заботит. Я не могу сам быть здесь все время. Мне нужен человек, который руководил бы этим делом. Посвятил бы ему всю жизнь.

Он посмотрел на Вебстера.

— Валяй, Джонни, соглашайся, — сказал Грэмп.

Вебстер покачал головой.

— Бетти уже присмотрела дом за городом.

— А вам не надо жить тут постоянно, — заметил Адамс. — Будете прилетать каждый день.

Кто-то окликнул их снизу.

— Это Уле! — Грэмп помахал тростью. — Эй, Уле! Поднимайся сюда!

Они молча глядели, как Уле взбирается вверх по склону.

— Потолковать надо, Джонни, — заговорил Уле, подойдя к ним. — Мыслишка есть. Ночью осенило, до утра не спал.

— Выкладывай, — сказал Вебстер.

Уле покосился на Адамса.

— Все в порядке, — успокоил его Вебстер. — Это Генри Адамс. Может, помнишь его деда, старика Ф. Дж.?

— Ну как же, помню, — подтвердил Уле. — Он еще полез в эти атомные дела. Что-нибудь это ему дало?

— И совсем немало, — ответил Адамс.

— Рад слышать. Стало быть, я ошибался, когда говорил, что из него не выйдет толку. Он все мечтал да грезил.

— Так что за идея? — спросил Вебстер.

— Вы, конечно, слышали про туристские ранчо?

Вебстер кивнул.

— Туда городские приезжали, чтобы ковбоев разыгрывать, — продолжал Уле. — Уж так им это нравилось! Они ведь понятия не имели, что настоящее ранчо — это тяжелый труд, им представлялась одна сплошная романтика, скачки на лошадях и...

— Постой, — перебил его Вебстер, — ты что же, задумал свою ферму превратить в такое туристское ранчо?

— Ранчо не ранчо, а вот насчет туристской фермы стоит помозговать. Теперь ведь настоящих ферм считай что и не осталось, люди все равно не знают толком, что это такое. А уж мы им распишем — про тыквы с кружевами на корке и всякие прочие красоты...

Вебстер внимательно посмотрел на Уле.

— А знаешь, Уле, ведь клонут. Драться будут, убивать друг друга, только дай им провести отпуск на самой настоящей, неподдельной старинной ферме!

Внезапно из кустов на склоне, мелькая кривыми лезвиями и помахивая длинной металлической рукой, с визгом, рокотом и скрежетом вырвалась какая-то блестящая штуковина.

— Это еще... — начал Адамс.

— Косилка, чтоб ей было пусто! — воскликнул Грэмп. — Я всегда говорил, что она когда-нибудь свихнется и пойдет куролесить!

КОММЕНТАРИЙ КО ВТОРОМУ ПРЕДАНИЮ

Второе предание, при всей его чужеродности, все-таки нам как-то ближе. Здесь впервые читатель ловит себя на чувстве, что это предание могло родиться у лагерного костра Псов. Для первого предания такое предположение немыслимо.

Тут провозглашаются какие-то высокие морально-этические принципы, которые святы для Псов. Далее происходит понятная для Пса борьба, пусть даже в ней обнаруживается моральное и умственное оскудение главного действующего лица.

И появляется близкий нам персонаж — робот. В роботе Дженкинсе, впервые представляющем здесь перед читателем, мы узнаем персонаж, который уже не одну тысячу лет является любимцем щенков. Резон полагает Дженкинса подлинным героем всего цикла. Он видит в Дженкинсе олицетворение авторитета Человека, который продолжал влиять и после того, как исчез сам Человек; видит механическое устройство, посредством которого человеческая мысль еще много столетий направляла Псов, хотя сам Человек ушел.

У нас и теперь есть роботы, приятные и полезные маленькие аппараты, единственное назначение которых — служить нам руками. Впрочем, Псы уже на-

столько свыклись со своими роботами, что мысленно не отделяют их от себя.

Утверждение Резона, будто робот изобретен Человеком и представляет собой наследие эпохи Человека, решительно опровергается большинством других исследователей цикла.

По мнению Разгона, мысль о том, будто робот сделан и дарован Псам, чтобы они могли создать свою культуру, тотчас отпадает в силу своей романтической. Он утверждает, что перед нами просто литературный прием, который никак нельзя воспринимать всерьез.

Остается невыясненным, как Псы могли прийти к конструкции робота. Немногие из исследователей, занимавшихся проблемой развития робототехники, отстаивают мнение, что узкоспециальное назначение робота говорит в пользу его изобретения Псом. Такую специализацию, заявляют они, можно объяснить лишь тем, что робот был придуман и изготовлен именно теми существами, для которых он предназначен. Только Пес, утверждают они, мог столь успешно решить такую сложную задачу.

Ссылка на то, что никто из Псов сегодня не сумел бы изготовить робота, ничего не доказывает. Псы сегодня не сумеют изготовить робота потому, что в этом нет нужды, поскольку роботы сами себя изготавливают. Несомненно, когда возникла надобность, Пес создал робота, и, наделив роботов способностью к воспроизводству, которое выразилось в изготовлении себе подобных, он избрал решение, типичное для самих Псов.

И, наконец, в этом предании впервые появляется проходящая затем через весь цикл идея, которая давно уже изумляет всех исследователей и большинство читателей. Речь идет о возможности физически покинуть наш мир и гостить заоблачные выси других миров. Почти все рассматривают эту идею как чистую фантастику (вполне допустимую в преданиях и легендах), тем не менее она тоже внимательно изучалась. Большинство исследований подтвердили вывод, что такое путешествие немыслимо. Иначе пришлось бы допустить, что звезды, которые мы видим ночью, — огромные миры, удаленные на чудовищные расстояния от нашего мира. Но ведь всякий знает, что на самом деле

звезды — всего-навсего висящие в небе огни, и многие из них висят совсем близко.

Пожалуй, наиболее удачное объяснение, откуда могла возникнуть идея о заоблачных мирах, предложено Разгоном. Все очень просто, говорит он: древний сказитель по-своему изобразил исстари известные Псам миры гоблинов.

II БЕРЛОГА

Мелкий дождик из свинцовых туч плыл серыми космами среди оголенных деревьев. Он обволакивал живую изгородь, сглаживал углы построек, скрадывал даль. Он поблескивал на металлической оболочке безмолвных роботов и серебрил плечи трех людей, слушающих человека в черном облачении, который держал в руках книгу и читал нараспев:

— Я есмь воскресение и жизнь...

Замшелая статуя над входом в крипту словно стремилась ввысь, всеми своими частицами напряженно тянулась к чему-то незримому. Тянулась с того самого далекого дня, когда ее высекли из гранита и водрузили на фамильном склепе как символ, столь близкий сердцу первого Джона Дж. Вебстера в последние годы его жизни.

— И всякий живущий и верующий в меня...

Джером А. Вебстер чувствовал, как его руку стискивают пальцы сына, слышал тихий плач матери, видел неподвижных роботов, почтительно склонивших головы над прахом своего хозяина, возвращающегося в лоно, которое служит конечным пристанищем всего сущего.

Понимают ли они происходящее?.. Понимают ли, что такое жизнь и смерть?.. Почему Нельсон Ф. Вебс-

тер лежит в ящике, почему человек с книгой что-то читает над ним?..

Нельсон Ф. Вебстер, четвертый из обосновавшихся на этих землях Вебстеров, жил и умер тут, почти никуда не выезжая, и теперь его ожидал вечный покой в прибежище, которое первый из них устроил для всех последующих, для долгой призрачной череды потомков, которые будут здесь обитать, лелея установленные Джоном Дж. Вебстером обычаи, нравы и образ жизни.

...Челюсти напряглись, по телу пробежала дрожь. Защищало веки, и гроб расплылся, и голос человека в черном слился с шепотом ветра в соснах, обступивших покойного почетным караулом. В мозгу Джерома А. Вебстера чередовались воспоминания — воспоминания о седом человеке, который бродил по холмам и полям, вдыхая свежий утренний воздух, стоял с рюмкой бренди перед пылающим камином, широко расставив ноги.

Гордость... Гордость, которую дарует человеку власть над землей и бытием. Смирение и благородство, которые прививает человеку покойная жизнь. Отсутствие всякой гонки, сознание, что ты нужен людям, уют привычного окружения, широкое приволье...

Томас Вебстер дергал его за локоть.

— Отец, — шептал он, — отец.

Служба кончилась. Человек в черном облачении закрыл свою книгу. Шестеро роботов шагнули вперед, подняли гроб.

Следом за ними медленно вошли в склеп люди и молча смотрели, как роботы поместили гроб в нишу, затворили дверцу и укрепили дощечку с надписью:

НЕЛЬСОН Ф. ВЕБСТЕР

2034—2117

Все. Только фамилия и дата. И вполне достаточно, подумал Джером А. Вебстер. Больше ничего не надо. То же, что у других членов рода, начиная с Уильяма Стивенса, 1920—1999. Помнится, его прозвали Грэмпи Стивенс. На его дочери был женат первый Джон Дж. Вебстер, который тоже здесь покоится: 1951—2020. За ним последовал его сын, Чарлз Ф. Вебстер, 1980—2060. И сын Чарлза, Джон Дж. второй, 2004—2086. Вебстер хорошо помнил своего деда, Джона Дж. второго, люби-

теля подремать у камина с трубкой в зубах, которая вечно грозила подпалить ему баки.

Его глаза обратились к следующей дощечке. Мери Вебстер, мать мальчугана, который стоит рядом с ним. Впрочем, какой там мальчуган! Он все забывает, что Томасу уже двадцать лет и дней через десять он, как и сам Джером А. Вебстер в молодости, отправится на Марс.

Все здесь собраны... Вебстеры, жены Вебстеров, дети Вебстеров. Вместе при жизни, вместе после смерти, спят чинно и благородно среди бронзы и мрамора, и сосны снаружи, и символическая фигура над позеленевшей дверью...

Роботы молча ждали, закончив свое дело.

Мать посмотрела на него.

— Теперь ты глава семейства, сын мой, — сказала она.

Он прижал ее к себе одной рукой. Глава семейства, от которого, кроме него, остались двое: его мать и сын. К тому же сын скоро уедет, полетит на Марс. Но он вернется. Вернется с женой, надо думать, и род продолжится. Но будет их всего трое. Большинство комнат усадьбы не будут, как теперь, пустовать. Было время, в усадьбе бурлила жизнь, под одной большой крышей, каждый в своих апартаментах, жили десятки членов семьи. Это время еще вернется, непременно вернется..

Трое Вебстеров повернулись, вышли из склепа и направились обратно к едва различимой во мгле серой громаде дома.

В камине пылал огонь, на столе лежала открытая книга. Джером А. Вебстер протянул руку, взял книгу и еще раз прочел заглавие.

**«ФИЗИОЛОГИЯ И НЕЙРОФИЗИОЛОГИЯ
МАРСИАНИНА».
ДЖЕРОМ А. ВЕБСТЕР,
ДОКТОР МЕДИЦИНСКИХ НАУК.**

Толстая, солидная — труд целой жизни, пожалуй, не имеющий равных в этой области. Основан на данных, собранных за пять лет борьбы с эпидемией на Марсе. Пять лет, когда он день и ночь трудился не покладая рук вместе с товарищами по бригаде, которую Всемирный комитет послал на помощь соседней планете.

Раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказал он.

Дверь отворилась, показался робот.

— Ваше виски, сэр.

— Благодарю, Дженкинс.

— Священник уехал, сэр, — сообщил Дженкинс.

— Да-да, конечно... Надеюсь, ты о нем позаботился.

— Так точно, сэр. Вручил ему положенный гонорар и предложил рюмочку спиртного. От рюмочки он отказался.

— Ты допустил оплошность, — объяснил Вебстер. — Священники не пьют.

— Простите, сэр. Я не знал. Он просил меня передать вам, что будет рад видеть вас в церкви.

— Что?..

— Я ответил, сэр, что вы никуда не ходите.

Дженкинс направился к двери, но затем повернулся.

— Простите, сэр, но я хотел сказать, что служба у склепа была очень трогательная. Ваш отец был превосходный, исключительный человек. Все роботы говорят, что служба удалась. Очень благородно получилось. Ему было бы приятно, если бы он знал.

— Ему было бы еще приятнее услышать твои слова, Дженкинс.

— Благодарю, сэр.

Дженкинс вышел.

Виски, книга, горящий камин. Обволакивающий уют привычной комнаты, мир и покой...

Родной дом. Родной дом всех Вебстеров с того самого дня, когда сюда пришел первый Джон Дж. и построил первую часть просторного сооружения. Джон Дж. выбрал это место из-за ручья с форелью, во всяком случае, так он сам говорил. Но дело не только в ручье, не может быть, чтобы дело было только в ручье...

А впрочем, не исключено, что вначале все сводилось к ручью. Ручей, деревья, луга, скалистый гребешок, куда по утрам уползал туман с реки. Все же остальное складывалось постепенно, из года в год. Из года в год семья обживала этот уголок, пока сама земля, что называется, не пропиталась пусть не традицией, но, во всяком случае, чем-то вроде традиции. И теперь каждое дерево, каждый камень, каждый клочок земли стали вебстерскими.

Джон Дж. — первый Джон Дж. — пришел сюда после распада городов, после того, как человек раз и навсегда отказался от этих берлог двадцатого века, избавился от древнего инстинкта, под действием которого племена забивались в пещеру или скупивались на прогалине в лесу, соединяясь против общего врага, против общей опасности. Инстинкт этот изжил себя, ведь больше не стало врагов и опасностей. Человек восстал против стадного инстинкта, навязанного ему в далеком прошлом экономическими и социальными условиями. И помогло ему в этом сознание безопасности и достатка.

Начало новому курсу было положено в двадцатом веке, больше двухсот лет назад, когда люди стали переселяться за город ради свежего воздуха, простора и благодатного покоя, которого они никогда не знали в городской толчее.

И вот конечный итог: безмятежная жизнь, мир и покой, возможные только тогда, когда царит полное благополучие. То, к чему люди искони стремились, — поместный уклад, правда, в новом духе, родовое имение и зеленые просторы, атомная энергия и роботы взамен рабов.

Вебстер улыбнулся, глядя на камин с пылающими дровами. Пережиток пещерной эпохи, анахронизм, но прекрасный анахронизм... Практически никакой пользы, ведь атомное отопление лучше. Зато сколько удовольствия! Перед атомной печью не посидишь, не погредишь, любуясь языками пламени.

А этот склеп, куда сегодня поместили прах отца... Тоже часть — неотъемлемая часть — поместного уклада. Покой, простор, сумрачное благородство. В старину покойников хоронили на огромных кладбищах как попало, бок о бок с чужаками.

Он никуда не ходит.

Так ответил Дженкинс священнику.

Так оно и есть на самом деле. А для чего ходить куда-то? Все, что тебе нужно, тут, только руку протяни. Достаточно покрутить диск, и можно поговорить с кем угодно лицом к лицу, можно перенестись в любое место, только что не телесно. Можно посмотреть театр

ральный спектакль, послушать концерт, порыться в библиотеке на другом конце света. Совершить любую сделку, не вставая с кресла.

Вебстер проглотил виски, затем повернулся к стоящему возле письменного стола аппарату.

Он набрал индекс по памяти, не заглядывая в справочник. Не в первый раз...

Пальцы нажали рычажок, и комната словно растаяла. Осталось кресло, в котором он сидел, остался угол стола, часть аппарата — и все.

Кресло стояло на горном склоне среди золотистой травы, из которой тут и там торчали искривленные ветром деревца. Склон спускался к озеру, зажатому в объятиях багряных скал. Крутые скалы, исчерченные синева-зелеными полосками сосен, ярус за ярусом вздымались вплоть до тронутых голубизной снежных пиков, вонзивших в небо неровные зубья.

Хриплый ветер трепал приземистые деревца, яростно мня высокую траву. Лучи заходящего солнца воспламенили далекие вершины.

Величавое безлюдье, изрытый складками широкий склон, свернувшееся клубком озеро, иссеченные тенью гряды...

Вебстер сидел в покойном кресле и смотрел, прищурившись, на вершины.

Чей-то голос произнес чуть ли не над ухом:

— Можно?

Мягкий, свистящий, явно не человеческий голос. И тем не менее хорошо знакомый. Вебстер кивнул:

— Конечно, конечно, Джуэйн.

Повернув голову, он увидел изящный низкий пьедестал и сидящего на корточках мохнатого марсианина с кроткими глазами. За пьедесталом смутно вырисовывались другие странные предметы — вероятно, обстановка марсианского жилища.

Мохнатая рука марсианина указала на горы.

— Вам нравится этот вид, — произнес он. — Он говорит что-то вашему сердцу. Я представляю себе ваше чувство, но во мне эти горы вызывают скорее ужас, чем восторг. На Марсе такой ландшафт немыслим.

Вебстер протянул руку к аппарату, но марсианин остановил его.

— Не надо, оставьте. Я знаю, почему вы здесь уединились. И если я позволил себе явиться в такую

минуту, то лишь потому, что подумал: может быть, общество старого друга...

— Спасибо, — сказал Вебстер. — Я вам очень рад.

— Ваш отец, — продолжал Джуэйн, — был замечательный человек. Я помню, вы мне столько рассказывали о нем в те годы, когда работали на Марсе. А еще вы тогда обещали когда-нибудь снова у нас побывать. Почему до сих пор не собрались?

— Дело в том, что я вообще никуда..

— Не надо объяснять, — сказал марсианин. — Я уже понял.

— Мой сын через несколько дней вылетает на Марс. Я скажу ему, чтобы навестил вас.

— Мне будет очень приятно, — ответил Джуэйн. — Я буду ждать его.

Он помялся, потом спросил:

— Ваш сын пошел по вашим стопам?

— Нет, — сказал Вебстер. — Он хочет стать конструктором. Медицина его никогда не привлекала.

— Что ж, он вправе сам выбирать себе дорогу в жизни. Но вообще-то хотелось бы...

— Конечно, хотелось бы, — согласился Вебстер. — Но тут уже все решено. Может быть, из него выйдет крупный конструктор. Космос... Он думает о звездных кораблях.

— И ведь ваш род сделал достаточно для медицинской науки. Вы, ваш отец...

— И его отец тоже, — добавил Вебстер.

— Марс в долгу перед вами за вашу книгу, — сказал Джуэйн. — Может быть, теперь станет больше желающих специализироваться по Марсу. Из марсиан не получают хорошие врачи. У нас нет нужной традиции. Странно, как различается психология обитателей разных планет. Странно, что марсиане сами не додумались... Да-да, нам просто в голову не приходило, что болезни можно и нужно лечить. Медицину у нас заменял культ фатализма. Тогда как вы еще в древности, когда люди жили в пещерах...

— Зато вы додумались до многого, чего не было у нас, — сказал Вебстер. — И нам теперь странно, как это мы прошли мимо этих вещей. У вас есть свои таланты, есть области, в которых вы намного опередили нас. Взять хотя бы вашу специальность, философию. Вы сделали ее подлинной наукой, а у нас она была только

щупом, которым действовали наугад. Вы создали стройную, упорядоченную систему, прикладную науку, действенное орудие.

Джуэйн открыл рот, помешкал, потом все-таки заговорил:

— У меня складывается одна концепция, совсем новая концепция, которая может дать поразительный результат. Она обещает стать действенным орудием не только для марсиан, но и для вас, людей. Я уже много лет работаю в этом направлении, а основой послужили кое-какие идеи, которые возникли у меня, когда земляне впервые прибыли на Марс. До сих пор я ничего не говорил, потому что не был убежден в своей правоте.

— А теперь убеждены?

— Не совсем, не окончательно. Почти убежден.

Они посидели молча, глядя на горы и озеро. Откуда-то прилетела птица и запела, сев на корявое дерево. Над гребнями вспухли темные тучи, и снежные пики стали похожи на мраморные надгробья. Алое зарево поглотило солнце и потускнело. Еще немного, и костер заката догорит...

Кто-то постучался в дверь, и Вебстер весь напрягся, возвращаясь к действительности, к своему кабинету и креслу. Джуэйн исчез. Разделив с другом минуты раздумья, старый философ тихо удалился.

Снова стук в дверь.

Вебстер наклонился, щелкнул рычажком, и горы исчезли, кабинет снова стал кабинетом. За высокими окнами сгущались сумерки, в камине розовели подернутые пеплом головешки.

— Войдите, — сказал Вебстер.

Дженкинс отворил дверь.

— Обед подан, сэр, — доложил он.

— Спасибо.

Вебстер медленно поднялся на ноги.

— Ваш прибор во главе стола, сэр, — добавил Дженкинс.

— Да-да... Спасибо, Дженкинс. Большое спасибо, что напомнил.

Стоя на краю смотровой площадки, Вебстер провожал взглядом тающий в небе круг, отороченный крас-

ными вспышками, которые не ~~могло~~ затмить тусклое зимнее солнце.

Крут исчез, а он все стоял, сжимая пальцами перила, и глядел вверх.

Губы его зашевелились и беззвучно вымолвили: «До свидания, сынок».

Постепенно он очнулся. Заметил людей кругом, увидел теряющееся вдаль летное поле с разбросанными по нему конусами космических кораблей. У одного из ангаров сновали тракторы, сгребая остатки выпавшего ночью снега.

Вебстер зябко поежился. Удивился, с чего бы это: полуденное солнце грело хорошо, — и снова поежился.

С трудом оторвавшись от перил, он двинулся к зданию космопорта. Внезапно его обуял дикий страх, нелепый, необъяснимый страх перед бетонной плоскостью смотровой площадки. Страх сковал холодом его душу и заставил ускорить шаг.

Навстречу, помахивая портфелем, шел мужчина. «Только бы не заговорил со мной», — лихорадочно подумал Вебстер.

Мужчина не сказал ни слова, даже не посмотрел на него, и Вебстер облегченно вздохнул.

Быть бы сейчас дома... Час отдыха после ленча, в камине пылают дрова, на железной подставке мелькают красные блики... Дженкинс приносит ликер, что-то говорит невпопад...

Он прибавил шагу, торопясь поскорее уйти с холодной, голой бетонной площадки.

Странно, отчего ему так тяжело далось прощание с Томасом. Конечно, разлука вещь неприятная, это только естественно. Но чтобы в последние минуты расставания им овладел такой ужас, это никак не естественно. Ужас при одной мысли о предстоящем сыну путешествии через космос, ужас при мысли о чужом, марсианском мире, хотя Марс теперь вряд ли можно назвать чужим: земляне больше ста лет знают его, осваивают, живут в нем, некоторые даже полюбили его.

И, однако, лишь величайшее напряжение воли помешало ему в последние секунды перед стартом корабля выскочить на летное поле, вызывая к Томасу: «Вернись! Не улетай!»

Это был бы, конечно, совершенно недопустимый поступок. Унизительная, позорная демонстрация чувств, никак не подобающая одному из Вебстеров.

В самом деле, что такое путешествие на Марс? Ничего особенного, во всяком случае теперь. Когда-то полет на Марс был событием, но это время давно миновало. Он сам туда летал, провел на Марсе пять долгих лет. Это было... Он мысленно ахнул... Да, это было около тридцати лет назад.

Дежурный робот распахнул перед ним дверь зала ожидания, и в лицо ему ударил гул и рокот многих голосов. В этом гуле было что-то такое жуткое, что он на миг остановился. Потом вошел, и дверь мягко закрылась за ним.

Прижимаясь к стене, чтобы ни с кем не столкнуться, он прошел в уголок к свободному креслу и съежился в нем, глядя на толчею в зале.

Люди, шумные, суетливые, с чужими, замкнутыми лицами... Чужаки, сплошь чужаки. Ни одного знакомого лица. Всем куда-то надо. Направляются на другие планеты. Спешат. В последнюю минуту что-то вспоминают, мечутся туда-сюда...

В толпе мелькнуло знакомое лицо. Вебстер подался вперед.

— Дженкинс! — крикнул он и почувствовал неловкость, хотя никто не обратил внимания на его возглас.

Робот остановился перед ним.

— Передай Раймонду, — продолжал Вебстер, — что мне надо немедленно возвращаться домой. Пусть сейчас же подаст вертолет.

— К сожалению, сэр, — сказал Дженкинс, — мы не можем вылететь сейчас. Механики обнаружили неисправность в атомной камере и теперь заменяют ее. На это уйдет несколько часов.

— Уверен, что с этим можно подождать до другого раза, — нетерпеливо возразил Вебстер.

— Механики говорят — нельзя. Камеру может прорвать в любую минуту. И вся энергия...

— Ладно, ладно, — перебил его Вебстер, — нельзя так нельзя.

Он мял в руках свою шляпу.

— Срочное дело, — заговорил он опять. — Я только что вспомнил. Мне нужно попасть домой, я не могу ждать несколько часов.

Вебстер сидел как на иголках, глядя на мельтешащих людей. Лица... лица...

— Может быть, вы свяжетесь по видеофону? — предложил Дженкинс. — И дадите поручение кому-нибудь из роботов. Тут есть будка...

— Погоди, Дженкинс. — Вебстер помялся, потом продолжал: — Нет у меня никаких срочных дел. Но мне непременно надо вернуться домой. Я не могу здесь оставаться. Еще немного, и я потеряю рассудок. Мне стало вдруг страшно там, на площадке. И здесь мне тоже не по себе. У меня такое чувство... странное, ужасное чувство. Дженкинс, я...

— Я понимаю вас, сэр, — ответил Дженкинс. — У вашего отца было то же самое.

— У отца?!

— Да-да, сэр, вот почему он никуда не выезжал. И началось это у него примерно в вашем возрасте. Он задумал поехать в Европу, но так и не доехал. Вернулся с полпути. Он это как-то называл.

Вебстер молчал, ошеломленный услышанным.

— Называл... — вымолвил он наконец. — Ну конечно, есть какое-то название. Значит, и отец этим страдал... А дед как?

— Не могу знать, сэр, — ответил Дженкинс. — Когда меня создали, ваш дед был в преклонных летах. А вообще это вполне возможно. Он тоже никуда не выезжал.

— Значит, ты меня понимаешь. Знаешь, что это такое. Мне неважно, я заболеваю. Постарайся нанять другой вертолет, придумай что-нибудь, чтобы нам поскорее добраться до дома.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Дженкинс, трогаясь с места, но Вебстер остановил его.

— Дженкинс, а кто-нибудь еще об этом знает? Кто-нибудь...

— Нет, сэр, — ответил Дженкинс. — Ваш отец никогда об этом не говорил. И не хотел, чтобы я говорил, я это чувствовал.

— Благодарю, Дженкинс, — сказал Вебстер

Он снова съехал в кресле. Ему было тоскливо, одиноко, неудобно. Одиноко в гудящем зале, битком

набитом людьми. Нестерпимое, выматывающее душу одиночество.

Тоска по дому — вот как это называется. Самая настоящая, не приличествующая взрослому мужчине тоска по дому. Чувство, простительное подростку, который впервые покидает отчий дом и оказывается один в незнакомом мире.

Есть у этого явления мудреное название — агорафобия, что означает боязнь пространства, а если буквально перевести с греческого — страх перед рыночной площадью.

Может быть, пройти через зал к будке видеофона, соединиться с домом, поговорить с матерью или с кем-нибудь из роботов? Или еще лучше: просто посидеть и посмотреть на усадьбу, пока Дженкинс не придет за ним.

Он привстал, но тут же опять опустился в кресло. Какой смысл? Говорить, смотреть — это все не то. Не вдохнешь морозный воздух с привкусом сосны, не услышишь, как скрипит под ногами снег на дорожке, не погладишь рукой стоящие вдоль нее могучие дубы. Не согреет тебя тепло очага, и не будет душа пронизана благодатным, покойным чувством неразделимого единства с принадлежащим тебе клочком земли и всем, что на нем стоит.

А может, все-таки станет легче? Хотя бы чуть-чуть. Он снова привстал, и опять его сковало бессилие. Мысль о двух-трех десятках шагов, отделявших его от будки, вызывала в нем ужас, нестерпимый ужас. Чтобы одолеть это пространство, придется бежать. Бежать, спасаясь от устремленных на тебя глаз, от чуждых звуков, от мучительного соседства чужих лиц.

Он поспешно сел.

Пронзительный женский голос рассек гудение в зале, и он сжался, как от удара. До чего же скверно, до чего отвратительно на душе. И что это Дженкинс копается...

Через открытое окно в кабинет струилось первое дыхание весны, оно сулило таяние снегов, зеленую листву и цветы, клинья перелетных птиц в голубых небесах, таящихся в заводах прожорливых лососей.

Вебстер поднял взгляд от бумаг на столе, легкий ветерок пощекотал ему ноздри, погладил щеку холод-

ком. Рука потянулась за коньячной рюмкой, но рюмка была пуста, и он поставил ее на место.

Снова наклонился над бумагой, взял карандаш и вычеркнул какое-то слово.

Потом придирчиво прочел заключительные абзацы главы:

«Тот факт, что из двухсот пятидесяти человек, приглашенных мной для обсуждения достаточно важных вопросов, приехали только трое, еще не означает, что все остальные страдают агорафобией. Вполне возможно, что уважительные причины помешали многим принять мое приглашение. И все же есть основание говорить о растущем нежелании людей, быт которых определяется укладом, возникшим после распада городов, покидать привычные места, об усиливающемся стремлении не расставаться с окружением, ассоциирующимся с представлением об уюте и полном довольстве. Сейчас нельзя точно предсказать, чем чревата такая тенденция, ведь пока она коснулась только малой части обитателей Земли. В больших семьях материальные обстоятельства вынуждают кого-то из сыновей искать счастья в других краях, даже на других планетах. Многих манит космос с его приключениями и возможностями, а многие избирают такое занятие, которое само по себе исключает сидячий образ жизни».

Он перевернул страницу и пробежал всю статью до конца.

Стоящая статья, несомненно, но публиковать ее нельзя, сейчас нельзя. Может быть, после его смерти. Насколько он мог судить, еще никто не подметил этой тенденции, все воспринимают домоседство как нечто естественное. В самом деле, зачем куда-то ездить?

«Чревато определенными угрозами...» — пробормотал телевизор рядом с ним, и он протянул руку к переключателю.

Кабинет растаял, и он увидел прямо перед собой человека, сидящего за рабочим столом, который казался продолжением стола Вебстера.

Седые волосы, печальные глаза за толстыми линзами очков. Удивительно знакомое лицо...

— Неужели... — заговорил наконец Вебстер.

Его собеседник упрямо улыбнулся.

— Да, я изменился, — сказал он. — Вы тоже. Моя фамилия Клейборн. Вспомнили? Марс, медицинская бригада...

— Клейборн. Я о вас часто думал. Вы остались на Марсе.

Клейборн кивнул:

— Я прочел вашу книгу, доктор. Первоклассный труд, очень нужный. Я много раз сам собирался сесть и написать такую книгу, но все некогда. И очень хорошо, что не собрался. Вы справились с задачей гораздо лучше. Особенно хорош раздел о мозге.

— Марсианский мозг всегда меня занимал, — сказал Вебстер. — Есть некоторые специфические особенности. Боюсь, я тогда уделял ему больше времени, чем имел на это право. Нас ведь не за тем посылали.

— Вы поступили правильно, — ответил Клейборн. — Я потому и обратился к вам теперь. У меня тут есть пациент — операция на мозге. Только вы можете справиться.

— Вы доставите его сюда? — У Вебстера перехватило дыхание, задрожали руки.

Клейборн покачал головой:

— Его нельзя перевозить. Да вы его, наверно, знаете, это философ Джуэйн.

— Джуэйн? Он один из моих лучших друзей. Мы же с ним разговаривали два дня назад.

— Внезапный приступ, — сказал Клейборн. — Он хотел вас видеть.

Вебстер онемел, скованный холодом — непостижимым холодом, от которого лоб его покрылся испариной, пальцы сжались в кулак.

— Вы можете успеть, если отправитесь немедленно, — продолжал Клейборн. — Я уже договорился с Всемирным комитетом, чтобы вам тотчас предоставили корабль. Сейчас все решает быстрота.

— Но... — заговорил Вебстер. — Но... я не могу прилететь...

— Не можете прилететь?!

— Это не в моих силах, — сказал Вебстер. — И вообще, почему непременно я? Вы прекрасно...

— Нет, я не справлюсь, — перебил его Клейборн. — Только вы, только у вас есть необходимые знания. Жизнь Джуэйна в ваших руках. Если вы прилетите, он будет жить. Не прилетите — умрет.

— Я не могу отправиться в космос.

— Космические полеты всем доступны, — отрезал Клейборн. — Это не то, что прежде. Вас подготовят, создадут любые условия.

— Вы не понимаете, — взмолился Вебстер. — Вы...

— Не понимаю, — подтвердил Клейборн. — Мне совершенно непонятно, чтобы человек мог отказаться спасти другу жизнь...

Они долго смотрели в упор друг на друга, не произнося ни слова.

— Я передам в комитет, чтобы ракету подали прямо к вашему дому, — сказал наконец Клейборн. — Надеюсь, к тому времени вы решитесь.

Клейборн пропал, и стена вернулась на свое место. Стена и книги, камин и картины, милая сердцу мебель, дыхание весны из открытого окна.

Вебстер сидел неподвижно в кресле, глядя на стену перед собой.

Джуэйн... Мохнатое лицо в морщинах, свистящий шепот. Дружелюбный, проникательный Джуэйн. Познавший вещество, из которого сотканы грезы, и вылепивший из него логику, нормы жизни и поведения. Джуэйн, для которого философия — прикладная наука, орудие, средство усовершенствовать жизнь.

Вебстер спрятал лицо в руках, борясь с нахлынувшим на него отчаянием.

Клейборн не понял его. Да и откуда ему понять, ведь он не знает, в чем дело. А хотя бы и знал... Разве он, Вебстер, сумел бы понять другого человека, не испытай он сам неодолимый ужас при мысли о том, чтобы покинуть родной очаг, родной край, свои владения — эту кумирню, которую он себе воздвиг? Впрочем, не он один, ее воздвигали все Вебстеры. Начиная с первого Джона Дж. Мужчины и женщины, созидавшие привычный уклад, священную традицию.

В молодости он, Джером А.Вебстер, летал на Марс и не подозревал о гнездящейся в его жилах психологической отраве. Как улетел Томас несколько месяцев назад. Но тридцать лет безмятежного бытия в логове, которое стало Вебстерам родным домом, привели к тому, что эта отрава достигла пагубной концентрации незаметно для него. Да у него просто не было случая заметить ее.

Теперь-то ясно, как это вышло, абсолютно ясно. Привычка и умственный стереотип, понятие о счастье, обусловленное определенными вещами, которые сами по себе не обладают вещественной ценностью, но твой род — пять поколений Вебстеров — сообщил им вполне конкретную, определенную ценность.

Неудивительно, что в других местах тебе неуютно, неудивительно, что тебя оторопь берет при одной мысли о чужих горизонтах.

И ничего тут не поделаешь. Разве что кто-нибудь срубит все деревья до одного, спалит дом и изменит течение рек и ручьев. Да и то еще неизвестно...

Телевизор зажужжал, Вебстер поднял голову и нажал рукой рычажок.

Кабинет озарился белым сиянием, но изображения не было. Чей-то голос сказал:

— Секретный вызов. Секретный вызов.

Вебстер отодвинул филенку в аппарате, покрутил два диска и услышал гудение тока в экранирующем устройстве.

— Есть секретность, — сказал он.

Белое сияние погасло, и по ту сторону стола возник человек, которого он видел не раз в телевизионных выпусках известий, на страницах газеты. Гендерсон, председатель Всемирного комитета.

— Ко мне обратился Клейборн, — начал Гендерсон. Вебстер молча кивнул.

— Он говорит, вы наотрез отказываетесь лететь на Марс.

— Ничего подобного, — возразил Вебстер. — Мы не договорили, когда он отключился. Я сказал ему, что не в силах лететь, но он стоял на своем, не хотел меня понять.

— Вебстер, вы должны лететь, — сказал Гендерсон. — Только вы достаточно изучили мозг марсиан и можете провести эту операцию. Если бы не такой серьезный случай, возможно, справился бы кто-нибудь другой. Но тут такое дело...

— Может быть, вы и правы, — сказал Вебстер, — но...

— Речь идет не просто о спасении жизни, — продолжал Гендерсон, — пусть даже жизни такого видного деятеля, как Джуэйн. Тут все гораздо сложнее. Джуэйн ваш друг. Вероятно, он вам говорил о своем открытии.

— Да, — подтвердил Вебстер. — Он говорил о какой-то новой философской концепции.

— Эта концепция исключительно важна для нас, — объяснил Гендерсон. — Она преобразит Солнечную систему, за несколько десятков лет продвинет человечество вперед на сто тысячелетий. Речь идет о совсем новой перспективе, о новой цели, которой мы себе и не представляли до сих пор. Совершенно новая истина, понимаете? Которая еще никому не приходила в голову.

Вебстер стиснул руками край стола так, что суставы побелели.

— Если Джуэйн умрет, — сказал Гендерсон, — концепция умрет вместе с ним. И, возможно, будет утрачена навсегда.

— Я постараюсь, — ответил Вебстер. — Постараюсь...

Глаза Гендерсона посуровели.

— Это все, что вы можете сказать?

— Да, все.

— Но, помилуйте, должна же быть какая-то причина! Какое-то объяснение!

— Это уж мое дело, — сказал Вебстер.

Решительным движением он нажал выключатель.

Сидя у рабочего стола, Вебстер рассматривал свои руки. Искусные, знающие руки. Руки, которые могут спасти больного, если он их доставит на Марс. Могут спасти для человечества, для марсиан, для всей Солнечной системы идею, новую идею, которая за несколько десятков лет продвинет их вперед на сто тысячелетий.

Но руки эти скованы фобией, следствием тихой, безмятежной жизни. Регресс, по-своему пленительный и... гибельный.

Двести лет назад человек покинул многолюдные города, эти коллективные берлога. Освободился от древних страхов и суеверий, которые заставляли людей жаться к костру, распростился с нечистью, которая вышла вместе с ним из пещер.

Но вот поди ж ты...

Опять берлога. Берлога не для тела, а для духа. Психологический родовой костер со своим световым кругом, переступить который нет сил.

Но он должен, он обязан переступить круг. Подобно тому как люди двести лет назад покинули города, так и он обязан сегодня выйти из этого дома. И не оглядываться назад.

Он должен лететь на Марс. Хотя бы сесть в ракету. Никаких «но», он обязан отправиться в путь.

Выдержит ли он полет, сможет ли провести операцию, если благополучно прибудет на место, этого он не знал. Может ли агорафобия стать причиной смерти? В острой форме, пожалуй, может...

Он протянул руку к колокольчику, но остановился. Зачем беспокоить Дженкинса? Лучше самому собрать вещи. Будет какое-то занятие, пока придет ракета.

Сняв с верхней полки стенного шкафа в спальне чемодан, он обнаружил на нем пыль. Подул, однако пыль не хотела отставать. Слишком много лет она копилась.

Пока он собирал вещи, комната спорила с ним.

«Ты не можешь уехать, — говорила она, как говорят с человеком неодушевленные предметы, с которыми его связывает давняя привычка. — Не можешь меня бросить».

«Я должен ехать, — виновато оправдывался Вебстер. — Как ты не понимаешь? Речь идет о друге, моем старом друге. Я вернусь».

Покончив со сборами, он прошел в кабинет и тяжело опустился в кресло.

Он должен ехать, но не в силах... Ничего, когда придет ракета, когда настанет время, он сможет, он выйдет из дома и направится к ожидающему кораблю.

Вебстер упорно настраивал себя на нужный лад, зажимая ум в тиски одной-единственной мысли: он уезжает.

А окружающие вещи не менее упорно вторгались в сознание, точно сговорились удержать его дома. Он смотрел на них так, словно видел впервые. Старые, привычные предметы вдруг стали новыми. Хронометр, показывающий земное время, марсианское время, дни недели и фазы Луны. Фотография умершей жены. Школьные награды. Сувенирный доллар в рамке — память о полете на Марс — стоимостью в десять обычных долларов.

Он рассматривал их, сперва нехотя, потом жадно, запечатлевая в памяти каждый предмет. Теперь он

видел их отдельно от комнаты, с которой все эти годы они составляли нечто неразделимое для него. Он даже не представлял себе, как много единиц составляет это единство.

Сгушались сумерки, сумерки ранней весны, сумерки, пахнущие пушистой вербой.

...Где же ракета? Он поймал себя на том, что напрягает слух, хотя знал, что ничего не услышит. Атомные двигатели гудят только в те минуты, когда корабль наращивает скорость. А садится и взлетает он бесшумно, как пушинка.

Ракета скоро прилетит. Она должна прилететь скоро, иначе он никуда не поедет. Если ожидание затянется, его вымученная решимость растает, как снег под дождем. Он не сможет устоять в поединке с настойчивым призывом комнаты, с переливами огня в камине, с бормотанием земли, на которой прожили свою жизнь и нашли вечный покой пять поколений Вебстеров.

Он закрыл глаза, подавляя озноб. Не поддаваться, ни в коем случае не поддаваться! Надо выдержать. Когда придет ракета, он должен найти в себе силы встать и выйти из дома...

Послышался стук в дверь.

— Войдите, — сказал Вебстер.

Это был Дженкинс; его металлический кожух переливался блесками в свете пылающего камина.

— Вы не звали меня, сэр? — спросил он.

Вебстер отрицательно покачал головой.

— Я боялся, вы меня позовете и будете удивляться, почему я не иду. Меня отвлекло нечто из ряда вон выходящее, сэр. Два человека прилетели на ракете и заявили, что должны отвезти вас на Марс.

— Прилетели... Почему ты меня сразу не позвал?

Он тяжело поднялся на ноги.

— Я не видел причины беспокоить вас, сэр, — ответил Дженкинс. — Такая нелепость! Мне удалось втолковать им, что вы и не помышляете о том, чтобы лететь на Марс.

Вебстер оцепенел, сердце его похолодело от ужаса. Руки нащупали край стола, он опустился в кресло и ощутил, как стены кабинета смыкаются вокруг него — смыкается западня, из которой ему никогда не вырваться.

КОММЕНТАРИЙ К ТРЕТЬЕМУ ПРЕДАНИЮ

Для полюбивших это предание тысяч читателей оно примечательно тем, что здесь впервые выступают Псы. Исследователю видится в нем гораздо больше. По существу, это повесть о вине и суетности. Продолжается распад рода людского. Человека преследует чувство вины, а присущие ему метания и неустойчивость приводят к тому, что появляются люди-мутанты.

Предание пытается рационалистически объяснить мутации, доходит до того, что Псы изображаются как некая модификация исходной расы. Согласно преданию, без мутаций невозможно совершенствование вида, однако ничего не говорится о том, что для устойчивости общества необходим определенный статический фактор. Весь цикл отчетливо свидетельствует, что род людской недооценивал устойчивость.

Резон, который тщательно проштудировал цикл, чтобы подкрепить свое утверждение, будто предания на самом деле созданы Человеком, считает, что ни один Пес не стал бы выдвигать мутационную гипотезу, как совершенно несовместимую с убеждениями его народа. Подобное воззрение, заявляет он, могло родиться только в каком-то ином разуме.

Однако Разгон отмечает, что цикл изобилует примерами, когда суждения, прямо противоположные псово-й логике, излагаются сочувственно. Перед нами, говорит он, всего лишь типичный прием искусного рас-

сказчика, который смещает ценности, добиваясь разительного грамматического эффекта.

В том, что Человек намеренно выведен как персонаж, осознающий свои изъяны, нет никакого сомнения. Одно из действующих лиц комментируемого предания, Грант, мечтает об уме, «свободном от шор», и совершенно ясно, что он подразумевает какие-то изъяны человеческого мышления. Он говорит Нэтэниелу, что люди всегда чем-то озабочены. С каким-то инфантильным простодушием он уповает на теорию Джуэйна как на средство, которое еще может спасти род людской.

И тот же Грант, видя, что склонность к разрушению заложена в самой сути его сородичей, в конце поручает Нэтэниелу продолжать начинания человечества.

Из всех персонажей цикла Нэтэниел, вероятно, единственный, у кого есть реальный исторический прообраз. Имя Нэтэниел часто встречается в других родовых преданиях. Конечно, Нэтэниел заведомо не мог совершить всего того, что приписывают ему эти предания. Тем не менее принято считать, что он жил на самом деле и играл видную роль. Естественно, теперь за давностью нельзя установить, в чем именно заключалась эта роль.

Род Вебстеров, с которым мы познакомились еще в первом предании, занимает важное место и во всех остальных частях цикла. Можно видеть в этом дополнительное подтверждение выводов Резона, однако не исключено, что и здесь речь идет о приеме искусного сказителя: род Вебстеров нужен лишь для того, чтобы нанизать на один стержень предания, которые в остальном довольно слабо связаны между собой.

Того, кто склонен все читаемое понимать буквально, наверно, возмутит намек на то, что Псы представляют собой продукт вмешательства Человека. Борзый, для которого весь цикл не что иное, как миф, считает, что тут перед нами стародавняя попытка объяснить происхождение нашего рода. Отсутствие подлинного знания прикрывается толкованием, подразумевающим такое вмешательство свыше. Простой и для неразвитого ума вполне приемлемый и убедительный способ объяснить то, о чем совсем ничего неизвестно.

III ПЕРЕПИСЬ

Ричард Грант сидел, отдыхая, у журчащего ручья, который стремительно скатывался вниз по склону и пересекал извилистую тропу. Вдруг мимо него прошмыгнула белка и мигом взбежала вверх по стволу могучего гикори. Следом за белкой в вихре сухих листьев из-за поворота выскочил маленький черный пес.

Заметив Гранта, пес круто остановился; глаза его сверкали веселым озорством.

Грант усмехнулся.

— Здорово, — сказал он.

— Привет, — отозвался пес, виляя хвостом.

Грант сел прямо и удивленно разинул рот. Пес стоял и смеялся, вывесив язык красной тряпкой.

Грант показал большим пальцем на дерево.

— Твоя белка там, наверху.

— Спасибо, — ответил пес. — Я знаю. Слышу запах.

Грант быстро оглянулся. Розыгрыш? Кто-то балуется чревовещанием? Однако он никого не увидел. Лес был пуст, если не считать его самого, пса, бурлящий ручей и возбужденно цокающую белку

Пес подошел ближе.

— Меня зовут Нэтэниел, — сказал он.

Сам сказал. Никакого сомнения. Речь почти как у человека, только очень тщательно выговаривает слова, как обучающийся чужому языку. И необычное произношение, какой-то неуловимый акцент...

— Я живу тут за горой, — сообщил Нэтэниел. — У Вебстеров.

Он сел и застучал хвостом по сухим листьям. Его морда выражала полное блаженство.

Внезапно Грант щелкнул пальцами.

— Брюс Вебстер! Ну конечно. Как я сразу не сообщил. Рад познакомиться, Нэтэниел.

— А вы кто? — спросил Нэтэниел.

— Я? Ричард Грант, счетчик.

— А что такое счет... счет...

— Счетчик считает людей, — объяснил Грант. — Я занимаюсь переписью.

— Я еще многих слов не знаю, — сказал Нэтэниел.

Он встал, подошел к ручью, шумно полакал, потом распластался на земле рядом с человеком.

— Стрельнете белку? — спросил он.

— А тебе этого хочется?

— Конечно.

Но белка уже исчезла. Они обошли вокруг дерева, придирчиво осматривая почти голые ветви. Ни торчащего из мячика пушистого хвоста, ни устремленных на них бусинок-глаз... Пока они разговаривали, белка улизнула.

Нэтэниел был явно обескуражен, но долго унывать не стал.

— Оставайтесь на ночь у нас! — предложил он. — А утром пойдем на охоту. Весь день будем охотиться!

Грант рассмеялся.

— Зачем же вас затруднять. Я привык спать на воле.

— Брюс будет вам рад, — настаивал Нэтэниел. — И Дед не станет возражать. Он все равно плохо сообщает.

— А кто это Дед?

— Его настоящее имя Томас, — сказал Нэтэниел. — Но мы все зовем его Дедом. Он отец Брюса. Ужасно старый. Весь день сидит и думает про одно дело, которое было давным-давно.

— Знаю, — кивнул Грант. — Джуэйн...

— Вот-вот, — подтвердил Нэтэниел. — А что это такое?

Грант покачал головой:

— Боюсь, Нэтэниел, я не сумею объяснить. Сам толком не знаю.

Он вскинул на плечо вещевой мешок, потом нагнулся и почесал псу за ухом. Нэтэниел осклабился от удовольствия.

— Спасибо, — сказал он и побежал по тропе.

Грант последовал за ним.

Томас Вебстер сидел на лужайке, глядя вдаль на вечерние холмы.

Завтра мне исполнится восемьдесят шесть, думал он. Восемьдесят шесть... Чертова уйма лет. Пожалуй, даже чересчур много для одного человека. Особенно когда он не способен больше ходить и глаза начинают отказывать. Эlsi испечет какой-нибудь дурацкий торт с кучей свечек, роботы преподнесут мне подарок, и Брюсовы собаки придут поздравить меня с днем рождения и повилять хвостами. Будут также поздравления по видео-фону — надо думать, не так уж много. Я буду пыжиться и твердить, что доживу до ста лет, и все будут хихикать в кулак и говорить: «Ну, расхвастался старый дурень». Восемьдесят шесть лет, и было у меня в жизни два заветных замысла, один удалось осуществить, другой — нет.

Из-за гребня, каркая, вылетела ворона, скользнула вниз, в долину, и пропала в тени. На реке далеко-далеко крикали дикие утки.

Скоро появятся звезды. Теперь рано темнеет. Томас Вебстер любил смотреть на них. Звезды!.. Он довольно погладил ладонями подлокотники качалки. Видит Бог, звезды — его конек. Навязчивая идея? Допустим. Но и средство стереть давнишнее пятно, щит, который оградит их род от сплетников, называющих себя историками. И Брюс тоже молодец. Эти его псы...

Кто-то прошел по траве за его спиной.

— Ваше виски, сэр, — сказал голос Дженкинса.

Томас Вебстер устался на работа, потом взял с подноса рюмку.

— Благодарю, Дженкинс.

Он покрутил пальцем рюмку.

— Скажи, Дженкинс, сколько лет ты у нас подаешь виски?

— Вашему отцу подавал... А еще раньше — его отцу.

— Новости есть? — спросил старик.

Дженкинс покачал головой:

— Никаких.

Томас Вебстер сделал маленький глоток.

— Значит, они вышли далеко за пределы Солнечной системы. Так далеко, что даже станция на Плутоне не может их ретранслировать. Прошли полпути до альфы Центавра, если не больше. Мне бы только дожить...

— Доживете, сэр, — сказал Дженкинс. — Я печенкой чувствую.

— Откуда у тебя печенка? — возразил старик.

Он медленно потягивал виски, придирчиво проверяя вкус языком. Опять воды слишком много. Говори не говори... На Дженкинса злиться нет смысла, это все доктор, чтоб его! Каждый раз заставляет Дженкинса разбавлять чуть больше. Тут жить всего-то ничего осталось, а тебе даже выпить не дают по-человечески...

— Что это там? — спросил он, показывая на взбешенную на бугор тропу.

Дженкинс повернулся и посмотрел.

— Похоже, сэр, Нэтэниел к нам гостя ведет.

Псы дружно пожелали спокойной ночи и ушли.

Брюс Вебстер улыбнулся, провожая их взглядом.

— Славная компания, — сказал он и продолжал, обращаясь к Гранту: — Представляю себе, как Нэтэниел напугал вас сегодня.

Грант поднял рюмку с бренди, поглядел на свет.

— Что правда, то правда. Напугал. Но тут же я вспомнил, что читал про ваши занятия. Конечно, это не по моей части, но о вашей работе написано немало популярных статей, язык там вполне доступный.

— Не по вашей части? — удивился Вебстер. — Но разве...

Грант рассмеялся.

— Я понимаю: переписчик... Счетчик, так сказать. Это я, никуда не денешься.

Вебстер смешался, самую малость.

— Простите, мистер Грант, я не хотел вас...

— Что вы, что вы, — успокоил его Грант, — я при-
вык. Для всех я человек, который записывает фамилию.
имя, возраст обитателей усадьбы и отправляется даль-
ше. Естественно, так проводились переписи в старину
Чистый подсчет, только и всего. Статистическое мероп-
риятие. Но не забудьте, последняя перепись проводи-
лась больше трехсот лет назад. С тех пор многое на
свете произошло, немало перемен.

— Интересно, — сказал Вебстер. — У вас этот мас-
совый учет выглядит даже как-то зловеще.

— Чего там зловещего, — возразил Грант. — Все
вполне логично. Мы занимаемся анализом. Важно не
столько количество людей, а что за люди живут на
свете, о чем они помышляют, чем занимаются.

Вебстер сел глубже в кресле, вытянул ноги к пыла-
ющему камину.

— Другими словами, вы собираетесь подвергнуть
меня психоанализу, мистер Грант? — Вебстер опусто-
шил рюмку и поставил ее на стол.

— В этом нет необходимости. Всемирный комитет
знает все, что ему надо знать о таких людях, как вы.
Речь идет о других, у вас здесь их называют горянами
на севере — дикими лесовиками, на юге — еще как-
то. Тайное, позабытое племя, люди, которые ушли в
дебри, задали стрекача, как только Всемирный комитет
ослабил государственные узы.

Вебстер прокашлялся.

— Ослабить государственные узы было необходи-
мо, — сказал он. — История это докажет. Пережит-
ки отягощали государственную структуру еще до появ-
ления Всемирного комитета. Как триста лет назад не
стало смысла в городских властях, так теперь нет на-
добности в национальных правительствах.

— Вы совершенно правы, — согласился Грант. —
Но ведь с ослаблением авторитета государства ослабла
и его власть над отдельным человеком. Стало проще
простого устроить свою жизнь вне рамок государства,
отречься от его благ и от обязательств перед ним
Всемирный комитет не противился этому. Ему было не
до того, чтобы заниматься недовольными и безответст-
венными элементами. А их набралось предостаточно.
Взять хотя бы фермеров, у которых гидропоника отняла
кусочек хлеба. Как они поступили? Откололись. И верну-
лись к примитивному быту. Что-то выращивали, охоти-

лись, ставили капканы и силки, заготавливали дрова, помаленьку воровали. Лишенные средств к существованию, они повернули вспять, возвратились к земле, и земля их кормила.

— Это было триста лет назад, — сказал Вебстер. — Всемирный комитет махнул рукой на них. Не совсем, конечно, для них делали что могли, но и не особенно беспокоились, это верно, если кто-то ударялся в бега. С чего же вдруг такой интерес?

— Да просто теперь наконец руки дошли, надо думать.

Грант пытливо посмотрел на хозяина дома. Вебстер сидел перед камином в непринужденной позе, но в лице его чувствовалась сила, и контрастная игра светотеней на суровых чертах создавала почти сюрреалистический портрет.

Грант порылся в кармане, достал трубку, набил ее табаком.

— Есть еще одна причина, — произнес он.

— Что?

— Я говорю, есть еще причина, почему затеяли перепись. Вообще-то ее все равно провели бы, общая картина населения земного шара всегда пригодится. Но не только в этом дело.

— Мутанты, — сказал Вебстер.

Грант кивнул:

— Совершенно верно. А как вы догадались?

— Я работаю с мутациями, — объяснил Вебстер. — Вся моя жизнь связана с ними.

— Появляются образцы совсем необычного художественного творчества, — продолжал Грант. — Нечто совершенно новое: свежие, новаторские литературные произведения, музыка, которая не признает традиционных выразительных средств, живопись, не похожая ни на что известное. И все это анонимно или подписано псевдонимами.

Вебстер усмехнулся:

— И, конечно, тайна не дает покоя Всемирному комитету.

— Дело даже не в этом, — говорил Грант. — Комитет волнуют не столько литература и искусство, сколько другие, менее очевидные вещи. Само собой, если где-то подспудно возникает ренессанс, он должен прежде всего выразиться в новых формах искусства

и литературы. Но ведь этим ренессанс не исчерпывается...

Вебстер сел еще глубже в кресле и подпер подбородок ладонями.

— Кажется, я понимаю, куда вы клоните, — произнес он.

Они долго сидели молча, только огонь потрескивал да осенний ветер о чем-то хмуро шептался с деревьями за окном.

— И ведь была возможность, — заговорил Вебстер, словно размышляя вслух, — возможность открыть дорогу новым взглядам, расчистить мусор, который накопился за четыре тысячи лет в сознании людей. Но один человек все смазал.

Грант поежился, тут же спохватился — не заметил Вебстер его реакцию? — и замер.

— Этот человек, — продолжал Вебстер, — был мой дед...

Грант почувствовал, что надо что-то сказать, дальше молчать просто нельзя.

— Но Джуэйн мог и ошибиться, — произнес он. — Может быть, на самом деле никакой новой философии вовсе и не было.

— Как же, мы хватаемся за эту мысль как за соломинку. Да только вряд ли это так. Джуэйн был великий философ, пожалуй, величайший из всех философов Марса. Если бы он тогда выжил, он создал бы новое учение, я в этом не сомневаюсь. Но он не выжил. Не выжил, потому что мой дед не мог вылететь на Марс.

— Ваш дед не виноват, — сказал Грант. — Он хотел, он пытался лететь. Но человек бессилён против агорафобии.

Вебстер взмахом руки отмел его слова.

— Что было, то было. Тут уж ничего не воротишь, и мы вынуждены из этого исходить. И так как мой род, мой дед...

У Гранта округлились глаза, его вдруг осенило:

— Псы! Вот почему вы...

— Вот именно, псы, — подтвердил Вебстер.

Издав далека, с реки, вторя плачу ветра в листья, донесся жалобный звук.

— Енот, — заметил Вебстер. — Сейчас псы начнут рваться на волю.

Звук повторился, вроде бы ближе, а может быть, это только показалось. Вебстер выпрямился в кресле, потом наклонился вперед, глядя на огонь в камине.

— И в самом деле, почему бы не попробовать? — рассуждал он. — У пса есть индивидуальность. Это сразу чувствуется, какого ни возьми. Что ни пес — свой нрав, свой темперамент. И все умные, пусть в разной степени. А больше ничего и не требуется: толика разума и осмысливающая себя индивидуальность. Все дело в том, что природа с самого начала поставила их в невыгодные условия, создала им две помехи: они не могли говорить и не могли ходить прямо, а значит, не было возможности развиться рукам. Если бы отнять у нас речь и руки и отдать им, мы могли стать псами, а псы — людьми.

— Для меня это совсем ново, я как-то никогда не представлял себе ваших псов мыслящими созданиями, — сказал Грант.

— Еще бы! — В голосе Вебстера был оттенок горечи. — Иначе и быть не могло. Вы смотрели на них так же, как большинство людей до сих пор смотрят. Ученые собачки, домашние животные, забавные зверюги, которые теперь еще могут даже разговаривать с вами. Но разве этим дело исчерпывается? Вовсе нет, Грант, клянусь вам. До сих пор человек шел путями разума один-одинешенек, обособленный от всего живого. Так представьте себе, насколько дальше мы могли бы продвинуться и насколько быстрее, будь на свете два сотрудничающих между собой мыслящих, разумных вида. Ведь они мыслили бы по-разному! И сверялись бы друг с другом. Один спасует — другой додумается. Как в старину говорили: ум хорошо, а два лучше. Представляете себе, Грант? Другой разум, отличный от человеческого, но идущий с ним рука об руку. Разум, способный заметить и осмыслить вещи, недоступные человеку, способный, если хотите, создать философские системы, каких не смог создать человек.

Он протянул к огню руки, растопырив длинные властные пальцы с узловатыми суставами.

— Они не могли говорить, и я дал им речь. Это было нелегко, ведь язык и гортань собаки не приспособлены для членораздельной речи. Но хирургия сделала свое —

не сразу, конечно, через промежуточные этапы, — хирургия и скрещивание. Зато теперь... теперь, надеюсь... Конечно, утверждать что-нибудь рано...

Грант взволнованно наклонился к нему:

— Вы хотите сказать, что перемены, которые вы внесли, передаются по наследству? Хирургические коррективы закрепились в генах?

Вебстер покачал головой:

— Сейчас еще рано что-нибудь утверждать. Но лет через двадцать я, пожалуй, смогу вам ответить.

Он взял со стола бутылку с бренди и вопросительно поглядел на Гранта.

— Благодарю, — кивнул тот.

— Я плохой хозяин, — извинился Вебстер. — Вы распоряжайтесь сами.

Он поглядел на огонь через рюмку.

— У меня был хороший материал. Собаки — сметливый народ. Сметливее, чем вы думаете. Обыкновенная дворняга различает полсотни слов, больше, вплоть до ста. Добавьте вторую сотню — вот вам уже и обиходная лексика. Может быть, вы обратили внимание на речь Нэтэниела? Самые простые, необходимые слова.

Грант кивнул:

— Простые и короткие. Он сам сказал мне, что многое еще не может выговорить.

— В общем, работы еще непочатый край, — продолжал Вебстер. — Главное впереди. Взять хотя бы чтение. Собака видит не так, как мы с вами. Я экспериментировал с линзами, они корректируют зрение собак, так что оно приближается к нашему. Не поможет — есть другой способ. Пусть человек подлаживается. Научимся печатать такие книги, чтобы псы могли их читать.

— А сами псы, они что об этом думают?

— Псы? — повторил Вебстер. — Хотите верьте, хотите нет, Грант, они в восторге. И дай им Бог... — добавил он, уставившись на пламя.

Следом за Дженкинсом Грант поднялся на второй этаж, где помещались спальни, но в коридоре его окликнул скрипучий голос из-за приоткрытой двери:

— Это вы, приятель?

Грант озадаченно остановился.

— Это старый хозяин, сэр, — прошептал Дженкинс. — Ему часто не спится.

— Да! — отозвался Грант.

— Устали? — спросил голос.

— Не очень.

— Тогда зайдите ко мне, — пригласил старик.

Томас Вебстер сидел в постели, обложенный подушками, в полосатом ночном колпаке. Он перехватил удивленный взгляд Гранта.

— Лысею... Зябко без головного убора. А шляпу в постель не наденешь.

Потом прикрикнул на Дженкинса:

— А ты что стоишь? Не видишь, гостю выпить надо.

— Слушаюсь, сэр. — Дженкинс удалился.

— Садитесь, — предложил Томас Вебстер. — Садитесь и приготовьтесь слушать. Я как наговорюсь, потом лучше засыпаю. Да и не каждый день мы новые лица видим.

Грант сел.

— Ну как вам мой сын? — спросил старик.

— Ваш сын?.. — Необычный вопрос озадачил Гранта. — Ну, по-моему, он просто молодец. То, чего он добился с собаками...

Старик усмехнулся:

— Ох уж этот Брюс со своими собаками! Я вам не рассказывал, как Нэтэниел сцепился со скунсом? Конечно, не рассказывал. Мы с вами еще двумя словами не перемолвились.

Его руки скользнули по простыням, длинные пальцы нервно теребили ткань.

— У меня ведь еще сынок есть, Ален. Я его просто Алом зову. Он сейчас далеко от Земли, так далеко еще ни один человек не забирался. К звездам летит.

Грант кивнул:

— Знаю. Читал. Экспедиция на альфу Центавра.

— Мой отец был хирургом, — продолжал Томас Вебстер. — Хотел и меня врачом сделать. Должно быть, сильно переживал, что я не пошел по его следам. Но если бы он дожил до этого дня, он сейчас гордился бы нами.

— Вам не надо бояться за сына, — сказал Грант. — Он...

Взгляд старика остановил его.

— Я сам построил корабль. Конструировал, наблюдал за сборкой. Космос сам по себе ему не страшен, он дойдет до цели. И парень у меня молодчина. Если надо, сквозь ад эту колымагу проведет.

Он сел попрямее, при этом подушки сдвинули его колпак набекрень.

— У меня есть еще одна причина верить, что он достигнет цели и благополучно вернется домой. Тогда я не придавал этому особенного значения, но в последнее время все чаще вспоминаю и задумываюсь... Может быть, на самом деле... уж не...

Он перевел дух.

— Только не подумайте, я не религиозный.

— Ну конечно же, — сказал Грант.

— То есть ничего похожего, — твердил Вебстер.

— Какая-нибудь примета? — спросил Грант. — Предчувствие? Озарение?

— Ни то, ни другое, ни третье, — заявил старик. — А почти полная уверенность, что фортуна за меня. Что именно мне было предназначено построить корабль, который решит эту задачу. Кто-то где-то надумал, что пора уже человеку достичь звезд и не худо бы ему немного подсобить.

— Можно подумать, что вы подразумеваете какой-то случай, — сказал Грант. — Какое-то реальное событие, которое дает вам право верить в успех экспедиции.

— Провалиться мне на месте! — подхватил Вебстер. — Я это самое и подразумевал. А случилось это событие двадцать лет назад на лужайке перед этим самым домом.

Он сел еще прямее, в груди у него сипело.

— Понимаете, я тогда был совершенно выбит из седла. Рухнуло все, о чем я мечтал. Годы потрачены впустую. Основной принцип, как достичь необходимых для межзвездных полетов скоростей, никак не давался мне в руки. И, что хуже всего, я знал, что не хватает пустяка. Осталось сделать маленький шагочек, внести в проект какую-то ничтожную поправку. Но какую? И вот сижу я на лужайке, настроение хуже некуда, чертеж лежит на траве передо мной. Я с ним не расставался, всюду носил с собой и смотрел на него, все надеялся, что меня вдруг осенит. Вы знаете, иногда так бывает...

Грант кивнул.

— Ну вот, сижу и вижу: идет человек. Из этих, горян. Вы знаете, кто такие горяне?

— Конечно, — сказал Грант.

— Да... Идет он развинченной походочкой, с таким видом, словно в жизни никаких забот не знал. Подошел, остановился за спиной у меня, поглядел на чертеж и спрашивает, чем это я занят. «Космический движитель», — говорю. Он нагнулся и взял чертеж. Я подумал, пусть берет, все равно он в этом ничего не смыслит. Да и чертеж-то никчемный. А он поглядел на него, потом возвращает мне и показывает пальцем: «Вот, — говорит, — где загвоздка». Повернулся — и ходу. А я сижу и гляжу ему вслед, не то чтобы окликнуть его — слова вымолвить не могу, так он меня огорошил.

Старик сидел очень прямо в сбившемся набок ночном колпаке, вперив взгляд в стену. За окном гулкий ветер ухал под застрехами. Казалось, в ярко освещенную комнату вторглись призраки, хотя Грант твердо знал, что их нет.

— А потом вам удалось найти его? — спросил он.

Старик покачал головой:

— Нет, он словно сквозь землю провалился.

Вошел Дженкинс, поставил рюмку на столик возле кровати.

— Я еще приду, сэр, — обратился он к Гранту. — Покажу вам вашу спальню.

— Не беспокойтесь, — ответил Грант. — Только объясните, я сам найду.

— Как изводите, сэр. Это третья дверь по коридору. Я включу свет и оставляю дверь открытой.

Они посидели молча, слушая, как удаляются шаги робота.

Старик поглядел на виски и прокашлялся.

— Эх, жаль, не попросил я Дженкинса принести рюмочку на мою долю, — сказал он.

— Ничего, берите мою, — отозвался Грант. — Я вполне могу обойтись.

— Правда?

— Честное слово.

Старик взял рюмку, сделал глоток, вздохнул.

— Совсем другое дело, — сказал он. — А то мне Дженкинс все время водой разбавляет.

Чем-то этот дом действовал на нервы... Тихо перешептываются стены, а ты здесь посторонний, и тебе зябко, неудобно.

Сидя на краю постели, Грант медленно расшнуровал ботинки и сбросил их на ковер.

Робот, который служит уже четвертому поколению и говорит о давно умерших людях так, будто вчера подавал им виски... Старик, мысли которого заняты кораблем, скользящим во мраке глубокого космоса за пределами Солнечной системы... Ученый, который мечтает о другой расе — расе, способной идти по дорогам судьбы лапа об руку с человеком...

И над всем этим вроде бы и неосязаемая, но в то же время явственная тень Джерома А.Вебстера — человека, который предал друга... Врача, который не выполнил своего долга.

Джуэйн, марсианский философ, умер накануне великого открытия, потому что Джером А.Вебстер не мог оставить этот дом, потому что агорафобия приковала его к клочку земли в несколько квадратных километров.

В одних носках Грант прошел к столу, на который Дженкинс положил его котомку. Расстегнул ремни, поднял клапан, достал толстый портфель. Вернулся к кровати, сел, вынул из портфеля кипу бумаг и стал перебирать их.

Анкеты, сотни анкет... Запечатленная на бумаге повесть о жизни сотен людей. Не только то, что они сами ему рассказали, не только ответы на его вопросы — десятки других подробностей, все, что он подметил за день или час, наблюдая, более того, общаясь с ними как своей.

Да, скрытные обитатели этих горных дебрей принимают его как своего. А без этого ничего не добьешься. Принимают как своего, потому что он приходит пешком, усталый, исцарапанный колючками, с котомкой на спине. Никаких новомодных штучек, которые могли бы насторожить их, вызвать отчуждение. Утомительный способ проводить перепись, но ведь иначе не выпол-

нишь того, что так нужно, так необходимо Всемироному комитету.

Потом где-то кто-то, исследуя вот такие листки, которые он разложил на кровати, найдет искомое, отыщет приметы жизни, отклонившейся от общепринятых человеческих канонов. Какую-нибудь особенность в поведении, по которой сразу отличишь жизнь другого порядка.

Конечно, мутации среди людей не такая уж редкость. Известно много мутантов, ставших выдающимися личностями. Большинство членов Всемироного комитета — мутанты, но их особые качества и таланты обтесаны господствующим укладом, мысли и восприятие безотчетно направляются по тому же руслу, в которое втиснуты мысли и восприятие других людей.

Мутанты были всегда, иначе род людской не двигался бы вперед. Но до последнего столетия их не умели распознавать. Видели в них замечательных организаторов, великих ученых, гениальных плутов. Или же оригиналов, которые возбуждали когда презрение, когда жалость массы, не признающей отклонения от нормы.

Преуспевал в мире тот из них, кто приспособливался, держал свой могучий разум в рамках общепринятого. Но это сужало их возможности, снижало отдачу, вынуждая держаться колен, проложенной для менее одаренных.

Да и теперь способности действующих в обществе мутантов подсознательно тормозились устоявшимися канонами, шорами узкого мышления.

Грант достал из портфеля тоненькую папку и с чувством, близким к благоговению, прочел заглавие

«НЕОКОНЧЕННЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ ТРУД И ДРУГИЕ ЗАМЕТКИ ДЖУЭЙНА».

Нужен разум, свободный от шор, не скованный четырехтысячелетними канонами человеческого мышления, чтобы нести дальше факел, поднятый было рукой марсианского философа. Факел, освещающий подходы к новому взгляду на жизнь и ее назначение, указывающий человечеству более простые и легкие пути. Учение, которое за несколько десятилетий продвинет человечество на тысячи лет вперед.

Джуэйн умер, и в этом самом доме, хоронясь от суда обманутого человечества, дожил свою горькую жизнь человек, который до последнего дня слышал голос мертвого друга.

Кто-то тихонько поскребся в дверь. Грант оцепенел, прислушиваясь. Опять... А теперь вкрадчивое повизгивание.

Грант быстро убрал бумаги в портфель и подошел к двери. И только приотворил ее, как в комнату черной тенью просочился Нэтэниел.

— Оскар не знает, что я здесь, — сообщил он. — Оскар мне задаст, если узнает.

— Кто такой Оскар?

— Робот, он смотрит за нами.

— Ну и что тебе надо, Нэтэниел? — усмехнулся Грант

— Хочу говорить с тобой, — сказал Нэтэниел. — Ты со всеми говорил. С Брюсом, с Дедом. Только со мной не говорил, а ведь я тебя нашел.

— Ладно, — согласился Грант. — Валяй, говори.

— Ты озабочен, — заявил Нэтэниел.

Грант нахмурился:

— Верно, озабочен... Люди постоянно чем-нибудь озабочены. Пора тебе это знать, Нэтэниел.

— Тебя гложет мысль о Джуэине. Как Деда нашего.

— Не гложет, — возразил Грант. — Просто я очень интересуюсь этим делом. И надеюсь.

— А что с Джуэйном? — спросил Нэтэниел. — И кто он такой, и...

— Его нет, понимаешь? — ответил Грант. — То есть был когда-то, но умер много лет назад. Осталась идея. Проблема. Задача. Нечто такое, о чем нужно думать.

— Я умею думать, — торжествующе сообщил Нэтэниел. — Иногда подолгу думаю. Но я не должен думать, как люди. Это Брюс мне так говорит. Он говорит, мое дело думать по-собачьему, не стараться думать, как люди. Говорит, собачьи мысли ничуть не хуже людских, может, даже намного лучше.

Грант серьезно кивнул:

— В этом что-то есть, Нэтэниел. В самом деле, ты не должен думать, как человек. Ты...

— Собаки знают много, чего не знают люди, — хвастался Нэтэниел. — Мы такое видим и слышим, чего человек не может видеть и слышать. Иногда мы воем ночью, и люди гонят нас на двор. Но если бы они могли видеть и слышать то же, что мы, они бы от страха с места не двинулись. Брюс говорит, что мы... мы...

— Медиумы?

— Вот-вот, — подтвердил Нэтэниел. — Никак не запомню все слова.

Грант взял со стола пижаму.

— Как насчет того, чтобы переночевать здесь, Нэтэниел? Можешь устроиться у меня в ногах.

Нэтэниел недоверчиво воззрился на него.

— Нет, правда ты так хочешь?

— Конечно. Если нам, человеку и псу, суждено быть наравне, зачем откладывать, начнем сейчас.

— Я не испачкаю постель, — сказал Нэтэниел. — Честное слово. Оскар купал меня вечером.

Он поскреб лапой ухо.

— Разве что одну-две блохи оставил.

Грант растерянно смотрел на атомный пистолет. Удобнейшая штука, пригодна для всего на свете, хоть сигарету прикурить, хоть человека убить. Рассчитан на тысячу лет, не боится ни сырости, ни тряски — во всяком случае, так утверждает реклама. Никогда не отказывает. Вот только сейчас почему-то не слушается...

Направив дуло в землю, он как следует встряхнул пистолет. Никакого эффекта. Легонько постучал по камню — хоть бы что.

Над беспорядочным нагромождением скал спускался сумрак. Где-то в дальнем конце долины раскатился несуразный хохот филина. На востоке незаметно проклюнулись первые звездочки, на западе ночь поглощала прозрачную зелень заката.

Около большого камня лежит кучка хвороста, рядом припасена еще целая гора, хватит до утра. Но с испорченным пистолетом костра не разжечь...

Грант тихо выругался при мысли о холодной ночевке и холодном ужине.

Еще раз постучал пистолетом по камню, теперь уже посильнее. Пустой номер...

В тени между деревьями хрустнула ветка, и Грант рывком выпрямился. У могучего ствола, уходящего в сумеречное небо, стоял человек, высокий, угловатый.

— Привет, — сказал Грант.

— Что-нибудь не ладится, приятель?

— Да пистолет... — начал Грант и осекся: незачем этой темной личности знать, что он безоружен.

Незнакомец шагнул вперед с протянутой рукой.

— Что, не работает?

Грант почувствовал, как у него забирают из рук пистолет.

Незнакомец присел на корточки, посмеиваясь. Как ни силился Грант рассмотреть, что он делает, в сгущающемся мраке были видны лишь размытые контуры рук, мелькающие тени над блестящим металлом.

Что-то звякнуло, скрипнуло. Чужак шумно втянул носом воздух и рассмеялся. Снова звякнул металл, чужак встал и протянул пистолет Гранту.

— Полный порядок, — сказал он. — Лучше прежнего будет работать.

Хрустнула ветка, Грант закричал:

— Эй, погодите!..

Но незнакомец уже пропал, меж призрачных стволов растаял черный призрак. По телу Гранта от пяток вверх пополз холодок — не от ночного воздуха... Зубы запрыгали во рту, короткие волосы на затылке поднялись дыбом, от плеча к пальцам побежали мурашки.

Тишина... Лишь чуть слышно журчит вода в ручейке за камнем.

Дрожа, он опустился на колени возле кучки хвороста и нажал спуск пистолета. Выплеснулся язычок голубого пламени, и вот уже костер пылает вовсю.

Когда Грант подошел к изгороди, старик Дэйв Бэкстер восседал на верхней жерди, дымя коротенькой трубочкой, почти и не видной в густой бороде.

— Здорово, приятель, — сказал Дэйв. — Лезь сюда, присаживайся рядышком.

Грант примостился на изгороди. Перед ним простиралось поле, среди кукурузных снопов пестрели золотистые тыквы.

— Просто так шатаешься? — спросил старик Дэйв. — Или что вынюхиваешь?

— Вынюхиваю, — признался Грант.

Дэйв вынул трубочку изо рта, плюнул, потом воткнул ее на место. Борода нежно обвила ее с опасностью для себя.

— Раскопки?

— Да нет, — ответил Грант.

— А то лет пять тому рыскал тут один, — сообщил Дэйв. — В земле копался, что твой крот. Откопал место, где прежде город стоял, так все вверх дном перевернул. И осточертел же он мне расспросами: расскажи ему про город, и все тут. Да ведь я ничего толком и не помню. Слышал однажды, как мой дед говорил название этого города, так и то позабыл, провалиться мне на этом месте. У этого молодчика были с собой какие-то старые карты, он их и так, и этак крутил, все чего-то дознаться хотел, да так, должно, и не дознался.

— Охотник за древностями, — предположил Грант.

— Он самый, видать, — согласился старик Дэйв. — Я уж от него хорониться стал. А то еще один явился, такой же мудрец. Тот какую-то старую дорогу искал: дескать, здесь проходила. Тоже все с картами носился. Ушел от нас довольный такой — нашел, дескать, а у меня духу не стало втолковать ему: мол, не дорога то была, а тропа старая, коровы проторили.

Он хитро поглядел на Гранта:

— Случаем, ты не старые дороги ищешь, а?

— Нет, что вы, — ответил Грант. — Я переписчик.

— Чего-чего?

— Переписчик, — повторил Грант. — Вот запишу, как вас звать, сколько лет, где живете.

— Это еще зачем?

— Правительству надо знать.

— Нам от правительства ничего не надобно, — заявил старик Дэйв. — Чего же ему от нас нужно?

— Правительству от вас ничего не нужно, — объяснил Грант. — Напротив, глядишь, надумает вам деньжонок подбросить. Всякое может быть.

— Коли так, — сказал Дэйв, — это другое дело.

Сидя на жерди, они смотрели на простирающийся за полем ландшафт. Над позолоченной осенним пламенем берез ложиной вился дымок из незримой трубы. Ручей ленивыми петлями пересекал бурый осенний луг, дальше один над другим высились пригорки, ярусы пожелтевших кленов.

Солнце пригревало согнутую спину Гранта, воздух был наполнен запахом жнивья. Благодать, сказал он себе. Урожай хороший, дрова припасены, дичи хватает. Что еще надо человеку...

Он поглядел на притулившегося рядом старика, на избородившие его лицо мягкие морщины безмятежной старости и попробовал представить себе жизнь наподобие этой — простую сельскую жизнь, что-то вроде далекой поры, когда шло освоение Америки, со всеми ее прелестями, но без ее опасностей.

Старик Дэйв вынул изо рта трубку, указал ею на поле.

— Вон сколько еще делов, — сказал он. — А кому их делать-то? От молодых никакого проку, пропади они пропадом. Им бы все охотиться. Да рыбачить. А машины только и знают, что ломаются. Мастак машины чинить этот Джо.

— Ваш сын?

— Нет. Живет тут в лесу один чудила. Придет, наладит все — и прощайте, только его и видели. Иной раз и слова не вымолвит. Спасибо сказать не успеешь, его уже след простыл. Который год ходит. Дед говорил, первый раз пришел, когда он еще молодой был. И до сих пор ходит.

— Как же так? — ахнул Грант. — Все один и тот же?

— Ну! А я о чем толкую. Не поверишь, приятель, с первого раза, как я его увидел, вот столько не постарел. Да-а, странный малый... Чего только о нем тут не услышишь. Дед все рассказывал, как он мудрил с муравьями.

— С муравьями?

— То-то и оно. Накрыв муравейник стеклом, вроде как дом построил, и отапливал зимой. Так мне дед рассказывал. Мол, своими глазами видел. Да только брехня все это. Дед мой был во всей округе первый враль. Сам прямо так и говорил.

Из солнечной ложбины, над которой курился дымок, донесся по воздуху звонкий голос колокола.

Старик слез с изгороди и выколотил трубочку, шурясь на солнце.

В осенней тишине снова раскатился гулкий звон.

— Это мать, — сообщил Дэйв. — Обедать зовет. Небось печеные яблоки в тесте. Вкуснятина, язык проглотишь. Давай, пошли живей.

Чудила, который чинит сломанные вещи и уходит, не дожидаясь благодарности. Человек, внешность которого за сто лет ничуть не изменилась. Станный малый, который накрыл стеклянным колпаком муравейник и зимой отапливал его.

Бессмыслица какая-то, и, однако, чувствуется, что старик Бэкстер не сочиняет. Тут не просто очередная небылица, родившаяся в лесной глуши, не плод, так сказать, народной фантазии.

Фольклор сразу распознаешь, у него свое лицо есть и своя примета — особый, характерный юморок. А здесь совсем другое дело. Что забавного, хоть бы и для жителей лесной глуши, в том, чтобы накрыть муравейник стеклянным куполом и отапливать его? Юмор подразумевает эффектную концовку, а тут ничего похожего нет.

Подтянув ватное одеяло к самому подбородку, Грант беспокойно ворочался на матрасе, набитом обертками кукурузных початков.

Чудно, подумал он, где только мне не приходится спать: сегодня — на кукурузном матрасе, вчера — в лесу у костра, позавчера — на пружинах и чистых простынях в усадьбе Вебстеров...

Ветер прошелся по ложбине снизу доверху, попутно подергал отставшую дранку, вернулся и снова подергал ее. Во мраке чердака шуршала мышь. Ровное дыхание доносилось с другой кровати, где спали двое младших Бэкстеров.

Человек, который чинит сломанные вещи и уходит, не дожидаясь благодарности... Так было с пистолетом. Так уже много лет происходит с отбившимися от рук машинами Бэкстера. Чудак по имени Джо, которого

годы не берут и который с любой поломкой справляется...

В голове Гранта родилась одна мысль, он поспешил отогнать ее. Не надо тешить себя надеждой. Знай приглядывайся, задавай невинные с виду вопросы, держи ушки на макушке... Да поосторожнее выпрашивай, не то сразу замкнутся, что твоя устрица.

Непонятный народ эти горяне. Сами для прогресса ничего не делают и себе ничего от него не желают. Распростились с цивилизацией, только лес и поле, солнце и дождь над ними хозяева.

Места для них на Земле хватает, на всех хватает. Ведь за последние двести лет население сильно поредело, пионеры полчищами отправлялись осваивать другие планеты Солнечной системы, насаждать в других мирах земные порядки.

Вдоволь места, земли и дичи...

А может быть, правда на их стороне? Помнится, за те месяцы, что он бродит по здешним горам, эта мысль посещала его не раз, в такие минуты, как сейчас, под теплым домашним одеялом, на удобном, шершавом кукурузном матрасе, когда ветер шепчется в драночной кровле. Или когда Грант, примостившись на изгороди, глядел, как золотистые тыквы греют бока на солнце.

Что-то зашуршало во мраке: матрас, на котором спали мальчуганы. Потом по доскам тихо прошлепали босые ноги.

— Вы не спите, мистер? — шепотом.

— Никак нет. Забирайся ко мне.

Мальчуган нырнул под одеяло, воткнул ему в живот холодные подошвы.

— Дедушка вам говорил про Джо?

Грант кивнул в темноте:

— Он сказал, что Джо давно уже здесь не показывался.

— И про муравьев говорил?

— Говорил. А ты что знаешь про муравьев?

— Мы с Биллом недавно нашли их, это наш секрет. Никому не говорили, вы первый. Вам небось можно сказать, вы от правительства к нам присланный.

— И что, муравейник на самом деле стеклянным колпаком накрыт?

— Ага, накрыт... Да это... это... — Мальчуган захлебывался от возбуждения. — Это еще что! У муравь-

ев этих самых тележки есть, а из муравейника трубы торчат, а из труб дым идет. А потом... а потом...

— Ну, что потом было?

— Потом мы с Биллом оробели. Не стали больше глядеть. Оробели и дали тягу.

Мальчишка поерзал на матрасе, устраиваясь удобнее.

— Нет, это же надо, а? Муравьи тележки волокут!

Муравьи и в самом деле тащили тележки. Из муравейника в самом деле торчали трубы, и они извергали крохотные клубы едкого дыма — признак плавки металлов.

С колотящимся от волнения сердцем Грант присел подле муравейника, глядя на тележки, которые сновали по дорожкам, теряющимся среди кочек. Туда идут пустые, обратно — груженные семенами, а то и расчлененными насекомыми. Знай себе катят, весело подпрыгивая, малюсенькие тележки, запряженные муравьями!

Плексигласовый купол, некогда защищавший муравейник, стоял на месте, но он весь потрескался и выглядел так, словно исчерпал свою роль и нужда в нем пропала.

Муравейник стоял на изрезанном склоне, спадающем к утесам над рекой; огромные камни чередовались с крохотными лужайками и купами могучих дубов. Глухое место — должно быть, здесь редко звучит голос человека, только ветер шелестит листвой да попискивают зверушки, снующие по своим потайным тропкам.

Место, где муравьи могли существовать, не опасаясь ни плуга, ни ноги странника, продолжая линию жизни без разума, которая началась за миллионы лет до того, как появился человек, и до того, как на планете Земля родилась первая абстрактная мысль. Ограниченная, застойная жизнь, весь смысл которой сводился к существованию муравьиного рода.

И вот кто-то перевел стрелку, направил муравьев по другой стезе, открыл им тайну колеса, тайну выплавки металлов. Сколько помех для развития культуры, для прогресса убрано тем самым с пути этого муравейника?

Угроза голода, надо думать, одна из них. Избавленные от необходимости непрерывно добывать пищу, муравьи получили досуг, который можно было использовать на что-то другое.

Еще одно племя ступило на путь к величию, развивая свое общество, заложенное в седой древности, задолго до того, как тварь, именуемая человеком, начала осознавать свое предназначение.

Куда приведет этот путь? Чем станет муравей еще через миллион лет? Найдут ли, смогут ли найти человек и муравей общий знаменатель, чтобы вместе созидать свое будущее, как сейчас находят этот знаменатель пес и человек?

Грант покачал головой. Сомнительно... Ведь в жилах пса и человека течет одна кровь, а муравей и человек — небо и земля. Этим двум организмам не дано понимать друг друга. У них нет той общей основы, которая для пса и человека сложилась в палеолите, когда они вместе дремали у костра и вместе настораживались при виде хищных глаз в ночи.

Грант скорее почувствовал, чем услышал, шелест шагов в высокой траве за своей спиной. Живо встал, повернулся и увидел перед собой мужчину. Долговязого мужчину с покатыми плечами и огромными ручищами, которые оканчивались чуткими белыми пальцами.

— Это вы Джо? — спросил Грант.

Незнакомец кивнул:

— А вы субъект, который охотится за мной.

— Что ж, пожалуй, — оторопело признался Грант. — Правда, не за вами лично, но за такими людьми, как вы.

— Не такими, как все, — сказал Джо.

— Почему вы тогда не остались? Почему убежали? Я не успел поблагодарить вас за починку пистолета.

Джо смотрел на Гранта, не произнося ни слова, но было видно, что он от души веселится.

— И вообще, — продолжал Грант, — как вы догадались, что пистолет неисправен? Вы за мной следили?

— Я слышал, как вы об этом думали.

— Слышали, как я думал?

— Да, — подтвердил Джо. — Я и сейчас слышу ваши мысли.

Грант натянуто усмехнулся. Не очень кстати, но вполне логично. Этого следовало ожидать, и не только этого...

Он показал на муравейник:

— Это ваши муравьи?

Джо кивнул, и Гранту снова показалось, что он с трудом удерживается от смеха.

— А что тут смешного? — рассердился Грант.

— Я не смеюсь, — ответил Джо, и Грант почему-то ощутил жгучий стыд, словно он был ребенком, которого нашла за плохое поведение. — Вам следовало бы опубликовать свои записи, — сказал он. — Можно будет сопоставить их с тем, что делает Вебстер.

Джо пожал плечами:

— У меня нет никаких записей.

— Нет записей?

Долговязый подошел к муравейнику и остановился, глядя на него.

— Вероятно, вы сообразили, почему я это сделал? — спросил он.

Грант глубокомысленно кивнул:

— Во всяком случае, пытался понять. Скорее всего, вам было любопытно посмотреть, что получится. А может быть, вами руководило сострадание к менее совершенной твари. Может быть, вы подумали, что преимущество на старте еще не дает человеку единоличного права на прогресс.

Глаза Джо сверкнули на солнце.

— Любопытство, пожалуй. Мне это не приходило в голову.

Он присел подле муравейника.

— Вы никогда не задумывались, почему это муравей продвинулся так далеко, потом остановился? Создал почти безупречную социальную организацию и на том успокоился? Что его осадило?

— Ну хотя бы существование на грани голода, — ответил Грант.

— И зимняя спячка, — добавил долговязый. — Ведь зимняя спячка что делает — стирает все, что отложилось в памяти за лето. Каждую весну начинай все с самого начала. Муравьи не могли учиться на ошибках, собирать барыш с накопленного опыта.

— Поэтому вы стали их подкармливать...

— ...и отапливать муравейник, — подхватил Джо, — чтобы избавить их от спячки. Чтобы им не надо было каждую весну начинать все сначала.

— А тележки?

— Я смастерил две-три штуки и подбросил им. Десять лет присматривались, наконец все же смекнули, что к чему.

Грант указал кивком на трубы.

— Это они уже сами, — сказал Джо.

— Что-нибудь еще?

Джо досадливо пожал плечами:

— Откуда мне знать?

— Но ведь вы за ними наблюдали! Пусть даже не вели записей, но ведь наблюдали.

Джо покачал головой:

— Скоро пятнадцать лет, как не приходил сюда. Сегодня пришел только потому, что вас услышал. Не забавляют меня больше эти муравьи, вот и все.

Грант открыл рот и снова закрыл его. Произнес:

— Так вот оно что. Вот почему вы это сделали. Для забавы.

Лицо Джо не выражало ни стыда, ни желания дать отпор, только досаду: дескать, хватит, сколько можно говорить о муравьях. Вслух он сказал:

— Ну да. Зачем же еще?

— И мой пистолет, очевидно, он тоже вас позабавил.

— Пистолет — нет, — возразил Джо.

Пистолет — нет... Конечно, балда, при чем тут пистолет? Ты его позабавил, ты сам. И сейчас забавляешь.

Наладить машины старика Дэйва Бэкстера, смотаться, не говоря ни слова, — для него это, конечно, была страшная потеха. А как он, должно быть, ликовал, сколько дней мысленно покатывался со смеху после случая в усадьбе Вебстеров, когда показал Томасу Вебстеру, в чем изъян его космического движителя!

Словно ловкий фокусник, который поражает своими трюками какого-нибудь тьюфяка.

Голос Джо прервал его мысли:

— Ведь вы переписчик, верно? Почему не задаете мне ваши вопросы? Раз уж нашли меня, валяйте записывайте все как положено. Возраст, например. Мне сто шестьдесят три, а я, можно сказать, еще и не оперился. Считайте, мне тысячу лет жить, не меньше.

Он обнял свои узловатые колени и закачался с пятки на носок.

— Да-да, тысячу лет, а если я буду беречь себя...

— Разве все к этому сводится? — Грант старался говорить спокойно. — Я могу предложить вам еще кое-что. Чтобы вы сделали кое-что для нас.

— Для нас?

— Для общества. Для человечества.

— Зачем?

Грант опешил.

— Вы хотите сказать, что вас это мало волнует?

Джо кивнул, и в этом жесте не было ни вызова, ни бравады. Он просто констатировал факт.

— Деньги? — предложил Грант.

Джо широким взмахом указал на окружающие горы, на просторную долину.

— У меня есть это. Я не нуждаюсь в деньгах.

— Может быть, слава?

Джо не плюнул, но лицо его было достаточно выразительным.

— Благодарность человечества?

— Она недолговечна, — насмешливо ответил Джо, и Гранту опять показалось, что он с трудом сдерживает хохот.

— Послушайте, Джо... — Против воли Гранта в его голосе звучала мольба. — То, о чем я хочу вас попросить... это очень важно, важно для еще не родившихся поколений, важно для всего рода людского, это такая веха в нашей жизни...

— Это с какой же стати, — спросил Джо, — должен я стараться для кого-то, кто еще даже не родился? С какой стати думать дальше того срока, что мне отмерен? Умру — так умру ведь, и что мне тогда слава и почет, флаги и трубы! Я даже не буду знать, какую жизнь прожил, великую или никудышную.

— Человечество, — сказал Грант.

Джо хохотнул:

— Сохранение рода, прогресс рода... Вот что вас заботит. А зачем вам об этом беспокоиться? Или мне?..

Он стер с лица улыбку и с напускной укоризной погрозил Гранту пальцем.

— Сохранение рода — миф. Миф, которым вы все перебиваетесь, убогий плод вашего общественного устройства. Человечество умирает каждый день. Умер человек — вот и нет человечества, для него-то больше нет.

— Вам попросту наплевать на всех, — сказал Грант.

— Я об этом самом и толкую, — ответил Джо.

Он глянул на лежащую на земле котомку, и по его губам опять пробежала улыбка.

— Разве что это окажется интересно...

Грант развязал котомку и достал портфель. Без особой охоты извлек тонкую папку с надписью «Неоконченный философский...», передал ее Джо и, сидя на корточках, стал смотреть, как тот пробегает глазами текст. Джо еще не кончил читать, а душу Гранта уже пронизало мучительное ощущение чудовищного провала.

Когда он в усадьбе Вебстеров представлял себе разум, свободный от шор, не скованный канонами обветшалого мышления, ему казалось, что достаточно найти такой ум, и задача будет решена.

И вот этот разум перед ним. Но выходит, что этого мало. Чего-то недостает — чего-то такого, о чем не подумал ни он, ни деятели в Женеве. Недостает черты человеческого характера, которая до сих пор всем представлялась обязательной.

Общественные отношения — вот что много тысяч лет спланивало род людской, обуславливало его цельность, точно так же как борьба с голодом вынуждала муравьев действовать сообща.

Присущая каждому человеку потребность в признании собратьев, потребность в некоем культе братства, психологическая, едва ли не физиологическая потребность в одобрении твоих мыслей и поступков. Сила, которая удерживала людей от нарушения общественных устоев, которая вела к общественной взаимовыручке и людской солидарности, сближала членов большой человеческой семьи.

Ради этого одобрения люди умирали, приносили жертвы, вели ненавистный им образ жизни. Потому что без общественного одобрения человек был предоставлен самому себе, оказывался отщепенцем, животным, изгнанным из стаи.

Конечно, не обошлось и без страшных явлений: самосуды, расовое гонение, массовые злодеяния под флагом патриотизма или религии. И все же именно общественное одобрение служило цементом, на котором держалось единство человечества, который вообще сделал возможным существование человеческого общества.

А Джо не признает его. Ему плевать. Его ничуть не трогает, как о нем судят. Ничуть не трогает, будут его поступки одобрены или нет.

Солнце припекало спину, ветер теребил деревья. Где-то в зарослях запела пичуга.

Так что же, это определяющая черта мутантов? Отмирание стержневого инстинкта, который сделал человека частицей человечества?

Неужели этот человек, который сейчас читает Джуэйна, сам по себе живет, благодаря своим качествам мутанта, настолько полной, насыщенной жизнью, что может обходиться без одобрения собратьев? Неужели он в конце концов достиг той ступени цивилизации, когда человек становится независимым и может пренебречь условностями общества?

Джо поднял глаза:

— Очень интересный труд, — заключил он. — А почему он не довел его до конца?

— Он умер, — ответил Грант.

Джо прищелкнул языком.

— Он ошибся в одном месте... — Найдя нужную страницу, он показал пальцем. — Вот тут. Вот откуда ошибка идет. Тут-то он и завяз.

— Но... но об ошибке не было речи, — промямлил Грант. — Просто он умер. Не успел дописать, умер.

Джо тщательно сложил рукопись и сунул в карман.

— Тем лучше. Он вам такого наковырял бы...

— Значит, вы можете завершить этот труд? Беретесь?..

Глаза Джо сказали Гранту, что продолжать нет смысла.

— Вы в самом деле думаете, — сухо, неторопливо произнес мутант, — что я поделюсь этим с вашей кичливой шатией?

Грант отрешенно пожал плечами:

— Значит, не поделитесь. Конечно, мне следовало предвидеть... Человек вроде вас...

— Эта штука мне самому пригодится, — сказал Джо.

Он медленно встал и ленивым взмахом ноги пропахал борозду в муравейнике, сшибая дымящиеся трубы и опрокидывая груженные тележки.

Грант с криком вскочил на ноги, его обуяла слепая ярость, она бросила его руку к пистолету.

— Не смей! — приказал Джо.

Грант замер, держа пистолет дулом вниз.

— Остынь, крошка, — сказал Джо. — Я понимаю, что тебе не терпится убить меня, но я не могу тебе этого позволить. У меня есть еще кое-какие задумки, ясно? И ведь убьешь ты меня не за то, о чем сейчас думаешь.

— Не все ли равно, за что? — прохрипел Грант. — Главное, что мертвый вы останетесь здесь и не сможете распорядиться по-своему учением Джуэйна.

— И все-таки не за это тебе хочется меня убить, — мягко произнес Джо. — А просто ты злишься на меня за то, что я распотрошил муравейник.

— Может, это была первая причина. Но теперь...

— Лучше и не пытайся, — сказал Джо. — Не успеешь нажать курок, как сам превратишься в труп.

Грант заколебался.

— Если думаешь, я тебя на пушку беру, — продолжал Джо, — давай проверим, кто кого.

Минуту-другую они мерили друг друга взглядом; пистолет по-прежнему смотрел вниз.

— Почему бы вам не поладить с нами? — заговорил наконец Грант. — Мы нуждаемся в таком человеке, как вы. Ведь это вы показали старику Тому Вебстеру, как сконструировать космический движитель. А то, что вы сделали с муравьями...

Джо быстро шагнул вперед. Грант вскинул пистолет и увидел метнувшийся к нему кулак — могучий кулачище, который чуть не со свистом рассек воздух.

Кулак опередил палец, лежащий на курке.

Что-то горячее, влажное, шершавое ползало по лицу Гранта, и он поднял руку — стряхнуть.

Все равно ползает...

Он открыл глаза, и Нэтэниел радостно подпрыгнул.

— Вы живы! Я так испугался...

— Нэтэниел! — проскрипел Грант. — Ты откуда?

— Я убежал, — объяснил Нэтэниел. — Хочу пойти с вами.

— Я не могу взять тебя с собой. Мне еще идти и идти. Меня ждет одно дело.

Он поднялся на четвереньки, пошарил рукой по земле. Нашупал холодный металл, подобрал пистолет и сунул в кобуру.

— Я упустил его, — продолжал он, вставая, — но он не должен ускользнуть. Я отдал ему одну вещь, которая принадлежит всему человечеству, и я не могу допустить, чтобы он ею воспользовался.

— Я умею выслеживать, — сообщил Нэтэниел. — Белку шутя выслежу.

— Тебе найдется дело поважнее, — сказал Грант. — Понимаешь, сегодня я узнал... Обозначился один путь — путь, по которому может пойти все человечество. Не сегодня, не завтра и даже не через тысячу лет. Может быть, этого вообще не случится, но совсем исключить такую вероятность нельзя. Возможно, Джо всего-то самую малость опередил нас, и мы идем по его стопам быстрее, чем нам это представляется. Может быть, в конечном счете все мы станем такими, как Джо. И если дело к тому идет, если этим все кончится, вас, псов, ждет большая задача.

Нэтэниел озабоченно смотрел вверх на Гранта.

— Не понимаю, — виновато произнес он. — Вы говорите незнакомые слова.

— Послушай, Нэтэниел. Может быть, люди не всегда будут такими, как теперь. Они могут измениться. И если они изменятся, придется вам занять их место, перенять мечту и не дать ей погибнуть. Придется вам делать вид, что вы люди.

— Мы, псы, не подведем, — заверил Нэтэниел.

— До того часа еще не одна тысяча лет пройдет, — продолжал Грант. — У вас будет время подготовиться. Но вы должны помнить. Должны передавать друг другу наказ. Чтобы ни в коем случае не забыть.

— Я понимаю, — ответил Нэтэниел. — Мы, псы, скажем своим щенкам, а они скажут своим щенкам.

— Вот именно, — сказал Грант.

Он наклонился и почесал у Нэтэниела за ухом, и пес стоял и махал хвостом, пока Грант не исчез за гребнем.

КОММЕНТАРИЙ К ЧЕТВЕРТОМУ ПРЕДАНИЮ

Из всех преданий это особенно угручало тех, кто искал в цикле ясности и смысла.

Даже Резон признает, что здесь перед нами явный, несомненный миф. Но если это миф, то что он означает? Если это миф, то не мифы ли и все остальные части цикла?

Юпитер, где разворачивается действие этого предания, видимо, является одним из тех миров, на которые будто бы можно попасть через космос. Выше уже говорилось, что наука исключает возможность существования таких миров. Если же принять гипотезу Разгона, что другие миры, о которых говорится в цикле, есть не что иное, как наш множественный мир, то разве не очевидно, что мы уже должны были обнаружить мир, изображенный в предании? Конечно, некоторые миры гоблинов закрыты, это всякому известно, но столь же хорошо известна причина, почему они закрыты, — во всяком случае, не в силу тех обстоятельств, которые описаны в четвертом предании.

Некоторые исследователи считают четвертое предание вставным, будто бы оно вовсе не из этого цикла и целиком заимствовано. С этим выводом трудно согласиться, поскольку предание вполне вяжется с циклом и служит одной из главных осей всего действия.

О персонаже этого предания Байбаке неоднократно писалось, якобы он унижает честь нашего рода.

Возможно, у некоторых щепетильных читателей Байбак и впрямь вызывает брезгливость, однако он выразительно контрастирует с выведенным в предании Человеком. Не Человек, а Байбак первым осваивается с новой ситуацией, не Человек, а Байбак первым постигает суть происходящего. И как только разум Байбака освобождается от власти Человека, становится очевидно, что он ни в чем не уступает человеческому разуму.

Словом, Байбак, при всех его блохах, — персонаж, которого нам отнюдь не надо стыдиться.

Как ни кратко четвертое предание, оно, пожалуй, дает читателю больше, чем остальные части цикла. Несомненно, это предание заслуживает того, чтобы его читали вдумчиво, не торопясь.

IV

ДЕЗЕРТИРСТВО

Четыре человека — двое, потом еще двое — ушли в ревущий ад Юпитера и не вернулись. Ушли туда, где свирепствовал непрекращающийся ураган, даже не ушли, а ускакали на четырех конечностях, поблескивая влажными от дождя боками. Потому что они уходили не в человеческом обличье.

Теперь перед столом Кента Фаулера, руководящего Куполом №3 Службы изучения Юпитера, стоял пятый.

Под столом Фаулера старина Байбак шумно почесался, потом снова задремал.

С болью в душе Фаулер вдруг осознал, что Гарольд Аллен молод, чересчур молод. У него юный доверчивый взгляд и лицо человека, который еще никогда не испытывал страха. Странно... Странно, потому что обитатели куполов на Юпитере хорошо знали, что такое страх. Страх и смирение. Очень уж неуместна тщедушная особа человека на этой чудовищной планете с ее могучими стихиями.

— Вам известно, что это чисто добровольное дело? — сказал Фаулер. — Вы вовсе не обязаны идти.

Непременная формула, не больше. Эти же слова были сказаны остальным четверым, но все равно они пошли. Пойдет и пятый, Фаулер в этом не сомневался.

Но в душе его вдруг шевельнулась смутная надежда, что Ален откажется.

— Когда выходить? — спросил Ален.

Прежде Фаулер воспринял бы такой ответ с тайной гордостью. Прежде, но не теперь. Он насупился.

— В течение часа.

Ален спокойно ждал.

— Мы проводили уже четверых, и ни один не вернулся, — продолжал Фаулер. — Вы это, конечно, знаете. Нам нужно, чтобы вы вернулись. Никаких героических спасательных операций. Нам нужно одно, самое главное, — чтобы вы вернулись, доказали, что человек может жить в обличье юпитерианского существа. Дойдете до первой вешки, не дальше, и сразу возвращайтесь. Никакого риска. Никаких исследований. Сразу обратно.

Ален кивнул:

— Понимаю.

— У пульта преобразователя будет мисс Стенли. Тут вам опасаться нечего. Преобразование все перенесли благополучно. Вышли из аппарата в безупречном состоянии. Мы передаем вас в руки квалифицированного специалиста. Мисс Стенли — лучший оператор преобразователей во всей Солнечной системе. Она работала почти на всех планетах. Поэтому ее и назначили к нам.

Ален улыбнулся мисс Стенли, и Фаулер прочел на ее лице какое-то неясное чувство: то ли жалость, то ли гнев, а может быть, просто страх. Но это выражение тотчас исчезло, и она ответила юноше, который стоял перед столом, улыбкой — типичной для нее чопорной улыбкой классной дамы, как будто ей было противно улыбаться.

— Жду с нетерпением моего преобразования, — сказал Ален.

Сказал шутейно, словно речь шла о чем-то крайне потешном.

Однако потехой тут и не пахло.

Дело было серьезное, серьезнее некуда. От этих опытов зависело будущее человека на Юпитере. Если они увенчаются успехом, станут доступными ресурсы исполинской планеты. Человек подчинит себе Юпитер, подобно тому как он уже подчинил себе другие, правда не такие крупные, планеты. Если же опыты провалятся...

Если они провалятся, человек и впредь будет обременен и скован чудовищным давлением, огромной силой тяготения, предельно чуждой химией. Он так и останется пленником куполов, не сможет сам шагать по планете, видеть ее своими глазами, будет всецело зависеть от телевидения и громоздких вездеходов, неуклюжих инструментов и механизмов или не менее неуклюжих роботов.

Потому что без средств защиты, в своем естественном облике человек здесь будет тотчас раздавлен колоссальным давлением в пятнадцать тысяч фунтов на квадратный дюйм — давлением, рядом с которым дно земного океана покажется вакуумом.

Даже самые прочные сплавы, изобретенные землянами, не выдерживали юпитерианского давления и непрерывно хлещущих планету щелочных ливней. Они либо крошились и шелушились, либо превращались в ручейки и лужицы солей аммония. Только особая обработка металла, перестройка электронной структуры позволяли ему выдерживать вес тысячемильного слоя бушующих едких газов атмосферы Юпитера. И даже после такой обработки его еще надо было покрывать кварцевой пленкой против все разъедающих аммониевых дождей.

Из подвального этажа доносился гул моторов — моторов, которые работали непрерывно, не умолкая ни на миг. Так положено, ведь если они станут, подача тока на металлические стены купола прекратится, исчезнет электронное поле, а это конец.

Снова под столом проснулся Байбак и почесался, стуча об пол ногой.

— Что-нибудь еще? — спросил Ален.

Фаулер покачал головой.

— Может быть, у вас есть какое-нибудь желание, может быть... — Он чуть не сказал «напишете письмо», но, слава богу, вовремя спохватился.

Ален поглядел на часы.

— Так, значит, в течение часа, — сказал он.

Повернулся и вышел.

Фаулер знал, что мисс Стенли смотрит на него. Не желая встречаться с ней взглядом, он принялся листать бумаги.

— И до каких пор это будет продолжаться? — спросила мисс Стенли, чеканя слова.

Он нехотя повернулся и посмотрел на нее. Прямые тонкие губы и гладкая — чуть ли не глаже обычной — прическа придавали ее лицу странное, даже пугающее сходство с посмертной маской.

— До тех пор, пока это будет необходимо. — Он старался говорить спокойно и бесстрастно. — Пока есть хоть какая-то надежда.

— Вы намереваетесь и впредь приговаривать их к смерти, — сказала она. — Намереваетесь и впредь снаряжать их на неравный бой с Юпитером. Намереваетесь сидеть тут в полной безопасности и посылать их на верную гибель.

— Ваша сентиментальность неуместна, мисс Стенли, — произнес Фаулер, преодолевая ярость. — Вам не хуже моего известно, для чего мы это делаем. Вам ясно, что в своем обличье человек бессилен против Юпитера. Единственный выход — превращать людей в таких тварей, которые могут существовать на Юпитере. Этот способ проверен на других планетах.

Несколько человеческих жизней — не слишком высокая цена, если мы в конце концов добьемся успеха. Сколько раз в прошлом люди жертвовали жизнью ради ерунды и всякого вздора. Так неужели нас в таком великом деле должна смущать мысль о минимальных жертвах?

Мисс Стенли сидела очень прямо, сложив руки на коленях, седеющие волосы серебрились на свету, и, глядя на нее, Фаулер попытался представить себе ее чувства, ее мысли. Не то чтобы он ее боялся, но ему было с ней как-то не по себе. Эти пронизательные голубые глаза слишком много видят, эти руки чересчур искусны. Быть бы ей чьей-нибудь тетушкой и сидеть с вязанием в качалке. Но она не тетушка, она первейший в Солнечной системе оператор преобразователей, и она недовольна его действиями.

— Здесь что-то не так, мистер Фаулер, — заявила она.

— Совершенно верно, — согласился он. — Именно поэтому я посылаю юного Алена одного. Может быть, ему удастся выяснить, в чем дело.

— А если не удастся?

— Пошлю еще кого-нибудь.

Она медленно встала и пошла к двери, но около его стола остановилась.

— Быть вам великим человеком. Уж вы своего не упустите. Сейчас вам такой случай представился! Вы это сразу сообразили, когда ваш купол выбрали для опытов. Справитесь с заданием, сразу подниметесь на ступеньку-другую. Сколько бы людей ни погибло, вы все равно пойдете в гору.

— Мисс Стенли, — сухо произнес он, — Алену скоро выходить. Будьте любезны, удостоверьтесь, что ваш аппарат...

— Мой аппарат, — холодно ответила она, — тут ни при чем. Он выполняет программу, которую разработали биологи.

Сгорбившись над столом, Фаулер слушал, как ее шаги удаляются по коридору.

Все правильно. Программу разработали биологи. Но биологи могли ошибиться. Достаточно промахнуться чуть-чуть, отклониться на волосок, и преобразователь будет выпускать не то, что нужно. Каких-нибудь мутантов, которые в определенных ситуациях от непредвиденного стечения обстоятельств могут не выдержать, расклеиться, потерять голову.

Потому что человек довольно смутно представлял себе, что происходит за стенами купола. Он мог полагаться только на показания своих приборов. А что могут рассказать случайные данные приборов, когда куполов раз, два и обчелся, а планета невообразимо велика?

Только на то, чтобы собрать данные о скакунцах, представляющих собой, судя по всему, высшую форму юпитерианской жизни, биологи потратили три года упорного труда, да еще два года ушло на дотошную проверку данных. На Земле для такого исследования понадобилась бы неделя, от силы две. Да вот беда: такого исследования на Земле вообще не проведешь, потому что юпитерианский организм нельзя перенести на Землю. За пределами Юпитера не воссоздашь такое давление, а при земной температуре и земном давлении скакунец тотчас обратится в облачко газа.

А исследование было необходимо, если человек собирался выйти на поверхность Юпитера в обличье скакунца. Чтобы преобразовать человека в другое существ-

во, нужно знать все параметры, знать точно, знать наверное.

Ален не вернулся.

Вездеходы, прочесав окрестности купола, не нашли никаких следов, разве что улепетывающий скакунец, замеченный одним из водителей, был пропавшим землянином.

Биологи только усмехнулись с вежливой снисходительностью специалистов, когда Фаулер предположил, что в программу, возможно, вкралась погрешность. Они учтиво подчеркнули, что с программой все в порядке. Если поместить в преобразователь человека и включить рубильник, человек превращается в скакунца. После чего он выходит из аппарата и пропадает в гуще здешней атмосферы.

Может, неувязочка какая? Микроскопическое отклонение от параметров скакунца, маленький дефектик? Если есть дефект, ответили биологи, понадобится не один год, чтобы найти его.

И Фаулер знал, что они правы.

Итак, теперь уже не четверо, а пятеро, и опыт с Гарольдом Аленом ничего не дал, не продвинул их ни на шаг в изучении Юпитера. Слово и не посылали парня.

Фаулер протянул руку и взял со стола аккуратно сколотые листки — список личного состава. Взял с тягостным чувством, да ведь никуда не денешься, как-то надо выяснить причину всех этих таинственных исчезновений. А способ только один — посылать еще людей.

Он прислушался к вою ветра под куполом, к непрестанно бушующему над планетой яростному вихрю...

Может быть, там притаилась неизвестная им опасность, неведомая угроза? Какая-нибудь пакость устроила засаду и жрет подряд всех скакунцов, не отличая настоящих от тех, которые вышли из преобразователя... В самом деле, какая ей разница?

А может быть, ошиблись в корне те, кто выбрал скакунцов как наиболее высокоорганизованных представителей юпитерианской жизни? Фаулер знал, что одним из решающих факторов было наличие интеллекта. Без этого человек после преобразования не смог бы сохранить свой разум в новом обличье.

Может быть, биологи сделали слишком большой упор на этот фактор и это повлекло за собой неблагоприятный, даже катастрофический сдвиг? Да нет, вряд ли. Хоть биологи порой и чванятся не в меру, но дело свое они знают.

А если вся эта затея с самого начала обречена на провал? Пусть на других планетах преобразование оправдало себя, это еще не значит, что на Юпитере этому методу тоже обеспечен успех. Может быть, разум человека не может функционировать нормально, получая сигналы от органов восприятия, которыми оснащен юпитерианский организм. Может быть, скаунцы настолько отличны от людей, что их понятия и категории просто не сочетаются с человеческим сознанием?

Или же все дело в самом человеке, в органически присущих ему чертах? Какой-нибудь изъян психики вместе с воздействием здешней среды мешает человеку вернуться в купол. Впрочем, по земным меркам, может быть, никакого изъяна нет, а есть свойство психики, которое на Земле вполне обычно и уместно, но настолько не гармонирует с условиями Юпитера, что человеческий рассудок не выдерживает этого противоречия.

В коридоре дробно застучали когти, и Фаулер тускло улыбнулся. Байбак возвращается с кухни — ходил проведать своего друга-повара...

Байбак вошел, держа в зубах кость. Помахал Фаулеру хвостом и плюхнулся на пол возле стола. Зажав кость между лапами, он долго смотрел на хозяина слезящимися старческими глазами, наконец Фаулер опустил руку и потрепал косматое ухо.

— Ты еще любишь меня, Байбак? — спросил он.

Байбак постучал хвостом по полу.

— Один ты и любишь, — сказал Фаулер и выпрямился.

Повернувшись к столу, он снова взял в руки папку.

Беннет?.. Беннета на Земле ждет невеста.

Эндрюс?.. Эндрюс мечтает вернуться в Марсианский технологический институт, как только накопит денег на год учебы.

Олсон?.. Олсону скоро пора на пенсию. Все уши прожужжал ребятам рассказами о том, как уйдет на покой и будет выращивать розы.

Фаулер бережно положил папку на место.

Приговаривает людей к смерти... Бледные губы на пергаментном лице мисс Стенли едва шевелились, когда она произносила эти слова. Посылает их на верную гибель, а сам сидит тут в полной безопасности.

Можно не сомневаться, что все в куполе так говорят, особенно теперь, когда еще и Алэн не вернулся. Нет, в лицо-то не скажут. Не скажет даже следующий, кого он вызовет сюда, чтобы сообщить, что пришла его очередь.

Но их глаза будут достаточно выразительными.

Он опять взял папку. Беннет, Эндрюс, Олсон. Есть и другие, да что толку от этого.

Все равно он больше не в силах, не в силах смотреть им в глаза и посылать их на смерть.

Кент Фаулер наклонился и щелкнул рычажком связанного устройства.

— Слушаю, мистер Фаулер.

— Пожалуйста, дайте мисс Стенли.

Дожидаясь соединения, он слушал, как Байбак вяло гложет кость. Бедняга, все зубы сточились...

— Мисс Стенли слушает.

— Я только хотел сказать вам, мисс Стенли, чтобы вы приготовили все к отправке еще двоих.

— Вы не боитесь, что у вас скоро совсем никого не останется? — спросила мисс Стенли. — Уж лучше посылать по одному, так экономичнее и удовольствие растянете.

— Один из них — пес, — сказал Фаулер.

— Пес!

— Да, Байбак.

Ярость сделала его голос ледяным.

— Своего собственного пса! Который столько лет с вами...

— Вот именно, — ответил Фаулер. — Байбак расстроится, если я его брошу.

Это был не тот Юпитер, который он знал по телевизору. Он ожидал, что Юпитер окажется другим, но не настолько. Ожидал, что очутится в аду, где хлещет аммиачный ливень, курятся ядовитые пары, ревет и лютует ураган. Где мчатся, крутятся облака, ползет туман и темное небо секут чудовищные молнии.

Он никак не предполагал, что ливень окажется всего-навсего легкой пурпурной мглой, стремительно летящей над пунцовым ковром травы. Ему в голову не приходило, что зигзаги громовых разрядов будут ликующим фейерверком в ярком небе.

Ожидая Байбака, Фаулер поочередно напрягал свои мышцы и дивился их упругой силе. Совсем недурное тело... Он усмехнулся, вспомнив, с каким состраданием смотрел на скакунцов, изредка мелькавших на экране телевизора.

Очень уж трудно было представить себе живой организм, основу которого взамен воды и кислорода составляют аммиак и водород, трудно поверить, чтобы такой организм мог испытывать ту же радость и полноту жизни, что человек. Трудно вообразить себе жизнь в бурлящем котле Юпитера тому, кто не подозревает, что для здешних существ Юпитер отнюдь не бурлящий котел.

Ветер теребил его ласковыми пальцами, и Фаулер оторопело подумал, что на земную мерку этот ветерок — свирепый ураган, ревуший поток смертоносных газов силой в двадцать баллов.

Сладостные запахи пронизывали его плоть. Запахи? Но ведь он совсем не то привык понимать под обонянием. словно каждая клеточка его пропитывается лавандой. Нет, не лавандой, конечно, а чем-то другим, чего он не может назвать. Несомненно, это лишь первая в ряду многих, ожидающих его терминологических проблем. Потому что известные ему слова — воплощение мысленных образов землянина — отказывались служить юпитерианину.

Люк в куполе открылся, и оттуда выскочил Байбак. То есть преображенный Байбак.

Он хотел окликнуть пса, нужные слова уже сложились в уме. Но он не смог их вымолвить. Он вообще не мог сказать ни слова: говорить-то нечем!

На миг всю душу Фаулера обуял сосущий ужас, панический испуг, потом он схлынул, но в сознании еще вспыхивали искорки страха.

Как разговаривают юпитериане? Как...

Вдруг он физически ощутил присутствие Байбака, остро ощутил теплое, щедрое дружелюбие косматого зверя, который был рядом с ним и на Земле, и на многих

других планетах. Такое чувство, словно пес на секунду сам целиком переселился в его мозг.

И на бурлящем гребне вторгшейся в сознание волны дружелюбия всплыли слова:

— Здорово, дружище.

Нет, не слова — лучше слов. Мысленные образы, транслировались мысленные образы, несравненно богаче оттенками, чем любые слова.

— Здорово, Байбак, — отозвался он.

— До чего же мне хорошо, — сказал Байбак. — Будто я снова щенком стал. Последнее время мне было так паршиво. Ноги не сгибаются, зубы почти совсем сточились. Попробуй погрызи кость такими зубами. И блохи вконец одолели. Раньше, в молодости, я их и не замечал. Одной больше, одной меньше...

— Но... постой... — В голове у Фаулера все смешалось. — Ты разговариваешь со мной!

— Само собой, — ответил Байбак. — Я всегда с тобой разговаривал, да ты меня не слышал. Я много раз пытался тебе что-нибудь сказать, но у меня ничего не получалось.

— Иногда я понимал тебя, — возразил Фаулер.

— Не очень-то, — сказал Байбак. — Понимал, когда я просил есть или пить, когда просился гулять, но не больше того.

— Прости меня.

— Уже простил. Спорим, я первый до скалы добегу.

Только сейчас Фаулер увидел вдали, в нескольких милях, скалу. Она переливалась какой-то удивительной хрустальной красотой под сенью многоцветных облаков.

Он заколебался.

— Так далеко...

— Да ладно, чего там. — И Байбак сорвался с места, не дожидаясь ответа.

Фаулер побежал за ним вдогонку, испытывая силу своих ног, выносливость нового тела. Сперва нерешительно, но нерешительность тотчас сменилась изумлением, и он помчался во всю прыть, исполненный ликования, которое вобрало в себя и пунцовую траву, и летящий по воздуху мелкий дождь.

На бегу он слышал музыку, она будоражила все его тело, пронизывала волнами плоть, влекла его вперед на серебряных крыльях скорости. Такая музыка льется в солнечный день с колокольни на весеннем пригорке.

Чем ближе скала, тем мощнее мелодия. Вся Вселенная наполнилась брызгами волшебных звуков. И он понял, что музыку рождает пенный водопад, скатывающийся по ослепительным граням скалы.

Только не водопад, конечно, а аммиакопад, и скала такая белая потому, что состоит из твердого кислорода.

Он остановился рядом с Байбаком там, где водопад рассыпался на сверкающую стоцветную радугу. Нет, не сто, а сотни цветов видел он, потому что здесь не было привычного человеческого глазу плавного перехода между основными цветами, а спектр с изумительной четкостью делился на элементарные линии.

— Музыка... — заговорил Байбак.

— Да, что ты хочешь о ней сказать?

— Музыку создают акустические колебания, — сказал Байбак. — Колебания падающей воды.

— Постой, Байбак, откуда ты знаешь про акустические колебания?

— А вот знаю, — возразил Байбак. — Меня только что осенило.

— Осенило! — изумился Фаулер.

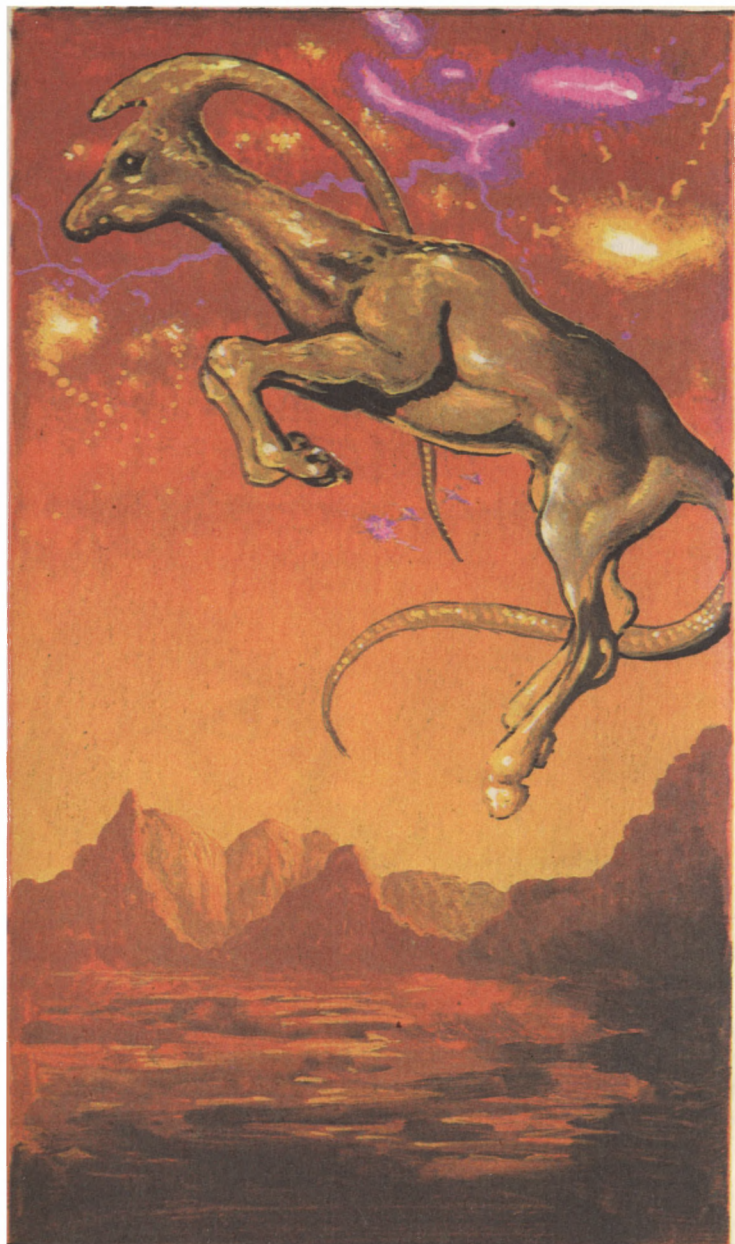
И тут в его мозгу неожиданно возникла формула — формула процесса, позволяющего металлу выдерживать юпитерианское давление.

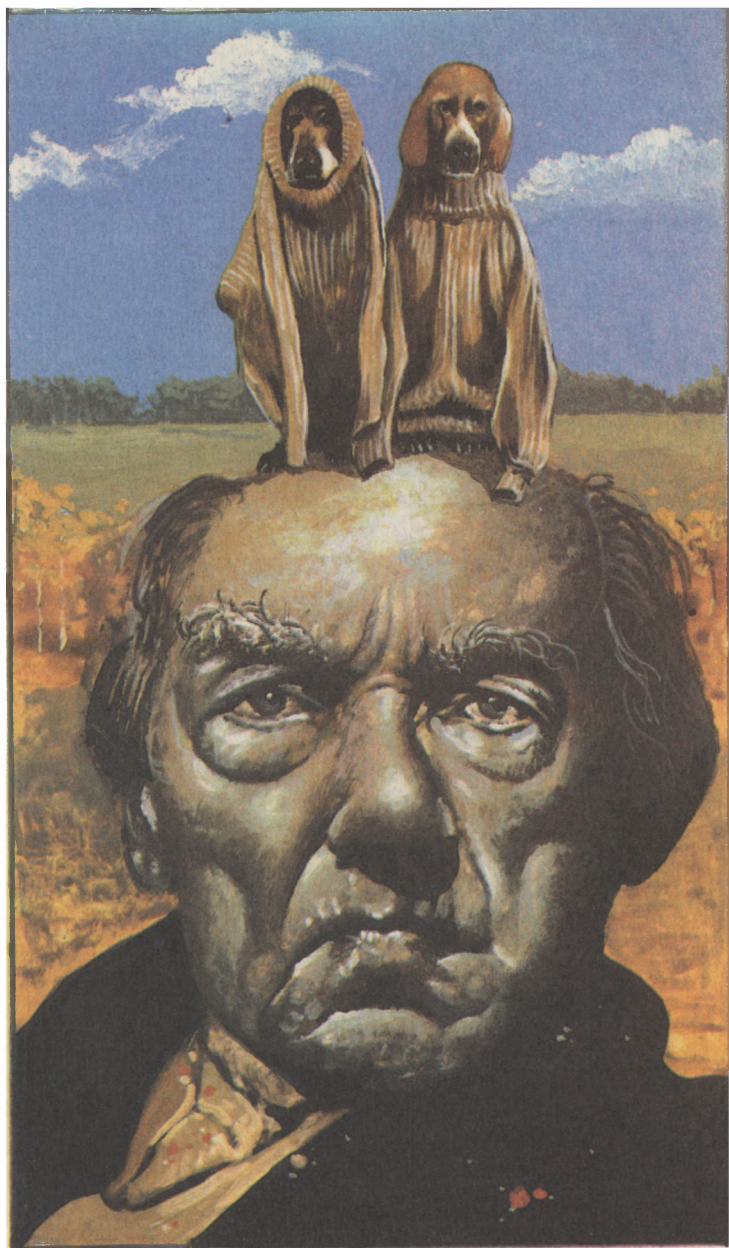
Пока он удивленно смотрел на водопад, сознание мгновенно расположило все цвета в их спектральной последовательности. И все это ни с того ни с сего — само по себе; ведь он ровным счетом ничего не знал ни о металлах, ни о цветах.

— Байбак! — воскликнул он. — Байбак, с нами что-то происходит!

— Ага, — ответил Байбак, — я уже заметил.

— Все дело в мозге, — продолжал Фаулер. — Он заработал на полную мощность, все до единой клеточки включились. И мы соображаем то, что нам давно следовало бы знать. Может быть, мозг землян от природы работает туго, со скрипом. Может быть, мы дебилы Вселенной. Может, так устроены, что нам все дается трудно.

А внезапно проясненный разум уже говорил ему, что дело не ограничится цветовой гаммой водопада или металлом неслыханной прочности. Сознание предвосхищало что-то еще, великие откровения, тайны, недостижимые для человеческого ума, недоступные обыкновенному воображению. Тайны, факты, умозаключения... Все, что может постичь рассудок, до конца использующий свою мощь.

— Мы все еще земляне, более всего земляне, — заговорил он. — Мы только-только начинаем прикасаться к тому, что нам предстоит познать, к тому, что было скрыто от нас, пока мы оставались землянами. Потому что наш организм, человеческий организм, несовершенен. Он плохо оснащен для мыслительной работы, свойства, необходимые для того, чтобы достичь подлинного знания, у нас недостаточно развиты. А может быть, у нас их вовсе нет...

Он оглянулся на купол — игрушечный черный бугорок вдали.

Там остались люди, которым недоступна красота Юпитера. Люди, которым кажется, что лик планеты закрыт мятущимися тучами и хлещущим дождем. Незрячие глаза. Никудышные глаза... Глаза, не видящие красоту облаков, не видящие ничего из-за шторма. Тела, неспособные радостно трепетать от трелей звонкой музыки над клокочущим потоком.

Люди, странствующие в одиночестве, и речь их подобна речи мальчишек, намеренно коверкающих слова для таинственности, и не дано им общаться так, как он общается с Байбаком, безмолвно, совмещая два сознания. Не дана им способность читать в душе друг друга.

Он, Фаулер, настраивался на то, что в этом чуждом мире его на каждом шагу будут подстерегать ужасы, прикидывал, как укрыться от неизвестных опасностей, готовился бороться с отвлечением, вызванным непривычной средой.

И вместо всего этого обрел нечто такое, перед чем блекнет все, что когда-либо знал человек. Быстроту движений, совершенство тела. Восторг в душе и удивительно полное восприятие жизни. Более острый ум. И мир красоты, какого не могли вообразить себе величайшие мечтатели Земли.

— Ну, пошли? — позвал его Байбак.

— А куда мы пойдем?

— Все равно куда. Пошли, там видно будет. У меня такое чувство... или предчувствие...

— Я все понял, — сказал Фаулер.

Потому что им владело такое же чувство. Чувство высокого предназначения. Чувство великой цели. Сознание того, что за горизонтом тебя ждет что-то небывало увлекательное и значительное.

И остальные пятеро чувствовали то же самое. Властное стремление увидеть, что там, за горизонтом, neodолимый зов яркой, насыщенной жизни.

Вот почему они не вернулись.

— Я не хочу возвращаться, — сказал Байбак.

— Но мы не можем их подводить, — возразил Фаулер.

Он сделал шаг-другой к куполу, потом остановился.

Возвращаться в купол... Возвращаться в пропитанное ядами, ноющее тело. Прежде он вроде бы и не замечал, как все тело ноет, но теперь-то знает его пороки.

Снова мутное сознание. Туто соображающий мозг. Рты, которые открываются и закрываются, испуская сигналы для собеседника. Глаза, которым он теперь предпочел бы откровенную слепоту. Унылое, мешкотное, тупое существование.

— Как-нибудь в другой раз, — пробурчал он, обращаясь к самому себе.

— Мы столько сделаем, столько увидим, — говорил Байбак. — Мы столько узнаем, откроем...

Да, их ждут открытия... Может быть, новые цивилизации. Перед которыми цивилизация человека покажется жалкой. Встречи с прекрасным и — что еще важнее — способность его постичь. Ждет товарищество, какого еще никто — ни человек, ни пес — не знал.

И жизнь. Полнокровная жизнь вместо былого тусклого существования.

— Не могу я возвращаться, — сказал Байбак.

— Я тоже, — отозвался Фаулер.

— Они меня снова в пса превратят.

— А меня — в человека, — сказал Фаулер.

КОММЕНТАРИЙ К ПЯТОМУ ПРЕДАНИЮ

Шаг за шагом, по мере того как разворачивается действие, читатель получает все более полное представление о роде людском. И все больше убеждается, что этот род скорее всего вымышлен. Не могло такое племя пройти путь от скромных ростков до высот культуры, которая приписывается ему преданиями. Слишком многого ему недостает.

Мы уже видели, что ему не хватает устойчивости. Увлечение машинной цивилизацией в ущерб культуре, основанной на более глубоких и значимых жизненных критериях, говорит об отсутствии фундаментальных качеств.

А пятое предание показывает нам к тому же, что это племя располагало ограниченными средствами общения — обстоятельство, которое отнюдь не способствует движению вперед. Неспособность Человека по-настоящему понять и оценить мысли и взгляды своих собратьев — камень преткновения, какого никакая инженерная премудрость не могла бы преодолеть.

Что сам Человек отдавал себе в этом отчет, видно из того, как он стремился овладеть учением Джуэйна. Однако следует отметить, что им руководила не надежда вооружить свой разум новым качеством, а погоня за властью и славой. В учении Джуэйна Человек видел

средство за несколько десятков лет продвинуться вперед на сто тысячелетий.

От предания к преданию становится все яснее, что Человек бежал наперегонки то ли с самим собой, то ли с неким воображаемым преследователем, который мчался за ним по пятам, дыша в затылок. Он исступленно домогался познания и власти, но остается совершенной загадкой, на что он намеревался их употребить.

Согласно преданию, Человек расстался с пещерами миллион лет назад. И, однако, он всего лишь за сто с небольшим лет до описанного в пятом предании времени нашел в себе силы отринуть убийство, составлявшее одну из фундаментальных черт его образа жизни. Это ли не подлинное мерило дикости Человека: миллион лет понадобился ему, чтобы избавиться от склонности к убийству, и он считает это великим достижением.

После знакомства с этим преданием большинству читателей покажется вполне убедительной гипотеза Борзого, что Человек введен в повествование намеренно, как антитеза всему, что олицетворяет собой Пес как этакий воображаемый противник, персонаж социологической басни.

В пользу такого вывода говорят и многократные свидетельства отсутствия у Человека осознанной цели, его непрерывных метаний и попыток обрести достойный образ жизни, который упорно не дается ему в руки, потому, быть может, что Человек никогда сам не знает точно, чего хочет.

V РАЙ

...И вот перед ним купол. Приникшее к земле чужеродное тело, которое решительно не сочеталось с пурпурной мглой Юпитера, испуганное творение, сжавшееся в комок от страха перед огромной планетой. Существо, бывшее некогда Кентом Фаулером, смотрело на купол, широко расставив крепкие ноги.

Чужеродное тело... Как же сильно я отдалился от людей. Ведь оно совсем не чужеродное. В этом куполе я жил, мечтал, думал о будущем. Его я покинул со страхом в душе. К нему возвращаюсь со страхом в душе.

Меня обязывает к этому память о людях, которые были подобны мне до того, как я стал другим, до того, как обрел жизнерадостность, бодрость, счастье, недоступные человеку.

Байбак коснулся его боком, и душу Фаулера согрело веселое дружелюбие бывшего пса, осязаемое дружелюбие, и товарищество, и любовь, которые, надо думать, существовали все время, но о которых Фаулер не подозревал, пока он оставался человеком, а Байбак — псом.

Мозг уловил мысли пса

— Не делай этого, дружище, — говорил Байбак.

— Я обязан, Байбак, понимаешь, — ответил Фаулер чуть ли не со стоном. — Для чего я вышел из купола? Чтобы выяснить, что же такое на самом деле Юпитер. Теперь я могу рассказать им об этом, могу принести долгожданный ответ.

Ты обязан был сделать это давным-давно, произнес мысленный голос, неясный, далекий человеческий голос откуда-то из недр его юпитерианского сознания. Но из трусости ты все откладывал и откладывал. Ты бежал, потому что боялся возвращаться. Боялся, что тебя снова превратят в человека.

— Мне будет одиноко, — сказал Байбак, сказал, не произнеся ни слова, просто Фаулеру передалось чувство одиночества, послышался раздирающий душу прощальный звук. Как будто его сознание и сознание Байбака на миг слились воедино.

Он стоял молча, в нем поднималось отвращение. Отвращение при мысли о том, что его снова превратят в человека, вернут ему неполноценное тело, неполноценный разум.

— Я пошел бы с тобой, — сказал Байбак, — но ведь я не выдержу, могу при этом умереть. Ты же знаешь, я совсем одряхлел. И блохи заели меня, старика. От зубов пеньки остались, желудок не варил. А какие ужасные сны мне снились! Щенком я любил гоняться за кроликами, теперь же во сне кролики за мной гонялись.

— Ты останешься здесь, — сказал Фаулер. — Я еще вернусь сюда.

Если смогу убедить их, подумал он. Если получится... Если сумею им объяснить.

Он поднял широкую голову и проследил взглядом череду холмов, переходящих в высокие горы, окутанные розовой и пурпурной мглой. Молния прочертила в небе зигзаг, озаряя мглу и облака ликующим светом. Медленно, неохотно он побрел вперед. На крыльях ветра прилетел какой-то тонкий запах, и он вобрал его всем телом, точно кот, катающийся по кошачьей мяте. Нет, не запах, конечно, просто он не мог подобрать лучшего, более точного слова. Пройдут годы, и люди разработают новую терминологию.

Как рассказать им о летучей мгле, что стелется над холмами? О чистой прелести этого запаха? Какие-то вещи они, конечно, поймут. Что здесь не ощущаешь потребности в еде и никогда не хочется спать, что нет ничего похожего на терзающие человека неврозы. Это они поймут, потому что тут вполне годятся обыкновенные слова, годится существующий язык.

Но как быть с остальным — со всем тем, что требует новой лексики? С чувствами, которых человек еще никогда не испытывал? С качествами, о которых он и не мечтал? Как рассказать о небывалой ясности ума и остроте мысли, о способности использовать весь мозг до последней клеточки? Обо всем том, что здесь само собой разумеется, но чего человек никогда не знал и не умел, потому что его организм лишен необходимых свойств.

Я напишу об этом, сказал он себе. Сяду и, не торопясь, все опишу.

А впрочем, слово, запечатленное на бумаге, тоже далеко не совершенное оружие...

Над кварцевой шкурой купола выступал телевизионный иллюминатор, и Фаулер доковылял до него. По иллюминатору бежали струйки сгустившейся мглы, поэтому он выпрямился перед ним во весь рост.

Сам-то он все равно ничего не разглядит, зато люди внутри купола увидят его. Люди, которые ведут непрерывные наблюдения, следят за бушующей стихией Юпитера, за неистовыми ураганами и аммиачными дождями, за стремительно летящими облаками смертоносного метана. Ведь людям Юпитер представляется только таким.

Подняв переднюю лапу, он быстро начертил на влажной поверхности иллюминатора буквы, написал задом наперед свою фамилию.

Они должны знать, кто пришел, чтобы не было ошибки. Должны знать, какую программу закладывать. Иначе его могут преобразовать в чужое тело. Возьмут не ту матрицу, и выйдет из аппарата кто-то другой: юный Ален, или Смит, или Пелетье. И ошибка может оказаться роковой.

Аммиачный дождь сначала размазал, потом вовсе смыл буквы. Фаулер написал их снова.

Уж теперь-то разберут. Прочтут и поймут, что вернулся с отчетом один из тех, кого преобразовали в скакунцов.

Он опустился на траву и быстро повернулся к двери преобразовательного отсека. Она медленно отворилась ему навстречу.

— Прощай, Байбак, — тихо вымолвил Фаулер.

Тотчас в мозгу зазвучало тревожное предупреждение:

Еще не поздно! Ты еще не вошел. Еще можешь передумать. Повернуться крутом и бежать.

Мысленно скрипя зубами, он решительно пошел вперед. Ощутил металлический пол под ногами, почувствовал, как позади него закрылась дверь. Уловил напоследок обрывок мыслей Байбака, потом воцарился мрак.

Перед ним была камера преобразователя, и он направился к ней вверх по наклонному ходу.

Человек и пес уходили вдвоем, подумал он, и вот теперь человек возвращается.

Пресс-конференция проходила успешно. Текущая информация содержала одни приятные новости.

Да-да, сообщил репортерам Тайлер Вебстер, недоразумение на Венере полностью улажено. Достаточно было представителям сторон встретиться и побеседовать вместе. Эксперименты по жизнеобеспечению в холодных лабораториях на Плутоне протекают нормально. Экспедиция к альфе Центавра стартует, как было предусмотрено, вопреки всем слухам о том, что она будто бы срывается. Коммерческий совет скоро выпустит новый прейскурант на ряд предметов межпланетной торговли, устраняющий некоторые несоответствия.

Ничего сенсационного. Никаких броских заголовков. Ничего потрясающего для «Последних известий».

— Тут Джон Калвер попросил меня напомнить вам, господа, — продолжал Вебстер, — что сегодня исполняется сто двадцать пять лет с того дня, как в Солнечной системе было совершено последнее убийство. Сто двадцать пять лет без единого случая преднамеренного лишения жизни.

Он откинулся в кресле, изобразив улыбку, хотя в душе с содроганием ждал вопроса, который неминуемо должен был последовать.

Однако они еще не были готовы задать этот вопрос, сперва полагалось выполнить некий ритуал, без которого не обходилась ни одна пресс-конференция.

Берли Стефан Эндрюс, заведующий отделом печати «Межпланетных новостей», прокашлялся, словно собираясь сообщить нечто важное, и спросил с наигранной торжественностью:

— А как наследник?

Лицо Вебстера просияло.

— На уик-энд полечу домой, к нему, — ответил он. — Вот игрушку купил.

Он взял со стола что-то вроде маленькой трубы.

— Старинная выдумка... Говорят, точно, старинная. Совсем недавно начали выпускать. Подносите к глазу, крутите и видите прелестные узоры. Там перекачиваются цветные стеклышки. У этой штуки есть специальное название...

— Калейдоскоп, — живо вставил один из репортеров. — Я про него читал. В одном историческом труде об обычаях и нравах начала двадцатого века.

— Вы уже смотрели в него, мистер председатель? — поинтересовался Эндрюс.

— Нет, — ответил Вебстер. — По правде говоря, только сегодня приобрел, да и занят был.

— И где же вы его приобрели, мистер председатель? — спросил кто-то. — Я тоже не прочь подарить моему отпрыску такую штуковину.

— Да тут, за углом. Магазин игрушки, вы его знаете. Как раз сегодня поступили.

Ну вот, можно и закруляться... Еще несколько шутивных замечаний, потом пора бы вставать и расходиться.

Однако они не уходили. И он знал, что так просто они не уйдут. Ему сказали об этом внезапная тишина и громкое шуршание бумаг, призванное смягчить ее натянутость.

А затем Стефан Эндрюс задал вопрос, которого Вебстер так опасался. Хорошо еще, что Эндрюс, а не кто-нибудь другой... Он всегда держится более или менее доброжелательно, и его агентство предпочитает объективную информацию, не переиначивает сказанное, как это делают некоторые любители интерпретировать.

— Мистер председатель, — начал Эндрюс, — поговаривают, будто на Землю возвратился человек, который подвергался преобразованию на Юпитере. Нам хотелось бы услышать от вас, верно ли это сообщение?

— Верно, — сухо ответил Вебстер.

Все ждали, и Вебстер тоже ждал, сидя неподвижно в своем кресле.

— Вы не хотите комментировать его? — спросил наконец Эндрюс.

— Нет, — сказал Вебстер.

Он обвел взглядом лица собравшихся. Напряженные, угадывающие причину его решительного отказа обсуждать эту тему. Довольные, маскирующие мысль о том, как можно переиначить его скупой ответ. Сердитые — эти возмущенно выскажутся о праве народа знать истину.

— Прошу прощения, господа, — сказал Вебстер.

Эндрюс тяжело поднялся.

— Благодарим вас, мистер председатель, — заключил он.

Откинувшись в кресле, Вебстер смотрел, как расходятся репортеры, а когда они разошлись, остро ощутил холод опустевшего помещения.

Они распнут меня, думал он. Разделают под орех, и я не могу дать сдачи. Не могу рта раскрыть.

Он встал, подошел к окну и посмотрел в сад, освещенный косыми лучами уходящего на запад солнца.

Нет, он просто не мог сказать им правду.

Рай!.. Царство небесное для тех, кто искал его! И конец человечества... Конец всем мечтам и идеалам, конец самого рода людского.

На столе замигал зеленый огонек, пискнул звуковой сигнал, и он поспешил вернуться на свое место.

— Что случилось?

На маленьком экране возникло лицо.

— Псы сейчас доложили, сэр, что мутант Джо пришел в вашу усадьбу и Дженкинс впустил его.

— Джо?! Вы уверены?

— Так говорят псы. А они никогда не ошибаются.

— Верно, — медленно произнес Вебстер. — Они не ошибаются.

Лицо на экране растаяло, и Вебстер опустился в кресло.

Дотянулся негнушшимися пальцами до пульта и, не глядя, набрал нужный индекс.

На экране выросла усадьба, приземистое строение на открытом ветру холме в Северной Америке. Строение, которому скоро тысяча лет. Место, где жили, мечтали и умирали многие поколения Вебстеров.

В голубой выси над домом летела ворона, и Вебстер услышал — или вообразил, что услышал, — донесенное ветром «каrrrr»...

Все в полном порядке. Во всяком случае, с виду. Усадьба дремлет в лучах утреннего солнца, на просторной лужайке замерла статуя — изображение давно умершего предка, который пропал на звездной тропе. Ален Вебстер, он первым покинул Солнечную систему, направляясь к той самой альфе Центавра, куда через день-другой вылетает экспедиция с Марса.

Никакого переполоха, вообще никакого движения.

Рука Вебстера нажала рычажок, экран погас.

Дженкинс справится, сказал он себе. Лучше, чем справился бы любой человек на его месте. Что ни говори, эта металлическая коробка начинена почти тысячелетней мудростью. Скоро сам позвонит и скажет, в чем там дело.

Он набрал другую комбинацию.

Прошло несколько долгих секунд, прежде чем на экране появилось лицо.

— Что стряслось, Тайлер?

— Мне только что сообщили, что Джо...

Джон Калвер кивнул:

— Мне тоже сообщили. Я как раз проверяю.

— Ну и что ты скажешь об этом визите?

Начальник Всемирной службы безопасности задумчиво наморщил лоб.

— Может, он сдался. Ведь мы ему и прочим мутантам вздохнуть не даем. Псы потрудились на славу.

— Но до сих пор не было никаких данных, ничего, что говорило бы об их готовности уступить.

— Подумай сам, — сказал Калвер. — Вот уже больше ста лет они шагу шагнуть не могут без нашего ведома. Все, что они делают, записывается на наши ленты. Что ни затеют, мы блокируем. Вначале они думали, что им просто не везет, но теперь-то убедились, что это не так. Вот и признали, что мы загнали их в угол.

— Вряд ли, — строго произнес Вебстер. — Когда эти парни почуют, что их загоняют в угол, гляди, как бы самого не припечатали к коврику.

— Постараюсь оказаться сверху, — обещал Калвер. — И буду держать тебя в курсе.

Изображение погасло, но Вебстер продолжал уныло глядеть на стеклянный прямоугольник.

Черта с два их загонишь в угол. Калвер знает это не хуже его. И все-таки...

Почему Джо пришел к Дженкинсу? Почему не обратился сюда, в Женеву? Самолюбие не позволяет? Предпочитает переговоры через робота?.. Как-никак, Джо с незапамятных времен знает Дженкинса.

Вебстер невольно ощутил прилив гордости. Ему было лестно, что Джо пришел к Дженкинсу (если они верно угадали причину). Ведь Дженкинс, пусть у него металлическая шкура, тоже из Вебстеров...

Гордость... думал Вебстер. Были свершения, были и промахи... Но ведь все — незаурядные личности. Кого ни возьми. Джером, из-за которого мир не получил учения Джуэйна. Томас, который даровал миру усовершенствованный теперь принцип тяги для космических кораблей. Сын Томаса — Ален, который попытался долететь до звезд, но не смог. Брюс, который первым пришел к мысли о двойной цивилизации человека и пса. Наконец, он сам, Тайлер Вебстер, председатель Всемирного комитета...

Он поставил локти на стол и сплел пальцы, глядя на струящийся в окно свет вечернего солнца.

Исповедью он заполнял ожидание. Он ждал пискавого сигнала, который скажет ему, что звонит Дженкинс, чтобы доложить, зачем пришел Джо.

Если бы...

Если бы наконец удалось достичь взаимопонимания... Если бы люди и мутанты могли поладить между собой... Если бы можно было забыть зашедшую в тупик подспудную войну, то вместе, втроем, человек, пес и мутант, пошли бы далеко.

Вебстер покачал головой. Нет, на это не приходится рассчитывать. Слишком велико различие, слишком широка брешь. Подозрительность человека, снисходительные усмешки мутантов — неодолимая преграда. Потому что мутанты — особое племя, боковая ветвь, которая намного ушла вперед. Это люди, которые стали

законченными индивидуалистами, общество им не нужно, признание других людей не нужно, они совершенно лишены плачущего род стадного инстинкта, на них не действуют социальные факторы.

И ведь это из-за мутантов небольшой отряд мутированных псов до сих пор практически не принес почти никакой пользы своему старшему брату, человеку. Потому что псы больше ста лет заняты слежкой, выполняют роль полицейских отрядов, которые держат под наблюдением мутантов.

Поглядывая на видеофон, Вебстер оттолкнул назад кресло, выдвинул ящик стола, достал папку.

Потом нажал рычажок, вызывая секретаря.

— Слушаю, мистер Вебстер.

— Я пойду к мистеру Фаулеру, — сказал Вебстер. — Если будет вызов...

— Если будет вызов, сэр, я вам тотчас сообщу. — Голос секретаря чуть дрожал.

— Благодарю.

Вебстер опустил рычажок.

Уже прослышали, сказал он себе. *Все го единого, на всех этажах навострили уши, жгут новостей.*

Кент Фаулер сидел, развалившись в кресле, под окном своей комнаты и смотрел, как маленький черный терьер ретиво копает землю в поисках воображаемого кролика.

— Учти, Пират, — сказал Фаулер, — меня ты не обманешь.

Пес остановился, глянул на него, весело оскалясь, ответил возбужденным лаем, потом снова принялся копать.

— Рано или поздно все равно не выдержишь, проговоришься, — объявил Фаулер. — И я тебя выведу на чистую воду.

Пират продолжал рыть землю.

Хитрый чертенок, подумал Фаулер. Умен не по летам. Вебстер напустил его на меня, и он играет свою роль на совесть. Ищет кроликов, пачкает в кустах, чешется — обыкновенный пес, да и только. Но меня то ему не провести. Никто из них не проведет меня.

Хрустнул камешек под чьей-то ногой, и Фаулер поднял голову.

— Добрый вечер, — поздоровался Тайлер Вебстер.

— Я уже заждался вас, — сухо ответил Фаулер. — Садитесь и выкладывайте. Без экивоков. Вы мне не верите?

Вебстер опустился в кресло рядом, положил на колени папку.

— Я понимаю ваши чувства, — сказал он.

— Сомневаюсь, — отрезал Фаулер. — Я прибыл сюда с сообщением, которое казалось мне очень важным. Прибыл с отчетом, который дался мне дорогой ценой, вы и не представляете себе, чего мне это стоило.

Он сгорбился в кресле.

— Да поймите вы, все то время, пока я нахожусь в человеческом обличье, для меня духовная пытка.

— Сожалею, — ответил Вебстер, — но мы должны были удостовериться, должны были проверить ваш отчет.

— И проверить меня?

Вебстер кивнул.

— Пират тоже в этом участвует?

— Он не Пират, — мягко сказал Вебстер. — Вы его обидели, если назвали Пиратом. Теперь у всех псов человеческие имена. Этого зовут Эльмер.

Пес перестал копать землю и подбежал к ним. Сел возле Вебстера и потер грязной лапой вымазанные глиной усы.

— Ну, что ты скажешь, Эльмер? — спросил Вебстер.

— Он человек, никакого подвоха, — ответил пес, — но не совсем человек. Только не мутант. Что-то еще. Что-то чужое.

— Ничего удивительного, — сказал Фаулер. — Я пять лет был скакунцом.

Вебстер кивнул.

— Какой-то след должен был остаться. Это естественно. И пес не мог не заметить этого. Они на этот счет чуткие. Прямо-таки медиумы. Мы потому и поручили им мутантов: как бы ни прятались, все равно выследят.

— Значит, вы мне верите?

Вебстер перелистал лежащие на коленях бумаги, потом осторожно разгладил их.

— Боюсь, что да.

— Почему «боюсь»?

— Потому что вы величайшая из опасностей, которые когда-либо угрожали человечеству.

— Опасность?! Да вы что! Я предлагаю вам... предлагаю...

— Знаю, — ответил Вебстер. — Вы предлагаете рай.

— И это вас пугает?

— Ужасает. Да вы попробуйте представить себе, что будет, если мы объявим об этом народу и люди поверят. Каждому захочется улететь на Юпитер и стать скакунцом. Хотя бы потому, что скакунцы, похоже, живут по нескольку тысяч лет. Все жители Солнечной системы потребуют, чтобы их немедленно отправили на Юпитер. Никто не захочет оставаться человеком. Кончится тем, что люди исчезнут, все превратятся в скакунцов. Вы об этом подумали?

Фаулер нервно облизнул пересохшие губы.

— Конечно. Другого я и не ожидал.

— Человечество исчезнет, — ровным голосом продолжал Вебстер. — Исчезнет накануне своих самых великих свершений. Испарится. Все, чего удалось достичь за многие тысячелетия, насмарку.

— Но вы не знаете... — возразил Фаулер. — Вам не понять. Вы не были скакунцом. А я был. — Он ткнул себя пальцем в грудь. — Я знаю, что это такое.

Вебстер покачал головой:

— Так ведь я не об этом спору. Вполне допускаю, что скакунцом быть лучше, чем человеком. Но я никак не могу согласиться с тем, что мы вправе разделаться с человечеством, променять все, что было и будет совершено человеком, на то, что способны совершить скакунцы. Человечество продвигается вперед. Может быть, не с такой легкостью, не так мудро и блистательно, как ваши скакунцы, зато мне сдается, что в конечном счете мы продвинемся намного дальше. У нас есть свое наследие, есть свои предначертания, нельзя же все это просто взять да отправить за борт.

Фаулер наклонился вперед.

— Послушайте, — сказал он. — Я все делал честь по чести. Пришел прямо к вам, во Всемирный комитет. А ведь мог обратиться к печати и радио, чтобы припереть вас к стене, но я не стал этого делать.

— Вы хотите сказать, что Всемирный комитет не вправе решать этот вопрос. Что народ тоже должен участвовать.

Фаулер молча кивнул.

— Так вот, по чести говоря, — продолжал Вебстер, — я не полагаюсь на мнение народа. Существуют такие вещи, как реакция плебса, как эгоизм. Что им до рода человеческого? Каждый будет думать только о себе.

— То есть вы говорите мне, что я прав, но вы тут ничего не можете поделать?

— Не совсем так. Что-нибудь придумаем. Юпитер может стать чем-то вроде дома для престарелых. Придет пора человеку уходить на заслуженный отдых...

У Фаулера вырвалось рычание.

— Награда, — презрительно бросил он. — Пастбище для старых лошадей. Рай по путевкам.

— Зато мы и человечество спасем, — подчеркнул Вебстер, — и Юпитер используем.

Фаулер порывисто встал.

— Это черт знает что! — вскричал он. — Я прихожу к вам с ответом на вопрос, который вы поставили. С ответом, который обошелся вам в миллиарды долларов. А сотни людей, которыми вы были готовы пожертвовать? Расставили по всему Юпитеру преобразователи, пропускали через них людей пачками, они не возвращались, вы считали их мертвыми и все равно продолжали слать других! Ни один не вернулся, потому что они не хотели, не могли вернуться, их пугала мысль снова стать людьми. И вот я вернулся. А что проку? Трескучие фразы, словесные ухищрения, допросы, проверки... И наконец мне объявляют, что я есть я, да только мне не надо было возвращаться.

Фаулер опустил руки и весь понурился.

— Полагаю, я свободен, — произнес он. — Не обязан здесь оставаться.

Вебстер медленно кивнул.

— Конечно, свободны. С самого начала вы были свободны. Я только просил побыть здесь, пока шла проверка.

— И я могу возвращаться на Юпитер?

— Учитывая все обстоятельства, — ответил Вебстер, — это, пожалуй, совсем неплохая мысль.

— Удивляюсь, почему вы сразу мне этого не предложили, — с горечью сказал Фаулер. — Такой удоб-

ный выход. Сдали отчет в архив, забыли об этом деле, и продолжай распоряжаться Солнечной системой, словно фишками в детской игре. Ваш род уже не первый век отличается, сколько дров наломали — так нет же, люди предоставили вам новую возможность... По милости одного из ваших предков мир лишился учения Джуэйна, другой сорвал попытки наладить сотрудничество с мутантами...

— Оставьте в покое меня и мой род! — резко произнес Вебстер. — Это серьезнее, чем...

Однако Фаулер перекричал его:

— Но это дело я вам не позволю загубить! Хватит, мир и так достаточно потерял из-за вас, Вебстеров. А теперь такая возможность открывается! Я расскажу людям про Юпитер. Пойду в газеты, на радио. Буду кричать со всех крыш. Я...

Он вдруг осекся, и у него задрожали плечи.

— Я принимаю ваш вызов, Фаулер, — с холодной яростью сказал Вебстер. — По-вашему не будет. Я не позволю, чтобы вы сделали такую вещь.

Фаулер уже встал и, повернувшись к нему спиной, решительно зашагал к калитке.

Сидя на месте, будто скованный, Вебстер вдруг почувствовал, как его ногу тронула собачья лапа.

— Догнать его, хозяин? — спросил Эльмер. — Задержать?

Вебстер покачал головой:

— Пусть идет. У него такое же право, как у меня, поступать по своему разумению.

Прохладный ветерок, перевалив через ограду, тербил плащ на плечах Вебстера.

А в мозгу упорно отдавались слова... Произнесенные здесь, в саду, несколько секунд назад, они словно вышли из глубины веков.

По милости одного из ваших предков мир лишился учения Джуэйна. По милости одного...

Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

От нас одни только несчастья, сказал себе Вебстер. Всему человечеству несчастья. Учение Джуэйна... Мутанты... Да, но мутанты вот уже несколько веков как овладели учением Джуэйна, а ни разу его не применили. Джо отобрал его у Гранта, и Грант всю жизнь потратил на то, чтобы вернуть пропажу, да так и не вернул.

А может быть, в этом учении ничего такого нет, попытался утешить себя Вебстер. Иначе мутанты непременно пустили бы его в ход. Или — кто знает? — мутанты нам просто голову морочат, а на самом деле не лучше нашего разобрались?

Тихий металлический кашель заставил Вебстера поднять глаза. На крыльце стоял маленький серый робот.

— Вызов, сэр, — доложил робот. — Вызов, которого вы ждали.

На экране возникло лицо Дженкинса — старое, уродливое, архаичное лицо. Никакого сравнения с гладкими, будто живыми лицами, которыми щеголяют роботы новейших моделей.

— Простите, что беспокою вас, сэр, — сказал Дженкинс, — но случилось нечто из ряда вон выходящее. Пришел Джо и просит разрешения воспользоваться вашим видеофоном, чтобы связаться с вами, сэр. А в чем дело, не говорит. Дескать, просто захотелось побеседовать с давним соседом.

— Включи его, — сказал Вебстер.

— Не пойму я его поведение, сэр, — продолжал Дженкинс. — Пришел и больше часа переливал из пустого в порожнее, прежде чем попросил соединить с вами. С вашего позволения, сэр, мне это кажется очень странным.

— Понятно, — ответил Вебстер. — Он вообще со странностями, этот Джо.

Лицо Дженкинса исчезло, его сменило другое — лицо мутанта Джо. Волевые черты, морщинистая, обветренная кожа, серо-голубые живые глаза, серебрищиеся на висках волосы.

— Дженкинс мне не доверяет, Тайлер, — сказал Джо с затаенной усмешкой, от которой Вебстера всегда коробило.

— Коли на то пошло, я вам тоже не доверяю, — отрубил он.

Джо прищелкнул языком.

— Полно, Тайлер, разве мы вам хоть когда-нибудь чем-нибудь досадили? Хоть один из нас? Вы следите за нами, нервничаете, покоя не знаете, а ведь мы вам не сделали ничего дурного. Столько собак к нам пристави-

ли, что мы на каждом шагу на них натыкаемся, завели дела на нас, изучаете, обсуждаете, разбираете — как только самим до сих пор не тошно!

— Да, мы вас знаем, — сурово произнес Вебстер. — Знаем про вас больше, чем вы сами знаете. Знаем, сколько вас, и каждого в отдельности держим на примете. Хотите услышать, чем любой из вас был занят по минутам за последние сто лет? Спросите, мы вам скажем.

— А мы все это время печемся о вас, — ответил Джо елейным голосом. — Все прикидываем, как бы вам со временем помочь.

— За чем же дело стало? — огрызнулся Вебстер. — Мы с самого начала были готовы сотрудничать с вами. Даже после того, как вы украли у Гранта записки Джуэйна...

— Украли? Честное слово, Тайлер, тут какое-то недоразумение. Мы только взяли их, чтобы доработать. Он там такого нагородил...

— Уверен, вам и двух дней не понадобилось, чтобы разобраться, — отпарировал Вебстер. — Что же вы тянули так долго? Приди вы к нам с ответом, сразу было бы ясно, что вы хотите сотрудничать, и шли бы мы дальше вместе. Мы отозвали бы собак, признали бы вас.

— Потеха, — сказал Джо. — Как будто нас когда-нибудь волновало ваше признание.

И Вебстер услышал смех — смех человека, который ни в ком не нуждается, для которого все потуги человеческого общества — уморительный анекдот. Который идет по жизни в одиночку и вполне этим доволен. Который считает род людской потешным и, возможно, чуть-чуть опасным, но именно это делает его еще потешнее. Который не испытывает потребности в братстве людей, отвергает это братство как нечто предельно трогательное и провинциальное, вроде клубов болельщиков двадцатого века.

— Ладно, — жестко произнес Вебстер. — Если вас больше устраивают такие отношения — пожалуйста. Я-то надеялся, что вы предложите какую-нибудь сделку, надеялся на примирение. Мы недовольны теперешними отношениями, мы за то, чтобы изменить их. Дело за вами.

— погоди, Тайлер, — остановил его Джо, — не выходи из себя. Я думал, тебе будет интересно узнать, в чем же соль учения Джуэйна. О нем теперь почитай

что забыли, а ведь было время, вся Солнечная система бурлила.

— Ладно, рассказывайте, — сказал Вебстер с явным недоверием в голосе.

— По сути вы, люди, — одинокое племя, — начал Джо. — Никто из вас по-настоящему не знает своих собратьев. Не знает потому, что между вами нет нужного взаимопонимания. Конечно, у вас есть дружба, но дружба-то эта основана всецело на эмоциях, а не на глубоком взаимопонимании. Да, вы можете ладить между собой. Но опять же за счет терпимости, а не за счет понимания. Вы умеете согласованно решать проблемы, но что это за соглашения — кто посильнее духом, подавляет того, кто послабее.

— При чем тут все это?

— Так ведь именно в этом все дело! Учение Джуэйна позволит вам по-настоящему понимать друг друга.

— Телепатия?

— Что-то вроде. Мы, мутанты, владеем телепатией. Но тут речь о другом. Учение Джуэйна наделяет вас способностью воспринять точку зрения другого человека. Вы не обязаны с ней соглашаться, но сможете отдать ей должное. Вы будете воспринимать не только смысл того, что вам говорит собеседник, но и степень его убежденности. Учение Джуэйна позволяет всесторонне оценить идею и ее обоснование, не только слова человека, но и смысл, который он в них вкладывает.

— Семантика, — сказал Вебстер.

— Называйте как хотите, а вся суть в том, что вам понятна не только формулировка, но и подразумеваемая мысль собеседника. Это почти телепатия, но не совсем. Кое в чем даже лучше телепатии.

— Ну хорошо, а как это достигается? Как вы...

Снова язвительный смех.

— Нет, ты сперва подумай как следует, Тайлер... Реши, так ли уж вам это нужно. Потом можно и потолковать.

— Сделку предлагаете? — спросил Вебстер.

Джо кивнул.

— С подвохом небось?

— Даже с двумя. Найдете, потолкуем и об этом.

— Ну, а что вы хотите получить взамен?

— Много чего, — ответил Джо. — Но ведь и вы внакладе не останетесь.

Экран погас, а Вебстер все еще глядел на него невидящими глазами. Подвох? Разумеется. Ясно как день.

Он плотно зажмурился и услышал стук крови в мозг.

Что там говорили про учение Джуэйна в те далекие дни, когда оно было утеряно? Будто за несколько десятилетий оно продвинуло бы человечество вперед на сотню тысяч лет. Что-то вроде этого...

Допустим, гипербола, но не такая уж большая. Так сказать, позволительное преувеличение.

Человек по-настоящему понимает другого человека, воспринимает его мысли не искаженно, видит не только слова, но и вложенный в них смысл, оценивает точку зрения другого как свою собственную. И включает ее в мерки, с которыми подходит к тому или иному вопросу. Конец недоразумениям, конец предвзятости, подозрительности, препирательствам — ясное, полное осознание всех спорных сторон всякой проблемы. Применимо в любой области человеческой деятельности. В социологии, в психологии, в технике — какую грань цивилизации ни возьми. Конец раздорам, конец нелепым ошибкам, честная и разумная оценка наличных фактов и идей.

Сто тысячелетий за несколько десятков лет? Что ж, пожалуй, не так уж и невероятно.

А подвох?.. Или никакого подвоха нет? Действительно ли мутанты решили уступить? В обмен на что-нибудь? Или это кошелек на веревочке, а за углом мутанты со смеху покатываются?..

Сами они не использовали учение. Естественно, они-то в нем не нуждаются. У них есть телепатия, их она вполне устраивает. Для чего индивидуалистам средство понимать друг друга, когда они отлично обходятся без такого понимания. Мутанты в своих взаимоотношениях довольствуются теми контактами, которые необходимы, чтобы обеспечить их интересы, но не больше того. Они сотрудничают для спасения своей шкуры, но радости им это не доставляет.

Предложение от души? Приманка, чтобы отвлечь внимание и тем временем незаметно провернуть какую-то махинацию? Розыгрыш? Подвох?..

Вебстер покачал головой. Пойди разберись. Разве угадаешь побуждения и мотивы мутанта!

С приближением вечера стены и потолок кабинета пропитались мягким скрытым светом, он становился все ярче по мере того, как сгущалась темнота. Вебстер поглядел на окно — черный прямоугольник с редкими вспышками реклам, озаряющих контуры зданий.

Он нажал рычажок, соединяясь с секретарем.

— Простите, я вас задержал. Совсем забыл про время.

— Ничего, сэр, — ответил секретарь. — Вас тут ждет посетитель. Мистер Фаулер.

— Фаулер?

— Тот джентльмен, который прилетел с Юпитера.

— Да-да, — тоскливо произнес Вебстер. — Пусть войдет.

Он едва не забыл про Фаулера и его угрозы.

Вебстер рассеянно поглядел на стол, задержал свой взгляд на калейдоскопе.

Забавная игрушка... Оригинальная вещица. Бесхитростная забава для простодушных умов далекого прошлого. Но для сынишки это будет целое событие.

Он протянул руку, взял калейдоскоп, поднес его к глазу. Преображенный трубою свет создал буйную комбинацию красок, какую-то геометрическую фантазмагорию. Вебстер слегка повернул трубу — узор изменился. Повернул еще...

Внезапно мозг пронизала щемящая мука, краски обожгли сознание ни с чем не сравнимой болью.

Калейдоскоп со стуком упал на столешницу. Вебстер схватился руками за край стола.

Вот так детская игрушка! — подумал он с содроганием.

Недомогание прошло, сознание прояснилось, дыхание успокоилось, а он все сидел будто каменный.

Странно... Странно, почему эта штука так на меня подействовала? Или калейдоскоп тут вовсе и ни при чем? Приступ? Сердце шалит? Да нет, вроде бы рановато. И ведь он совсем недавно проверялся.

Щелкнула дверь, и Вебстер поднял взгляд на посетителя.

Фаулер степенно, не торопясь, подошел к столу и остановился.

— Слушаю вас, Фаулер.

— Я вспыхнул тогда, в саду, — начал Фаулер, — и зря. Мне казалось, вы меня обязаны понять, хотя почему, собственно, обязаны? И меня такая досада взяла... Судите сами: возвращаюсь с Юпитера, чувствую, что все-таки не напрасно столько лет провел там, в куполах, все, что я пережил, когда посылал людей на эксперимент, окупилось, что ли. Да, возвращаюсь с известием, которого ждал весь мир, с таким известием, что лучшего и представить невозможно! И мне казалось, вы это сразу поймете, все люди поймут! У меня было такое чувство, словно я принес им ключи от рая. Ведь это так и есть, Вебстер... Так и есть, другого слова не подберешь.

Фаулер оперся ладонями о стол и наклонился вперед.

— Неужели вы меня не понимаете, Вебстер? — произнес он шепотом. — Хотя сколько-нибудь?..

У Вебстера дрожали руки, он опустил их на колени и сжал в кулаки до боли в суставах.

— Понимаю, — прошептал он в ответ, — кажется, понимаю.

Он в самом деле понял.

Понял больше того, что ему сказали слова. Он физически ощутил кроющуюся за словами тревогу, мольбу, горькое разочарование. Ощутил так, будто сам на минуту стал Фаулером и говорил за него.

— Что с вами, Вебстер? — испуганно воскликнул Фаулер. — Что случилось?

Вебстер пытался заговорить, но слова не давались ему. Горло словно закупорило пробкой боли.

Он сделал новое усилие и с натугой, тихо заговорил:

— Скажите, Фаулер... Вы там приобрели много новых качеств. Много такого, чего человек совсем не знает или представляет себе очень смутно. Вроде мощной телепатии... Или, скажем...

— Да, — подтвердил Фаулер, — я многое там приобрел. Но ничего не сохранил. Как только снова стал человеком, так и вся натура стала прежней, человеческой. Ничего не прибавилось. Остались только смутные воспоминания и... Ну, и тоска какая-то, что ли.

— Значит, вы не сохранили ничего из качеств, которыми обладали, когда были скакунцом?

— Ничего.

— А не осталось у вас способности внушить мне какую-нибудь важную для вас мысль? Сделать так, чтобы я воспринял что-то так же, как вы воспринимаете?

— Увы.

Вебстер вытянул руку, подтолкнул пальцем калейдоскоп. Он откатился и снова замер.

— Почему вы сейчас вернулись? — спросил Вебстер.

— Чтобы найти общий язык с вами. Сказать, что я совсем не обижаюсь. И попытаться объяснить вам свою позицию. Просто мы по-разному глядим на вещи, только и всего. Стоит ли из-за этого ссориться...

— Понятно. И вы по-прежнему твердо намерены обратиться к народу?

Фаулер кивнул:

— Я обязан это сделать. Уверен, вы меня понимаете, Вебстер. Это для меня... это... ну, в общем, что-то вроде религии. Я в это верю и обязан рассказать другим, что существует лучший мир и лучшая жизнь. Должен указать им дорогу.

— Мессия, — произнес Вебстер.

Фаулер выпрямился.

— Ну вот, так я и знал. Насмешка не...

— Я вовсе не насмехаюсь, — мягко объяснил Вебстер.

Он поставил калейдоскоп торчком и принялся его поглаживать, размышляя:

Не готов... Еще не готов... я должен в себе разобраться. Хочу ли я, чтобы он понимал меня так же хорошо, как я его понимаю?

— Послушайте, Фаулер, — сказал он, — подождите день-два. Потерпите немного. Два дня, не больше. А потом побеседуем с вами еще раз.

— Я прождал достаточно долго.

— Но мне нужно, чтобы вы поразмыслили вот о чем... Человек появился миллион лет назад, он был тогда просто животным. Потом он шаг за шагом взбирался вверх по лестнице. Шаг за шагом одолевал трудности и созидал свой образ жизни, созидал свою философию, вырабатывал свой подход к решению практических проблем. Можно даже говорить о геометрической

прогрессии. Сегодняшние возможности человека намного выше вчерашних. Завтра они будут больше сегодняшних. Впервые за всю историю своего племени человек, что называется, начинает осваивать технику игры. Можно сказать, он только-только пересек стартовую черту. Дальше он в более короткий срок пройдет куда больше, чем прошел до сих пор. Может быть, такого блаженства, как на Юпитере, не будет, может быть, нас ждет нечто совсем другое. Возможно, человечество — серенький воробушек рядом с юпитерианами. Но это наша жизнь. То, за что боролся человек. То, что он построил своими руками. Предназначение, которое он сам выполнял. Страшно подумать, Фаулер, неужели мы в ту самую минуту, когда из нас начинается получаться толк, променяем свою судьбу на другую, о которой ровным счетом ничего не знаем, не знаем, чем она чревата?

— Я подожду, — сказал Фаулер. — Подожду день-два. Но я предупреждаю. Вам от меня не отделаться. Не удастся меня переубедить.

— Большого я и не прошу. — Он встал и протянул ему руку. — По рукам?

Но, пожимая руку Фаулера, Вебстер уже знал, что все это понапрасну. Джуэйн не Джуэйн — человечество стоит перед решающей проверкой. И учение Джуэйна только усугубляет все дело. Потому что мутанты своего никогда не упустят... Если он верно угадал, если они задумали таким способом избавиться от человечества, то у них все предусмотрено. К завтрашнему утру так или иначе не останется ни одного мужчины, ни одной женщины, ни одного ребенка, которые не посмотрели бы в калейдоскоп. Да и почему непременно калейдоскоп? Один Бог ведает, сколько еще способов они знают...

Проводив взглядом Фаулера, он подошел к окну. Очертания домов озарялись новой световой рекламой, какой не было прежде. Какой-то диковинный узор озарял ночь многоцветными вспышками. Вспыхнет — погаснет, вспыхнет — погаснет, словно кто-то крутил огромный калейдоскоп.

Вебстер стиснул зубы. Этого следовало ожидать.

Мысль о Джо наполнила его душу лютой ненавистью. Так вот для чего он вызывал его к видеофону — лишний раз втихую посмеяться над людьми... Очередной жест трюкача, который снизошел до того, чтобы намекнуть простакам, в чем хитрость, когда их уже обвели вокруг пальца и поздно что-то предпринимать.

Надо было перебить их всех до одного, сказал себе Вебстер и подивился тому, как трезво и бесстрастно его мозг пришел к такому умозаключению. *Искоренить, как искореняют опасную болезнь.*

Но человек отверг насилие как средство решать общественные и личные конфликты. Вот уже сто двадцать пять лет, как люди не ходят стенка на стенку.

Во время разговора с Джо учение Джуэйна лежало на моем столе. Достаточно потом было протянуть руку, чтобы... Вебстер остолбенел, осененный догадкой. Достаточно было протянуть за ним руку... И я это сделал!

Это даже не телепатия, не чтение мыслей. Джо знал, что он возьмет в руки калейдоскоп, конечно, знал! Особое предвидение, умение заглянуть в будущее. Хотя бы на час-другой вперед, а больше и не требовалось.

Джо, и не только Джо, все мутанты знали про Фаулера. Мозг, наделенный даром проникать в чужие мысли, может легко вывести все, что нужно.

Но это не все, тут кроется еще что-то.

Глядя на цветные вспышки, он представил себе, как тысячи людей сейчас видят их. Видят, и сознание их поражает внезапный шок.

Вебстер нахмурился, соображая, в чем сила этих мелькающих узоров. Возможно, они действуют особым образом на какой-то центр в мозгу... До сих пор центр этот не работал, время не пришло, а тут его подхлестнули, и он включился.

Учение Джуэйна, наконец! Веками искали — и вот обрели. Но обрели в такую минуту, когда человеку лучше бы вовсе не знать его.

В своем отчете Фаулер написал:

Я не могу сообщить объективных данных, потому что у меня нет для этого нужных определений.

У него и теперь, разумеется, нет нужных слов, зато есть кое-что получше: слушатели, способные почувствовать искренность и убежденность тех слов, которыми он располагает. Слушатели, наделенные новым свойст-

вом, позволяющим хотя бы отчасти уловить величие того, что принес им Фаулер.

Джо все предусмотрел. Он ждал этой минуты. И превратил учение Джуэйна в учение против человечества.

Потому что само это учение приведет к тому, что человек улетит на Юпитер. Сколько его ни вразумляй, он все равно улетит на Юпитер. Во что бы то ни стало улетит.

Единственная надежда победить в поединке с Фаулером заключалась в том, что он был бессилён описать виденное, рассказать о пережитом, не мог довести до сознания людей то, что его волновало. Выраженная заурядными земными словами, его мысль прозвучала бы тускло, неубедительно. Даже если бы ему поверили в первую минуту, эта вера была бы непрочной, людей можно было бы переубедить.

Теперь надежда рухнула, ведь слова Фаулера уже не покажутся тусклыми и неубедительными. Люди ощутят, что такое Юпитер, так же явственно, так же живо, как это ощущает Фаулер.

И земляне переберутся на Юпитер, отдав предпочтение юпитерианской жизни.

А Солнечная система, вся Солнечная система, кроме Юпитера, будет в распоряжении нового племени, племени мутантов, они будут создавать культуру по своему вкусу, и вряд ли эта культура пойдет по тому же пути, что цивилизация предков.

Вебстер отвернулся от окна, быстро подошел к столу. Нагнулся, выдвинул ящик, сунул внутрь руку. И вынул предмет, которым никогда в жизни не собирался пользоваться, — реликвию, музейный экспонат, много лет пролежавший в забвении.

Он протер носовым платком металлическую поверхность пистолета, потом дрожащими пальцами проверил механизм.

Все упирается в Фаулера. Если Фаулер умрет...

Если Фаулер умрет и станции на Юпитере демонтируют и покинут, затея мутантов сорвется. В активе человека будет учение Джуэйна и свой, ему предначертанный путь. «Экспедиция Центавр» отправится к звездам. Будут продолжаться эксперименты по освоению Плутона. Человек пойдет дальше по курсу, проложен-

ному его цивилизацией. Пойдет быстрее, чем когда-либо. Превосходя все самые дерзкие мечты.

Два великих завоевания... Отказ от насилия как средства решать противоречия между людьми. И дарованное учением Джунглей взаимопонимание. Два могучих ускорителя на путях в будущее.

Отказ от насилия и...

Вебстер уставился на зажатый в руке пистолет, а в мозгу у него словно ураган гудел.

Два великих завоевания — и он собирается перечеркнуть первое из них.

Сто двадцать пять лет не было убийства человека человеком, и вот уже больше тысячи лет, как убийство отвергнуто как способ разрешения общественных конфликтов.

Тысяча лет мира — и один смертный случай может все свести на нет. Одного выстрела в ночи довольно, чтобы рухнуло все здание, чтобы человек вернулся к прежним, звериным суждениям.

Вебстер убил — почему мне нельзя? Если уж на то пошло, кое-кого не мешало бы прикончить. Правильно Вебстер сделал, только надо было не останавливаться на этом. И не вешать его надо, а награждать. Вешать надо мутантов. Если бы не они...

Именно так будут рассуждать люди.

Вот о чем гудит ураган в моем мозгу.

...Вспышки пестрых узоров рождали призрачный отсвет на стенах и полу.

Фаулер видит эти узоры. Он тоже глядит на диковинные вспышки, а если и не глядит, так ведь у меня есть еще калейдоскоп. Он придет сюда, мы сядем и потолкуем. Сядем и потолкуем...

Вебстер швырнул пистолет обратно в ящик и пошел к двери.

КОММЕНТАРИЙ К ШЕСТОМУ ПРЕДАНИЮ

Если о происхождении других преданий цикла еще можно спорить, то здесь все очевидно. Шестое предание отмечено явственной печатью псовой сказительской традиции. В нем есть и глубокие эмоциональные ценности, и пристальное внимание к этическим проблемам, которое присуще всем прочим сказаниям Псов.

И, однако, Резон, как ни странно, именно в этом предании видит наиболее веское свидетельство того, что человечество якобы существовало на самом деле. Перед нами, утверждает он, доказательство, что эти самые предания рассказывали Псы, сидя у пылающих костров и толкуя о Человеке, погребенном в Женеве или улетевшем на Юпитер. Перед нами, говорит он также, сообщение о первом исследовании Псами миров гоблинов и о первых шагах к созданию братства животных.

И он видит здесь свидетельство того, что Человек представлял племя, которое одно время шло вместе с Псами по пути развития культуры. По мнению Резона, нет оснований утверждать, что именно описанная в предании катастрофа сокрушила Человека. Он допускает, что предание в том виде, в каком мы знаем его сегодня, за сотни лет было дополнено и приукрашено. При всем при том он видит в нем веские и убедитель-

ные доказательства того, что на род людской была наслана какая-то кара.

Борзый, который не усматривает в предании фактических свидетельств, будто бы обнаруженных Резоном, полагает, что сказитель просто доводит до логического финала культуру, якобы созданную Человеком. Без широкой перспективы, без элементов органической стабильности не может выжить ни одна культура — вот, по мнению Борзого, урок настоящего предания.

В отличие от других частей цикла, это предание говорит о Человеке с какой-то нежностью. Он одновременно одинок и несчастен, но и по-своему величествен. Как типичен для него гордый жест, когда под конец ценой самопожертвования он обретает божественный ореол.

И все-таки в преклонении Эбинизера перед Человеком есть какие-то странные оттенки, давшие пищу для особенно ожесточенных споров среди исследователей цикла.

В своей книге «Миф о Человеке» Разгон спрашивает: «Если бы Человек пошел по другому пути, может быть, со временем он достиг бы такого же величия, как Пес?»

Вероятно, многие читатели цикла уже перестали задавать себе этот вопрос.

VI РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Кролик свернул за куст, маленький черный пес метнулся за ним и с разбегу остановился. На тропке перед ним стоял волк, в его зубах трепетала окровавленная тушка кролика.

Эбинизер застыл на месте, вывесив язык красной тряпкой, он тяжело дышал, и его слегка мутило от увиденного.

Кролик был такой славный!

Чьи-то ноги простучали по тропе за спиной Эбинизера, из-за куста опрометью выскочил Сыщик и остановился рядом с ним.

Волк быстро перевел взгляд с пса на карликового робота, потом обратно на пса. Бешеное янтарное пламя в его глазах постепенно потухло.

— Зря ты так сделал, волк, — мягко произнес Эбинизер. — Кролик знал, что я его не трону, что все это понарошку. Он нечаянно наскочил на тебя, а ты его сразу схватил.

— Нашел с кем разговаривать, — прошипел Сыщик. — Он же ни слова не понимает. Смотри, как бы тебя не сожрал.

— Не бойся, при тебе он меня не тронет, — возразил Эбинизер. — К тому же он меня знает. С прошлой зимы помнит. Он из той стаи, которую мы подкармливали.

Медленно переступая, волк, крадучись, двинулся вперед, в двух шагах от пса остановился, тихо, нерешительно положил кролика на землю и подтолкнул его носом к Эбинизеру.

Сыщик не то пискнул, не то ахнул.

— Он отдает его тебе!

— Вижу, — спокойно ответил Эбинизер. — Я же говорю, что он помнит. У него еще ухо было обморожено, а Дженкинс его подлечил.

Вытянув морду и виляя хвостом, пес шагнул вперед. Волк на миг оцепенел, потом наклонил свою уродливую голову, принюхиваясь. Еще секунда, и они коснулись бы друг друга мордами, но тут волк отпрянул.

— Пойдем лучше отсюда, — позвал Сыщик. — Ты давай улепетывай, а я прикрою тебя с тыла. Если попробует...

— Ничего он не попробует, — перебил его Эбинизер. — Он наш друг. И за кролика его винить нельзя. Он же не понимает. Он так привык. Для него кролик просто кусок мяса.

Так же, как это когда-то было для нас, подумал он. Как было для нас, пока первый пес не сел рядом с человеком у костра перед входом в пещеру. Да и после еще долго так было... Даже теперь иной раз, как увидишь кролика...

Медленно, как бы извиняясь, волк дотянулся до кролика и взял его зубами. При этом он помахивал хвостом, только что не вилял им.

— Ну что! — воскликнул Эбинизер, и в ту же секунду волк метнулся прочь.

Серым пятном мелькнул среди деревьев, серой тенью растаял в лесу.

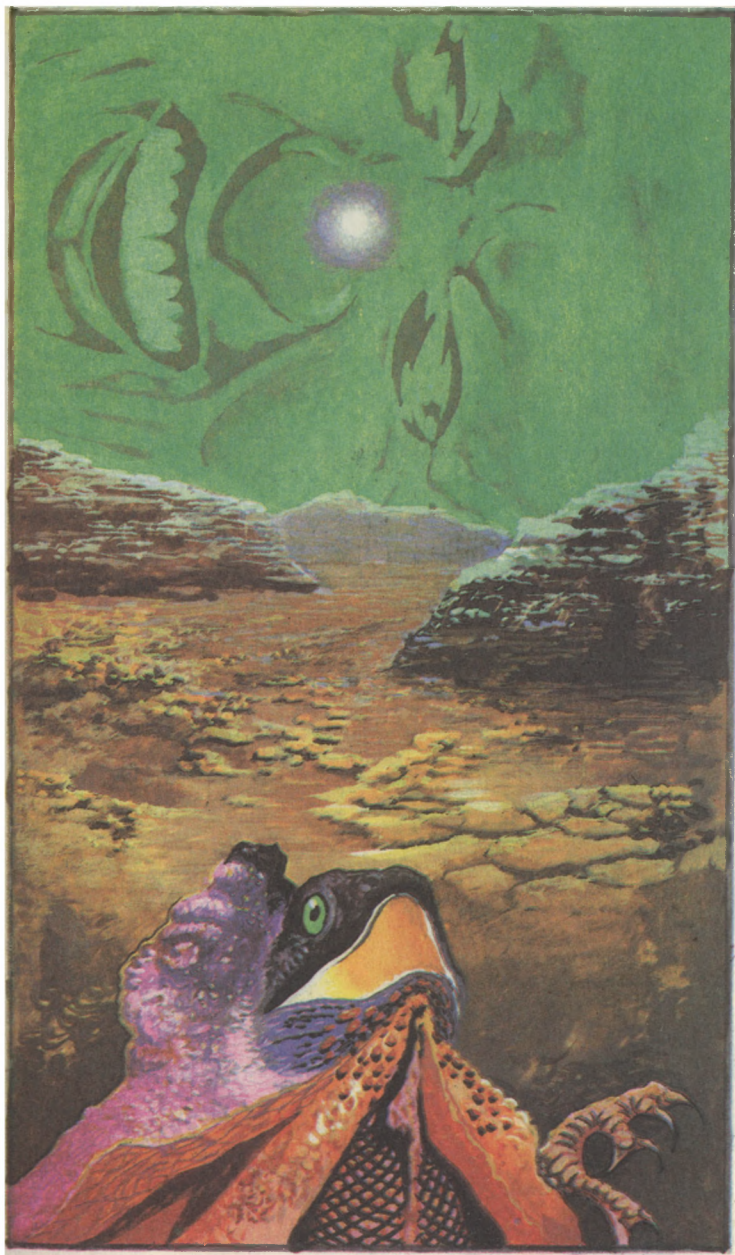
— Забрал, вот что, — возмутился Сыщик. — Этот мерзкий...

— Но сперва он отдал его мне, — торжествующе возразил Эбинизер. — Просто очень голодный был, оттого и не выдержал. А ведь такое сделал, чего не делал еще ни один волк. На мгновение зверь в нем отступил...

— Он хотел подарок за подарок.

Эбинизер покачал головой:

— Ему же стыдно было, когда он его забирал. Видел, как он хвостом помахивал? Это он объяснял, что хочет есть, что кролик ему нужен. Нужнее, чем мне.

Скользя глазами по зеленым просветам в волшебном лесу, пес втягивал носом запах перегноя, пьянящее благоухание изящных подснежников и фиалок, бодрящий, острый аромат молодой листвы, пробуждающегося весеннего леса.

— Смотришь, когда-нибудь... — заговорил он.

— Знаю, знаю, — вступил Сыщик. — Смотришь, когда-нибудь и волки станут цивилизованными. И кролики, и белки, и все остальные дикие твари. Вы, псы, все томитесь...

— Не томимся, а мечтаем, — поправил его Эбинизер. — У людей было заведено мечтать. Бывало, сидят и что-нибудь придумывают. И мы так появились. Нас придумал человек по имени Вебстер. И повозился же он с нами! Горло переделал, чтобы мы говорить могли. Сделал нам контактные линзы, чтобы читали. Еще...

— Много проку было людям от их мечтаний, — ехидно произнес Сыщик.

Святая правда, подумал Эбинизер. Сколько людей на Земле осталось? Одни мутанты, которые невесть чем заняты в своих башнях, да маленькая колония взаправдашних людей в Женеве. Остальные давно уже перебрались на Юпитер и превратились там из людей во что-то совсем другое.

Опустив хвост, Эбинизер повернул крутом и медленно поплелся по тропе.

Жаль кролика, думал он. Такой был славный... Так здорово улетывал. И совсем не от страха. Я за ним столько раз гонялся, он знал, что я не собираюсь его ловить.

Но все равно Эбинизер не винил волка. Волк за кроликом не для потехи бегают. У волков нет скота, который дает мясо и молоко, нет посевов, дающих муку для галет.

— А ведь мне придется сказать Дженкинсу, что ты убежал, — ворчал жестокосердный Сыщик, топая за ним по пятам. — Знаешь ведь, что тебе сейчас положено слушать.

Пес продолжал молча трусить по тропе. Сыщик прав... Эбинизеру полагалось не гоняться за кроликами, а сидеть в усадьбе Вебстеров и слушать. Ловить звуки и запахи и все время быть готовым почуять, когда вблизи что-то появится. Как будто сидишь у стены и слушаешь, что за ней делается, а слышно еле-еле. Хо-

рошо, если хоть что-то уловишь, а понять, что именно, и того труднее.

Это зверь во мне сидит и никак меня не отпускает, думал Эбинизер. Древний пес, который сражался с блохами, глодал кости, раскапывал сусличьи норы. Это он заставляет меня убегать из дома и гоняться за кроликом, когда мне положено слушать, заставляет рыскать по лесу, когда мне положено читать старые книги с длинных полок в кабинете.

Слишком быстро... Мы слишком быстро продвигались. Так было нужно.

Человеку понадобились тысячи лет, чтобы из нечленораздельных звучаний развились зачатки речи. Тысячи лет ушли на то, чтобы приручить огонь, и еще столько, чтобы изобрести лук и стрелы. Тысячи лет, чтобы научиться возделывать землю и собирать урожай, тысячи лет, чтобы сменить пещеру на жилище, построенное своими руками.

А мы всего какую-нибудь тысячу лет как научились говорить и уже во всем предоставлены самим себе. Конечно, если не считать Дженкинса.

Лес поредел, дальше только узловатые дубы тяжело карабкались вверх по склону, будто заплутавшиеся старики.

Усадьба распласталась на бугре. Прильнув к земле, пустив глубокие корни, стояло размашистое сооружение, такое старое, что оно стало под цвет всему окружающему: деревьям, траве, цветам, небу, ветру, дождю. Усадьба, построенная людьми, которые были привязаны к ней и к земле крутом так же, как теперь к ней привязались псы. Усадьба, в которой жили и умирали члены легендарного рода, оставившего в веках след яркий, как метеор. Люди, что вошли в предания, которые теперь рассказывали у пылающего камина в ненастные ночи, когда ветер с воем тормозил крышу... Предания о Брюсе Вебстере и первом псе Нэтэниеле; о человеке по имени Грант, который велел Нэтэниелу передать потомкам наказ; о другом человеке, который хотел долететь до звезд, и о старике, который сидел и ждал его на лужайке. И еще предания об ужасных мутантах, за которыми псы много лет следили.

И вот теперь люди ушли, но имя Вебстеров не забыто, и псы не забывали наказ, который Грант дал Нэтэниелу в тот давно минувший день.

«Как будто вы — люди, как будто пес стал человеком».

Вот наказ, который десять столетий передавался из поколения в поколение. И настало время выполнять его.

Когда люди ушли, псы возвратились домой, со всех концов света вернулись туда, где первый пес произнес первое слово, где первый пес прочел первую печатную строку. Вернулись в усадьбу Вебстеров, где в незапамятные времена жил человек, мечтавший о двойной цивилизации, о том, чтобы человек и пес шли в веках вместе, лапа об руку.

— Мы старались как могли, — сказал Эбинизер вслух, словно обращаясь к кому-то. — И продолжаем стараться.

Из-за бугра донесся звон колокольчика, потом неистовый лай. Щенки гнали коров домой на вечернюю дойку.

В подземелье отложилась вековая пыль, серой пудрой лежала пыль не откуда-то извне, а неотъемлемая часть самого подземелья, та его часть, которая со временем обратилась в прах.

Пряный запах пыли перебивал влажную затхлость, в голове жужжанием отдавалась тишина. Радиовая лампочка тускло освещала пульт с маховичком, рубильником и пятью-шестью шкалами.

Опасаясь нарушить спящую тишину, придавленный источаемым сводами грузом веков, Джон Вебстер медленно подошел к пульта. Протянул руку и тронул рубильник, словно проверяя, настоящий ли он, словно ему нужно было ощутить пальцем сопротивление, чтобы удостовериться, что рубильник на месте.

Рубильник был на месте. Рубильник, и маховичок, и шкалы, освещенные одинокой лампочкой. И все. Больше ничего. В тесном подземелье с голыми стенами больше ничего не было.

Все так, как обозначено на старом плане.

Джон Вебстер покачал головой... Как будто могло быть иначе. План верен. План помнит. Это мы забыли — забыли, а может быть, никогда и не знали, а может быть, и знать не хотели. Пожалуй, это вернее всего: знать не хотели.

Впрочем, с самого начала, наверно, лишь очень немногих людей знали про это подземелье. Мало кто знал, потому что так было лучше для всех. С другой стороны, то, что сюда никто не приходил, еще не залог полной тайны. И не исключено...

Он в раздумье смотрел на пульт. Снова рука протянулась вперед, но тут же он ее отдернул. Не надо, лучше не надо! Ведь план ничего не говорит о назначении подземелья, о действии рубильника.

«Оборона» — вот и все, что написано на плане.

Оборона! Тогда, тысячу лет назад, естественно было предусмотреть оборону. Она так и не пригодилась, но ее держали на всякий пожарный случай. Потому что даже тогда братство людей было настолько зыбким, что одно слово, один поступок могли его разрушить. Даже после десяти веков мира жила память о войне, и Всемирный комитет неизменно считался с ее возможностью, думал о ней и о том, как ее избежать.

Застыв на месте, Вебстер слушал биение пульса истории. Истории, которая завершила свой ток. Истории, которая зашла в тупик, и вот уже вместо полноводной реки — заводь, несколько сот бесплодных человеческих жизней, стоячий пруд, не питающий родников человеческой энергии и дерзаний.

Вытянув руку, он коснулся ладонью стены и ощутил липучий холод, щекочущий ворс пылинок.

Фундамент империи... погреб... Нижний камень могучего сооружения, гордо возвышавшегося над поверхностью земли, величавого здания, куда в древности сходились живые нити Солнечной системы. Империя не как символ захватничества, а как торжество упорядоченных человеческих взаимоотношений, построенных на взаимном уважении и мудрой терпимости.

Резиденция правительства, которое черпало психологическую уверенность в мысли о том, что есть верная, надежная оборона. И можно положиться на то, что она в самом деле верная, непременно надежная. Люди той поры не оставляли случаю никаких лазеек. Они прошли суровую школу и кое-что соображали.

Вебстер медленно повернулся, поглядел на следы, оставленные в пыли его ногами. Бесшумно, аккуратно ступая след в след, он вышел из подземелья, закрыл за собой тяжелую дверь и повернул замок, тщательно охраняющий тайну.

Идя вверх по ступенькам потайного хода, он думал: *Теперь можно садиться и писать свой исторический обзор. Наброски в основном сделаны, композиция ясна. Это будет превосходное, всестороннее исследование, вполне заслуживающее того, чтобы его прочли.*

Но Вебстер знал, что никто не прочтет его труд. Не найдется желающих тратить на это время и силы.

На широком мраморном крыльце своего дома Вебстер остановился и окинул взглядом улицу. Красивая улица, самая красивая во всей Женеве: зеленый бульвар, ухоженные клумбы, доведенные до блеска неутомными роботами пешеходные дорожки. Ни души на улице, и в этом ничего удивительного. Роботы рано заканчивают уборку, а людей в городе очень мало.

На высоком дереве пела птица — эта песенка вобрала в себя и солнце, и цветы, она рвалась из переполненного счастьем горлышка, пританцовывая от неиссякаемой радости.

Чистая улица, прикорнувшая в солнечных лучах, и большой прекрасный город. А какой в них смысл? Такую улицу должны заполнять смеющиеся дети, влюбленные пары, отдыхающие на солнце старики. Такой город — последний город на Земле, единственный город на Земле — должен быть полон движения и жизни.

Пела птица, и человек стоял на ступеньках, и тюльпаны блаженно кивали реющему по улице душистому ветерку.

Вебстер повернулся к двери, толкнул ее и переступил через порог.

Комната была тихая и торжественная, похожая на собор. Витражи, мягкие ковры... Старое дерево рдело паутиной веков, медь и серебро искрились в свете лучей стрельчатых окон. Над очагом висела выполненная в спокойных тонах большая картина: усадьба на бугре, усадьба, которая пустила корни в землю и ревниво льнула к ней. Из трубы вился дым — жидкая струйка, размазанная ветром по ненастному небу.

Вебстер прошел через комнату, не слыша своих шагов.

Ковры, подумал он, ковры стерегут здесь тишину. Ренголл и тут хотел все переиначить на свой лад, но я ему не позволил — и хорошо сделал. Человек должен сохранять что-нибудь старинное, быть верным чему-то, в чем слыты бывшие голоса и будущие надежды.

Подойдя к рабочему столу, он нажал кнопку, и над столом зажегся свет. Он медленно опустился в кресло, протянул руку за папкой с черновиками. Открыл ее и прочел заглавие:

«ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА ЖЕНЕВЫ».

Превосходное заглавие. Солидное, ученое. А сколько труда вложено... Двадцать лет. Двадцать лет он рылся в пыльных архивах, двадцать лет читал и сопоставлял, взвешивал слова и суждения предшественников, двадцать лет просеивал, отсеивал, отбирал факты, выявляя параметры не только города, но и людей. Никакого культа героев, никаких легенд, одни факты. А факты добыть далеко не просто.

Что-то прошелестело в комнате. Не шаги — просто шелест. И ощущение, что рядом кто-то стоит. Вебстер повернулся. Сразу за световым крутом от лампы стоял робот.

— Простите, сэр, — сказал робот, — но мне поручено вам доложить. Мисс Сара ждет в морской.

Вебстер вздрогнул.

— Что, мисс Сара? Давно она здесь не появлялась.

— Совершенно верно, сэр, — отозвался робот. — Когда она вошла, сэр, мне показалось, что вернулись бывшие времена.

— Благодарю, Оскар, — сказал Вебстер. — Я сейчас. Принесите нам что-нибудь выпить.

— Она принесла с собой, сэр, — ответил Оскар. — Одну из этих смесей мистера Бэлентри.

— Бэлентри! Надеюсь, это не отрава?

— Я наблюдал за ней, — доложил Оскар. — Она уже пила, и с ней пока ничего не случилось.

Вебстер встал, вышел из кабинета и прошел по коридору. Толчком отворил дверь, и его встретил плеск прибоя. Он невольно прищурился от яркого света на раскаленном песке пляжа, белой чертой уходящего вправо и влево за горизонт. Перед ним простирался океан, голубые волны с солнечными блестками и с белыми мазками бурлящей пены.

Он двинулся вперед по шуршащему песку, постепенно глаза его освоились с разлитым в воздухе солнцем, и он увидел Сару.

Она сидела в пестром шезлонге под пальмами, рядом на песке стоял элегантный, пастельных тонов, кувшин.

Воздух был с привкусом соли, и дыхание океана разбавляло прохладой зной на берегу.

Заслышав шаги, женщина встала и протянула руки навстречу Вебстеру. Он подбежал, стиснул протянутые руки и посмотрел на нее.

— Нисколько не состарилась. Такая же прекрасная, как в день нашей первой встречи.

Она улыбнулась, ее глаза лучились.

— И ты, Джон... Немного посидели виски. Это тебе даже к лицу. Вот и все.

Он рассмеялся:

— Мне скоро шестьдесят, Сара. Зрелость подкрадывается.

— Я тут принесла... Один из последних шедевров Бэлентри. Сразу станешь вдвое моложе.

Он крикнул.

— И как только Бэлентри не утробил половику Женеви своим зельем.

— Но этот напиток ему удался.

Она была права. Пьется легко, и вкус необычный — пьяняще-звонкий.

Вебстер пододвинул к себе шезлонг и сел, не отрывая глаз от Сары.

— Красиво у тебя здесь, — сказала она. — Рен-долл?

Вебстер кивнул:

— Уж он отвел душу, так разошелся, что я его еле остановил. А эти его работы! На что он шальной, так они еще хлеще!

— Зато какие великолепные вещи делает! Оборудовал для Квентина марсианскую комнату — это что-то неземное!

— Слышал, — сказал Вебстер. — Мне он непременно хотел отделать кабинет под уголок космоса. Декор, самая лучшая обстановка, чтобы посидеть, поразмышлять. Даже обиделся, когда я сказал, что не надо.

Глядя в голубую даль, он потер левую руку большим пальцем правой руки. Сара наклонилась и отвела палец в сторону.

— До сих пор не избавился от бородавок, — заметила она.

— Ага, — ухмыльнулся он. — Можно свести, да все никак не соберусь. Очень я занятой человек. Да и свыкся с ними.

Она выпустила его палец, и он опять принялся машинально скрести бородавки.

— Занятой человек, — повторила она. — То-то тебя давно не видно. Как книга подвигается?

— Можно садиться и писать. Уже размечаю главы. Сегодня проверял последний пункт. Хочется ведь, чтобы все было точно. Побывал в одном месте глубоко под землей, это под старым зданием Управления Солнечной системы. Какая-то оборонительная установка. Оперативный центр. Включаешь рубильник — и...

— И что?

— Не знаю, — ответил Вебстер. — Надо думать, что-нибудь достаточно эффективное. Не мешало бы выяснить, да не могу себя заставить. Столько копался в пыли последние двадцать лет, больше сил нет.

— Я смотрю, ты что-то приуныл, Джон. Как будто устал. С чего бы это? Не вижу причин, ты у нас такой энергичный. Налить еще?

Он покачал головой:

— Нет, Сара, спасибо. Не то настроение. Мне страшно, Сара, *страшно*.

— Страшно?

— Эта комната... Иллюзии. Зеркала, которые создают иллюзию пространства. Вентиляторы, которые насыщают воздух брызгами соленой воды, насосы, которые нагоняют воду. Искусственное солнце. А не хочется солнца — щелкни рычажком, и вот тебе луна.

— Иллюзии, — произнесла Сара.

— Вот именно. Вот все, что у нас есть. Нет настоящего дела, нет настоящей работы. К чему стремиться, для чего стараться? Вот я проработал двадцать лет, а закончу книгу — кто ее прочтет? Потратить на нее немного времени — вот все, что от них требуется. Куда там! Зайдите, попросите у меня экземпляр, а если недосуг, я и сам буду рад принести, лишь бы прочли. Никто и не подумает. И стоять ей на полке рядом со всеми прочими книгами. Так какой мне от этого толк? Что ж, я тебе отвечу. Двадцать лет труда, двадцать лет самообмана, двадцать лет умственного здоровья.

— Знаю, — мягко сказала Сара. — Все это мне известно, Джон. Последние три картины...

Он живо повернулся к ней:

— Как, неужели...

Она покачала головой.

— Нет, Джон. Они никому не нужны. Мода не та. Реализм — это старо. Сейчас в чести импрессионизм. Мазня...

— Мы слишком богаты, — сказал Вебстер. — У нас слишком много всего. Мы получили все, все и ничего. Когда человечество перебралось на Юпитер, Землю унаследовали те немногие, которые на ней остались, и оказалось, что наследство для них чересчур велико. Они не могли с ним справиться, не могли осилить. Думали, что обладают им, а вышло наоборот. Над ними возобладало, их подчинило себе, их подавило все то, что им предшествовало.

Она протянула руку, коснулась его руки.

— Бедный Джон.

— От этого не отвертись, — продолжал он. — Настанет день, когда кому-то из нас придется взглянуть правде в глаза, придется начинать сначала, с первой буквы.

— Я...

— Да, что ты хотела сказать?

— Я ведь пришла проститься.

— Проститься?

— Я выбрала Сон.

Он быстро, испуганно вскочил на ноги.

— Что ты, Сара!

Она рассмеялась, но смех был насильственный.

— Присоединяйся, Джон. Несколько сот лет... Может быть, когда проснемся, все будет иначе.

— Только потому, что никто не берет твоих картин. Только потому...

— Потому самому, о чем ты сам сейчас говорил. Иллюзии, Джо. Я знала, чувствовала, просто не умела до конца осмыслить.

— Но ведь Сон — тоже иллюзия.

— Конечно. Но ты-то об этом не будешь знать. Ты будешь воспринимать его как реальность. Никаких тормозов и никаких страхов, кроме тех, которые запрограммированы. Все очень натурально, Джо, натуральнее, чем в жизни. Я ходила в Храм, мне там все объяснили.

— А потом, когда проснешься?

— Проснешься вполне приспособленным к той жизни, к тем порядкам, которые будут тогда царить. Словно ты родился в той эре. А ведь она может оказаться лучше. Как знать? Вдруг окажется лучше.

— Не окажется, — сурово возразил Джон. — Пока или если никто не примет мер. А народ, который ищет спасения в Сне, уже ни на что не отважится.

Она вся сжалась, и ему вдруг стало совестно.

— Прости меня, Сара. Я ведь не о тебе... Вообще, ни о ком в частности. А обо всех нас вместе взятых.

Хрипло шептались пальмы, шурша жесткими листьями. Блестели на солнце лужицы, оставленные схлынувшей волной.

— Я не стану тебя переубеждать, — добавил Вебстер. — Ты все продумала и знаешь, чего тебе хочется.

Люди не всегда были такими, подумал он. В прошлом, тысячу лет назад, человек стал бы спорить, доказывать. Но джуэйнизм положил конец мелочным раздорам. Джуэйнизм многому положил конец.

— Мне все кажется, — мягко заговорила Сара, — если бы мы не разошлись...

Он сделал нетерпеливый жест:

— Вот тебе еще один пример того, что нами потеряно, что упущено человечеством. Да, многого мы лишились, если вдуматься... Нет у нас ни семейных уз, ни деловой жизни, нет осмысленного труда, нет будущего.

Он повернулся и посмотрел на нее в упор.

— Сара, если ты хочешь вернуться...

Она покачала головой:

— Ничего не получится, Джон. Слишком много лет прошло.

Он кивнул. Что верно, то верно.

~~Она~~ встала и протянула ему руку.

— Если ты когда-нибудь предпочтешь Сон, найди мой шифр. Я скажу, чтобы оставили место рядом со мной.

— Не думаю, чтобы я захотел, — ответил он.

— Нет так нет. Всего доброго, Джон.

— Постой, Сара. Ты ничего не сказала о нашем сыне. Прежде мы с ним часто встречались, но...

Она звонко рассмеялась:

— Том почти уже взрослый, Джон. И только представь себе, он...

— Я его давно не видел, — снова начал Вебстер.

— Ничего удивительного. Он почти не бывает в городе. Видно, в тебя пошел. Хочет стать каким-то первооткрывателем, что ли, не знаю, как это называется. Это его хобби.

— Ты подразумеваешь какие-нибудь новые исследования? Что-нибудь необыкновенное?

— Это точно, необыкновенное, но не исследование. Просто он уходит в лес и живет там сам по себе. Он и несколько его друзей. Мешочек соли, лук со стрелами... Странно, что говорить, но он очень доволен. Уверяет, будто там есть чему поучиться. И вид у него здоровый. Что твой волк: сильный, поджарый, глаза такие яркие...

Она повернулась и пошла к двери.

— Я провожу, — сказал Вебстер.

Она покачала головой:

— Нет, лучше не надо.

— Ты забыла кувшин.

— Возьми его себе, Джон. Там, куда я иду, он мне не понадобится.

Вебстер надел «мыслительный шлем» из пластика и включил пишущую машинку на своем рабочем столе.

Глава двадцать шестая, подумал он, и тотчас машинка зацелкала, застучала, появились буквы:

«ГЛАВА XXVI».

На минуту Вебстер отключился, перебирая в уме данные и намечая план, затем продолжил изложение. Стук литер слился в ровное жужжание:

«Машины продолжали работать, как прежде, под присмотром роботов производя все то, что производили прежде.

И роботы, зная, что это их право — право и долг, — продолжали трудиться, делая то, для чего их сконструировали.

Машины все работали, и роботы все работали, производя материальные ценности, словно было для кого производить, словно людей были миллионы, а не каких-нибудь пять тысяч.

И эти пять тысяч — кто сам остался, кого оставили — неожиданно оказались хозяевами мира, соразмерно-

го с потребностями миллионов, оказались обладателями ценностей и услуг, которые всего несколько месяцев назад предназначались для миллионных масс.

Правительства не было, да и зачем оно, если все преступления и злоупотребления, предотвращаемые правительством, теперь столь же успешно предотвращались внезапным изобилием, выпавшим на долю пяти тысяч. Кто же станет красть, когда можно без воровства получить все, что тебе угодно. Кто станет тягаться с соседом из-за земельного участка, когда весь земной шар — сплошная незанятая делянка. Право собственности почти сразу стало пустой фразой в мире, где для всех всего было в избытке.

Насильственные преступления в человеческом обществе давно уже фактически прекратились, и, когда с исчезновением самого понятия материальных проблем право собственности перестало порождать трения, необходимость в правительстве отпала. Вообще отпала необходимость в целом ряде обременительных обычаев и условностей, которые человек начал вводить, едва появилась торговля. Стали ненужными деньги: ведь финансы потеряли всякий смысл в мире, где и так можно было получить все, что нужно, — хоть попроси, хоть сам возьми.

С исчезновением экономических уз начали ослабевать и социальные. Человек больше не считал для себя обязательным подчиняться обычаям и нормам, игравшим столь важную роль в насквозь пронизанном коммерцией доюпитерианском мире. Религия, которая из столетия в столетие теряла свои позиции, теперь совсем исчезла. Семья, которую скрепляли традиция и экономическая потребность в кормильце и защитнике, распалась. Мужчины и женщины жили друг с другом без оглядки на экономические и социальные обстоятельства, которые перестали существовать».

Вебстер снова отключился, и машинка умиротворенно замурлыкала. Он поднял руки, снял шлем, перечитал последний абзац.

Вот оно, подумал, вот корень. Если бы не распались семьи. Если бы мы с Сарой не разошлись...

Он потер бородавки на руке.

Интересно, чья у Тома фамилия — моя или ее? Обычно они берут фамилию матери. Вот и я так поступил сперва, но потом мать попросила меня взять

отцовскую. Сказала, что отцу будет приятно, а она не против. Сказала, что он гордится своей фамилией и я у него единственный ребенок. А у нее были еще дети.

Если бы мы не разошлись... Тогда было бы ради чего жить. Если бы не разошлись, Сара не выбрала бы Сон, не лежала бы сейчас в забытьи с «шлемом грез» на голове.

Интересно, какие сны она выбрала, на какой искусственной жизни остановилась? Хотел спросить ее, но не решился. Да и не пристало спрашивать о таких вещах...

Он снова взял шлем, надел на голову и привел в порядок свои мысли. Машинка сразу защелкала:

«Человек растерялся. Но ненадолго. Человек пытался что-то сделать. Но недолго.

Потому что пять тысяч не могли заменить миллионы, которые отправились на Юпитер, чтобы в ином обличье начать лучшую жизнь. У оставшихся пяти тысяч не было ни сил, ни идей, ни стимула.

Сыграли свою роль и психологические факторы. Традиция — она тяжелым грузом давила на сознание тех, кто остался. Джуэйнизм — он принудил людей быть честными с собой и с другими, принудил людей осознать наконец тщетность их потуг. Джуэйнизм не признавал превратной доблести. А между тем оставшиеся пять тысяч больше всего нуждались именно в превратной, бездумной доблести, не отдающей себе отчета в том, что ей противостоит.

Все их усилия выглядели жалкими перед тем, что было совершено до них, и в конце концов они поняли, что пяти тысячам не под силу осуществить мечту миллионов.

Всем жилось хорошо. Так зачем терзаться? Есть еда, есть одежда, есть кров, есть дружеское общение, развлечения, всяческие удобства. Есть все, чего только можно себе пожелать.

И человек прекратил попытки что-то сделать. Он наслаждался жизнью. Стремление достичь чего-то ушло в небытие, вся жизнь людей превратилась в рай для пустоцветов».

Вебстер снова снял шлем, протянул руку и нажал кнопку, выключая машинку.

Если бы нашелся хоть один желающий прочесть то, что я напишу, думал он. Хоть один желающий про-

честь и осознать. Хоть один, способный уразуметь, куда идет человек.

Конечно, можно им рассказывать об этом. Выйти на улицу, хватать каждого за рукав и держать, пока все не выскажет. И ведь они меня поймут, на то и джуэизм. Поймут, но вдумываться не станут, отложат впрок где-нибудь на задворках памяти, а извлечь оттуда потом будет лень или недосуг.

Будут предаваться все тем же гурацким занятиям, развлекаться все теми же бессмысленными хобби, которые заменили им труд. Рендолл с его отрядом шалых роботов ходит и упраскивает соседей, чтобы позволили переоборудовать их дома. Бэлендри часами изобретает новые алкогольные напитки. Ну, а Джон Вебстер убивает двадцать лет, копаясь в истории единственного города Земли.

Тихо скрипнула дверь, и Вебстер обернулся. В комнату неслышно вошел робот.

— Да, в чем дело, Оскар?

Робот остановился — туманная фигура в полумраке кабинета.

— Пора обедать, сэр. Я пришел узнать...

— Что придумал, то и годится, — сказал Вебстер. — Да, Оскар, положи-ка дров в камин.

— Дрова уже положены, сэр.

Оскар протопал к камину, наклонился, в его руке мелькнуло пламя, и щепки загорелись.

Понурившись в кресле, Вебстер глядел, как огонь облизывает поленья, слушал, как они тихо шипят и потрескивают, как в дымоходе просыпается тяга.

— Красиво, сэр, — сказал Оскар.

— Тебе тоже нравится?

— Очень нравится.

— Генетическая память, — сухо произнес Вебстер. — Воспоминание о кузнице, в которой тебя выковали.

— Вы так думаете, сэр?

— Нет, Оскар, я пошутил. Просто мы с тобой оба анахронизмы. Теперь мало кто держит камин. Незачем. А ведь есть в них что-то, что-то чистое, умиротворяющее.

Он поднял глаза на картину над камином, озаряемую колышущимся пламенем. Оскар проследил его взгляд.

— Как жаль, сэр, что с мисс Сарой все так вышло, — сказал он.

Вебстер покачал головой:

— Нет, Оскар, она сама так захотела. Покончить с одной жизнью и начать другую. Будет лежать там, в Храме, и спать много лет, и будет у нее другая жизнь. Причем счастливая жизнь, Оскар. Потому что она ее сама задумала.

Его мысли обратились к давно минувшим дням в этой самой комнате.

— Это она писала эту картину, Оскар. Долго работала, все старалась поточнее передать то, что ее занимало. Иной раз смеялась и говорила мне, что я тоже здесь изображен.

— Я не вижу вас, сэр, — сказал Оскар.

— Верно, меня там нет. А впрочем, может быть, и есть. Не весь, так частица. Частица моих корней. Этот дом на картине — усадьба Вебстеров в Северной Америке. А я тоже Вебстер, но как же я далек от этой усадьбы, как далек от людей, которые ее построили.

— Северная Америка не так уж далеко, сэр.

— Верно, Оскар. Недалеко, если говорить о расстоянии. В других отношениях далеко.

Он почувствовал, как тепло камина, наполняя кабинет, коснулось его.

...Далеко. Слишком далеко — и не в той стороне.

Утопая ступнями в ковре, робот тихо вышел из комнаты.

Она долго работала, все старалась поточнее передать то, что ее занимало.

А что ее занимало? Он никогда не спрашивал, и она ему никогда не говорила. Помнится, ему всегда казалось, что, вероятно, речь идет о дыме — как ветер гонит его по небу; об усадьбе — как она прилипла к земле, сливаясь с деревьями и травой, укрываясь от надвигающегося несчастья.

Но, может быть, что-нибудь другое? Какая-нибудь символика, какие-нибудь черты, роднящие дом с людьми, которые его строили.

Он встал, подошел ближе и остановился перед камином, запрокинув голову. Теперь он различал мазки, и картина смотрелась не так, как на расстоянии. Видно технику, основные мазки и оттенки — приемы, которыми кисть создает иллюзию.

Надежность. Она выражена в самом облике крепкого, добротного строения. Стойкость. Она в том, что

здание словноросло в землю. Суровость, упорство, некоторая сумрачность...

Целыми днями она просиживала, настроив видеофон на усадьбу, прилежно делала эскизы, писала не спеша, часто сидела и просто смотрела, не прикасаясь к кистям. Видела собак, по ее словам, видела роботов, но их она не изобразила, ей нужен был только дом. Одно из немногих сохранившихся поместий. Другие, веками оставшиеся в небрежении, разрушились, вернули землю природе.

Но в этой усадьбе были собаки и роботы. Один большой робот, по ее словам, и множество маленьких.

Вебстер тогда не придавал этому значения — был слишком занят.

Он повернулся, прошел обратно к столу.

Странно, если вдуматься. Роботы и собаки живут вместе. Один из Вебстеров когда-то занимался собаками, мечтал помочь им создать свою культуру, мечтал о двойной цивилизации человека и пса.

В мозгу мелькали обрывки воспоминаний. Смутные обрывки сохранившихся в веках преданий об усадьбе Вебстеров. Что-то о роботе по имени Дженкинс, который с первых дней служил семье Вебстеров. Что-то о старике, который сидел на лужайке перед домом в своей качалке, глядя на звезды и ожидая исчезнувшего сына. Что-то о довлеющем над домом проклятии, которое выразилось в том, что мир не получил учения Джуэйна.

Видеофон стоял в углу комнаты, словно забытый предмет обстановки, которым почти не пользуются. Да и зачем им пользоваться — весь мир сосредоточился здесь, в Женеве.

Вебстер встал, сделал несколько шагов, потом остановился. Номера-то в каталоге, а где каталог? Скорее всего в одном из ящиков стола.

Он вернулся к столу, начал рыться в ящиках. Охваченный возбуждением, он рылся нетерпеливо, словно терьер, ищущий кость.

Дженкинс, робот-патриарх, потер металлический подбородок пальцами. Он всегда так делал, когда задумывался, — бессмысленный жест, нелепая привычка, заимствованная у людей, с которыми он так долго общался.

Его взгляд снова обратился на черного песика, сидящего на полу рядом с ним.

— Так ты говоришь, волк вел себя дружелюбно? — сказал Дженкинс. — Предложил тебе кролика?

Эбинизер взволнованно заерзал.

— Это один из тех, которых мы кормили зимой. Из той стаи, которая приходила к дому и мы пытались ее приручить.

— Ты смог бы его узнать?

Эбинизер кивнул:

— Я запомнил его запах. Я узнаю.

Сыщик переступил с ноги на ногу.

— Послушай, Дженкинс, задай ты ему взбучку! Ему положено было слушать тут, а он убежал в лес. Что это он вдруг вздумал гоняться за кроликами...

— Это ты заслужил взбучку, Сыщик, — строго перебил его Дженкинс. — За такие слова. Тебя придали Эбинизеру, ты его часть. Не воображай себя индивидом, ты всего-навсего руки Эбинизера. Будь у него свои руки, он обошелся бы без тебя. Ты ему не наставник и не совесть. Только руки, запомни.

Сыщик возмущенно зашаркал ногами.

— Я убегу, — сказал он.

— К диким роботам, надо думать.

Сыщик кивнул:

— Они меня с радостью примут. У них такие дела затеяны... Я им пригожусь.

— Пригодишься как металлолом, — язвительно произнес Дженкинс. — Ты же ничему не обучен, ничего не знаешь, где тебе с ними равняться.

Он повернулся к Эбинизеру:

— Подберем тебе другого.

Эбинизер покачал головой:

— По мне, и Сыщик хорош. Я с ним как-нибудь полажу. Мы друг друга знаем. Он не дает мне лениться, заставляет все время быть начеку.

— Вот и прекрасно, — заключил Дженкинс. — Тогда ступайте. И если тебе, Эбинизер, случится опять погнаться за кроликом и ты снова встретишь этого волка, попробуй с ним подружиться.

Сквозь окна в старинную комнату струились лучи заходящего солнца, они несли с собой тепло весеннего вечера.

Дженкинс спокойно сидел в кресле, слушая звуки снаружи. Там звякали коровьи колокольчики, тявкали щенки, гулко стучал колун.

Бедняжка, думал он, улизнул и погнался за кроликом, вместо того чтобы слушать. Слишком много, слишком быстро... Это надо учитывать. А то как бы не нагорвались. Осенью устроим передышку на неделю-другую, поохотимся на енотов. Это пойдет им только на пользу.

А там, глядишь, настанет день, когда и вовсе прекратится охота на енотов, гонка за кроликами. День, когда псы уже всех приручат, когда все дикие твари научатся мыслить, говорить, трудиться. Дерзкая мечта, и сбудется она не скоро, а впрочем, не более дерзкая, чем иные человеческие мечты.

Может быть, их мечта даже лучше, ведь в ней нет и намека на возвращенную людьми черствость, нет тяги к машинному бездушию, творцом которого был человек.

Новая цивилизация, новая культура, новое мышление. Возможно, с оттенком мистики и фантазерства, но разве человек не фантазировал? Мышление, стремящееся проникнуть в тайны, на которые человек не желал тратить время, считая их чистейшим суеверием, лишенным какой-либо научной основы.

Что стучит по ночам?.. Что бродит около дома, заставляя псов просыпаться и рычать, — и никаких следов на снегу? Отчего псы воют к покойнику?..

Псы знают ответ. Они знали его задолго до того, как получили речь, чтобы говорить, и контактные линзы, чтобы читать. Они не зашли в своем развитии так далеко, как люди, — не успели стать циничными скептиками. Они верили в то, что слышали, в то, что чуяли. Они не избрали суеверие как форму самообмана, как средство отгородиться от незримого.

Дженкинс снова повернулся к столу, взял ручку, наклонился над лежащим перед ним блокнотом. Перо скрипело под нажимом его руки.

«Эбинизер наблюдал дружелюбие у волка. Рекомендовать Совету, чтобы Эбинизера освободили от слушания и поручили ему наладить контакт с волком».

С волками полезно подружиться. Из них выйдут отменные разведчики. Лучше, чем собаки. Более выносливые, быстрые, ловкие. Можно поручить им вместо

псов слежку за дикими роботами за рекой, поручить наблюдение за замками мутантов.

Дженкинс покачал головой.

Теперь никому нельзя доверять. Те же роботы... Вроде бы ничего плохого не делают. Держатся дружелюбно, заходят в гости и в помощи не отказывают. Соседи как соседи, ничего не скажешь. Да разве наперед угадаешь... И ведь они машины изготавливают.

Мутанты никому не докучают, они вообще почти не показываются. Но и за ними лучше присматривать. Кто знает, какая у них чертовщина на уме. Как они с человеком поступили, какой подлый трюк выкинули: подсунули джуэйнизм в такое время, когда он погубил род людской.

Люди... Они были для нас богами, а теперь ушли, бросили нас на произвол судьбы. Конечно, в Женеве еще есть сколько-то людей, но разве можно их беспокоить, им до нас дела нет.

Сидя в сумерках, он вспоминал, как приносил виски, как выполнял разные поручения, вспоминал дни, когда в этих стенах жили и умирали Вебстеры.

Теперь он выполняет роль духовного отца для псов. Славный народец, умные, смывленные. И стараются всюю.

Негромкий звонок заставил Дженкинса подскочить в кресле. Снова звонок, одновременно на пульте видеодифона замигала зеленая лампочка. Дженкинс встал и оцепенел, не веря своим глазам.

Кто-то звонит! Кто-то звонит после почти тысячелетнего молчания!

Пошатываясь, он добрал до видеодифона, опустился в кресло, дотянулся дрожащими пальцами до тумблера и нажал его.

Стена перед ним растаяла, и он оказался лицом к лицу с человеком, сидящим за письменным столом. За спиной человека пылающий камин озарял комнату с цветными стеклами в стрельчатых окнах.

— Вы Дженкинс, — сказал человек, и в его лице было нечто такое, от чего у Дженкинса вырвался крик.

— Вы!.. Вы!..

— Я Джон Вебстер, — представился человек.

Дженкинс уперся ладонями в верхнюю кромку видеофона и замер, испуганный непривычными для робота эмоциями, которые бурлили в его металлической душе.

— Я вас где угодно узнал бы, — произнес он. — Та же внешность. Любог из вас узнал бы. Я вам столько прислуживал! Виски приносил и... и...

— Как же, как же, — сказал Вебстер. — Ваше имя передавалось от старших к младшим. Мы вас помнили.

— Вы ведь сейчас в Женеве, Джон? — Дженкинс спохватился: — Я хотел сказать — сэр...

— Зачем так торжественно? Джон, и все. Да, я в Женеве. Но мне хотелось бы с вами встретиться. Вы не против?

— Вы хотите сказать, что собираетесь приехать? Вебстер кивнул.

— Но усадьба кишит псами, сэр.

Вебстер усмехнулся:

— Говорящими псами?

— Ну да, — подтвердил Дженкинс, — и они будут рады вас видеть. Они ведь все знают про ваш род. По вечерам на сон грядущий слушают рассказы про былые времена и... и...

— Ну, что еще, Дженкинс?

— Я тоже буду рад увидеть вас. А то все один да один!

Бог прибыл.

От одной мысли об этом притаившегося во мраке Эбинизера бросало в дрожь.

Если бы Дженкинс знал, что я здесь, думал он, шкуру с меня сограл бы. Дженкинс велел, чтобы мы хоть на время оставили гостя в покое.

Перебирая мягкими лапами, Эбинизер дополз до двери кабинета и понюхал. Дверь была открыта — чуть-чуть!..

Он прислушался, вжимаясь в пол, — ни звука. Только запах, незнакомый резкий запах, от которого по всему телу пробежала волна блаженства и шерсть на спине поднялась дыбом.

Он быстро оглянулся — никого. Дженкинс в столовой, наставляет псов, как им надлежит себя вести, а Сыщик ходит где-то по делам роботов.

Осторожно, тихонько Эбинизер подтолкнул носом дверь. Щель стала шире. Еще толчок, и дверь отворилась наполовину.

Человек сидел в мягком кресле перед камином, скрестив свои длинные ноги, сплетя пальцы на животе.

Эбинизер еще плотнее вжался в пол, из его глотки невольно вырвался слабый визг.

Джон Вебстер сел прямо.

— Кто там? — спросил он.

Эбинизер оцепенел, только сердце отчаянно колотилось.

— Кто там? — снова спросил Вебстер, заметил пса и произнес уже гораздо мягче: — Входи, дружище. Давай входи.

Эбинизер не двигался.

Вебстер щелкнул пальцами.

— Я тебя не обижу. Входи же. А где все остальные?

Эбинизер попытался встать, попытался ползти, но кости его обратились в каучук, кровь — в воду. А человек уже шагал через кабинет прямо к нему.

Эбинизер увидел, как человек нагибается над ним, ощутил прикосновение сильных рук, потом вознесся в воздух. И запах, который он уловил из-за двери, — одуряющий запах бога — распирает его ноздри.

Руки прижали его к незнакомой материи, которая заменяла человеку мех, затем послышался ласковый голос. Эбинизер не разобрал сразу слов, только почувствовал — все в порядке.

— Пришел познакомиться, — говорил Джон Вебстер. — Улизнул, чтобы познакомиться со мной.

Эбинизер робко кивнул:

— Ты не сердись?.. Не скажешь Дженкинсу?

Вебстер покачал головой.

— Нет, не скажу Дженкинсу.

Он сел, и Эбинизер уселся на его коленях, глядя на его лицо, волевое, изборожденное складками, которые казались еще глубже в неровном свете каминного пламени.

Рука Вебстера поднялась и стала гладить голову Эбинизера, и Эбинизер заскулил от восторга, переполнявшего его псиную душу.

— Все равно что вернуться на родину, — говорил Вебстер, обращаясь к кому-то другому. — Как будто ты надолго куда-то уезжал и наконец вернулся домой. Так долго дома не был, что ничего не узнаешь. Ни обстановку, ни расположение комнат. Но чувство родного дома владеет тобой, и ты рад, что вернулся.

— Мне здесь нравится, — сказал Эбинизер, подражая колени Вебстера, но человек понял его по-своему.

— Еще бы, — отозвался он. — Для тебя это такой же родной дом, как для меня. Даже больше, ведь вы оставались здесь и следили за домом, а я о нем позабыл.

Он гладил голову Эбинизера, теребил его уши.

— Как тебя звать? — спросил он.

— Эбинизер.

— И чем же ты занимаешься, Эбинизер?

— Я слушаю.

— Слушаешь?

— Ну да, это моя работа. Ловить слухом гоблинов.

— И ты их в самом деле слышишь?

— Иногда. Я не очень хороший слухач. Начинаю думать про кроликов и отвлекаюсь.

— Какие же звуки издают гоблины?

— Когда какие. Когда ходят, когда просто тюкают. Иногда говорят. Только они чаще думают.

— Постой, Эбинизер, а где же находятся эти гоблины?

— А нигде, — ответил Эбинизер. — Во всяком случае, не на нашей Земле.

— Не понимаю.

— Это как большой дом. Большой дом, в котором много комнат. Между комнатами двери. Из одной комнаты тебе слышно, есть ли кто в других комнатах, но попасть к ним ты не можешь.

— Почему же не можешь? — возразил Вебстер. — Открыл дверь и вошел.

— Но ты не можешь открыть дверь. Ты даже не знаешь про нее. Тебе кажется, что твоя комната — одна во всем доме. И даже если бы ты знал про дверь, все равно не смог бы ее открыть.

— Ты говоришь про разные измерения.

Эбинизер озабоченно наморщил лоб.

— Я не знаю такого слова — «измерение». Я объяснил тебе так, как Дженкинс нам объяснял. Он говорил, что на самом деле никакого дома нет, и комнат на самом деле нет, и те, кого мы слышим, наверно, совсем не такие, как мы.

Вебстер кивнул своим мыслям. Вот так и надо действовать. Не торопясь. Не обескураживать их трудными словами. Пусть сперва схватят суть, потом можно вводить более точную, научную терминологию. И скорее всего она окажется искусственной. Ведь уже есть название. Гоблины — то, что за стеной, то, что слышишь, а определить не можешь, жители соседней комнаты.

Гоблины.

Берегись, не то гоблин тебя заберет.

Такой подход у человека. Он чего-то не может понять. Не может увидеть. Не может пощупать. Не может проверить. Все — значит, этого нет. Не существует. Значит, это призрак, вурдалак, гоблин.

Тебя гоблин заберет...

Так проще, удобнее. Страшно? Да, но при свете дня можно про них забыть. И ведь они тебя не преследуют, не донимают. Если очень постараться, можно внушить себе, что их нет. Назови их призраками, гоблинами, и можно даже посмеяться над ними. При свете дня.

Горячий шершавый язык лизнул подбородок Вебстера, и Эбинизер заерзал от восторга.

— Ты мне нравишься, — сказал он. — Дженкинс никогда меня так не держал. Никто так не держал.

— У Дженкинса много дел, — ответил Вебстер.

— Конечно, — подтвердил Эбинизер. — Он сидит и все записывает в книгу. Что мы услышали, псы, и что нам нужно сделать.

— Ты что-нибудь знаешь про Вебстеров? — спросил человек.

— Конечно. Мы про них все знаем. Ты тоже Вебстер. Мы думали, их уже не осталось.

— Остались. И один все время здесь был. Дженкинс тоже Вебстер.

— Он нам никогда об этом не говорил.

— Еще бы.

Дрова прогорели, и в комнате стало совсем темно. Язычки пламени, фыркая, озаряли стены и пол слабыми сполохами.

И было что-то еще. Тихий шорох, тихий шепот, вобравший в себя нескончаемые воспоминания и долгий ток жизни — две тысячи лет. Дом, который строился на века и простоял века, который должен был стать родным очагом и до сих пор остается родным. Надежный приют, который обнимает тебя теплыми руками и ревниво прижимает к сердцу.

В мозгу отдались шаги — шаги из далекого прошлого, шаги, отзвучавшие навсегда много столетий назад. Поступь Вебстеров. Тех, которые ему предшествовали, тех, которым Дженкинс прислуживал со дня их рождения до смертного часа.

История. Его окружала история. Она шелестела гардинами, стлалась по половицам, хоронилась в углах, глядела со стен. Живая история, которую чувствуешь нутром, воспринимаешь кожей, — пристальный взгляд давно угасших глаз, вернувшихся из ночи.

Что, еще один Вебстер? Дрянцо. Пустышка. Выдохлась порода. Разве мы такими были? Последыш.

Джон Вебстер поежился.

— Нет, не последыш, — возразил он. — У меня есть сын.

Ну и что из того? Сын, говорит. А много ли он стоит, этот сын...

Вебстер вскочил с кресла, уронив Эбинизера на пол.

— Неправда! — закричал он. — Мой сын...

И снова опустился в кресло.

Его сын — в лесу, играет луком и стрелами, забавляется.

«Хобби», — сказала Сара, прежде чем подняться в Храм, чтобы сто лет смотреть сны.

Хобби. А не деятельность. Не профессия. Не насущная необходимость.

Развлечение. Ненастоящее занятие. Ни то ни се. В любую минуту брось, никто даже и не заметит.

Вроде изобретения разных напитков.

Вроде писания никому не нужных картин.

Вроде переделки комнат с помощью отряда шальных роботов.

Вроде составления истории, которая никого не интересует.

Вроде игры в индейцев, или пионеров, или дикарей с луком и стрелами.

Вроде сочинения длящихся веками снов для людей, которые пресытились жизнью и жаждут вымысла.

Человек сидел в кресле, уставившись в простертую перед ним пустоту, ужасающую, жуткую пустоту, поглотившую и завтра, и все дни.

Он рассеянно переплел пальцы, и большой палец правой руки потерял левую.

Эбинизер подобрался к человеку через озаряемый тусклыми сполохами мрак, оперся передними лапами о его колени и заглянул ему в лицо.

— Повредил руку? — спросил он.

— Что?

— Повредил руку? Ты ее трешь.

Вебстер усмехнулся.

— Да нет, просто бородавки. — Он показал их псу.

— Надо же, бородавки! — сказал Эбинизер. — Разве они тебе нужны?

— Нет. — Вебстер помялся. — Пожалуй, не нужны. Все никак не соберусь пойти, чтобы мне их свели.

Эбинизер опустил морду и поводил носом по руке Вебстера.

— Вот так, — торжествующе произнес он.

— Что — вот так?

— Погляди на бородавки.

Вспыхнула обвалившаяся головешка. Вебстер поднял руку к глазам и присмотрелся.

Нет бородавок. Гладкая, чистая кожа.

Дженкинс стоял во мраке, слушая тишину, податливую сонную тишину, которая уступала дом теням, полузабытым шагам, давно произнесенным фразам, бормотанию стен и шелесту гардин.

Стоило пожелать, и ночь превратилась бы в день, линзы переключить очень просто, но старик робот не стал изменять зрение. Ему нравилось размышлять в

темноте, он дорожил этими часами, когда спадала пелена настоящего и возвращалось, оживая, прошлое.

Остальные спали, но Дженкинс не спал. Ведь роботы никогда не спят. Две тысячи лет бдения, двадцать веков непрерывной деятельности, и сознание не отключалось ни на миг.

Большой срок, думал Дженкинс. Большой даже для робота. Ведь еще до того, как люди перебрались на Юпитер, почти всех старых роботов деактивировали, утертвили, отдали предпочтение новым моделям. Новые модели больше походили на человека, мягче двигались, лучше говорили, быстрее соображали своим металлическим мозгом...

Но Дженкинс остался, потому что он был старым верным слугой, потому что без него усадьба Вебстеров не была бы родным очагом.

— Они меня любили, — сказал себе Дженкинс.

В этих трех словах он черпал утешение в мире, скупом на утешение, в мире, где слуга стал предводителем и остро желал снова стать слугой.

Стоя у окна, он смотрел через двор на ковыляющие вниз по склону черные глыбы дубов. Сплошной мрак. Ни одного огонька. А ведь когда-то были огни. В заречном краю приветливо лучились окна.

Но человек исчез, и огни пропали. Роботам огни не нужны, они видят в темноте, как и Дженкинс может видеть, если захочет. А замки мутантов, что днем, что ночью, одинаково сумрачные, одинаково зловещие.

Теперь человек появился опять — один человек. Появился, да только вряд ли останется. Переночует несколько дней в господской спальне на втором этаже, потом вернется в Женеву. Обойдет старое, забытое поместье, поглядит на заречные дали, полистает книги на полках в кабинете — и в путь.

Дженкинс повернулся.

Проверить, как он там, подумал он. Спросить, не нужно ли что-нибудь. Может, виски принести? Боюсь только, что виски теперь никуда не годится. Тысяча лет — большой срок даже для бутылки доброго виски.

Идя через комнату, он ощутил благодатный покой, глубокую умиротворенность, какой не испытывал с тех

давних пор, когда, счастливый, как терьер, носился по дому, выполняя всевозможные поручения.

Подходя к лестнице, он напевал про себя что-то ласковое.

Он только заглянет и, если Джон Вебстер уснул, уйдет, а если не уснул, спросит: «Вам удобно, сэр? Может быть, чего-нибудь пожелаете? Может, горячего пунша?»

Он шагал через две ступеньки. Ведь он снова прислуживал Вебстеру.

Джон Вебстер полусидел в постели, обложившись подушками. Кровать была жесткая и неудобная, комната — тесная и душная, не то что его спальня в Женеве, где лежишь на травке у журчащего ручья и глядишь на мерцание искусственных звезд в искусственном небе. И вдыхаешь искусственный запах искусственной сирени, цветы которой долговечнее человека. Ни тебе бормотания незримого водопада, ни мигающих в заточении светлячков. А тут... Просто-напросто кровать и спальня.

Вебстер вытянул руки поверх одеяла и согнул пальцы, размышляя.

Эбинизер только коснулся бородавок, и бородавки пропали. И это не было случайностью, он все проделал намеренно. Это было не чудо, а сознательный акт. Чудеса не всегда удаются, а Эбинизер был уверен в успехе.

Быть может, тут способность, добытая в соседней комнате, похищенная у гоблинов, которых слушает Эбинизер.

Способность исцелять без лекарств, без хирургии, нужно только некое знание, особое знание.

Были же в древние непросвещенные века люди, уверявшие, будто могут сводить бородавки. Они «покупали» их за монетку, «выменивали» за какую-нибудь вещь, заговаривали — и случалось, бородавки постепенно сами пропадали.

Может быть, эти необычные люди тоже слушали гоблинов?

Чуть слышно скрипнула дверь, и Вебстер сел прямо. Из темноты прозвучал голос:

— Вам удобно, сэр? Может быть, чего-нибудь пожелаете?

— Дженкинс?

— Он самый, сэр.

Темный силуэт, крадучись, вошел в спальню.

— Пожелаю, — сказал Вебстер. — Мне хочется поговорить с тобой.

Он пристально посмотрел на металлическое существо, стоящее возле кровати.

— Насчет собак, — добавил он.

— Они стараются изо всех сил, — сказал Дженкинс. — Нелегко им приходится. Ведь у них никого нет. Ни души.

— У них есть ты.

Дженкинс покачал головой:

— Но ведь этого мало. Я же только... ну, только наставник, и все. А им люди нужны. Потребность в людях у них в крови. Тысячи лет человек и пес были рядом. Человек и пес вместе охотятся. Человек и пес вместе пасут стада. Человек и пес вместе сражаются с врагами. Пес караулит, пока человек спит, человек отдает псу последний кусок. Сам голодный, а пса накормит.

Вебстер кивнул:

— Что ж, пожалуй, ты и прав.

— Они каждый вечер перед сном говорят о людях, — продолжал Дженкинс. — Садятся в кружок, и кто-нибудь из стариков рассказывает какое-нибудь старинное предание, а все остальные сидят и дивятся, сидят и мечтают.

— Но какая у них цель? Чего они хотят добиться? Как представляют себе будущее?

— Какие-то черты намечаются, — ответил Дженкинс. — Смутно, правда, но все-таки видно. Понимаете, они ведь медиумы. От рода медиумы. Никакого расположения к механике. Вполне естественно, у них же нет рук. Где человека выручал металл, псов выручают призраки.

— Призраки?

— То, что вы, люди, называете призраками. На самом деле это не призраки. Я в этом убежден. Это жители соседней комнаты. Какая-то иная форма жизни на другом уровне.

— Ты допускаешь, что на Земле одновременно существует жизнь на разных уровнях?

Дженкинс кивнул:

— Я начинаю в это верить, сэр. У меня целый блокнот исписан тем, что видели и слышали псы, и вот теперь многолетние наблюдения складываются в какой-то узор. — Он поспешно добавил: — Возможно, я ошибаюсь, сэр. Ведь у меня нет никакого опыта. В старые времена я был всего лишь слугой, сэр. После... после Юпитера я попытался что-то наладить, но это было не так-то просто. Один робот помог мне смастерить нескольких маленьких роботов для псов, а теперь маленькие сами мастерят себе подобных, когда нужно.

— Но ведь псы только сидят и слушают.

— Что вы, сэр! Они много чего еще делают. Стараятся подружиться с животными, следят за дикими роботами и мутантами...

— А много их, этих диких роботов?

Дженкинс кивнул:

— Много, сэр. По всему свету разбросаны в небольших лагерях. Это те, которых бросили хозяева, сэр. Которые больше не нужны были человеку, когда он отправился на Юпитер. Объединились в группы и работают...

— Работают? Над чем же?

— Не знаю, сэр. Чаще всего машины изготавливают. Помешались на механике. Хотел бы я знать, что они будут делать со всеми этими машинами. Для чего они им нужны.

— Да, хотелось бы знать, — сказал Вебстер.

Устремив взгляд в темноту, он дивился — дивился, до какой же степени люди, запершись в Женеве, потеряли всякую связь с остальным миром. Ничего не знают о том, чем заняты псы, не знают о лагерях деловитых роботов, о замках страшных и ненавистных мутантов.

Мы потеряли связь, говорил он себе. Мы отгородились от внешнего мира. Устроили закуток и забились в него — в последний город на свете. И ничего не знали о том, что происходит за пределами города. Могли знать, должны были знать, но нас это не занимало.

Пора бы и нам что-то предпринять.

Мы растерялись, мы были подавлены, но первое время еще пытались что-то сделать, а потом окончательно пали духом.

Те немногие, которые остались, впервые осознали величие рода человеческого, впервые рассмотрели грандиозный механизм, созданный рукой человека. И они пытались держать его в исправности и не смогли. И они искали рационалистических объяснений — человек почти всегда ищет рационалистических объяснений. Внушает себе, что на самом деле никаких призраков нет, называет то, что стучит в ночи, первым пришедшим в голову обтекаемым словом.

Мы не смогли держать механизм в исправности и занялись рационалистическими объяснениями, хоронились за словесным занавесом, и джуэйнизм помог нам в этом. Мы подошли вплотную к культу прегков. Мы принялись возвеличивать род людской. Не могли продолжать деяния человека, тогда мы попытались его возвеличить, попытались поднять на пьедестал тех, кому задача была по плечу. Мы ведь все хорошее стремимся возвеличить, вознести на пьедестал посмертно.

Мы превратились в племя историков, копались грязными пальцами в руинах рода человеческого и прижимали каждый случайный фактик к груди, словно бесценное сокровище. Это была первая стадия, хобби, которое поддерживало нас, пока мы не осознали, что мы есть на самом деле: муть на дне опрокинутой чаши человечества.

Но мы пережили это. Разумеется, пережили. Достаточно было смениться одному поколению. Человек легко приспособливается, он все что угодно переживет. Ну не сумели построить звездные корабли; ну не долетели до звезд; ну не разгадали тайну жизни — ну и что?

Мы оказались наследниками, все досталось нам, мы были обеспечены лучше, чем кто-либо до нас и после нас. И мы опять предались рационалистическим объяснениям, а величие рода выбросили из головы: хоть и лестная штука, но, с грубой стороны, несколько обременительная, даже унижительная.

— Дженкинс, — трезво сказал Вебстер, — мы разбазарили целых десять столетий.

— Не разбазарили, сэр, — возразил Дженкинс. — Просто передохнули, что ли. А теперь, может быть, опять займете свое место... Вернетесь к нам.

— Мы вам нужны?

— Вы нужны псам, — сказал Дженкинс. — И роботам тоже. Ведь и те и другие всегда были только слугами человека. Без вас они пропадут. Псы строят свою цивилизацию, но дело подвигается медленно.

— Быть может, их цивилизация окажется лучше нашей, — заметил Вебстер. — Может, больше преуспевает. Наша ведь не преуспела, Дженкинс.

— Возможно, она будет подобнее, — согласился Дженкинс, — зато не особенно предприимчивая. Цивилизация, основанная на братстве животных, на сверхчувственном восприятии, может быть, в конечном счете и дойдет до общения и обмена с сопряженными мирами. Цивилизация большой и чуткой души, но не очень конструктивная. Никаких конкретных задач, и лишь самая необходимая техника. Просто поиски истины, притом в направлении, которым человек совершенно пренебрег.

— И ты считаешь, что человек тут мог бы помочь?

— Человек мог бы направлять.

— Направлять так, как надо?

— Мне трудно ответить.

Лежа в темноте, Вебстер вытер об одеяло вспотевшие ладони.

— Ты мне правду скажи, — угрюмо произнес он. — Вот ты говоришь, что человек мог бы направлять. А если он снова начнет верховодить? Отвергнет, как непрактичное, то, чем занимаются псы. Выловит всех роботов и направит их технические способности по старому, заезженному руслу. Ведь и псы, и роботы подчинятся человеку.

— Конечно, — согласился Дженкинс. — Однажды они ведь уже были слугами. Но человек мудр, человек лучше знает.

— Спасибо, Дженкинс, — сказал Вебстер. — Большое спасибо.

И, устремив глаза в темноту, он прочел там правду.

Его следы по-прежнему были запечатлены на полу, и воздух был пряный от запаха пыли. Радиовая лампочка

рдела над пультом, и рубильник, шкалы и маховичок ждали — ждали того дня, когда они понадобятся.

Стоя на пороге, Вебстер вдыхал смягчающий пыльную горечь запах влажных стен.

Оборона, думал он, глядя на рубильник. Оборона — мера против вторжения, средство защитить то или иное место от всех действительных и воображаемых видов оружия, которые может пустить в ход предполагаемый враг.

Но защита, не пропускающая врага внутрь, очевидно, не пропустит обороняющегося наружу. Конечно, поручиться нельзя, но все-таки...

Он пересек помещение, и остановился перед рубильником, и протянул руку, и сжал рукоятку, стронул ее с места и понял, что механизм действует.

Тут рука его быстро метнулась вперед, и контакт замкнулся. Откуда-то снизу, глубоко-глубоко, донеслось глухое жужжание — заработали какие-то машины. На шкалах стрелки вздрогнули и оторвались от штифта.

Пальцы Вебстера нерешительно коснулись маховичка, повернули его, и стрелки, вздрогнув опять, поползли дальше. Вебстер решительно, быстро продолжал крутить маховичок, и стрелки ударились в противоположный штифт.

Вебстер круто повернулся, вышел из подземелья, закрыл за собой дверь, зашагал вверх по крошащимся ступенькам.

Только бы он работал, думал он. Только бы работал.

Ноги быстрее пошли по ступеням, в висках стучала кровь.

Только бы он работал!

Когда включился рубильник, глубоко-глубоко внизу сразу же загудели машины... Значит, оборонительный механизм — во всяком случае часть его — еще работает.

Но даже если так, сделает ли он то, что надо? Что, если защита не пропускает врагов внутрь, а человека наружу пропустит?

Что, если...

Выйдя на улицу, он увидел, что небо изменилось. Свинцово-серая пелена скрыла солнце, и город погрузился в потемки, лишь наполовину разбавленные све-

том автоматических уличных фонарей. Слабый ветерок погладил щеку Вебстера.

Серый, сморщенный пепел сожженных записок и плана, который он нашел, по-прежнему лежал в очаге, и Вебстер, быстро подойдя к камину, схватил кочергу и яростно мешал ею пепел до тех пор, пока не уничтожил все следы.

Все, сказал он себе. Последний ключ уничтожен. Без плана, не зная про город того, что выведет он за двадцать лет, никто и никогда не найдет тайник с рубильником, и маховичком, и шкалами под одинокой лампочкой.

Никто не поймет толком, что произошло. Даже если станут догадываться, все равно удостовериться не смогут. Даже если удостоверятся, все равно ничего не смогут изменить.

Тысячу лет назад было бы иначе. В те времена человек, только дай зацепку, решил бы любую задачу.

Но человек изменился. Нет прежних знаний, нет прежней сноровки. Ум стал дряблым. Человек живет лишь сегодняшним днем, без каких-либо лучезарных целей. Зато остались старые пороки — пороки, которые он полагал достоинствами, считая, что они поставили его на ноги. Осталась незыблемая уверенность, что только его жизнь, только его племя чего-то стоит, — самодовольный эгоизм, сделавший человека властелином мироздания.

С улицы донесся звук бегущих ног, и Вебстер, отвернувшись от камина, посмотрел на темные стрельчатые окна.

Зашевелились... Забегали. Волнуются. Ломают голову, что произошло. Сотни лет их не тянуло за город, а теперь, когда путь закрыт, с пеной у рта рвутся.

Улыбка растянула его губы.

Глядишь, до того взбодрятся, что придумают какой-нибудь выход. Крысы в крысоловке способны на самые неожиданные хитрости, если только раньше не сойдут с ума.

И если люди выберутся на волю — что ж, значит, у них есть на это право. Если выберутся на волю, значит, заслужили право снова верховодить.

Он пересек комнату, в дверях на минуту остановился, глядя на картину над очагом. Неловко поднял руку и отдал честь — мученический прощальный жест... Потом вышел из дома и зашагал по улице вверх — туда же, куда всего несколько дней назад ушла Сара.

Храмовые роботы держались учтиво и приветливо, ступали мягко и величественно. Они проводили его туда, где лежала Сара, и показали соседний отсек, который она попросила оставить для него.

— Может быть, вам угодно выбрать себе сон? — сказал старший. — Мы можем показать различные образцы. Можем составить смесь по вашему вкусу. Можем...

— Благодарю, — ответил Вебстер. — Я не хочу снов.

Робот кивнул:

— Понятно, сэр. Вы хотите просто переждать, провести время.

— Да, — подтвердил Вебстер. — Пожалуй, что так.

— И сколько же?

— Сколько?..

— Ну да. Сколько вы хотите ждать?

— А, понятно... Предположим, бесконечно.

— Бесконечно?!

— Вот именно, бесконечно, — подтвердил Вебстер. — Я мог бы сказать — вечно, но какая, в сущности, разница. Нет смысла финтить из-за двух слов, которые означают примерно одно и то же.

— Так точно, сэр, — сказал робот.

Нет смысла финтить. Разумеется, нет. Он не может рисковать. Скажешь — тысячу лет, а когда они пройдут, вдруг передумаешь, спустишься в тайник и выключишь рубильник.

А этого случиться не должно. Пусть псы используют возможность. Пусть без помех попробуют добиться успеха там, где род людской потерпел крушение. Пока сохраняется человеческий фактор, у них такой возможности не будет. Потому что человек непременно захочет верховодить, непременно влезет и все испортит, высмеет гоблинов, которые разговаривают за стеной, выступит против приручения и цивилизации диких тварей.

Новая модель... Новый образ жизни и мыслей... Новый подход к извечной проблеме общества... Нельзя допустить, чтобы все это было искажено чуждым духом человеческого мышления.

Вечерами, закончив свои дела, псы будут сидеть и говорить о человеке. Мешая быль и небылицы, будут рассказывать древние предания, и человек превратится в бога.

Лучше уж так. Ведь боги непогрешимы.

КОММЕНТАРИЙ К СЕДЬМОМУ ПРЕДАНИЮ

Несколько лет назад были обнаружены фрагменты древнего литературного произведения. Судя по всему, сочинение было объемистое, и хотя до нас дошла только малая часть, содержание позволяет предположить, что это был сборник басен, повествующих о различных членах братства животных. Басни архаичны, содержащиеся в них мысли и стиль изложения сегодня звучат для нас странно. Ряд исследователей, изучавших эти фрагменты, согласны с Резоном в том, что они скорее всего сочинены не Псами.

Заглавие упомянутых фрагментов — «Эзоп». Следующее, седьмое предание тоже озаглавлено «Эзоп» — это исконное заглавие, дошедшее до нас из седой древности вместе с самим преданием.

Что это значит? — спрашивают себя исследователи. Резон, естественно, видит здесь еще один повод в пользу своей гипотезы, что авторство всего цикла принадлежит Человеку. Большинство остальных исследователей цикла не согласны с ним, однако до сих пор не выдвинуто взамен никаких других объяснений.

Резон указывает также на седьмое предание как на свидетельство того, что Человека намеренно предали забвению, память о нем стерли, чтобы обеспечить развитие Псовой цивилизации в наиболее чистом виде, —

этим-де объясняется полное отсутствие исторических свидетельств существования Человека.

В этом предании Человек окончательно забыт Псами. Немногочисленных представителей рода людского, которые живут вместе с ними, Псы не воспринимают как людей, называя эти странные создания Вебстерами по фамилии древнего рода. Однако слово «Вебстер» из собственного существительного стало нарицательным. Люди стали для Псов вебстерами, только для Дженкинса они по-прежнему остаются Вебстерами.

— Что такое люди? — спрашивает Лунус, и Мишка оказывается не в состоянии ответить на этот вопрос.

Дженкинс говорит в этом предании, что Псам незачем знать о Человеке. В главной части повествования он перечисляет нам меры, которые принял, чтобы стереть память о Человеке.

Старые родовые предания забыты, говорит Дженкинс. Резон толкует это как сознательный заговор молчания, призванный оградить достоинства Псов, и, пожалуй, не такой уж альтруистический заговор, как старается изобразить Дженкинс. Предания забыты, говорит Дженкинс, и не надо их извлекать из забвения. Однако же мы видим, что они не были забыты. Где-то, в каком-то отдаленном уголке земного шара, их по-прежнему рассказывали, потому-то они и сохранились до наших дней.

Но если предания сохранялись, то сам Человек исчез или почти исчез. Дикая роботы продолжали существовать — если только они не были плодом воображения, — однако ныне и они тоже исчезли. Исчезли Мутанты, а они с Человеком из одного племени. Если существовал Человек, вероятно, существовали и Мутанты.

Всю развернувшуюся вокруг цикла полемику можно свести к одному вопросу: существовал ли Человек на самом деле? Если читатель, знакомясь с преданиями, станет в тупик, он окажется в превосходной компании: ученые и специалисты, всю жизнь посвятившие исследованию цикла, пусть даже у них больше информации, пребывают в таком же тупике.

VII

ЭЗОП

Серая тень скользила вдоль скальной полки к логову, поскуливая от досады и разочарования, потому что заклинание не подействовало.

Косые лучи вечернего солнца высвечивали лицо, голову, туловище, расплывчатые, смутные, подобно утренней мгле над ущельем.

Внезапно полка оборвалась, и тень растерянно присела, прижимаясь к стенке: логова не было! На месте логова — обрыв!

Тень стремительно повернулась, окинула взглядом долину. И река совсем не та. Ближе к утесам течет, чем прежде текла. И на скале появилось ласточкино гнездо там, где раньше никакого ласточкиного гнезда не было.

Тень замерла, и ветвистые щупальца на ее ушах развернулись, исследуя воздух.

Жизнь! В воздухе над пустынными распадками среди череды холмов реял едва уловимый запах жизни.

Тень зашевелилась, встала, поплыла вдоль полки.

Логова нет, и река другая, и к скале прилепилось ласточкино гнездо.

Тень затрепетала от вожделения. Заклинание подействовало, не подвело. Она проникла в другой мир.

Другой, и не только с виду. Мир, до того насыщенный живностью, что сам воздух ею пахнет. И может

быть, эта живность не умеет так уж быстро бегать и так уж ловко прятаться.

Волк и медведь встретились под большим дубом и остановились поболтать.

— Говорят, убийства происходят, — сказал Лупус.

— Непонятные убийства, брат, — пробурчал Мишка. — Убьют и не съедают.

— Символические убийства, — предположил волк. Мишка покачал головой:

— Вот уж никогда не поверю, что могут быть символические убийства. Эта новая психология, которую псы нам преподают, совсем тебе голову заморочила. Убийства могут происходить либо из ненависти, либо от голода. Стану я убивать то, чего не могу съесть.

Он поспешил внести ясность:

— Да я вообще не занимаюсь убийством, брат. Ты ведь это знаешь.

— Конечно, — подтвердил волк.

Мишка лениво зажмурил свои маленькие глазки, потом открыл их и подмигнул.

— Нет, вообще-то случается иногда перевернуть камень и слизнуть муравьишку-другого.

— Не думаю, чтобы псы посчитали это убийством, — серьезно заметил Лупус. — Одно дело — зверь или птица, другое дело — насекомое. Никто нам не говорил, что нельзя убивать насекомых.

— А вот и неверно, — возразил Мишка. — В канонах на этот счет ясно сказано: «Не губи жизнь. Не лишай другого жизни».

— Вообще-то, кажется, ты прав, брат, — ханжески произнес волк. — Кажется, там так и сказано. Но ведь и сами псы не больно-то церемонятся с насекомыми. Слышал небось, они все стараются придумать блохомор посильнее. А что такое блохомор, спрашивается? Средство морить блох. Убивать их, понял? А ведь блохи — живность, блохи — живые твари.

Мишка яростно взмахнул передней лапой, отгоняя зеленую мушку, которая жужжала у него над носом.

— Пойду на пункт кормления, — сказал волк. — Ты не идешь со мной?

— Я еще не хочу есть, — ответил медведь. — И вообще, сейчас рано. До обеда еще далеко.

Лупус облизнулся.

— А я иногда зайду туда как бы невзначай, и дежурный вебстер обязательно что-нибудь найдет для меня.

— Смотри, — предостерег его Мишка. — Просто так он тебя не станет подкармливать. Не иначе что-нибудь замыслил. Не верю я этим вебстерам.

— Этому верить можно, — возразил волк. — Он дежурит на пункте кормления, а ведь совсем не обязан. Любой робот справится с этим делом, а он попросил ему поручить. Мол, надоело торчать в этих душных домах, где, кроме игр, никаких занятий. Зайдешь к нему — смеется, разговаривает, все равно как мы. Славный парень этот Питер.

— А я вот слышал от одного пса, — пророкотал медведь, — будто Дженкинс говорил, что на самом деле их вовсе не вебстерами зовут. Мол, никакие они не вебстеры, а люди...

— А что такое люди? — спросил Лупус.

— Ведь я же тебе толкую: это Дженкинс так говорит...

— Дженкинс, — объявил Лупус, — до того старый стал, что у него ум за разум заходит. Столько надо всего в голове держать! Ему небось уже тысяча лет с лишком.

— Семь тысяч, — отозвался медведь. — Псы задумали ему на день рождения большой праздник устроить. Готовят в подарок новое туловище. Старое уже совсем износилось, чуть не каждый месяц в починке.

Он глубокомысленно покачал головой:

— Что ни говори, Лупус, а все-таки псы для нас немало сделали. Взять хотя бы пункты кормления... А медицинские роботы, а всякие прочие вещи. Да вот в прошлом году у меня зуб зверски разболелся...

— Ну, кормить-то можно было бы получше, — перебил его волк. — Они все твердят, дескать, дрожжи — все равно что мясо, такие же питательные и так далее. Но разве вкус с мясом сравнишь...

— А ты-то откуда знаешь? — спросил Мишка.

Волк замылся только на секунду.

— То есть... как откуда? Мне дед говорил. Такой разбойник был — нет-нет да закусит олениной. Он и рассказал мне, какой вкус у сырого мяса. Правда, тогда не было столько охранников, сколько их теперь развелось.

Мишка зажмурился, потом снова открыл глаза.

— Кто бы мне рассказал, какой вкус у рыбки... В Сосновом ручье форель водится. Я уже заметил. Проще простого: сунул лапу в ручей да выловил штучку-другую. — Он поспешно добавил: — Конечно, я себе не позволяю.

— Ну, конечно, — подхватил волк.

Один мир, а за ним другой, цепочка миров. Один наступает на пятки другому, шагающему впереди. Завтрашний день одного мира — сегодняшний день другого. Вчера — это завтра, и завтра — это тоже прошлое.

С той небольшой поправкой, что прошлого нет. Нет, если не считать воспоминаний, которые порхают на ночных крыльях в тени сознания. Нет прошлого, в которое можно проникнуть. Никаких фресок на стене времени. Никакой киноленты, которую прокрутил назад и увидел былое.

Джошуа встал, встряхнулся, снова сел и почесался задней лапой. Икебод сидел как вкопанный, постукивая металлическими пальцами по столу.

— Все верно, — сказал робот. — Мы тут бессильны. Все сходится. Мы не можем отправиться в прошлое.

— Не можем, — подтвердил Джошуа.

— Зато мы знаем, где находятся гоблины, — продолжал Икебод.

— Да, мы знаем, где находятся гоблины, — сказал Джошуа. — И может быть, сумеем к ним проникнуть. Теперь мы знаем путь.

Один путь открыт, а другой закрыт. Нет, не закрыт, конечно, ведь его и не было. Потому что прошлого нет, прошлого никогда не было, ему негде быть. На месте прошлого оказался другой мир.

Словно два пса, которые идут след в след. Один вышел, другой вошел. Словно длинный, бесконечный ряд шариковых подшипников, которые катятся по желобу, почти соприкасаясь, почти, но не совсем. Словно звенья бесконечной цепи на вращающейся шестеренке с миллиардами зубцов.

— Опаздываем, — сказал Икебод, глянув на часы. — Нам надо еще приготовиться, чтобы пойти на день рождения Дженкинса.

Джошуа опять встряхнулся.

— Да, не мешает. Сегодня у Дженкинса такой день! Ты только подумай, Икебод, семь тысяч лет!

— Я уже готов, — гордо сообщил Икебод. — Еще утром отполировал себя, а тебе надо бы причесаться. Вон какой лохматый.

— Семь тысяч лет, — повторил Джошуа. — Не хотел бы я столько жить.

Семь тысяч лет — семь тысяч миров, ступающих след в след. Да нет, куда больше. Каждый день — мир. Семь тысяч на триста шестьдесят пять. А может быть, каждый час или каждая минута — мир. Или даже что ни секунда, то мир. Секунда — вещь плотная, достаточно плотная, чтобы разделить два мира, достаточно емкая, чтобы вместить два мира. Семь тысяч на триста шестьдесят пять, на двадцать четыре, на шестьдесят раз шестьдесят...

Вещь плотная и окончательная. Ибо прошлого нет. Назад пути нет. Нельзя вернуться и проверить рассказы Дженкинса: то ли это правда, то ли покоробившиеся за семь тысяч лет воспоминания. Нельзя вернуться и проверить туманные предания, повествующие о какой-то усадьбе, каком-то роде вебстеров, каком-то непроницаемом куполе небытия в горах далеко за морями.

Икебод подошел со щеткой и гребешком, и Джошуа отскочил в сторону.

— Не дури, — сказал Икебод. — Я не сделаю тебе больно.

— В прошлый раз чуть всю шкуру с меня не содрал, — пожаловался Джошуа. — Поосторожней там, где шерсть запуталась.

Волк пришел, надеясь подкрепиться, но ему ничего не предложили, а просить учтивость не позволяла, и теперь он сидел, аккуратно обвив лапы косматым хвостом, и смотрел, как Питер скоблит ножом прут.

Белка Поня прыгнула с развесистого дерева прямо на плечо Питера.

— Что это у тебя? — спросила она.

— Метательная палка, — ответил Питер.

— Метать любую палку можно, — заметил волк. — Зачем тебе такая отделка? Бери какую попало и бросай.

— Это совсем новая штука, — объяснил Питер. — Я придумал и сделал. Только еще не знаю, что это такое.

— У нее нет названия? — спросила Поня.

— Пока нет, — сказал Питер. — Надо будет придумать.

— Но ведь любую палку можно бросить, — твердил волк. — Какую захотелось, ту и бросил.

— Не так далеко, — ответил Питер. — И не так сильно.

Он покрутил прут между пальцами — гладкий, круглый, потом поднес к глазу, проверяя, не криво ли получилось.

— Я его не рукой мечу, — объяснил он, — а другой палкой и веревкой.

Он взял вторую палку, прислоненную к дереву.

— А мне вот еще что непонятно, — сказала Поня. — Зачем тебе вообще понадобилось метать палки?

— Сам не знаю, — ответил Питер. — Интересно, вот и бросаю.

— Вы, вебстеры, странные твари, — строго произнес волк. — Иногда мне кажется, что вы не в своем уме.

— Можно в любую цель попасть, — сказал Питер. — Только надо, чтобы метательная палка была прямая и веревка хорошая. Первая попавшаяся деревяшка тут не годится. Пока подберешь...

— Покажи мне, — попросила Поня.

— Гляди. — Питер поднял повыше ореховое древко. — Видишь, крепкая, упругая. Согни ее — тут же опять выпрямляется. Я связываю оба конца веревкой, кладу вот так метательную палку, упираю ее одним концом в веревку и оттягиваю...

— Вот ты говоришь, можно в любую цель попасть, — сказал волк. — Попробуй попади.

— А во что? Выбирайте, а я...

Поня взволнованно показала:

— Вон, вон на дереве малиновка сидит.

Питер быстро прицелился, оттянул веревку, и древко изогнулось дугой. Метательная палка просвистела над поляной. Малиновка закувыркалась в воздухе, роняя перышки. Она упала на землю с глухим, мягким стуком и застыла, маленькая, жалкая, согнутые коготки смотрят вверх... Кровь из клювика окрасила листья под головой.

Белка оцепенела на плече у Питера, волк вскочил на ноги.

Тишина, притихла листва, беззвучно плывут облака в голубом полуденном небе...

— Ты ее убил! — закричала вдруг Поня, захлебываясь ужасом. — Она мертвая! Ты ее убил!

— Я не знал, — промямлил ошеломленный Питер. — Я еще никогда не целился ни во что живое. Только в метки бросал...

— Все равно ты убил малиновку. А убивать запрещается.

— Знаю, — сказал Питер. — Знаю, что запрещается. Но ведь вы сами меня попросили попасть в нее. Вы мне показали. Вы...

— Я не говорила, чтобы ты ее убивал! — кричала Поня. — Я думала, ты просто дашь хорошего тычка. Напугаешь ее как следует. Она всегда такая важная, надутая была...

— Я же сказал вам, что палка сильно бьет.

Страх пригвоздил Вебстера к месту.

Далеко и сильно, думал он. Далеко и сильно — быстро.

— Не тревожься, дружище, — мягко произнес волк. — Мы знаем, что ты не нарочно. Это останется между нами. Мы никому не скажем.

Поня прыгнула на дерево и запищала с ветки:

— Я скажу! Скажу вот Дженкинсу!

Волк рыкнул на нее с лютой ненавистью:

— Ты доносица паршивая! Подлая сплетница!

— Скажу, скажу! — не унималась Поня. — Вот увидите! Скажу Дженкинсу.

Она стремглав поднялась по стволу, добежала до конца ветки и перескочила на другое дерево.

Волк сорвался с места.

— Куда? — осадил его Питер.

— Всю дорогу по деревьям ей не пробежать, — торопливо объяснил волк. — На лугу придется спуститься на землю. Ты не тревожься.

— Нет, — сказал Питер. — Не надо больше убийств. Хватит одного.

— Но ведь она в самом деле скажет.

Питер кивнул:

— Не сомневаюсь.

— А я могу ей помешать.

— Кто-нибудь увидит и донесет на тебя, — сказал Питер. — Нет, Лупус, я тебе не разрешаю.

— Тогда улепетывай поскорей. Я знаю место, где ты можешь спрятаться. Тысячу лет искать будут, не найдут.

— Ничего не выйдет. В лесу глаза есть. Слишком много глаз. Они скажут, куда я пошел. Прошли те времена, когда можно было спрятаться.

— Наверно, ты прав, — медленно произнес волк. — Да, наверно, прав.

Он повернулся и посмотрел на убитую малиновку.

— Ну, а как насчет того, чтобы изъять доказательство? — спросил он.

— Доказательство?..

— Вот именно...

Волк быстро сделал несколько шагов, опустил голову. Послышался хруст. Лупус облизал усы и сел, обвив лапы хвостом.

— Сдается мне, мы с тобой могли бы поладить, — сказал он. — Честное слово, могли бы. У нас так много общего.

На носу его предательски трепетало перышко.

Туловище было хоть куда.

Нержавеющее, крепкое — никакой молот не возьмет. А всевозможных приспособлений и не счесть.

Это был подарок Дженкинсу ко дню рождения. Изящная гравировка на груди так и гласила:

Дженкинсу от псов

Все равно я не смогу им воспользоваться, сказал себе Дженкинс. Оно слишком роскошное для меня, для такого старого робота. Я себя буду неловко чувствовать в таком убранстве.

Покачиваясь в кресле, он слушал, как воет ветер под застрехой.

Но ведь подарок сделан от души... А обижать их нельзя ни за что на свете. Так что изредка придется все же пользоваться новым туловищем — просто так, для вида, чтобы сделать приятное псам. Нельзя совсем не пользоваться им, ведь они столько хлопотали, чтобы его изготовить. Конечно, это туловище не на каждый день, только для исключительных случаев.

Таких, как вебстерский пикник. На пикник стоит принарядиться. Торжественный день... День, когда все Вебстеры на свете, все Вебстеры, которые еще живы, собираются вместе. И меня приглашают. Да-да, всякий раз меня приглашают. Ведь я вебстерский робот. Вот именно, всегда был и буду вебстерским.

Опустив подбородок на грудь, он прислушался к шепоту комнаты и повторил за ней слова. Слова, которые он и комната помнили. Слова из давно минувшего.

Качалка поскрипывала, и звук этот был неотделим от пропитанной настоем времени комнаты, неотделим от воя ветра и бормотания дымохода.

Огонь, подумал Дженкинс. Давно мы огня не разводили. Людям нравилось, чтобы в камине был огонь. Бывало, сидят перед ним, и смотрят, и представляют себе разные картины. И мечтают...

Но мечты людей — да, где вы, мечты людей? Улетели на Юпитер, погребены в Женеве, и теперь только-только начинают пробиваться хилые ростки у нынешних Вебстеров.

Прошлое... Я чересчур занят прошлым. Поэтому от меня мало проку. Мне столько надо помнить, так много, что очередные дела отходят на второе место. Я живу в прошлом, а это неправильно.

Ведь Джошуа говорит, что прошлого нет, а уж кому об этом знать, как не ему. Из всех псов только он один и может знать. Он так старался найти прошлое, чтобы отправиться туда, отправиться назад во времени и проверить то, что я ему рассказывал. Он думает, что у меня маразм, считает мои рассказы старыми роботскими побасенками, полуправдой, полувывислом, причесанным для гладкости.

Спроси его — ни за что не признается, но ведь думает именно так, плутишка. И думает, что я не знаю этого, да не тут-то было.

Дженкинс усмехнулся про себя.

Где ему провести меня. Меня никто из них не проведет. Я их насквозь вижу, знаю, чем они дышат. Я помогал Брюсу Вебстеру передельывать самых первых из них. Слышал самое первое слово, какое было ими произнесено. Они-то, может быть, забыли, да я помню каждый взгляд, каждый жест, каждое слово.

А может быть, это только естественно, что они забыли. И ведь они немалого достигли. Я старался

поменьше вмешиваться, так оно было лучше. Так мне велел и Джон Вебстер в ту далекую ночь. Потому Джон Вебстер и сделал то, что ему пришлось сделать, чтобы закрыть наглухо город Женеву. Конечно, Джон Вебстер. Кто же еще. Кроме него, некому.

Он думал, что всех людей запер там и освободил Землю для псов. Но он забыл одну вещь. Вот именно, забыл. Он забыл про своего собственного сына с его компанией лучников, которые с утра пораньше отправились в лес играть в дикарей и дикарок.

И ведь игра обратилась горькой действительностью почти на тысячу лет. Пока мы их не нашли и не доставили домой. В усадьбу Вебстеров — туда, откуда все пошло.

Наклонив голову и сложив руки на коленях, Дженкинс продолжал медленно качаться. Поскрипывало кресло, и ветер гулял под стрехой, и дребезжало окно. И камин, с его прокопченной глоткой, толковал что-то про былые дни, про других людей, про давно отшумевшие западные ветры.

Прошое, думал Дженкинс. Вздор. Безделица, когда впереди еще столько дел. Еще столько проблем ожидает псов.

Например, перенаселение. Уж сколько мы о нем думаем, сколько говорим. Слишком много кроликов, потому что ни волкам, ни лисам не разрешается их убивать. Слишком много оленей, потому что койотам и волкам запрещается есть оленину. Слишком много скунсов, слишком много мышей, слишком много диких кошек. Слишком много белок, дикобразов, медведей.

Запрети убийство — этот могучий регулятор — и разведется слишком много живности. Укроти болезни, обрати на борьбу с травмами быстроходных медицинских роботов — еще одним регулятором меньше.

Человек заботился об этом. Уж он заботился... Люди убивали всех на своем пути, будь то животное или другие люди.

Человек никогда не помышлял о великом обществе животных, не мечтал о том, чтобы скунс, енот и медведь, оставляя в стороне природные различия, вместе шли по дорогам жизни, вместе смотрели вперед, помогали друг другу.

А псы мечтали об этом. И добились этого.

Все равно как в сказке про братца Кролика... Как в детских фантазиях минувших времен. Или как в библейской притче про льва и агнца, которые лежали рядом друг с другом. Или как на картинках Уолта Диснея, с той поправкой, что картинки всегда отгадали фальшью, потому что воплощали человеческий образ мыслей.

Скрипнула дверь, кто-то переступил с ноги на ногу. Дженкинс повернулся.

— Привет, Джошуа, — сказал он. — Привет, Икебод. Прошу, входите. Я тут немножко задумался.

— Мы проходили мимо и увидели свет, — объяснил Джошуа.

— Я думал про свет. — Дженкинс глубокомысленно кивнул. — Думал про ту ночь пять тысяч лет назад. Из Женева прибыл Джон Вебстер — первый человек, который навел нас за много столетий. Он лежал в спальне наверху, и все псы спали, и я стоял вон там у окна и смотрел за реку. А там — ни одного огня, ни единого. В какую сторону ни погляди — сплошной кромешный мрак. Я стоял и вспоминал то время, когда там были огни, и спрашивал себя, увижу ли я их когда-нибудь снова.

— Теперь там есть огни, — мягко произнес Джошуа. — Сегодня ночью по всему миру светят огни. Даже в логовах и пещерах.

— Знаю, знаю, — сказал Дженкинс. — Сейчас стало даже лучше, чем было прежде.

Икебод протопал в угол, где стояло сверкающее туловище, поднял руку и почти нежно погладил металлический кожух.

— Я очень благодарен псам, что они подарили мне туловище, — сказал Дженкинс. — Да только зачем это? Достаточно подлатать немного старое, и оно еще вполне послужит.

— Просто мы тебя очень любим, — объяснил Джошуа. — Псы в таком долгу перед тобой. Мы и раньше пытались что-нибудь сделать для тебя, но ведь ты нам никогда не позволял. Хоть бы ты разрешил нам построить тебе новый дом, современный дом со всякими новинками.

Дженкинс покачал головой:

— Это совершенно бесполезно, ведь я все равно не смогу там жить. Понимаешь, для меня дом — здесь. Усадьба всегда была моим домом. Только латайте ее время от времени, как мое туловище, и мне ничего другого не надо.

— Но ты совсем одинок.

— Ничего подобного, — возразил Дженкинс. — Здесь полно народу.

— Полно народу? — переспросил Джошуа.

— Люди, которых я знал.

— Ух ты, какое туловище! — восхищался Икебод. — Вот бы примерить.

— Икебод! — завопил Джошуа. — Сейчас же пойді сюда. Не смей трогать...

— Оставь ты этого юнца в покое, — вмешался Дженкинс. — Пусть зайдет, когда я буду посвободнее...

— Нет, — отрезал Джошуа.

Ветка поскреблась о застреху, тонкими пальцами постучалась в стекло. Брякнула черепица, ветер прошелся по крыше легкой, танцующей походкой.

— Хорошо, что вы заглянули, — произнес Дженкинс. — Мне надо вам кое-что сказать.

Он покачивался в кресле взад-вперед, и один полоз поскрипывал.

— Меня не хватит навечно, — продолжал Дженкинс. — Семь тысяч лет тяну, как еще до сих пор не рассыпался.

— С новым туловищем тебя еще на трижды семь тысяч лет хватит, — возразил Джошуа.

Старый робот покачал головой:

— Я не о туловище, а о мозге говорю. Как-никак, машина. Хорошо сработан, на совесть, но навечно его не хватит. Рано или поздно что-нибудь поломается, и тогда конец моему мозгу.

Кресло поскрипывало в притихшей комнате.

— А это значит смерть, — продолжал Дженкинс, — значит, что я умру. Все правильно. Все как положено. Все равно от меня уже никакого толку. Был я когда-то нужен.

— Ты нам всегда будешь нужен, — мягко сказал Джошуа. Без тебя нам не справиться.

Но Дженкинс продолжал, словно и не слышал его:

— Мне надо рассказать вам про Вебстеров. Надо вам объяснить. Чтобы вы поняли.

— Я постараюсь понять, — ответил Джошуа.

— Вы, псы, называете их вебстерами — это ничего. Называйте как хотите, лишь бы вы знали, кто они такие.

— Иногда ты называешь их людьми, а иногда называешь вебстерами, — заметил Джошуа. — Не понимаю.

— Они были люди, и они правили Землей. И среди них был один род по фамилии Вебстер. Вот эти самые Вебстеры и сделали для вас такое замечательное дело.

— Какое замечательное дело?

Дженкинс крутнулся вместе с креслом и остановил его.

— Я стал забывчивым, — пробурчал он. — Все забываю. Чуть что, сбиваюсь.

— Ты говорил о каком-то замечательном деле, которое сделали для нас вебстеры.

— Что? Ах да. Вот именно. Вы должны присматривать за ними. Главное — присматривать.

Он медленно раскачивался в кресле, а мозг его захлестнули мысли, перемежаемые скрипом качалки.

Чуть не сорвалось с языка, говорил он себе. Чуть не погубил мечту...

Но я вовремя вспомнил. Да, Джон Вебстер, я вовремя спохватился. Я сдержал слово, Джон Вебстер.

Я не сказал Джошуа, что псы когда-то были у людей домашними животными, что они обязаны людям своим сегодняшним положением. Ни к чему им об этом знать. Пусть держат голову высоко. Пусть продолжают свою работу. Старые родовые предания забыты, и не надо извлекать их из забвения.

А как хотелось бы рассказать им. Вигит Бог, хотелось бы рассказать. Предупредить их, чего надо остерегаться. Рассказать им, как мы искореняли старые представления у дикарей, которых привезли сюда из Европы. Как отучали их от того, к чему они привыкли. Как стирали в их мозгу понятие об оружии, как учили их миру и любви.

И как мы должны быть начеку, чтобы не прозевать тот день, когда они примутся за старое, когда возродится старый человеческий образ мыслей.

— Но ты же сказал... — не унимался Джошуа.

Дженкинс сделал отрицательный жест.

— Пустяки, не обращай внимания, Джошуа. Мало ли что плетет старый робот. У меня иной раз все путается в мозгу, и я начинаю заговариваться. Слишком много о прошлом думаю, а ведь ты сам говоришь, что прошлого нет.

Икебод присел на корточках, глядя на Дженкинса.

— Конечно же, нет, — подтвердил он. — Мы проверяли и так и сяк — все данные сходятся, все говорят одно. Прошлого нет.

— Ему негде быть, — сказал Джошуа. — Когда идешь назад по временной оси, тебе встречается не прошлое, а совсем другой мир, другая категория сознания. Хотя Земля та же самая или почти та же самая. Те же деревья, те же реки, те же горы, и все-таки мир не тот, который мы знаем. Потому что он по-другому жил, по-другому развивался. Предыдущая секунда — вовсе не предыдущая секунда, а совсем другая, особый сектор времени. Мы все время живем в пределах одной и той же секунды. Двигаемся в ее рамках, в рамках крохотного отрезка времени, который отведен нашему миру.

— Наш способ мерить время никуда не годится, — подхватил Икебод. — Это он мешал нам верно представить себе время. Мы все время думали, что перемещаемся во времени, а фактически было иначе и ничего похожего. Мы двигались вместе со временем. Мы говорили: еще секунда прошла, еще минута прошла, еще час, еще день, — а на самом деле ни секунда, ни минута, ни час никуда не делись. Все время оставалась одна и та же секунда. Просто она двигалась — и мы двигались вместе с ней.

Дженкинс кивнул:

— Понятно. Как бревна в реке. Как щепки, которые несет течением. На берегу одна картина сменяется другой, а поток все тот же.

— В этом роде, — сказал Икебод. — С той разницей, что время — твердый поток и разные миры зафиксированы крепче, чем бревна в реке.

— И как раз в этих других мирах живут гоблины?

Джошуа кивнул:

— А где же им еще жить?

— И ты теперь, надо думать, соображаешь, как проникнуть в эти миры, — заключил Дженкинс.

Джошуа легонько почесался.

— Конечно, соображает, — подтвердил Икебод. — Мы нуждаемся в пространстве.

— Но ведь гоблины...

— Может быть, они не все миры заняли, — сказал Джошуа. — Может быть, есть еще свободные. Если мы найдем незанятые миры, они нас выручат. Если не найдем — нам туго придется. Перенаселение вызовет волну убийств. А волна убийств отбросит нас к тому месту, откуда мы начинали.

— Убийства уже происходят, — тихо произнес Дженкинс.

Джошуа наморщил лоб и прижал уши.

— Странные убийства. Убьют, но не съедают. И крови не видно. Как будто шел-шел — и вдруг упал запертво. Наши медицинские роботы скоро с ума сойдут. Никаких изъянов. Никаких причин для смерти.

— Но ведь умирают, — сказал Икебод.

Джошуа подполз поближе, понизив голос:

— Я боюсь, Дженкинс. Боюсь, что...

— Чего же тут бояться?

— В том-то и дело, что есть чего. Ангес сказал мне об этом. Ангес боится, что кто-то из гоблинов... кто-то из гоблинов проник к нам.

Порыв ветра потянул воздух из дымохода, прокатился кубарем под застрехой. Другой порыв поухал совой в темном закоулке поблизости. И явился страх, заходил туда и обратно по крыше, глухо, сторожко ступая по черепицам.

Дженкинс вздрогнул и весь напрягся, укрощая дрожь. У него сел голос.

— Никто еще не видел гоблина, — проскрежестал он.

— А его, может, вообще нельзя увидеть.

— Возможно, — согласился Дженкинс. — Возможно, его нельзя увидеть.

Разве не это самое говорил человек? Призрак нельзя увидеть, привидение нельзя увидеть, но можно ощутить их присутствие. Ведь вода продолжает капать, как бы туго ни завернули кран, и кто-то скребется в окно, и ночью псы на кого-то воют, и никаких следов на снегу.

Кто-то поскребся в окно.

Джошуа вскочил на ноги и замер. Статуя собаки — лапа поднята, зубы оскалены, обозначая рычание. Икебод весь превратился в слух, выжидая.

Кто-то поскребся опять.

— Открой дверь, — сказал Икебоду Дженкинс. — Там кто-то просится в дом.

Икебод прошел через сгусток тишины. Дверь скрипнула под его рукой. Он отворил, тотчас в комнату юркнула белка, серой тенью прыгнула к Дженкинсу и опустила на его колени.

— Это же Поня! — воскликнул Дженкинс.

Джошуа сел и спрятал клыки. Металлическая физиономия Икебода расплылась в дурацкой улыбке.

— Я видела, как он это сделал! — закричала Поня. — Видела, как он убил малиновку. Он попал в нее металлической палкой. И перья полетели. И на листике была кровь.

— Успокойся, — мягко произнес Дженкинс. — Не торопись так, расскажи все по порядку. Ты слишком возбуждена. Ты видела, как кто-то убил малиновку.

Поня всхлипнула, стуча зубами.

— Это Питер убил.

— Питер?

— Вебстер, которого зовут Питером.

— Ты видела, как он метнул палку?

— Он метнул ее другой палкой. Оба конца веревкой связаны, он веревку потянул, палка согнулась...

— Знаю, — сказал Дженкинс. — Знаю.

— Знаешь? Тебе все известно?

— Да, — подтвердил Дженкинс. — Мне все известно. Это лук и стрела.

И было в его тоне нечто такое, отчего они все притихли, и комната вдруг показалась им огромной и пустой, и стук ветки по стеклу превратился в потусторонний звук, прерывающийся замогильный голос, причитающий, безутешный.

— Лук и стрела? — вымолвил наконец Джошуа. — Что такое лук и стрела?

Да, что это такое? — подумал Дженкинс. *Что такое лук и стрела?*

Это начало конца. Это извилистая тропка, которая разрастается в громовую дорогу войны.

Это игрушка, это оружие, это триумф человеческой изобретательности.

*Это первый зародыш атомной бомбы.
Это символ целого образа жизни.
И это слова из детской песенки:*

*Кто малиновку убил?
Я, ответил воробей.
Лук и стрелы смастерил
И малиновку убил!*

То, что было забыто. То, что теперь воссоздано. То, чего я опасался.

Он выпрямился в кресле, медленно встал.

— Икебод, — сказал он, — мне понадобится твоя помощь.

— Разумеется, — ответил Икебод. — Только скажи.

— Туловище, — продолжал Дженкинс. — Я хочу воспользоваться моим новым туловищем. Тебе придется отделить мою мозговую коробку...

Икебод кивнул.

— Я знаю, как это делается, Дженкинс.

Голос Джошуа зазвенел от испуга:

— В чем дело, Дженкинс? Что ты задумал?

— Я пойду к мутантам, — раздельно произнес Дженкинс. — Настало время просить у них помощи.

Тень скользила вниз через лес, сторонясь прогалин, озаренных лунным светом. В лунном свете она мерцала, ее могли заметить, а этого допустить нельзя. Нельзя срывать охоту другим, которые последуют за ней.

Потому что другие последуют. Конечно, не сплошным потоком, все будет тщательно рассчитано. По три, по четыре — и в разных местах, чтобы не всполошить живность этого восхитительного мира.

Ведь если они всполошатся — все пропало.

Тень присела во мраке, приникла к земле, исследуя ночь напряженными, трепещущими нервами. Выделяя знакомые импульсы, она регистрировала их в своем бдительном мозгу и откладывала в памяти для ориентировки.

Кроме знакомых импульсов, были загадочные — совсем или наполовину. А в одном из них улавливалась страшная угроза...

Тень распласталась на земле, вытянув уродливую голову, отключила восприятие от наполняющих ночь сигналов и сосредоточилась на том, что поднималось вверх по склону.

Двое, притом отличные друг от друга. Она мысленно зарычала, в горле застрял хрип, а ее разреженную плоть пронизало острое предвкушение пополам с унижительным страхом перед неведомым.

Тень оторвалась от земли, сжалась в комок и поплыла над склоном, идя наперехват двоим.

Дженкинс был снова молод, силен, проворен, проворен душой и телом. Проворно шагал он по залитым лунным светом, открытым ветру холмам. Мгновенно улавливал шепот листвы и чириканье сонных птиц. И еще кое-что.

Да, и еще кое-что!

Ничего не скажешь, туловище хоть куда. Нержавеющее, крепкое — никакой молот не возьмет. Но не только в этом дело.

Вот уж никогда не глумал, говорил он себе, что новое туловище так много значит! Никогда не глумал, что старое до такой степени износилось и одряхлело. Конечно, оно с самого начала было так себе, да ведь в то время и такое считалось верхом совершенства. Что ни говори, механика может творить чудеса.

Роботы, конечно, постарались — дикие роботы. Псы договорились с ними, и они смастерили туловище. Вообще-то псы не очень часто общаются с роботами. Нет, отношения хорошие, все в порядке, но потому и в порядке, что они не беспокоят друг друга, не навязываются, не лезут в чужие дела.

Дженкинс улавливал все, что происходило кругом. Вот кролик повернулся в своей норке. Вот енот вышел на ночную охоту — Дженкинс тотчас уловил вкрадчивое, вороватое любопытство в мозгу за маленькими глазками, которые гядели на него из орешника. А вон там, налево, свернувшись калачиком, под деревом спит медведь и видит сны, сны обжоры: дикий мед и выловленная из ручья рыба с приправой из муравьев, которых можно слизнуть с перевернутого камня.

Это было поразительно — и, однако, вполне естественно. Так же естественно, как ходить, поочередно поднимая ноги. Так же естественно, как обычный слух. Но ни слухом, ни зрением этого не назовешь. И воображение тут ни при чем. Потому что сознание Дженкинса вполне вещественно и четко воспринимало и кролика в его норе, и енота в кустах, и медведя под деревом.

И у самых диких роботов теперь такие же туловища, сказал он себе, ведь если они сумели смастерить такое для меня, так уж себе и подавно изготовили.

Они тоже далеко продвинулись за семь тысяч лет, как и псы, прошедшие немалый путь после исхода людей. Но мы не обращали внимания на них, потому что так было задумано. Роботы идут своим путем, псы — своим и не спрашивают, кто чем занят, не проявляют любопытства. Пока роботы собирали космические корабли и посылали их к звездам, пока мастерили новые туловища, пока занимались животными, ковали братство всех тех, кого во время человека преследовали как дичь, слушали гоблинов и зондировали пучины времени, чтобы установить, что времени нет.

Но если псы и роботы продвинулись так далеко, то мутанты, конечно же, ушли еще дальше. Они выслушают меня, говорил себе Дженкинс, должны выслушать, ведь я предложу задачу, которая придется им по нраву. Как-никак, мутанты — люди, несмотря на все свои причуды, они сыны человека. Оснований для злобы у них не может быть, ведь имя человек теперь не больше, чем влекомая ветром пыль, чем шелест листвы в летний день.

И кроме того, я семь тысяч лет их не беспокоил, да и вообще никогда не беспокоил. Джо был моим другом, насколько это вообще возможно для мутанта. С людьми иной раз не разговаривал, а со мной разговаривал. Они выслушают меня и скажут, что делать. И они не станут смеяться.

Потому что дело нешуточное. Пусть только лук и стрела — все равно нешуточное. Возможно, когда-то лук и стрелы были потехой, но история заставляет пересматривать многие оценки. Если стрела — потеха, то и атомная бомба — потеха, и шквал смертоносной пыли, опустошающей целые города, потеха, и

ревушая ракета, которая взмывает вверх, и падает за десять тысяч миль, и убивает миллион людей...

Правда, теперь миллиона не наберется. От силы несколько сот, обитающих в домах, которые построили им псы, потому что тогда псы еще помнили, кто такие люди, помнили, что их связывало с ними, и видели в людях богов. Видели в людях богов и зимними вечерами у очага рассказывали гревные предания, и надеялись, что наступит день, когда человек вернется, погладит их по голове и скажет: «Молодцом, верный и надежный слуга».

И зря, говорил себе Дженкинс, шагая вниз по склону, совершенно напрасно. Потому что люди не заслуживали преклонения, не заслуживали обожествления. Господи, я ли не любил людей? Да и сейчас люблю, если на то пошло, но не потому, что они люди, а ради воспоминаний о некоторых из великого множества людей.

Несправедливо это было, что псы принялись работать на человека. Ведь они строили свою жизнь куда разумнее, чем человек свою. Вот почему я стер в их мозгу память о человеке. Это был долгий и кропотливый труд, много лет я искоренял предания, много лет наводил туман, и теперь они не только называют, но и считают людей вебстерами.

Я сомневался, верно ли поступил. Чувствовал себя предателем. И были мучительные ночи, когда мир спал, окутавшись мраком, а я сидел в качалке и слушал, как ветер стонет под застрехой. И думал: вправе ли я был так поступить? А может быть, Вебстеры не одобрили бы мои действия? До того сильна была их власть надо мной, так сильна она до сих пор, через тысячи лет, что сделаю что-нибудь и переживаю: вдруг это им не понравилось бы?

Но теперь я убедился в своей правоте. Лук и стрелы это доказывают. Когда-то я допускал, что человек просто пошел не по тому пути, что некогда, во времена темной дикости, которая была его колыбелью и детской комнатой, он свернул не в ту сторону, шагнул не с той ноги. Теперь я вижу, что это не так. Человек признает только один-единственный путь — путь лука и стрел.

Уж как я старался! Вудит Бог, я старался.

Когда мы выловили этих шатунов и доставили их в усадьбу Вебстеров, я изъял их оружие, изъял не только из рук — из сознания тоже. Я переделал все книги, какие можно было переделать, а остальные сжег. Я учил их заново читать, заново петь, заново мыслить. И в книгах не осталось и намека на войну и оружие, на ненависть и историю — ведь история есть ненависть, — не осталось намека на битвы, подвиги и фанфары.

Да только попусту старался... Теперь я вижу, что попусту старался. Потому что, сколько ни старайся, человек все равно изобретет лук и стрелы.

Закончив долгий спуск, он пересек ручей, скачущий вниз к реке, и начал карабкаться вверх к мрачным, суровым контрфорсам, венчающим высокий бутор.

Крутом что-то шуршало, и новое туловище сообщило сознанию, что это мыши — мыши снуют в ходах, которые проделали в густой траве. И на мгновение он уловил незатейливое счастье резвящихся мышек, незатейливые, простенькие, легкие мысли счастливых мышек.

На стволе упавшего дерева притаилась ласка — ее душу переполняло зло, вызванное мыслью о мышах и воспоминанием о тех днях, когда ласки кормились мышами. Жажда крови — и страх, страх перед тем, что сделают псы, если она убьет мышь, страх перед сотней глаз, следящих за тем, чтобы убийство больше не шествовало по свету.

Но ведь человек убил. Ласка убивать не смеет, а человек убил. Пусть даже не со зла, не намеренно. Но ведь убил. А каноны запрещают лишать жизни.

Случались и прежде убийства, и убийц наказывали. Значит, человек тоже должен быть наказан. Нет, мало наказывать. Наказание проблемы не решит. Проблема-то не в одном человеке, а во всех людях, во всем человеческом роде. Ведь что один сделал, могут сделать и остальные.

Замок мутантов высился черной громадой на фоне неба, до того черной, что она мерцала в лунном свете. И никаких огней, но в этом не было ничего удивительного, потому что никто еще не видел в замке огней. И никто не помнил, чтобы отворялись двери замка. Мутан-

ты выстроили замки в разных концах света, вошли в них, и на том все кончилось. Прежде они вмешивались в людские дела, даже вели с людьми нечто вроде саркастической войны, когда же люди исчезли, мутанты тоже перестали показываться.

У широкой каменной лестницы Дженкинс остановился. Запрокинув голову, он глядел на возвышающееся перед ним сооружение.

Джо, наверное, умер, сказал он себе. Он был долгожитель, но ведь не бессмертный. Вечно жить он не мог. Странно будет теперь встретиться с мутантом и знать, что это не Джо.

Он начал подниматься по ступенькам, шел медленно-медленно, все нервы на взводе, готовый к тому, что вот-вот на него обрушится первая волна сарказма.

Однако ничего не произошло.

Он одолел лестницу и остановился перед дверью, размышляя, как дать мутантам знать о своем приходе.

Ни колокольчика. Ни звонка. Ни колотушки. Гладкая дверь, обыкновенная ручка. И все.

Он нерешительно поднял кулак и постучал несколько раз, потом подождал. Никакого отклика. Дверь оставалась немой и недвижимой.

Он постучал еще, на этот раз погромче. И опять никакого ответа.

Медленно, осторожно он взялся за дверную ручку и нажал на нее. Ручка подалась, дверь отворилась, и Дженкинс ступил внутрь.

— Дурень ты, дурень, — сказал Лупус. — Я заставил бы их поискать меня. Заставил бы погоняться за мной. Я бы так просто им не поддался.

Питер покачал головой:

— Может быть, ты так и поступил бы, Лупус, может быть, для тебя это годится. Но для меня это не подходит. Вебстеры никогда не убегают.

— Откуда ты это взял? — не унимался волк. — Чушь какую-то пореешь. До сих пор ни одному вебстеру не надо было убежать, а раз ни одному вебстеру еще не приходилось убежать, откуда ты можешь знать, что они никогда...

— Ладно, заткнись, — отрезал Питер.

Они продолжали молча подниматься по каменистой тропе, взбираясь на холм.

— За нами кто-то следует, — вдруг сказал Лупус.

— Тебе померещилось, — возразил Питер. — Кому это нужно следовать за нами?

— Не знаю, но...

— Что, запах чуешь?

— Нет...

— Что-нибудь слышал? Или увидел?

— Нет, но...

— Значит, никто за нами не следует, — решительно заявил Питер. — Теперь вообще никто никого не отслеживает.

Свет луны, струясь между деревьями, испестрил серебром черный лес. В ночной долине, на реке, утки о чем-то сонно спорили вполголоса. Слабый ветерок снизу принес с собой дыхание речной мглы.

Тетива зацепилась за куст, и Питер остановился, чтобы освободить ее. При этом он уронил на землю несколько стрел и нагнулся, чтобы поднять их.

— Придумал бы какой-нибудь другой способ носить эти штуки, — пробурчал Лупус. — Без конца то зацепишься, то уронишь, то...

— Я уже думал об этом, — спокойно ответил Питер. — Пожалуй, сделаю что-нибудь вроде сумки, чтобы можно было повесить на плечо.

Подъем продолжался.

— Ну и что ты собираешься сделать, когда придешь в усадьбу Вебстеров? — спросил Лупус.

— Я собираюсь найти Дженкина, — ответил Питер. — Собираюсь рассказать ему, что я сделал.

— Поня уже рассказала.

— Может быть, она не так рассказала. Может быть, что-нибудь напутала. Поня очень волновалась.

— Да она вообще ненормальная.

Они пересекли лунную прогалину и снова нырнули во мрак.

— Что-то у меня нервишки разгулялись, — сказал Лупус. — Затеял ты ерунду какую-то. Я тебя до сих пор проводил и...

— Ну и возвращайся, — сердито ответил Питер. — У меня нервы в порядке. Я...

Он круто обернулся, волосы на голове у него поднялись дыбом.

Что-то было не так... Что-то в воздухе, которым он дышал, что-то в его мозгу... Тревожное, жуткое ощущение опасности, но еще сильнее — чувство омерзения, оно вонзило когти ему в лопатки и поползло по спине миллионами цепких ножек.

— Лупус! — вскричал он. — Лупус!

Возле тропы внизу вдруг сильно качнулся куст, и Питер стремглав бросился туда. Обогнув кусты, он круто остановился. Вскинул лук и, мгновенно выхватив из левой руки стрелу, упер ее в тетиву.

Лупус распростерся на траве — половина туловища в тени, половина на свету. Его пасть оскалилась клыками, одна лапа еще царапала землю.

А над ним наклонилась какая-то тень. Тень, силуэт, призрак. Тень шипела, тень рычала, в мозгу Питера отдался целый поток яростных звуков. Ветер отодвинул ветку, пропуская лунный свет, и Питер рассмотрел нечто вроде лица — смутные очертания, словно полустертый рисунок мелом на пыльной доске. Лицо мертвеца, и воющий рот, и щели глаз, и отороченные щупальцами уши.

Тренькнула тетива, и стрела вонзилась в лицо — вонзилась, и прошла насквозь, и упала на землю. А лицо все так же продолжало рычать.

Еще одна стрела уперлась в тетиву и поползла назад, дальше, дальше, почти до самого уха. Стрела, выброшенная упругой силой крепкой прямослойной древесины, выброшенная ненавистью, страхом, отвращением человека, который натягивал тетиву.

Стрела поразила размытое лицо, замедлила полет, закачалась — и тоже упала.

Еще одна стрела — и сильнее натянуть тетиву. Еще сильнее, чтобы летела быстрее и убила наконец эту тварь, которая не желает умирать, когда ее поражает стрела. Тварь, которая только замедляет стрелу, и заставляет ее качаться, и пропускает насквозь.

Сильнее, сильнее — еще сильнее. И... Лопнула тетива.

Секунду Питер стоял, опустив руки: в одной никчемный лук, в другой никчемная стрела. Стоял, измеряя взглядом просвет, отделяющий его от призрачной нечисти, присевшей над останками серого.

В душе его не было страха. Не было страха, хотя он лишился оружия. Была только бешеная ярость, от кото-

рой его трясло, и был голос в мозгу, который чеканил одно и то же звенящее слово:

— Убей... убей... убей...

Он отбросил лук и пошел вперед — руки согнуты в локтях, пальцы словно кривые когти. Жалкие когти...

Тень попятилась — попятилась под напором волны страха, внезапно захлестнувшей ей мозг, страха и ужаса перед лицом лютой ненависти, излучаемой идущим на нее созданием. Властная, свирепая ненависть...

Ужас и страх ей и прежде были знакомы — ужас, и страх, и отчаяние, но здесь она столкнулась с чем-то новым. Как будто мозг ожгло карающей плетью.

Это была ненависть.

Тень заскулила про себя — заскулила, захныкала, попятилась, лихорадочно копаясь мысленными пальцами в помутившемся мозгу в поисках формулы бегства.

Комната была пустая — пустая, заброшенная, гулая. Комната, которая, поймав скрип открывающейся двери, потопклала его в глухих углах, потом возвратила. Комната, воздух которой загустел от пыли забвения, пропитался торжественным молчанием праздных столетий.

Дженкинс стоял, держась за дверную ручку, стоял, прощупывая все углы и темные ниши обостренным чутьем новой аппаратуры, составляющей его туловище. Ничего. Ничего, кроме тишины, и пыли, и мрака. И похоже, тишина, пыль и мрак безраздельно царят здесь уже много лет. Никакого намека на дыхание хоть какой-нибудь бросовой мыслишки, никаких следов на полу, никаких каракуль, начертанных небрежным пальцем на столе.

Откуда-то из тайников мозга просочилась в сознание старая песенка, старая-престарая — она была старой уже тогда, когда ковали первое туловище Дженкинса. Его поразило, что она существует, поразило, что он вообще ее знал. А еще ему стало не по себе от разбуженного ею шквала столетий, не по себе от воспоминания об аккуратных белых домиках на миллионе холмов, не по себе при мысли о людях, которые любили свои

поля и мерили их уверенной, спокойной хозяйской поступью.

Энни больше нет здесь.

Нелепо, сказал себе Дженкинс. Нелепо, что какой-то вздор, сочиненный племенем, которое почти перевелось, вдруг пристал ко мне и не дает покоя. Нелепо.

Кто малиновку убил? Я, ответил воробей.

Он закрыл дверь и пошел через комнату.

Пыльная мебель ждала человека, который так и не вернулся. Пыльные инструменты и аппараты лежали на столах. Пылью покрылись названия книг, выстроенных рядами на массивных полках.

Ушли, сказал себе Дженкинс. И никому неведомо, когда и почему ушли. И куда, тоже неведомо. Никому ничего не говоря, ночью незаметно ускользнули. И теперь, как вспомнят, конечно же, веселятся — веселятся при мысли о том, что мы стережем и гугаем — они еще там, гугаем — как бы не вышли.

В стенах были еще двери, и Дженкинс подошел к одной из них. Взявшись за ручку, он сказал себе, что открывать нет смысла, продолжать поиски нет смысла. Если эта комната пуста и заброшена, значит, и все остальные такие же.

Он нажал на ручку, и дверь отворилась, и его обдало зноем, но комнаты он не увидел. Перед ним была пустыня, золотистая пустыня простерлась до подернутого маревом ослепительного горизонта под огромным голубым солнцем.

Нечто зеленое и пурпурное — вроде ящерицы, но совсем не ящерица, — семена ножками, с мертвящим свистом молнией проскользнуло по песку.

Дженкинс захлопнул дверь, оглушенный и парализованный.

Пустыня. Пустыня и что-то скользящее по песку. Не комната, не зал и не терраса — пустыня.

И солнце было голубое. Голубое и палящее.

Медленно, осторожно он снова отворил дверь, сперва самую малость, потом пошире.

По-прежнему пустыня.

Захлопнув дверь, Дженкинс уперся в нее спиной, словно требовалась вся сила его металлического туловища, чтобы не пустить пустыню внутрь, преградить путь тому, что эта дверь и пустыня означали.

Да, здорово у них голова варила, сказал он себе. Здорово и быстро, куда там обыкновенным людям за ними гнаться. Мы и не представляли себе, как у них здорово варила голова. Но теперь-то я вижу, что она у них варила лучше, чем мы глумили.

Эта комната — всего лишь прихожая, мост через немыслимые дали к другим мирам, другим планетам, вращающимся вокруг безвестных солнц. Средство покинуть Землю, не покидая ее, ключ, позволяющий, открыв дверь, пересечь пустоту.

В стенах были другие двери, и Дженкинс посмотрел на них, посмотрел и покачал головой.

Он медленно прошел через комнату к выходу. Тихо, чтобы не нарушить безмолвие пыльного помещения, нажал дверную ручку, и вышел, и увидел знакомый мир. Мир луны и звезд, ползущей между холмами речной мглы, перешептывающихся через распадок древесных крон.

Мыши все так же сновали по своим травяным ходам, и в голове у них роились радостные мышинные мысли или что-то вроде мыслей. На дереве сидела сова, думая кровожадную думу.

Рядом, думал Дженкинс, совсем еще рядом таится она — древняя лютая ненависть, древняя жажда крови. Но мы с самого начала обеспечили им преимущество, какого не было у человека, а впрочем, человечество скорее всего при любом начале осталось бы таким же.

И вот мы снова видим искони присущую человеку жажду крови, стремление выделиться, быть сильнее других, утверждать свою волю посредством своих изобретений — предметов, которые позволяют его руке стать сильнее любой грубой руки или лапы, позволяют его зубам впиваться в плоть глубже любого клыка, которые достают и поражают на расстоянии.

Я думал получить помощь. Я пришел сюда за помощью. А помощи не будет.

Не будет помощи. Ведь только мутанты могли мне помочь, а они ушли.

Теперь вся ответственность на тебе, говорил себе Дженкинс, идя вниз по ступеням. Ты отвечаешь за людей. Ты должен их как-то остановить. Должен их как-то изменить. Ты не можешь позволить им погубить

дело, начатое псами. Не можешь позволить им опять превратить этот мир в мир лука и стрел.

Он шел по темной ложине под лиственным сводом и ощущал запах гниющих прошлогодних листьев, скрытых под новой зеленью. Ничего подобного он прежде не испытывал.

Его старое туловище не обладало обонянием.

Обоняние, обостренное зрение, восприятие мыслей других существ — способность читать мысли енотов, угадывать мысли мышей, жажду крови в мозгу ласок и сов...

И еще кое-что: отголосок чьей-то ненависти в дыхании ветра и какой-то чужеплеменный крик ужаса.

Эта ненависть, этот крик пронизали его сознание и приковали его к месту, потом заставили сорваться с места и бежать, мчаться вверх по склону, не так, как человек бежал бы в темноте, а как бежит робот, видящий во мраке и наделенный железным организмом, которому неведомы тяжелое дыхание и задыхающиеся легкие.

Ненависть — и он знал лишь одну ненависть, равную этой.

Чувство становилось все сильнее, все острее по мере того, как он мерил тропу скачками, и мысль его стонала от мучительного страха — страха перед тем, что он увидит.

Он обогнул кустарник и круто остановился.

Человек шел вперед, согнув руки в локтях, и на траве лежал сломанный лук. Волк распростерся на земле — половина серого туловища на свету, половина в тени, и от волка пятилась какая-то призрачная тварь, наполовину тень, наполовину свет, то ли видно, то ли не видно, будто фантом из кошмара.

— Питер! — крикнул Дженкинс, но крик его был беззвучным.

Потому что он уловил исступление в мозгу полупрозрачной твари — исступление и панический ужас пробились сквозь ненависть человека, который наступал на сжавшуюся в комок, брызгающую слюной тень. Панический ужас и отчаянное стремление — стремление что-то найти, что-то вспомнить.

Человек почти настиг ее. Он шел прямо, решительно — тщедушное тело, нелепые кулачки. И отвага.

Отвага, сказал себе Дженкинс, *с такой отвагой ему сам черт не страшен. С такой отвагой он сойдет в преисподнюю, и разворотит грожащую брусчатку, и выкрикнет злую, скабрзную остроту в лицо князю тьмы.*

Но тень уже нашла — нашла искомое, вспомнила заветное. Дженкинс ощутил волну облегчения, которая пронизала его плоть, услышал магическую формулу — то ли слово, то ли образ, то ли мысль. Что-то вроде ворожбы, заклинания, чародейства, но не всецело. Мысленное усилие, мысль, подчиняющая себе тело, — так, пожалуй, вернее.

Потому что формула помогла. Тварь исчезла. Исчезла, улетучилась из этого мира. Никакого намека, ни малейшего признака. Словно ее никогда и не было.

А то, что она произнесла, то, что подумала? Сейчас. Вот оно...

Дженкинс осекся. Формула запечатлена в его мозгу, он помнит ее, помнит слово, помнит мысль, помнит нужную интонацию, но не должен пускать ее в ход, должен забыть о ней, хранить ее в тайниках сознания.

Ведь она подействовала на гоблина. Значит, подействует и на него. Непременно подействует.

Человек тем временем повернулся крутом и теперь стоял, уставившись на Дженкинса, — плечи опущены, руки повисли.

На белом пятне лица зашевелились губы:

— Ты... ты...

— Я Дженкинс, — сказал ему Дженкинс. — У меня новое туловище.

— Здесь что-то было, — произнес Питер.

— Гоблин, — ответил Дженкинс. — Джошуа мне сказал, что к нам проник гоблин.

— Он убил Лупуса.

Дженкинс кивнул:

— Да, он убил Лупуса. Он и многих других убил. Это он занимался убийством.

— А я убил его, — сказал Питер. — Убил его... или прогнал... или...

— Ты его испугал, — объяснил Дженкинс. — Ты оказался сильнее его. Он испугался тебя. Страх перед тобой прогнал его обратно в тот мир, откуда он пришел.

— Я мог его убить, — похвастался Питер, — но веревка лопнула...

— В следующий раз, — спокойно заметил Дженкинс, — постарайся сделать более прочную тетиву. Я тебя научу. И сделай стальной наконечник для стрелы...

— Для чего?

— Для стрелы. Метательная палка — стрела. А палка с веревкой, которой ты ее меташь, называется луком. Все вместе называется лук и стрела.

Питер сник.

— Значит, не я первый? Еще до меня додумались?

Дженкинс покачал головой:

— Нет, не ты первый.

Он пересек поляну и положил руку на плечо Питера.

— Пошли домой, Питер.

Питер мотнул головой.

— Нет. Я посижу здесь около Лупуса, пока не рассветет. Потом позову его друзей, и мы похороним его. — Он поднял голову и добавил, глядя в глаза Дженкинсу: — Лупус был мой друг, Дженкинс. Очень хороший друг.

— Иначе и быть не могло, — ответил Дженкинс. — Но мы еще увидимся?

— Конечно. Я приду на пикник. Вебстерский пикник. До него осталось около недели.

— Верно, — произнес Дженкинс, думая о чем-то. — Через неделю. И тогда мы с тобой увидимся.

Он повернулся и медленно пошел вверх по склону.

Питер сел около мертвого волка ждать рассвета. Раз или два его рука поднималась, чтобы вытереть щеки.

Они сидели полукругом лицом к Дженкинсу и внимательно слушали его.

— Теперь сосредоточьтесь, — говорил Дженкинс. — Это очень важно. Сосредоточьтесь, думайте, думайте как следует и представьте себе вещи, которые принесли с собой: корзины с едой, луки и стрелы и все остальное.

— Это новая игра, Дженкинс? — прыснула одна из девочек.

— Да, — сказал Дженкинс, — что-то вроде игры. Вот именно, новая игра. Увлекательная игра. Захватывающая.

— Дженкинс всегда к пикнику Вебстеров придумывает какую-нибудь новую игру, — заметил кто-то.

— А теперь, — продолжал Дженкинс, — внимание. Смотрите на меня и постарайтесь угадать, что я задумал...

— Это игра в угадайку! — взвизгнула смешливая девочка. — Угадайка — моя любимая игра!

Дженкинс растянул рот в улыбку.

— Ты права. Совершенно верно: это игра в угадайку. А теперь все сосредоточьтесь и смотрите на меня...

— Мне хочется испытать лук и стрелы, — сказал один из мужчин. — Потом, когда кончится игра, можно будет испытать их, Дженкинс?

— Можно, — терпеливо произнес Дженкинс. — Когда кончится игра, можете испытать их.

Он закрыл глаза и стал мысленно включаться в сознание каждого из них, проверяя всех поочередно и улавливая трепетное предвкушение в направленных к нему мыслях, ощущая, как его мозг тихонько щупают пытливые мысленные пальцы.

Сильней! — говорил он про себя. — *Сильней! Сильней!*

На экране его сознания появилась легкая рябь, и он поспешил разгладить ее.

Не гипноз, даже не телепатия, но что-то похожее, что-то очень похожее... Сосредоточить, слить воедино души собравшихся — вот в чем заключается его игра.

Медленно, осторожно он извлек из тайника формулу — слово, мысленный образ, интонацию. Потом передал все это в мозг, исподволь, не спеша — так разговаривают с ребенком, стараясь научить его верно произносить слова, правильно держать губы, двигать языком.

Подождал секунду, чувствуя, как другие ощупывают формулу, простукивают ее мысленными пальцами. А затем подумал громко — так, как думал гoblin.

И ничего не произошло. Ровным счетом ничего. Ни щелчка в мозгу. Ни такого чувства, словно падаешь. Ни головокружения. Вообще никаких ощущений.

Значит, провал. Значит, все кончено. Значит, игра проиграна.

Он открыл глаза и увидел тот же склон. И солнце так же светило в бирюзовом небе.

Он сидел молча, сидел как истукан, ощущая устремленные на него взгляды.

Кругом все осталось по-прежнему.

Если не считать...

Там, где прежде алел кустик иван-чая, теперь покачивалась маргаритка. А рядом с ней появился колокольчик, которого не было, когда он закрыл глаза.

— Уже все? — Смешливая девочка была заметно разочарована.

— Все, все, — ответил Дженкинс.

— Можно нам теперь проверить луки и стрелы? — спросил один из юношей.

— Можно, только поосторожней. Не цельтесь друг в друга. Это опасная штука. Питер вам покажет, как ими пользоваться.

— А мы пока разберем припасы, — сказала одна женщина. — Ты захватил свою корзину, Дженкинс?

— Захватил, — ответил Дженкинс. — Она у Эстер. Я дал ей поддержать на время игры.

— Чудесно, — отозвалась женщина. — Не было года, чтобы ты нас чем-нибудь не удивил.

И в этом году удивлю, еще как удивлю, сказал себе Дженкинс. Вас поразят пакетики с ярлычками, в каждом пакетике — семена.

Да, нам понадобятся семена. Они понадобятся, чтобы вновь появились сады, вновь зеленели поля, чтобы люди вновь растили урожай. Нам понадобятся луки и стрелы, чтобы добывать мясо. Понадобятся остроги и рыболовные крючки.

Постепенно он стал примечать еще кое-какие отличия. Другой наклон дерева на краю поляны. Новый изгиб реки в долине внизу.

Дженкинс сидел на солнце, прислушиваясь к возгласам мужчин и подростков, которые испытывали луки и стрелы, слушая болтовню женщин, которые расстелили скатерть и теперь раскладывали еду.

Скоро придется сказать им, думал он. Придется предупредить, чтобы не очень налегали на еду — не уписывали все в один присест. Эти припасы нужны нам, чтобы перебиться день-два, пока мы не накопим корней, не наловим рыбы, не соберем плодов.

Да, сейчас придется созвать их и сообщить, что произошло. Объяснить, что отныне они могут полагаться только на свои собственные силы. Объяснить — почему. Объяснить, чтобы брались за дело и действовали по своему разумению. Потому что здесь их окружает девственный мир.

Предупредить их насчет гоблинов.

Впрочем, это не самое важное. Человек знает способ — жестокий способ. Способ одолеть любого, кто станет на его пути.

Дженкинс вздохнул.

— Господи, помоги гоблинам, — произнес он.

КОММЕНТАРИЙ К ВОСЬМОМУ ПРЕДАНИЮ

Существует подозрение, что восьмое, заключительное предание — фальсификация, что оно не входило в древний цикл; перед нами позднее сочинение, состряпанное сказителем, жаждавшим публичной похвалы.

Композиция не вызывает особых возражений, но слог заметно уступает словесному мастерству других преданий.

Кроме того, бросается в глаза литературная конструкция. Очень уж ловко организован материал, слишком плавно совмещены здесь контуры, сходятся сюжетные линии предыдущих частей цикла.

А между тем если ни в одном из остальных преданий нет ничего похожего на историческую подоплеку, если в них явно преобладает мифическое начало, то восьмое предание зиждется на исторической основе.

Досконально известно, что один из закрытых миров закрыт потому, что он принадлежит муравьям. Он является муравьиным миром, причем стал таким еще в незапамятные времена.

Нет никаких данных о том, что мир муравьев был исконной родиной Псов, но и обратное не доказано. Тот факт, что до сих пор науке не удалось обнаружить какого-либо иного мира, который мог считаться роди-

ной Псов, как будто указывает на то, что мир муравьев, возможно, и есть так называемая Земля.

Если это так, придется, видимо, оставить все надежды на обнаружение новых данных о происхождении цикла, ведь только в первом мире Псов можно было бы найти остатки материальной культуры, позволяющие неопровержимо установить происхождение цикла. Только там можно было бы получить ответ на основной вопрос: существовал Человек или не существовал? Если планета муравьев — Земля, тогда закрытый город Женева и усадьба на Вебстер-хилл для нас утрачены навсегда.

VIII

ПРОСТОЙ СПОСОБ

Енот Арчи, маленький беглец, припал к земле, стараясь поймать одну из снующих в траве крохотных тварей. Его робот Руфес обратился к нему, но енот был слишком занят и не отозвался.

Хомер сделал нечто такое, чего до него не делал ни один пес. Он пересек реку и затрусил к лагерю диких роботов, борясь со страхом: ведь невозможно было предугадать, как с ним поступят дикие роботы, когда обернутся и увидят его. Но то, что его беспокоило, перевесило страх, и он побежал быстрее.

В недрах уединенного муравейника муравьи мечтали и рассчитывали, как овладеть миром, недоступным их разумению. И наступали на этот мир с надеждой на успех и с верой в дело, недоступное разумению ни псов, ни роботов, ни людей.

В Женеве Джон Вебстер округлил десятое тысячелетие своего забвения и продолжал спать, лежа без движения. На бульваре блуждающий ветерок тормозил листву, но этого никто не слышал и никто не видел.

Дженкинс мерил шагами склон, не глядя ни налево, ни направо, потому что с обеих сторон были вещи, которые ему не хотелось видеть. Дерево, стоящее на том же месте, где в другом мире стояло другое дерево.

Откос, запечатлевшийся в его мозгу с миллиардом шагов через десять тысячелетий.

И если хорошенько вслушаться, можно было услышать отдающийся в веках хохоток — сардонический хохоток человека по имени Джо.

Арчи поймал одну снующую тварь и крепко зажал ее в лапе. Осторожно поднял лапу и разжал ее: вот она, иступленно мечется, норовит убежать.

— Арчи, — сказал Руфес, — ты меня не слушаешь.

Снующая тварь нырнула в мех Арчи и устремилась вверх по лапе.

— Похоже на блоху. — Арчи сел и почесал себе брюхо. — Новый род блох. Вот было бы некстати. Они и старые-то осточертели.

— Ты не слушаешь, — повторил Руфес.

— Я занят, — отозвался Арчи. — Вся трава кишит этими тварями. Мне надо выяснить, что это такое.

— Я уйду от тебя, Арчи.

— Что?..

— Уйду от тебя. Пойду к Зданию.

— Ты рехнулся, — вспыхнул Арчи. — Ты не можешь меня бросить. Ты какой-то психованный с тех самых пор, как шлепнулся на муравейник...

— Меня позвал Голос, — сказал Руфес. — Я не могу не пойти.

— Я тебя берег, — умоляюще продолжал енот. — Никогда не перегружал работой. Обращался с тобой как с товарищем, а не как с роботом. Так, как будто ты зверь.

Руфес упрямо мотал головой.

— И не пробуй меня удержать. Все равно я не могу остаться, что бы ты ни делал. Меня позвал Голос, и я не могу не пойти.

— Но ведь я так окажусь совсем без работа, — не унимался Арчи. — Они вытащили мой номер, и я убежал. Теперь я дезертир, и ты это знаешь. Знаешь, что я не могу добыть себе другого работа, потому что за мной следят.

Руфес никак не реагировал на его слова.

— Ты мне нужен, — настаивал Арчи. — Ты должен остаться и помогать мне таскать корм. Мне нельзя подходить к пунктам кормления, сторожа сразу схватят меня и поволокут на Вебстер-хилл. Ты должен помочь мне выкопать нору. Скоро зима, и мне понадобится логово. Пусть без света и отопления, но логово нужно. И ты должен...

Руфес уже повернулся и шагал вниз по склону к тропе, выходящей по берегу реки. Вот вышел на тропу, взял курс на темное пятно вдали над горизонтом.

Арчи сидел, обвив хвостом лапы и ежась от ветра, который ворошил его мех. Какой студёный ветер, всего час назад он не был таким студёным... И не погода сделала его холодным, а что-то еще.

Яркие глаза-бусинки обрыскали весь склон: нет Руфеса...

Без корма, без логова, без работа. И стража его разыскивает. И блохи нещадно едят.

А тут еще это Здание — темная клякса на дальних холмах за рекой.

Сто лет назад (так записано в книгах) Здание было не больше усадьбы Вебстеров.

Но с тех пор оно выросло, раздалось во все стороны, этому строительству не видно конца. Сначала Здание занимало один акр. Потом квадратную милю. Теперь оно целый уезд захватило. И продолжает расти, расплывается вширь, тянется ввысь.

Клякса над холмами... И гроза для суеверного лесного народца, который наблюдает за ней. Слово, которым страшат расшумевшихся козлят, щенят и котят.

Потому что Здание воплощало зло, как все непонятное воплощает зло... Зло скорее угадываемое и предполагаемое, чем слышимое, зримое, обоняемое. Угадываемое чутьем — особенно темной ночью, когда погашен свет, и ветер скулит у входа в логово, и все звери спят, только один не спит и слушает плывущий между мирами *другой* Голос.

Арчи моргнул, взглянув на осеннее солнце, украдкой почесал бок.

Возможно, когда-нибудь, сказал он себе, кто-нибудь придумает способ совладать с блохами. Какое-нибудь средство, чтобы натер мех — и ни одна блоха не сунется. Или придумают способ общаться с ними, чтобы можно было потолковать и урезонить их. Возможно,

учредят для них заповедник, где бы они жили и получали пищу, а зверей оставили бы в покое. Или что-нибудь в этом роде.

А пока что же остается?.. Чешишь. Попроси своего робота, чтобы выловил блох, да только робот больше шерсти надергает, чем блох поймает. Катайся в песке или пыли. Искупайся, чтобы утопить несколько штук... Нет, не утопить, конечно, а просто смыть, если же при этом какая-нибудь из них захлебнется, пусть на себя пеняет.

Попроси робота... Но робота больше нет.

Нет робота, который ловил бы твоих блох.

Нет робота, который помогал бы добывать пищу.

Постой, ведь внизу, в долине, стоит куст боярышника, и ягоды, наверно, уже тронуты ночным морозцем. При мысли о ягодах Арчи облизнулся. А за горой — кукурузное поле. Тому, кто легок на ногу, кто умеет выбирать подходящую минуту и незаметно подкрадываться, ничего не стоит раздобыть початочек. На худой конец всегда найдутся корни, желуди, а на песчаной косе дикий виноград растет.

— Пусть Руфес уходит, — пробурчал Арчи себе под нос. — Пусть псы кичатся своими пунктами кормления. Пусть сторожа сторожат.

Он будет жить сам по себе. Будет есть плоды, и выкапывать корни, и устраивать набеги на кукурузные поля, как его далекие предки ели плоды, выкапывали корни, устраивали набеги на кукурузные поля.

Будет жить, как все еноты жили, прежде чем явились псы со своими идеями насчет братства животных. Как жили все звери до того, как научились говорить словами, научились читать печатные книги, полученные от псов, до того, как обзавелись роботами, выполняющими роль рук, до того, как в норах появились отопление и свет.

И до того, как появилась лотерея, распоряжающаяся, оставаться тебе на Земле или отправляться в другой мир.

Ничего не скажешь, псы все это излагали очень убедительно, очень рассудительно и деликатно. Некоторым животным, говорили они, придется перебираться в другие миры, иначе на Земле будет слишком много животных. Земля, говорили они, недостаточно велика, чтобы всех поместить. И лотерея, указывали они, —

самый справедливый способ решить, кому именно переправляться в другие миры.

И ведь другие миры, говорили они, мало чем отличаются от Земли. Потому что они всего лишь пристройка к Земле. Это просто другие миры, которые идут по пятам за Землей. Может быть, не совсем так, но что-то очень похожее. Почти никакой разницы. Может быть, нету дерева там, где на Земле растет дерево. Может быть, стоит дуб там, где на Земле растет орешник. Может быть, бьет источник с холодной чистой водой там, где на Земле никакого источника нет.

— Может быть, — говорил ему Хомер, воодушевляясь, — может быть, мир, куда ты попадешь, окажется даже лучше Земли.

Арчи припал к земле, чувствуя, как теплые лучи осеннего солнца пробиваются сквозь знобкий холод осеннего ветра. Он думал о боярышнике, о мягких и сочных ягодах. Некоторые даже упали на землю. Сперва он съест те, которые лежат на земле, потом залезет на деревцо и сорвет еще несколько штук, потом слезет и подберет те, которые осыпались, пока он лазил.

Он будет есть их, и брать лапами, и растирать по мордочке. Можно даже покататься на них.

Уголком глаза он видел, как копошатся в траве снующие твари. Совсем как муравьи, хотя это вовсе не муравьи. Во всяком случае, непохожи на тех муравьев, которых он видел до сих пор.

Может быть, блохи? Новая порода блох.

Его лапа метнулась вперед и схватила одну тварь. Он почувствовал, как она копошится в ладони. Разжал пальцы и посмотрел, как она мечется, и снова сжал пальцы.

Поднес лапу к уху и прислушался.

Тварь, которую он поймал, тикала!

Лагерь диких роботов оказался совсем не таким, каким его представлял себе Хомер. Он не увидел никаких зданий. Только пусковые установки, и три космических корабля, и пять или шесть роботов, которые трудились над одним из кораблей.

Впрочем, если вдуматься, он мог бы заранее сообразить, что в лагере роботов не будет зданий. Ведь роботы

не нуждаются в убежище, а что такое дом, как не убежище.

Хомеру было страшно, но он изо всех сил старался не показывать этого: хвост крючком, голову выше, уши вперед — и решительно затрусил прямо к роботам. Около них он сел и вывесил язык, ожидая, когда кто-нибудь обратит на него внимание.

Но никто не обратил на него внимание, тогда Хомер собрался с духом и сам заговорил.

— Меня зовут Хомер, — сказал он, — я представляю псов. Если у вас есть старший робот, я хотел бы с ним поговорить.

С минуту роботы продолжали работать, наконец один из них повернулся, подошел к Хомеру и присел на корточках так, что его голова оказалась вровень с головой пса. Остальные роботы продолжали работать как ни в чем не бывало.

— Я робот по имени Эндрю, — сказал робот, присевший на корточках рядом с Хомером. — Меня нельзя назвать старшим роботом, потому что у нас таких вообще нет. Но я могу поговорить с тобой.

— Я пришел к вам насчет Здания, — сообщил Хомер.

— Насколько я понимаю, — ответил робот по имени Эндрю, ты говоришь о постройке, что к северо-востоку от нас. О постройке, которую ты можешь увидеть отсюда, если повернешься кругом.

— Вот именно, о ней, — подтвердил Хомер. — Я пришел спросить, зачем вы ее строите.

— Мы не строим ее, — сказал Эндрю.

— Мы видели, как там работают роботы.

— Да, там работают роботы. Но мы не строим ее.

— Вы кому-то помогаете?

Эндрю покачал головой:

— Некоторых из нас призвали... призвали пойти и работать там. И мы их не стали задерживать, потому что каждый из нас волен распоряжаться собой.

— Но кто же строит ее? — спросил Хомер.

— Муравьи.

У Хомера отвисла нижняя челюсть.

— Муравьи? Вы про насекомых говорите? Маленьких таких, которые в муравейниках живут?

— Вот именно, — подтвердил Эндрю.

Его пальцы пробежали по песку, изображая встревоженного муравья.

— Но они на это не способны, — возразил Хомер. — Они тупые.

— Теперь уже нет, — сказал Эндрю.

Хомер сидел неподвижно, будто примерз к песку, и холодные мурашки бежали у него по телу.

— Теперь уже нет, — повторил про себя Эндрю. — Теперь не тупые. Понимаешь, жил-был на свете человек по имени Джо...

— Человек? Что это такое? — спросил Хомер.

Робот прищелкнул с мягкой укоризной.

— Это были такие животные, — объяснил он. — Животные, которые ходили на двух ногах. Очень похожие на нас, с той разницей, что они были из живой плоти, а мы металлические.

— Ты, наверное, про вебстеров говоришь. Мы слышали про таких тварей, только зовем их вебстерами.

Робот медленно кивнул.

— Вебстеры — люди?... Пожалуй. Помнится, был один род с такой фамилией. Как раз за рекой жили.

— Там находится усадьба Вебстеров, — сказал Хомер. — На макушке Вебстер-хилл.

— Она самая, — подтвердил Эндрю.

— Мы смотрим за этим домом, — продолжал Хомер. — Он считается у нас святыней, хотя нам не совсем понятно почему. Такой наказ передается из поколения в поколение — смотреть за усадьбой Вебстеров.

— Это вебстеры научили вас, псов, говорить, — сообщил Эндрю.

Хомер внутренне ошетинился.

— Никто нас не учил говорить. Мы сами научились. Мы постепенно совершенствовались. И других животных научили.

Сидя на корточках, робот Эндрю качал головой, словно кивал собственным мыслям.

— Десять тысяч лет, — сказал он. — Если не двенадцать. Что-нибудь около одиннадцати.

Хомер ждал, и, ожидая, он ощутил тяжелое бремя лет, давящее на холмы... Годы реки и солнца, годы песка, и ветра, и неба.

Годы Эндрю.

— Ты старый, — произнес он. — И ты помнишь то, что было столько лет назад?

— Помню, — ответил Эндрю. — Хотя я один из последних роботов, сделанных людьми. Меня изготовили за несколько лет до того, как они отправились на Юпитер.

Хомер притих, он был в полном смятении.

Человек... Новое слово.

Животное, которое ходило на двух ногах.

Животное, которое изготавливало роботов, которое научило псов говорить.

Эндрю словно прочитал его мысли:

— Напрасно вы нас сторонились. Нам надо было сотрудничать. Когда-то мы сотрудничали. Для обеих сторон был бы выигрыш, если бы мы продолжали сотрудничать.

— Мы вас боялись, — сказал Хомер. — Я и теперь вас боюсь.

— Ну да. Конечно, так и должно быть. Конечно, Дженкинс позаботился о том, чтобы вы нас боялись. Он был башковитый, этот Дженкинс. Он понимал, что вам надо начинать с чистой страницы. Понимал, что незачем вам таскать на себе мертвым грузом память о человеке.

Хомер сидел молча.

— А мы, — продолжал робот, — не что иное, как память о человеке. Мы делаем то же, что он делал, только более научно. Ведь мы машины, значит, в нас больше науки. Делаем более терпеливо, чем человек, потому что у нас сколько угодно времени, а у него были всего какие-то годы.

Эндрю начертил на песке две параллельные линии, потом еще две поперек. Нарисовал крестик в левом верхнем углу.

— Ты думаешь, я сумасшедший, — сказал он. — Думаешь, чушь горюжу.

Хомер поерзал на песке.

— Я не знаю, что и думать, — ответил он. — Все эти годы...

Эндрю нарисовал пальцем нолик в клетке посередине.

— Понятно, — сказал он. — Все эти годы вас поддерживала мечта. Мысль о том, что псы были застрельщиками. Факты иной раз трудно признать, трудно переварить. Пожалуй, лучше тебе забыть то, что я сказал. Факты иной раз ранят душу. Робот обязан оперировать

фактами, ему больше нечем оперировать. Мы ведь не можем мечтать. У нас нет ничего, кроме фактов.

— Мы давно уже перешагнули через факт, — сообщил Хомер. — Это не значит, что мы совсем пренебрегаем фактами, нет, иногда мы ими пользуемся. Но вообще-то мы действуем иначе. У нас главное интуиция, гоблиństwo, слушание.

— Вы не мыслите механически, — заметил Эндрю. — Для вас дважды два не всегда четыре, для нас — всегда. Иногда я спрашиваю себя, не спит ли нас традиция. Спрашиваю себя, может быть, дважды два бывает больше или меньше четырех.

Они посидели молча, глядя на реку — ленту из расплавленного серебра на цветном поле.

Эндрю нарисовал крестик в верхнем правом углу, нолик над центральной клеткой, крестик в средней клетке внизу. Потом стер все ладонью.

— Никак не могу выиграть у себя. Слишком сильный противник.

— Ты говорил про муравьев, — сказал Хомер. — Что они уже не тупые.

— А, да-да, — подтвердил Эндрю. — Я говорил про человека по имени Джо...

Дженкинс мерил шагами склон, не глядя ни налево, ни направо, потому что с обеих сторон были вещи, которые ему не хотелось видеть, которые вызывали слишком волнующие воспоминания. Дерево, стоящее там же, где в другом мире стояло другое дерево. Откос, запечатлевшийся в его мозгу с миллиардом шагов через десять тысячелетий.

В зимнем небе тускло мерцало вечернее солнце, мерцало, будто свеча на ветру, потом перестало мерцать, и это был уже не солнечный свет, а лунный.

Дженкинс остановился, и обернулся, и увидел усадьбу... Она распласталась на холме, прикинула к холму, словно спящее юное существо, льнувшее к матери-земле.

Дженкинс нерешительно шагнул вперед, и сразу же его металлическое туловище засверкало, заискрилось в лунном свете, который мгновение назад был солнечным.

Из долины донесся крик ночной птицы, а в кукурузном поле под гребнем скулил енот.

Дженкинс сделал еще шаг, заклиная небо, чтобы усадьба не исчезла, хотя знал, что усадьба не может исчезнуть, потому что ее и так нет. Ведь он шел по пустынному холму, на котором никогда не было никакой усадьбы. Он находился в другом мире, где вообще не существовало домов.

Дом продолжал стоять на месте, темный, безмолвный, без дыма над трубами, без огней в окнах, но знакомые очертания, ошибиться невозможно.

Дженкинс ступал медленно, осторожно, боясь, что дом скроется, боясь спугнуть его.

Но дом не двигался с места. И ведь есть еще приметы. Вон там стояла ольха, а теперь дуб стоит, как и тогда. И вместо зимнего солнца светит осенняя луна. И ветер дует с запада, а не с севера.

Что-то произошло, сказал себе Дженкинс. Что-то зрело во мне. Я чувствовал, но не мог понять, что именно. Новое свойство развилось? Новое чувство прорезалось? Новая сила, о которой я не подозревал? Способность переходить по своему желанию из одного мира в другой. Способность переноситься в любое место кратчайшим путем, какой только могут измыслить для меня закрученные нужным образом силовые линии.

Он зашагал смелее, и дом никуда не делся, продолжал стоять, реальный, вещественный.

Он пересек двор, заросший травой, и остановился перед дверью.

Неуверенно поднял руку и взялся за щеколду. Щеколда была настоящая. Нет, не иллюзия, реальный металл.

Он медленно поднял ее, и дверь отворилась внутрь, и он переступил через порог.

Через пять тысяч лет Дженкинс вернулся домой... Вернулся в усадьбу Вебстеров.

Итак, был некогда человек по имени Джо. Не вебстер, а человек. Потому что вебстер — это человек. И не псы были застрельщиками.

Хомер — рыхлый ком шерсти, костей и мышц — лежал перед очагом, вытянув лапы вперед и положив на них голову. Сквозь щелочки глаз он видел пламя и

тени, и тепло от горящих поленьев, достав его, распушило шерсть.

Но внутреннему взгляду Хомера рисовался песок и сидящий на корточках робот, и холмы с гнетущим грузом лет.

Эндрю сидел на корточках на песке и рассказывал, и плечи его озаряло осеннее солнце... Рассказывал про людей, и про псов, и про муравьев. Об одном деле, которое произошло еще во времена Нэтэниела, и было это давным-давно, ведь Нэтэниел был первым псом.

Жил-был человек по имени Джо, человек-мутант, человек-титан, который двенадцать тысяч лет назад обратил внимание на муравьев. И задумался, почему остановилось их развитие, почему их стезя зашла в тупик.

Может быть, голод, рассуждал Джо, беспрестанная необходимость запасать пищу, чтобы выжить. Может быть, спячка, зимний застой, когда рвется цепочка памяти. И начинай все сначала, что ни год — муравьи словно заново на свет появляются.

И тогда, говорил Эндрю, поблескивая на солнце металлической лысиной, Джо выбрал один муравейник и назначил себя богом, чтобы изменить судьбы муравьев. Он кормил их, так что им не надо было бороться с голодом. Он накрыл муравейник куполом и подогревал его, так что отпала надобность в зимней спячке.

И вмешательство помогло. Муравьи делали успехи. Они мастерили тележки, и они плавил металл. Это были зримые успехи, ведь тележки катили по верху, а торчащие из муравейника трубы исторгали едкий дым. Чего еще они достигли, чему еще научились в глубине подземных ходов, никто не знал и не ведал.

Джо был сумасшедший, говорил Эндрю. Сумасшедший... А может быть, и не такой уж сумасшедший.

Потому что однажды он разбил плексигласовый купол и ударом ноги распахал муравейник, а затем повернулся и ушел, потеряв всякий интерес к будущему муравьев.

Но муравьи не потеряли интерес.

Рука, разбившая купол, нога, распахавшая муравейник, толкнули муравьев на путь к величию. Заставили их бороться, бороться, чтобы отстоять завоеванное, чтобы стезя их снова не уперлась в тупик.

Встряска, говорил Эндрю. Муравьи получили встряску. И она придала им ускорение в нужном направлении.

Двенадцать тысяч лет назад разрушенный, разваленный муравейник — сегодня могучее здание, растущее с каждым годом. Здание, которое за какую-нибудь сотню лет заняло целый уезд, а еще через сотню лет займет сотню уездов. Здание, которое будет разрастаться, занимая землю. Землю, которая принадлежит не муравьям, а зверям.

Здание... Не совсем это верно, просто с самого начала повелось называть его Зданием. Ведь по-настоящему здание — это убежище, место, где можно укрыться от холода и ненастья. А зачем оно муравьям, когда у них есть подземные ходы и муравейники? Зачем понадобилось муравью воздвигать сооружение, которое за сто лет простерлось на целый уезд и все еще продолжает расти? Какая муравью польза от такого сооружения?

Хомер зарылся подбородком в шерсть между лапами, из горла его вырвалось ворчание.

Этого невозможно понять. Ведь сперва надо понять, как мыслит муравей. Надо понять, к чему он стремится, чего добивается. Надо получить понятие о его знаниях.

Двенадцать тысяч лет познания. Двенадцать тысяч лет, считая от начального уровня, который сам по себе непознаваем.

Но понять нужно. Должен быть способ понять.

Потому что из года в год Здание будет разрастаться. Миля в поперечнике, потом шесть, потом сто. Сто миль и еще сто, а затем весь мир.

Отступать, сказал себе Хомер. Да, можно отступать. Можно переселиться в другие миры, те самые миры, которые плывут за нами в потоке времени, те самые миры, которые наступают на пятки друг другу. Можно отдать Землю муравьям, нам все равно найдется место.

Но ведь это наш дом. Здесь возникли псы. Здесь мы научили животных говорить, и мыслить, и действовать сообща. Здесь мы создали братство зверей.

Не так уж важно, кто был застрельщиком, — вебстер или пес. Здесь наша родина. В такой же мере наша, как и вебстера. В такой же мере наша, как и муравья.

И мы должны остановить муравьев.

Должен быть какой-то способ остановить их. Способ переговорить с ними, выяснить, чего они хотят.

Способ урезонить их. Должна найтись какая-то основа для переговоров. И путь к соглашению.

Хомер лежал неподвижно перед очагом, слушая наполняющие дом шорохи, мягкую, приглушенную поступь хлопочущих роботов, неразборчивый говор псов где-то этажом выше, треск пламени, обгрызающего полено.

Неплохая жизнь, пробормотал про себя Хомер. Неплохая жизнь, и мы глумили, что это все сделано нами. А вот Эндрю говорит — не нами. Эндрю говорит, что мы ни грана не добавили к оставленному нам в наследство инженерному искусству и машинной логике и что нами многое утрачено. Он толковал о химии и пробовал что-то объяснить, но я ничего не понял. Толковал об изучении элементов и каких-то атомов и молекул. И электроники... Правда, он сказал, что мы без электроники умеем делать такие чудеса, каких не сумел бы сделать человек со всеми его знаниями. Сказал, что можно миллион лет изучать электронику и не добраться до других миров, даже не знать про них... А мы с этим справились, сделали то, чего вебстер не смог бы сделать.

Потому что мы мыслим не так, как вебстер. Нет, это называется человек, а не вебстер.

Или взять наших роботов. Наши роботы не лучше тех, которые нам оставил человек. Небольшие изменения... очевидные изменения, но никаких существенных улучшений.

Да и кому могла прийти в голову мысль о более совершенном роботе?

Кукурузный початок покрупнее — это понятно. Или грецкий орех поразвесистей. Или водяной рис с колосками потяжелее. Или лучший способ производить дрожжи, заменяющие мясо.

Но более совершенный робот... Зачем, когда робот и так выполняет все, что от него требуется. Зачем его совершенствовать?

А впрочем... Роботы слышат призыв и отправляются работать к Зганию, отправляются строить махину, которая гонит нас с Земли.

Мы не можем разобраться. Конечно, не можем разобраться. Если бы мы лучше знали наших роботов, мы, быть может, разобрались бы, в чем дело. И, разобравшись, может быть, сумели бы сделать так, чтобы

роботы не получали призыва или, услышав призыв, оставляли его без внимания.

А это, конечно, решило бы проблему. Если роботы не будут трудиться, строительство прекратится. Огни муравьи, без помощи роботов, не смогут продолжать стройку.

По голове Хомера пробежала блоха, и он дернул ухом.

Но ведь Эндрю может ошибаться. У нас есть легенда о рождении братства зверей, а у диких роботов есть легенда о падении человека. Кто теперь скажет, которая из легенд верна?

Вообще-то рассказ Эндрю звучит правдоподобно. Были псы, и были роботы, и, когда пал человек, их пути разошлись... Правда, мы оставили себе роботов, которые служили нам руками. Несколько роботов остались с нами, но ни один пес не остался с роботами.

Из какого-то угла вылетела осенняя муха и ошалело заметалась перед пламенем. Пожужжав над головой Хомера, она села ему на нос. Хомер свирепо уставился на нее, а она подняла задние лапки и нахально принялась чистить крылышки. Хомер взмахнул лапой, и муха улетела.

Раздался стук в дверь.

Хомер поднял голову и несколько раз моргнул.

— Войдите, — сказал он наконец.

Это был робот Хезикайя.

— Они поймали Арчи, — сказал Хезикайя.

— Арчи?

— Енота Арчи.

— Ах да, это он убежал.

— Они привели его сюда. Хочешь с ним поговорить?

— Пусть войдут, — сказал Хомер.

Хезикайя сделал знак пальцем, и Арчи трусцой вбежал в комнату. Шерсть его была вся в репьях, хвост волочился по полу. Следом за ним вошли два робота-сторожа.

— Он подбирался к кукурузе, — доложил один из сторожей, — и тут мы его застали, но нам пришлось побегать за ним.

Нехотя сев, Хомер уставился на Арчи. Арчи ответил тем же.

— Они меня ни за что не поймали бы, — сказал он, — будь у меня Руфес. Руфес был мой робот, и он меня предупредил бы.

— А куда же делся Руфес?

— Его сегодня позвал Голос, и он бросил меня, пошел к Зданию.

— Скажи-ка, а с Руфесом ничего не случилось, прежде чем он ушел? Ничего необычного? Ничего из ряда вон выходящего?

— Ничего, — ответил Арчи. — Если не считать, что он шлепнулся на муравейник. Он был очень неуклюжий. Настоящий раззява... Все время спотыкался, в собственных ногах путался. С координацией что-то неладно. Какого-то винтика не хватало.

С носа Арчи соскочила крохотная черная тварь и помчалась по полу. Молниеносным движением лапы енот поймал ее.

— Лучше отойди от него подальше, — предостерег Хезикайя Хомера. — С него блохи так и сыплются.

— Это не блоха. — Арчи возмущенно надул щеки. — Это что-то другое. Я эту тварь сегодня поймал. Она тикает, и она похожа на муравья, но это не муравей.

Тикающая тварь протиснулась между пальцами Арчи и упала на пол. Приземлившись на ноги, она снова ринулась наутек. Арчи выбросил вперед лапу, но тварь увернулась. Мигом добежала до Хезикайи и устремилась вверх по его ноге.

Хомер вскочил, осененный внезапной догадкой.

— Скорей! — вскричал он. — Хватайте ее! Ловите! Не давайте ей...

Но тварь уже исчезла.

Хомер медленно сел опять.

— Стража, — он говорил спокойно, спокойно и сурово, — отведите Хезикайю в тюрьму. Не отходите от него ни на шаг, не давайте ему убежать. Докладывайте обо всем, что он будет делать.

Хезикайя попятился.

— Но я ничего не сделал.

— Верно, — мягко произнес Хомер. — Верно, ты ничего не сделал. Но ты сделаешь. Ты услышишь Голос, и ты попытаешься уйти от нас, уйти к Зданию. И прежде чем отпустить тебя, мы выясним, что заставляет тебя уходить. Что это за штука и как она действует.

Хомер повернулся, оскалив зубы в псиной улыбке.

— Ну так, Арчи...

Но Арчи не было.

Было открытое окно. И никакого Арчи.

Хомер поежился на мягкой постели, ему не хотелось просыпаться, из глотки вырвалось ворчание.

Старею, думал он. Годы гнетут не только холмы, но и меня, их слишком много. А бывало, только заслышу шум за дверью, тотчас вскочу, весь в сене, и лаю как оглашенный, оповещаю роботов.

Снова послышался стук, и Хомер заставил себя встать.

— Входите! — крикнул он. — Сколько можно барабанить, входите!

Дверь отворилась, и вошел робот, такого огромного робота Хомер еще никогда не видел. Блестящий, могучий, тяжелый, полированное туловище даже во мраке светилось, как угли в очаге. А на плече робота восседал енот Арчи.

— Я Дженкинс, — сказал робот. — Я вернулся сегодня ночью.

Хомер судорожно глотнул и сел.

— Дженкинс, — вымолвил он. — У нас есть предания... легенды... старинные легенды.

— Только легенды, и все? — спросил Дженкинс.

— И все, — ответил Хомер. — Есть легенда о роботе, который смотрел за нами. Хотя Эндрю сегодня говорил о Дженкинсе так, словно сам его знал. Есть еще предание о том, как псы подарили вам новое туловище в день вашего семитысячелетия, и это было потрясающее туловище, оно...

У него перехватило дыхание, потому что туловище робота, который стоял перед ним с енотом на плече... это туловище... ну, конечно, это и есть тот подарок.

— А усадьба Вебстеров? — спросил Дженкинс. — Вы смотрите за усадьбой Вебстеров?

— Да, мы смотрим за усадьбой Вебстеров, — сказал Хомер. — Следим, чтобы все было в порядке. Это так положено.

— А вебстеры?

— Вебстеров нет.

Дженкинс кивнул. Необычно острое чутье уже сказало ему, что вебстеров нет. Не было вебстеровских

излучений, не было мыслей о вебстерах в сознании тех, с кем он общался.

Что ж, так и должно быть.

Он медленно прошел через комнату, ступая мягко, как кошка, несмотря на огромный вес, и Хомер ощутил, как он движется, ощутил дружелюбие и доброту этого металлического существа, ощутил заключенную в могучей силе надежную защиту.

Дженкинс присел на корточки перед ним.

— У вас неприятности, — сказал он.

Хомер молча смотрел на него.

— Муравьи, — продолжал Дженкинс. — Арчи рассказал мне. Рассказал, что вам досаждают муравьи.

— Я хотел спрятаться в усадьбе Вебстеров, — объяснил Арчи. — Я боялся, что вы меня опять настигнете, и я подумал, что усадьба Вебстеров...

— Помолчи, Арчи, — остановил его Дженкинс. — Ты ничего не знаешь об усадьбе. Ты сам сказал мне, что не знаешь. Ты просто рассказал, что у псов неприятности с муравьями, и все.

Он снова перевел взгляд на Хомера.

— Я подозреваю, что это муравьи Джо, — сказал он.

— Значит, тебе известно про Джо? — отозвался Хомер. — Значит, на самом деле был человек по имени Джо?

— Да, был такой смутьян, — рассмеялся Дженкинс. — Хотя временами ничего парень. С огоньком.

— Они строят, — сказал Хомер. — Заставляют работать на себя роботов и воздвигают Здание.

— Ну и что, — ответил Дженкинс, — у муравьев тоже есть право строить.

— Но они строят чересчур быстро. Они вытеснят нас с Земли. Еще тысяча лет, и они всю Землю займут, если и дальше будут строить в таком духе.

— А вам некуда деться? Вот что вас беспокоит.

— Почему же, нам есть куда деться. Места много. Все остальные миры. Миры гоблинов.

Дженкинс важно кивнул.

— Я был в мире гоблинов. Первый мир после этого. Переправил туда несколько вебстеров пять тысяч лет назад. И только сегодня ночью вернулся оттуда. Я понимаю, что вы чувствуете. Никакой другой мир не заменит родного. Я тосковал по Земле все эти пять тысяч лет. Я вернулся в усадьбу Вебстеров и застал там

Арчи. Он рассказал мне про муравьев, и тогда я пришел сюда. Надеюсь, вы не против?

— Мы рады тебе, — мягко произнес Хомер.

— Эти муравьи, — продолжал Дженкинс. — Очевидно, вам хотелось бы их остановить.

Хомер кивнул.

— Способ есть, — сказал Дженкинс. — Я знаю, что способ есть. У вебстеров был способ, надо только вспомнить. Но это было так давно. Я помню только, что простой способ. Очень простой способ.

Рука его поднялась и поскребла подбородок.

— Почему ты так делаешь? — спросил Арчи.

— Что?

— Лицо вот так трешь. Почему ты это делаешь?

Дженкинс опустил руку.

— Просто привычка, Арчи. Вебстерская манера. У них был такой способ думать. Я у них перенял.

— И тебе это помогает думать?

— Не знаю, может быть. А может быть, нет. Вебстерам как будто помогало. Ну, хорошо, как поступил бы вебстер в таком случае? Вебстеры могли бы нас выручить. Я знаю, что могли бы...

— Те вебстеры, которые в мире гоблинов? — сказал Хомер.

Дженкинс покачал головой.

— Но ведь ты сказал, что переправил туда...

— Верно. Но теперь их там нет. Я почти четыре тысячи лет как живу один в мире гоблинов.

— Но тогда вебстеров совсем нигде нет. Остальные отправились на Юпитер. Так мне Эндрю сказал. Дженкинс, где находится Юпитер?

— Как же, есть, — ответил Дженкинс. — Я хочу сказать, есть здесь вебстеры. Во всяком случае, были. Те, которые остались в Женеве.

— А дело-то непростое, — заметил Хомер. — Даже для вебстера. Эти муравьи хитрющие. Арчи ведь рассказал тебе про блоху, которую он поймал?

— Это была вовсе не блоха, — возразил Арчи.

— Да, он мне рассказал, — подтвердил Дженкинс. — Сказал, что она залезла на Хезикайю.

— Не совсем так, — сказал Хомер. — Она внутрь залезла. Это была не блоха... это был робот, крохотный робот. Он просверлил дырочку в черепе Хезикайи и забрался в его мозг. А дырочку за собой заделал.

— И чем же теперь занят Хезикайя?

— Ничем, — ответил Хомер. — Но мы наперед знаем, что он сделает, как только робот-муравей изменит настройку. Его позовет Голос. Он услышит призыв и отправится строить Здание.

Дженкинс кивнул:

— Берут управление на себя. Самим такая работа не по силам, поэтому они подчиняют себе тех, кому она по силам.

Он опять поднял руку и поскреб подбородок.

— Интересно, Джо это предвидел? — пробормотал он. — Предвидел, когда выступал в роли бога для муравьев?

Да нет, ерунда. Джо не мог этого предвидеть. Даже такой гигант, как Джо, не мог заглянуть на двенадцать тысяч лет вперед.

Так давно это было, подумал Дженкинс. Так много всего произошло с тех пор. Тогда Брюс Вебстер только-только начинал опыты с псами, только начал осуществлять свою мечту о говорящих, мыслящих псах, которые будут идти по дорогам судьбы лапа об руку с человеком... И не подозревал, что всего через несколько столетий человечество разбредется по Вселенной и оставит Землю роботам и псам. Не знал, что само имя человека утонет в прахе веков. Что все племя будут называть фамилией одного рода.

Что же, род Вебстеров того заслуживал. Помню их, словно это было вчера. И ведь было время, когда я о себе самом глумился как о Вебстере.

Видит Бог, я старался быть Вебстером. Из всех сил старался. Продолжал помогать вебстерским псам, когда род людской исчез, и, наконец, переправил последних суматошных представителей этого племени сорвиголов в другой мир, чтобы расчистить путь для псов, чтобы псы могли преобразить Землю по своему разумению.

А теперь и эти последние непоседы исчезли... исчезли куда-то... невесть куда. Нашли убежище в какой-то из причуд человеческой мысли. Что до людей на Юпитере, так они ведь не люди, а что-то другое. И Женева закрыта... отгорожена от всего мира.

А впрочем, вряд ли она более далека или более надежно отгорожена, чем мир, из которого я пришел. Мне бы только разобраться, как это у меня вышло, что

я из отшельничества в мире гоблинов вернулся в усадьбу Вебстеров. Тогда, может быть, вероятно, я так или иначе нашел бы способ проникнуть в Женеву.

Новое свойство, сказал себе Дженкинс. Новая способность. Которая постепенно развивалась незаметно для меня самого. Которой любой человек, любой робот... возможно, даже любой пес... мог бы воспользоваться, сумеет бы только разгадать, в чем тут хитрость.

Хотя, может быть, все дело в моем туловище, этом самом туловище, которое псы подарили мне в день семитысячелетия. Туловище, с которым никакая плоть и кровь не сравняется, которому открыты мысли мегведя, и мечты лисы, и снующая в траве крохотная мышинная радость.

Исполнение желаний. Возможно. Реализация странного, нелогичного стремления во что бы то ни стало получить то, чего вовсе нет или редко бывает, и что вполне достижимо, если взлелеешь, или разовьешь, или привьешь себе новую способность, которая направляет тело и дух на исполнение желаний.

Я каждый день ходил через этот холм, вспоминал он. Ходил, потому что не мог удержаться, потому что меня неодолимо влекло к нему, но я старался не приглядываться, не хотел видеть всех различий.

Я ходил через него миллион раз, пока сокровенная способность не достигла нужной силы.

Ведь я был в западне. Слово, мысль, образ, которые перенесли меня в мир гоблинов, оказались билетом в один конец, формула доставила меня туда, а в обратную сторону она не работала. Но был еще другой способ, которого я не знал. Да я и теперь его не понимаю.

— Ты сказал что-то про способ, — нетерпеливо произнес Хомер.

— Способ?

— Да, способ остановить муравьев.

Дженкинс кивнул:

— Я выясню. Я отправлюсь в Женеву.

Джон Вебстер проснулся.

Странно, подумал он, ведь я сказал — вечно. Сказал, что хочу спать бесконечно, а у бесконечности нет конца.

Все остальное тонуло в серой мгле сонного забытья, но эта мысль четко отпечаталась в сознании: вечно, а это не вечность.

Какое-то слово стучалось в мозг, словно кто-то далеко-далеко стучался в дверь.

Он лежал, прислушиваясь к стуку, и слово превратилось в два слова... два слова, имя и фамилия, его имя и его фамилия.

— Джон Вебстер, Джон Вебстер.

Снова и снова, снова и снова два слова стучались в его мозг.

— Джон Вебстер, Джон Вебстер.

— Да, — сказал мозг Вебстера, и слова перестали звучать.

Безмолвие и редущая мгла забытья. И струйка воспоминаний. Капля за каплей.

Был некогда город, и назывался он Женева.

В городе жили люди, но люди без идеалов.

За пределами города жили псы... Они населяли весь мир за его пределами. У псов был идеал и была мечта.

Сара поднялась на холм, чтобы на сто лет перенестись в мир мечты.

А я... Я поднялся на холм и сказал: вечно. Это не вечность.

— Это Дженкинс, Джон Вебстер.

— Слушаю, Дженкинс, — сказал Джон Вебстер, но сказал не ртом, и не языком, и не губами, потому что чувствовал, как его тело в капсуле облегает жидкость, которая питала его и не давала ему обезвожиться. Жидкость, которая запечатала его губы, и уши, и глаза.

— Слушаю, Дженкинс, — мысленно ответил Вебстер. — Я тебя помню. Теперь вспомнил. Ты был с нами с самого начала. Ты помогал нам обучать псов. Ты остался с ними, когда кончился наш род.

— Я и теперь с ними, — ответил Дженкинс.

— Я укрылся в вечность, — сказал Вебстер. — Закрыв город и укрылся в вечность.

— Мы часто думали об этом, — сказал Дженкинс. — Зачем вы закрыли город?

— Псы, — отозвался мозг Вебстера. — Чтобы псы использовали возможность.

— Псы развернулись всюю, — сообщил Дженкинс.

— А город теперь открыт?

— Нет, город по-прежнему закрыт.

— Но ведь ты здесь.

— Да, но я один знаю путь. И других не будет. Во всяком случае, до тех пор еще много времени пройдет.

— Время, — произнес Вебстер. — Я уже забыл про время. Сколько времени прошло, Дженкинс?

— С тех пор, как вы закрыли город? Около десяти тысяч лет.

— А здесь еще кто-нибудь есть?

— Есть, но они спят.

— А роботы? Роботы по-прежнему бдят?

— Роботы по-прежнему бдят.

Вебстер лежал спокойно, и в душе его воцарился покой. Город по-прежнему закрыт, и последние люди спят. Псы развернулись, и роботы бдят.

— Напрасно ты меня разбудил, — сказал он. — Напрасно прервал сон.

— Мне нужно узнать одну вещь. Я знал когда-то, но забыл, а дело совсем простое. Простое, но страшно важное.

Вебстер мысленно рассмеялся:

— Ну что у тебя за дело, Дженкинс?

— Это насчет муравьев, — сказал Дженкинс. — Муравьи, бывало, досаждали людям. Как вы тогда поступали?

— Очень просто, мы их травили, — ответил Вебстер.

Дженкинс ахнул.

— Травили?!

— Ну да, — сказал Вебстер. — Это очень просто. Мы приманивали муравьев на сироп, сладкий сироп. А в сироп был добавлен яд, смертельный яд для муравьев. Но яд добавляли в меру, чтобы не сразу убивал. Он действовал медленно, понимаешь, так что они успевали его донести до муравейника. Таким способом мы убивали сразу много муравьев, а не двух или трех.

В голове Вебстера жужжала тишина... ни мыслей, ни слов.

— Дженкинс, — окликнул он. — Дженкинс, ты...

— Да, Джон Вебстер, я здесь.

— Это все, что тебе надо?

— Да, это все, что мне надо.

— Мне можно снова уснуть?

— Да, Джон Вебстер. Можете снова уснуть.

Стоя на холме, Дженкинс ощутил летящее над краем первое суровое дыхание зимы. Склон спадал к реке черными и серыми штрихами, торчали скелеты оголившихся деревьев.

На северо-востоке возвышался призрачный силуэт, зловещее предзнаменование, нареченное Зданием. Неуклонно растущее порождение муравьиного мозга, и никто, кроме муравьев, даже представить себе не может, для чего и зачем оно строится.

Но с муравьями можно бороться, есть способ.

Человеческий способ.

Способ, про который Джон Вебстер рассказал ему, проспав десять тысяч лет. Простой и надежный способ, жестокий, но действенный способ. Взять сиропа, сладкого сиропа, чтобы пришлось по вкусу муравьям, и добавить в него яду... Такого яду, чтобы не сразу подействовал.

Простой способ — яд, сказал себе Дженкинс. Простейший способ.

Да только тут нужна химия, а химия псам неизвестна.

Да только тут нужно убивать, а убийства прекращены.

Даже блох не убивают, а блохи отчаянно донимают псов. Даже муравьев... и муравьи грозят отнять у зверей их родной мир.

Уже пять тысяч лет, если не больше, как не было убийства. Сама мысль об убийстве искоренена из сознания тварей.

И так-то оно лучше, сказал себе Дженкинс. Лучше потерять этот мир, чем снова убивать.

Он медленно повернулся и пошел вниз по склону.

Хомер огорчится.

Страшно огорчится, когда услышит, что вебстеры не знали способа бороться с муравьями...

КОММЕНТАРИЙ АВТОРА

«Эпилог» — это история, которую я писать не собирался. Будь моя воля, «Город» завершился бы рассказом «Простой способ».

Когда в 1971 году умер Джон У. Кэмпбелл, группа писателей, сотрудничавших с ним в сороковые и пятидесятые годы, решила выпустить в его честь мемориальный сборник. В книгу должны были войти новые произведения, написанные авторами, которые публиковали свои работы в журнале «Эстаундинг», несколько лет тому назад переименованном в «Аналог». Памятный сборник призван был воссоздать и дух, и внешний вид тогдашнего журнала «Эстаундинг».

Поскольку все рассказы «Города», за одним исключением, впервые появились в журнале «Эстаундинг», издаваемом Кэмпбеллом, Гарри Гаррисон, ответственный редактор мемориального сборника, попросил меня написать еще одну историю из цикла «Город». Просьба привела меня в замешательство. Я считал свою сагу законченным целым и сомневался, что смогу написать девятое предание через двадцать с лишком лет после первых восьми. В конце концов, я теперь уже совсем другой писатель, и у меня мало общего с молодым человеком, придумавшим эти рассказы. Но мне очень хотелось написать историю в память Джона, и я понимал, что если уж писать ее, то нужно писать продолже-

ние «Города». Так появился «Эпилог». Главное действующее лицо в нем — Дженкинс, поскольку из всех созданных мною персонажей только он один и остался. Вебстеры давно уже сошли со сцены.

По-моему, «Эпилог» у меня получился. И все же я не вполне уверен, что «Город» выиграл от такого дополнения. Я, конечно, могу понять желание издателей включить в сборник последний, девятый рассказ, хотя бы ради полноты издания. Что же до меня лично — мне кажется, он вносит в сагу, которую я вообще не собирался трогать, ноту печали и бесповоротности.

ЭПИЛОГ

Дженкинс шел по лугу пообщаться с луговыми мышками — поиграть с ними, побегать наперегонки по туннелям, проложенным ими в траве. Конечно, это не ахти какое удовольствие. Мыши — глупый народ, бестолковый и бесчувственный. И все же от них исходит какое-то тепло, скорее всего от их уверенности в собственной безопасности и благополучии — ведь они одни живут на лугу, никто и ничто им не угрожает. Некому угрожать: никого, кроме них, не осталось, если не считать насекомых да червей, которыми питаются мыши.

Раньше, вспомнил Дженкинс, он частенько задумывался о том, почему мыши остались, когда все звери ушли за псами в один из миров гоблинов. Разумеется, они тоже могли уйти. Псы взяли бы их с собой, но мыши не захотели: то ли были вполне довольны жизнью здесь, то ли слишком привязаны к родному миру.

Мыши и я, подумал Дженкинс. Он ведь тоже мог уйти, даже сейчас, было бы желание. Он мог уйти в любую минуту. Но, как и мыши, остался. Не смог бросить усадьбу Вебстеров. Это же все равно что разрезать себя пополам.

Поэтому он остался, и дом Вебстеров по-прежнему стоял. Стоял исключительно благодаря заботе Дженкинса. Он поддерживал в доме чистоту и порядок, тщательно латал прорехи. Когда какой-то камень начи-

нал крошиться, Дженкинс подыскивал ему замену, подгонял по размеру и втискивал на место. Пусть даже поначалу новый камень выглядел чужеродным, время брало свое — время, ветер, солнце, непогода и ползучие мхи да лишайники.

Дженкинс подстригал траву на лужайке, ухаживал за кустами и клумбами, подрезал живую изгородь. На деревянной мебели ни пылинки, полы и стенные панели выскоблены до блеска — усадьба была жива, как прежде. В таком доме не стыдно принять хозяев, с некоторой даже гордостью сказал себе Дженкинс. Если, конечно, кто-то из них когда-нибудь здесь объявится. Правда, надежды на это мало. Вебстеры, улетевшие на Юпитер, перестали быть Вебстерами, а те, что в Женеве, по-прежнему спят. Если только Женева и Вебстеры вообще еще существуют.

Потому что в мире хозяйничают теперь муравьи. Они превратили Землю в одно огромное Здание, по крайней мере Дженкинс так предполагал, хоть и не знал наверняка. Но насколько он знал, насколько воспринимали его органы чувств (а воспринимали они многое), на Земле ничего не осталось, кроме исполинского и ничемного Здания, построенного муравьями. Хотя считать его ничемным не совсем честно. Просто невозможно узнать, какой цели может служить это Здание. Никто на свете не в состоянии догадаться, что на уме у муравьев.

Муравьи покрыли Зданием весь земной шар, кроме усадьбы Вебстеров, но почему они не тронули усадьбу, оставалось для Дженкинса загадкой. Дом Вебстеров и прилегающие к нему несколько акров земли стали чем-то вроде открытого внутреннего дворика внутри муравьиного здания. Пятимильный круг, в центре которого на холме возвышается дом Вебстеров.

Дженкинс шел в лучах осеннего солнца, осторожно переставляя ноги, чтобы не наступить случайно на мышку. Все его покинули, кроме мышей. А с мышей какой спрос? Вебстеры ушли, ушли псы и другие звери. Роботы тоже ушли — одни давным-давно исчезли в лабиринтах муравьиного Здания, помогая его возводить, другие подались к звездам. Вероятно, они уже достигли места назначения, улетели-то невесть когда. Впервые за много веков Дженкинс попытался определить, как давно это было. И обнаружил, что не знает, а значит,

теперь уже никогда не узнает, ибо в один прекрасный момент он стер из своего мозга способность к счету времени. Стер умышленно, решив, что не будет больше вести счет столетиям, поскольку мир застыл без изменений и время потеряло смысл. Позже он сообразил, что на самом деле пытался обрести способность к забвению. Но он ошибся. Забыть ничего не удалось, он помнил все, только воспоминания перемешались и утратили былую последовательность.

Да, остались лишь мыши да он, Дженкинс. Ну и муравьи, естественно, но муравьи не в счет, с ними не общаешься. Несмотря на обостренные и разнообразные органы чувств, встроенные в его тело (теперь уже не новое), подаренное ему в далеком прошлом псами на день рождения, Дженкинс не в состоянии был проникнуть за стены огромного муравьиного Здания и выяснить, что там творится. Хотя нельзя сказать, чтобы он не пытался.

Шагая по лугу, Дженкинс вспоминал тот день, когда ушли последние псы. Они оставались здесь дольше, чем требовала преданность или здравый смысл, и хотя он ласково журил их за это, но воспоминания согревали душу.

Он сидел тогда, греясь на солнце во внутреннем дворике, а псы гуськом взобрались на холм и встали перед ним с видом нашкодивших ребятишек.

— Мы уходим, Дженкинс. Наш мир все сужается и сужается, нам не осталось тут места.

Он кивнул. Он давно уже был готов к этому, удивлялся лишь, чего они тянут.

— А ты, Дженкинс? — спросил пес.

Робот покачал головой.

— Я должен остаться, — сказал он. — Здесь мой дом. Я должен остаться с Вебстерами.

— Но здесь нет больше Вебстеров.

— Они есть. Возможно, для вас их нет. Но для меня... Они живут в стенах этого дома. Живут в деревьях и склонах холма. Эта крыша укрывала их от непогоды, по этой земле они ходили. Они никогда не покинут свой дом.

Глупо звучит, конечно, подумал Дженкинс, но псам, похоже, это не казалось глупым. Они понимали Дженкинса. Много веков прошло, но они все еще понимали.

Он сказал тогда, что Вебстеры все еще здесь. В то время так оно и было. Но теперь он засомневался. Сколько столетий уже не слышно шагов на этой лестнице? Ему по-прежнему слышатся голоса в большой гостиной с камином, но, как ни вглядывайся, там никогда никого не увидишь.

Дженкинс шел лутом в лучах осеннего солнца — и вдруг в миле-другой от него здоровая трещина расположила стену, окружавшую муравьиное Здание. Трещина зазмеилась, поползла вниз, расширяясь и пуская во все стороны отростки. Куски материала, из которого состояла стена, отваливались, падали и катились по луку. А потом стена по обе стороны от трещины, словно разом утратив устойчивость, рухнула вниз. Облако пыли взвилось в воздух, и Дженкинс увидел большую рваную дыру.

Сквозь дыру просматривалось массивное здание, подобное высокогорному плато с отдельными, тут и там вздымающимися к небу пиками.

Дыра зияла в стене — и ничего больше не происходило. Оттуда не хлынули полчища муравьев, не выбежали взбудораженные роботы. Слово муравьи не знали, а если и знали, то не обращали внимания, словно им не было дела до того, что их Здание дало трещину.

Надо же — что-то случилось! Эта мысль вызвала у Дженкинса легкое удивление. Наконец-то в мире Вебстеров произошло какое-то событие.

Он пошел вперед, направляясь к дыре, — неторопливо, спешить было некуда. Пыль оседала медленно, от стены то и дело отваливался очередной кусок. Дженкинс перелез через обломки и вошел в Здание.

Внутри было темнее, чем снаружи, но тусклый свет все же просачивался сквозь то, что можно было назвать потолком. Здание не разделялось на этажи, оно беспрепятственно просматривалось вплоть до самого верха — океан воздушного пространства, уходящий ввысь, в парящие под небесами островерхие башни.

Дженкинс застыл от удивления: здание, по крайней мере на первый взгляд, казалось совершенно пустым. Затем он увидел, что это не совсем так. Стены и впрямь были голыми, но пол покрывали какие-то холмики. Приглядевшись, Дженкинс понял, что холмики эти — не что иное, как муравейники, и каждый из них увенчан какой-то странной металлической конструкцией, побле-

скивающей в полумраке. Холмики крест-накрест пересекали крошечные дороги, но все они выглядели полуразрушенными, кое-где их завалили миниатюрные оползни, избороздившие муравейники. Там и сям торчали дымовые трубы, но дым не курился над ними, и сами трубы где покосились, а где и вовсе попадали.

И ни одного муравья.

Дженкинс осторожно пробирался по проходам, разделяющим муравейники, все дальше углубляясь в Здание. Но муравейники везде были одинаковые — трубы уныло перекошены, дорожки разрушены и никакого намека на жизнь.

Разобрав наконец, что за конструкция венчает каждый муравейник, Дженкинс, наверное впервые в жизни, затрясся от смеха. Если и случалось ему когда-то смеяться, он такого не помнил, так как робот он был серьезный и ответственный. Но сейчас он стоял посреди мертвых муравейников, держась за бока, в точности как человек, и ощущая, как хохот сотрясает все его туловище.

Потому что конструкция представляла собой скульптуру, изображающую человеческую ногу — от середины бедра и до кончиков пальцев, — согнутую в колене и с оттянутой ступней, словно схваченную в момент, когда она с силой дает кому-то пинка.

Нога Джо! Пинающая нога сумасшедшего мутанта Джо!

Так давно это было, что Дженкинс уже и забыл — он даже немного обрадовался тому, что забыл, что он способен забыть, ведь он был уверен, что ничего не забывает.

Но теперь он вспомнил эту почти легендарную историю, вспомнил с самого начала, хотя уж кто-кто, а он-то знал, что история была вовсе не легендой, а самой настоящей бьюлью. Человек-мутант по имени Джо существовал на самом деле. Интересно, что случилось с мутантами? Внешне ничего особенного вроде как и не случилось. Жили когда-то на Земле мутанты, возможно, их было слишком мало, а потом они куда-то делись, и мир продолжал жить так, будто их никогда и не было.

Впрочем, не совсем так — ведь благодаря Джо появился муравьиный мир. Джо, как гласило предание, экспериментировал с муравейником. Накрыв его куполом, обогрел, сделал, наверное, что-то еще, о чем никто,

кроме него, не знает. Он изменил среду обитания муравьев и каким-то странным образом заронил в них искру величия, и со временем они создали разумную цивилизацию, если к муравьям вообще применимо понятие разума. А потом Джо напощал муравейнику ногой, опрокинул купол, распахал холмик и ушел прочь, заливаясь своим странным, визгливым, почти безумным и таким характерным для него смехом. Разрушил муравейник и забыл о нем. Но своим пинком он подтолкнул муравьев к развитию. Претерпев неожиданный удар, они не вернулись назад к своему прежнему безмозглому существованию, а начали бороться, стараясь сохранить все, чего успели достичь. Как ледниковый период во время плейстоцена подтолкнул эволюцию человеческой расы, так и мутант Джо толчком ноги направил муравьев на путь истинный.

И вдруг размышления Дженкинса прервал отрезвляющий вопрос. Как муравьи-то об этом узнали? Как они умудрились почувствовать или увидеть исходивший ниоткуда пинок? Может, какой-то муравьишка-астроном разглядел ногу Джо в телескоп? Да ну, ерунда какая-то, откуда там взяться астроному? Но как-то они все же сумели связать непонятную, расплывчатую субстанцию, на миг зависшую над их домом, с началом собственной цивилизации.

Дженкинс покачал головой. Видимо, тайна сия так и останется тайной. Факт остается фактом: муравьи каким-то образом прознали об истоках своего величия и водрузили на каждом муравейнике символ той загадочной субстанции. Памятник или объект религиозного поклонения? А может, что-то совсем другое, имеющее какой-то таинственный, ни для кого, кроме муравьев, непостижимый смысл?

В голове мелькнула мысль: быть может, муравьи потому и не тронули усадьбу Вебстеров, что знали об источнике своего величия? Но мысль показалась Дженкинсу слишком туманной, чтобы ломать над ней голову.

Он углублялся в Здание все дальше, лавируя в узких проходах между муравейниками и пытаясь разумом нащупать хоть какой-нибудь признак жизни, но ничего не находил. Здесь не осталось ничего живого, ни малейшего проблеска жизни, ни малейшего движения, указывающего на присутствие крошечных существ, которые должны были кишмя кишеть в почве.

Тишина и запустение, царившие кругом, объяли Дженкинса волной ужаса, но он заставил себя продолжить путь. Возможно, если пройти еще немного, картина изменится? А может, стоит крикнуть, попытаться привлечь к себе внимание... Но рассудок говорил ему, что муравьи, даже если они здесь есть, не услышат его крика. И вообще, ему как-то не хотелось нарушать безмолвие этого места. словно он понимал, что здесь положено вести себя тихо и незаметно.

Все кругом мертво.

Даже робот, которого он нашел.

Робот лежал в одном из проходов, приткнувшись спиной к муравейнику. Дженкинс столкнулся с ним, когда огибал очередной муравьиный холм. Робот безвольно обмяк, если можно сказать так о роботе, и Дженкинс, увидев его, застыл на тропинке как вкопанный. В том, что робот мертв, не было никаких сомнений. Никакого движения жизни не ощущалось под черепом, и Дженкинсу вдруг показалось, что сам шар земной прекратил свое вращение.

Потому что роботы не умирают. изнашиваются, это да, или ломаются настолько сильно, что уже не поддаются починке, но даже тогда в мозгу продолжает что-то тикать. За свою жизнь Дженкинс ни разу не слышал об умерших роботах, а он-то уж слышал бы, если б такое приключилось.

Роботы не умирают. Но вот перед ним лежит мертвый робот — и что-то говорило Дженкинсу, что это не единственный покойник, что умерли все роботы, служившие муравьям. Все роботы и все муравьи, а Здание осталось стоять — пустой символ несбывшихся амбиций или же цивилизации, зашедшей в тупик. Где-то муравьи допустили ошибку, но кто в этом виноват? Уж не Джо ли, накрывший муравейник куполом? Может, купол стал для муравьев единственным и конечным смыслом бытия? Может, они решили, что обретут величие, воздвигнув себе купол — необходимое условие для достижения еще большего величия?

Дженкинс повернул обратно. И в ту же минуту высоко над головой треснул потолок. Трещина со скрежетом и скрипом побежала вперед.

Дженкинс вынырнул из дыры и очутился на лугу. За спиной с грохотом обвалилась часть крыши. Он обернулся и увидал, как здание, расплываясь по швам, ру-

шится вниз, как падают обломки на мертвые муравейники, погребая под собой изображения человеческой ноги, венчавшие холмики.

Он медленно побрел через лут наверх, к дому Вебстеров. Добравшись до внутреннего дворика, он заметил, что разрушение муравьиного здания ненадолго приостановилось. Большая часть стены уже обвалилась, огромная дыра зияла в Здании, ранее защищенном стеной.

Этот обычный осенний день, подумалось Дженкинсу, знаменует собой начало конца. Он был свидетелем того, как зарождалась цивилизация, а теперь он наблюдает ее конец. И снова он задал себе вопрос: как же долго она просуществовала? И снова пожалел, но как-то вяло, вскользь, о том, что перестал вести счет времени.

Люди ушли, и псы ушли, и все роботы, кроме него, тоже. А теперь и муравьи ушли. Все покинули Землю, кроме одного неуклюжего старика-робота и маленьких луговых мышек. Может, рыба еще осталась и прочие морские твари? Разум, подумал Дженкинс. Разум давался с трудом и существовал недолго. Придет день, подумал Дженкинс, и новый разум может возникнуть из моря. Но в глубине души он в это не верил.

Муравьи сами себя замуровали. Их мир был закрытым миром. Может, поэтому они потерпели крах — потому что им не осталось куда идти? Или их мир был закрытым с самого начала? Муравьи появились на Земле в юрский период, 180 миллионов лет назад, если не раньше. За миллионы лет до появления первобытных предков человека муравьи уже установили определенный общественный порядок. И на этом остановились. То ли их вполне удовлетворял их образ жизни, то ли они неспособны были к развитию? Муравьи обеспечили себе безопасность — и этого им явно хватало и тогда, в юрский период, и миллионы лет спустя. Купол Джо обеспечил муравьям более надежную защиту и позволил им направить усилия на дальнейшее развитие, если, конечно, у них достало бы на это способностей. Способностей-то у них хватило, сказал себе Дженкинс, но старая идея безопасности по-прежнему доминировала. Муравьи оказались не в силах ее перебороть. А может, они и не пробовали с ней бороться и не считали, что должны сбросить ее бремя со своих плеч? Уж не эта ли старая привычная безопасность их и сгубила?

С гулким треском, эхом прокатившимся до самого горизонта, обвалилась еще одна секция крыши.

Интересно, подумал Дженкинс, к чему могли стремиться муравьи? Ну, обеспечить безопасность, а еще? Может быть, накопить запасы? Заграбастать все земные ценности и припрятать на черный день? В принципе, это другая сторона фетиша безопасности. Нечто вроде религии, что ли, — изображения пинающей ноги, водруженные на муравейники, вполне могли быть религиозными символами. И опять все та же безопасность: обеспечение безопасности муравьиной души. Покорение космического пространства? Но муравьи, похоже, покорили его: для таких малюсеньких существ шар земной — настоящая Галактика. Они завоевали ее, не подозревая, что за ее пределами лежит еще более безбрежная Галактика. Но даже покорение пространства может быть еще одним средством достижения безопасности.

Да нет, все это чепуха. Он приписывает муравьям человеческий образ мышления и тем самым, наверное, многое упрощает. Не исключено, что муравьиное сознание имеет свою, самобытную закваску, непостижимую направленность и неизвестный этический кодекс, который никогда не был частью — или не мог быть частью — человеческого сознания.

Размышляя об этом, Дженкинс с ужасом понял, что, рисуя портрет муравья, он нарисовал портрет человека.

Он подошел к креслу и уселся, устремив взгляд за луг, к муравьиному Зданию. Здание продолжало валиться внутрь самого себя.

Но человек, вспомнил Дженкинс, оставил после себя кое-что. Псов оставил, и роботов тоже. А что оставили после себя муравьи? На первый взгляд вроде бы ничего — хотя как знать?

Человеку этого знать не дано, сказал себе Дженкинс, и роботу не дано, ибо робот тоже человек, пусть не из крови и плоти, но во всех других отношениях. Муравьи создали свою социальную структуру в юрский период или раньше и существовали в ее рамках миллионы лет... Возможно, именно в этом кроется причина их неудачи — они были слишком связаны своей структурой, впечатаны в нее так жестко, что не могли от нее освободиться.

А сам я? — спросил себя Дженкинс. Как насчет меня самого? Я так же неотделим от социальной структуры человечества, как муравьи от муравейника. Конечно, он, Дженкинс, прожил меньше миллиона лет, но все равно прожил долго, слишком долго — если не в самом человеческом обществе, то в воспоминаниях о нем. И жил он так долго благодаря тому, что воспоминания о прошлом давали ему чувство безопасности.

Он сидел не шевелясь, пораженный этой мыслью, — вернее, тем фактом, что позволил себе такую мысль.

— Никогда нам не познать, — сказал он вслух. — Никогда не познать самих себя.

Он откинулся на спинку кресла и подумал о том, насколько нетипично для робота такое занятие — сидеть в кресле. Раньше он никогда не сидел. Видно, человеческое начало в нем дает себя знать. Он прислонил голову к мягкой спинке и опустил оптические фильтры, чтобы не видеть света. Заснуть, подумал он. Интересно, как себя чувствуешь во сне? А может, робот в муравьином Здании... Да нет, робот был мертв, он не спал. Все пошло наперекосяк, сказал себе Дженкинс. Роботы не спят и не умирают.

До него доносились звуки рушащегося Здания, осенний ветерок шуршал на лугу травой. Дженкинс напрягся, чтобы услышать, как бегают по туннелям мышки, но они затаились. Притихли и выжидали. Он чувствовал, как они замерли в ожидании, инстинктивно подозревая что-то неладное.

И тут до него донесся совершенно чуждый, новый звук — тихий свист, неслыханный, непривычный.

Дженкинс открыл фильтры, резко выпрямил спину и увидел прямо перед собой корабль, приземляющийся на лугу.

Мыши засуетились, забегали, напуганные до смерти, а корабль легко, словно перышко, уселся на траву.

Дженкинс вскочил, направил на корабль все свои органы чувств, но не смог проникнуть сквозь обшивку, как раньше не мог проникнуть в муравьиное Здание, пока оно не начало разрушаться.

Он стоял во внутреннем дворике, совершенно выбитый из колеи появлением корабля. Неудивительно, что это потрясло его так сильно, ведь на Земле давно уже не случалось ничего неожиданного. Дни сливались в один бесконечный день — дни, годы, века, такие одно-

образные, что различить их не было никакой возможности. Время неспешно катило вперед, подобное полноводной реке без порогов. А сегодня вдруг обвалилось муравьиное Здание и приземлился корабль.

В корабле открылся люк, оттуда высунулся трап. По трапу спустился робот и поспешил через луг к дому Вебстеров. У входа во внутренний дворик он остановился.

— Привет, Дженкинс, — сказал робот. — Я так и знал, что найду тебя здесь.

— Ты ведь Эндрю, верно?

Эндрю хихикнул:

— Стало быть, ты меня не забыл.

— Я ничего не забываю, — сказал Дженкинс. — Ты улетел последним. Ты и еще двое — вы закончили строительство последнего корабля и покинули Землю. Я стоял и смотрел вам вслед. Что вы нашли там, в космосе?

— Ты называл нас дикими роботами. Похоже, ты считал нас чокнутыми.

— Скажем, необычными.

— А что для тебя обычно? Жить в грезах? Жить воспоминаниями? Ты, должно быть, порядком устал от такой жизни.

— Не то чтобы устал... — голос Дженкинса дрогнул. — Эндрю, муравьи потерпели поражение. Они мертвы. Их Здание рушится.

— Стало быть, конец мутанту Джо. И Земле конец. Больше ничего не осталось.

— Остались мыши, — сказал Дженкинс. — И дом Вебстеров.

Он опять вспомнил тот день, когда псы подарили ему на день рождения новенькое с иголки тело. Замечательное тело. Не ржавеет, и кувалдой его не пробьешь, и такая в нем чувствительная начинка, о какой только можно мечтать. Дженкинс до сих пор носил его, и тело было как новое. Стоило лишь чуть-чуть отполировать грудные пластины, как проступала четкая гравировка: «Дженкинсу от Псов».

Он был свидетелем того, как люди улетали на Юпитер, чтобы стать там чем-то большим, нежели человек; как Вебстеры погрузились в Женеве в беспробудный, вечный сон; как псы и другие звери ушли в мир гоблинов и как теперь наконец исчезли с лица Земли муравьи.

Дженкинс поразился, осознав, как много значит для него гибель муравьев. Будто кто-то пришел и поставил последнюю точку в писаной истории Земли.

Мыши, подумал он. Мыши и усадьба Вебстеров. Хватит ли этого, чтобы перевесить корабль на лугу? Воспоминания — осталось от них еще что-нибудь или они уже совсем поблекли? Можно ли сказать, что он отдал все свои долги? Истратил всю свою преданность, всю до последней капельки?

— Там есть другие планеты, — сказал Эндрю. — И жизнь на некоторых встречается, даже разумная. Там есть чем заняться.

Он не может уйти в мир гоблинов вслед за псами. В свое время Вебстеры ушли с дороги, чтобы не мешать псам развиваться самостоятельно, без человеческого вмешательства. Если так поступили Вебстеры, то ему негоже поступать иначе. В конце концов, он тоже Вебстер. Он не имеет права навязывать псам свое общество, он не должен вмешиваться.

Да, он хотел обрести забвение, отказавшись от счета времени, но потерпел неудачу, ибо роботы не умеют забывать.

Муравьев он всегда считал бессмысленными созданиями. Не любил их, порой даже ненавидел — ведь не захвати они Землю, псы остались бы здесь. Но теперь он понимал, что всякая жизнь имеет смысл.

Конечно, есть еще мыши, но мышей лучше оставить в покое. Они последние теплокровные на Земле, и не следует им мешать. Им никто не нужен, они ничего не хотят, им и так хорошо. Они должны быть предоставлены своей собственной судьбе, и если им суждено так и остаться просто мышами, то ничего дурного в этом нет.

— Мы пролетали мимо, — сказал Эндрю. — Может, никогда больше и не появимся поблизости.

Еще два робота вылезли из корабля и зашагали по лугу. Обвалилась очередная часть стены вместе с крышей. Здесь, на холме, шум падения казался приглушенным, словно Здание рушилось гораздо дальше, чем на самом деле.

Значит, все, что у него осталось, — это усадьба Вебстеров, но усадьба давно уже только символ той жизни, что кипела когда-то под крышей дома. Обыкновенные камни, дерево и металл, и ничего более. Лишь в

его сознании, сказал себе Дженкинс, они обретают какое-то значение, чисто психологическое значение.

Загнанный в угол, Дженкинс признал и последнюю горькую истину. Он никому не нужен здесь. Он оставался тут исключительно ради себя самого.

— У нас приготовлено местечко для тебя, — сказал Эндрю, — и ты нам нужен.

Пока жили муравьи, Дженкинс даже не помышлял о том, чтобы оставить Землю. Но муравьев больше нет. Хотя, если честно, какая разница? Он не любил муравьев.

Дженкинс повернулся и слепо, спотыкаясь, побрел из дворика в дом. Стены взывали к нему. И голоса взывали — тени из прошлого. Он стоял и слушал их и вдруг с изумлением заметил, что голоса-то он слышит, но слов уже не разбирает. Когда-то он слышал слова, но теперь они растаяли, как, наверное, со временем растают и голоса. Дом опустеет, притихнет, а воспоминания совсем поблекнут. Они и сейчас уже не такие живые, как прежде; годы стерли яркие краски.

Когда-то здесь царило веселье, ныне же поселилась печаль. И не только печаль опустевшего дома — печаль осиротевшей Земли, печаль поражений и бесплодных побед.

Дерево сгниет с годами, металл рассыплется, камни обратятся в прах. Пройдет время, и дом исчезнет, останется только холм — могильный курган на месте бывшей усадьбы.

Все оттого, что он живет слишком долго, подумал Дженкинс. Слишком долго живет и ничего не забывает. Вот что будет труднее всего — он никогда ничего не сумеет забыть.

Он повернулся, прошел обратно во внутренний дворик. Эндрю ждал его, стоя на нижних ступеньках трапа.

Дженкинс попытался сказать: «До свидания» — и не смог. Если бы только он мог заплакать, подумал он. Но роботы не умеют плакать.

Содержание

ИМПЕРИЯ, роман	5
Уиксон Д. Предисловие к итальянскому изданию «Империи» Клиффорда Д. Саймака, <i>перевод И. Васильевой</i>	7
Империя, перевод И. Васильевой	12
ГОРОД, роман	181
Предисловие автора, <i>перевод И. Васильевой</i>	183
Город, перевод Л. Жданова	188
Комментарий автора, перевод И. Васильевой	416
Эпилог, перевод И. Васильевой	418

Миры Клиффорда Саймака кн.13 / Пер с англ. —
Рига: Полярис, 1994. — 431 с.

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

**Полное собрание
фантастических произведений в 16 томах**

Книга тринадцатая

Составитель *В. Быстров*

Главный редактор *А. Захаренков*

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редактор *С. Каверина*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Н. Дундина, Е. Ошуркова*

Оператор компьютерной верстки *А. Дашкевич*

Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*

Иллюстрации: *А. Кириллов*

Оформление шмуцтитолов: *В. Ковалев*

ЛР № 062455 от 3.10.94

Подписано в печать 10.11.94. Формат 84х108/32

Гарнитура Балтика. Бумага типографская. Печать высокая.

Усл. печ. л. 22,68. Тираж 25 000 экз. Заказ № 114.С 048.

Издательская фирма «Полярис»

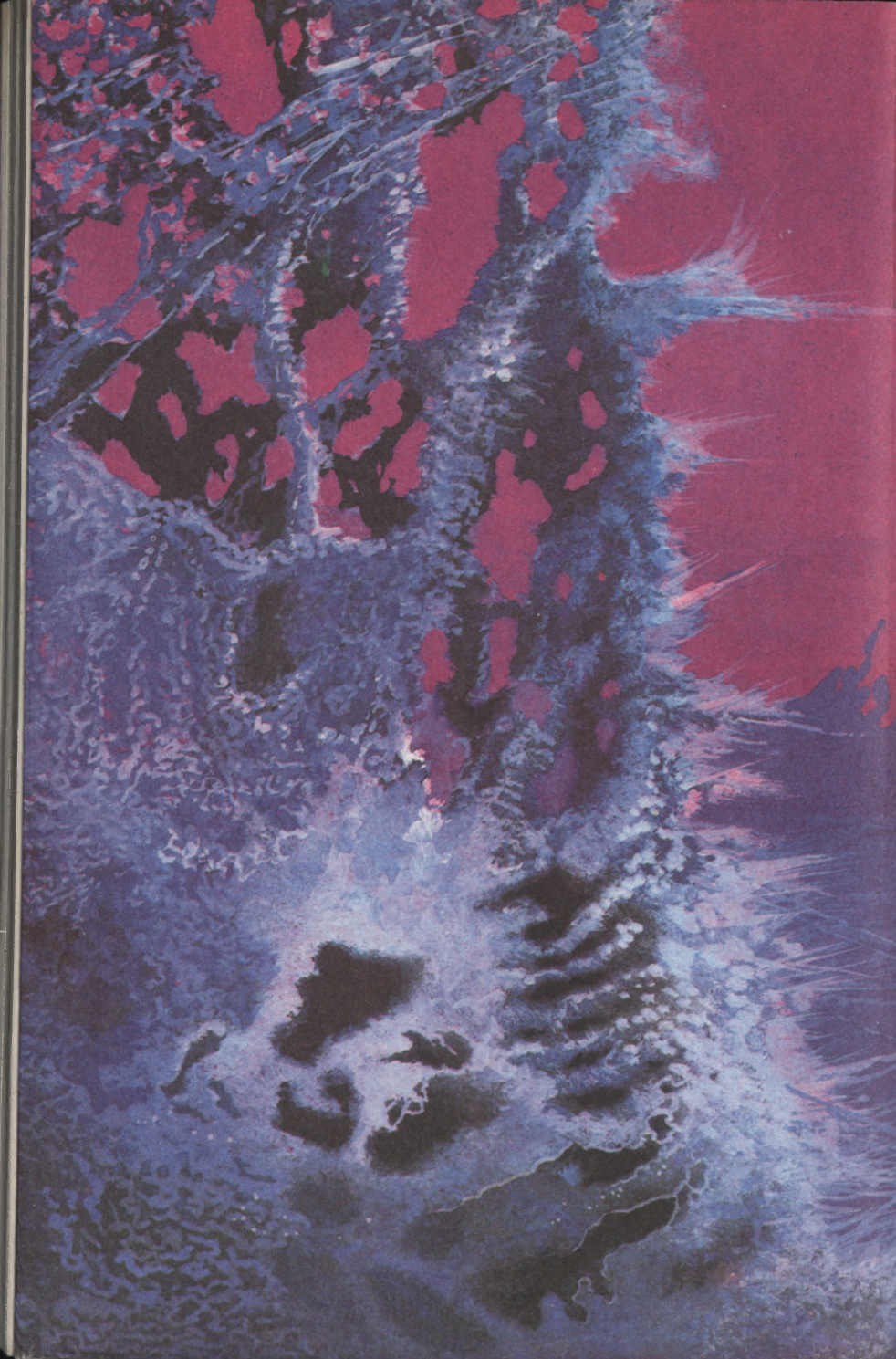
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

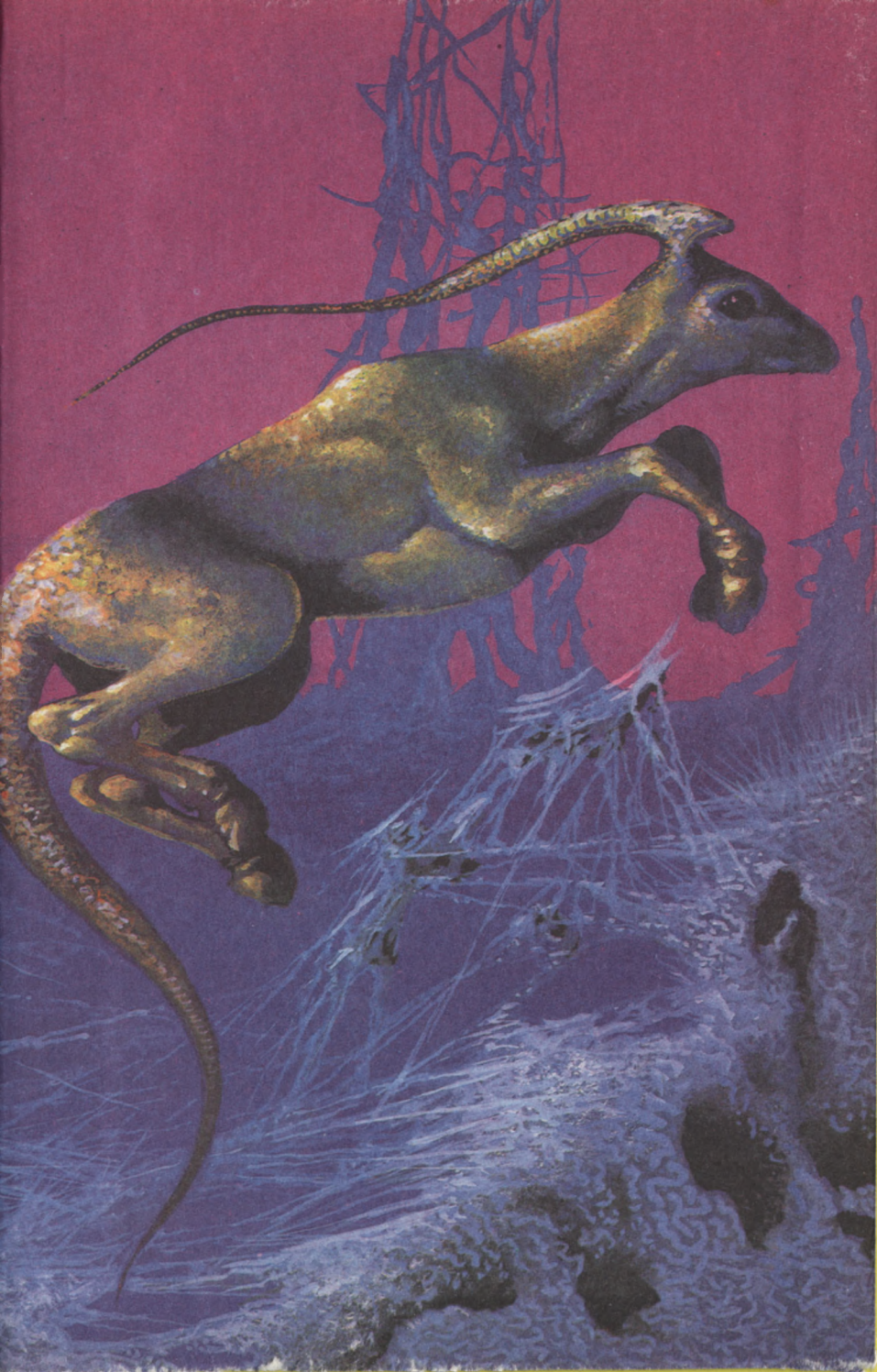
Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР

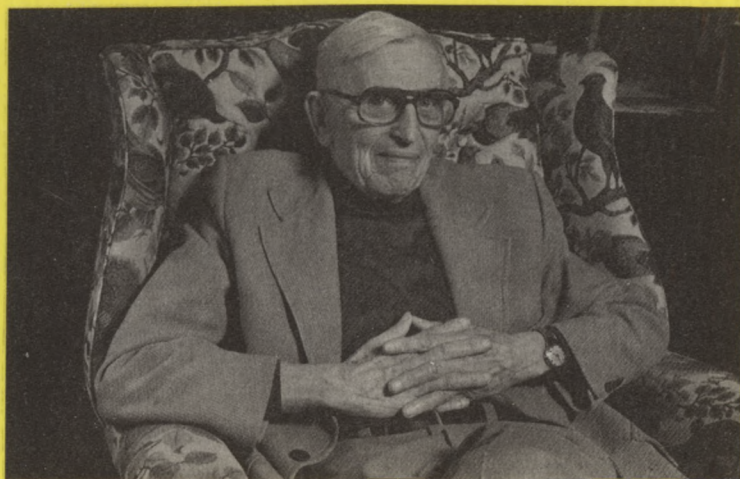
Комитета Российской Федерации по печати.

170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publisher